

XIII

ПЕТЕРГОФ
— Государственный музей-заповедник —

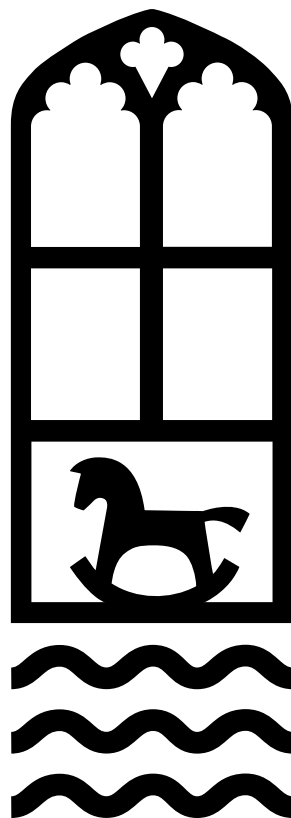

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ДЕТСТВО ВО ДВОРЦЕ

XIII

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**ДЕТСТВО
ВО ДВОРЦЕ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

УДК 728
ББК 85.1
Д38

Печатается по решению Редакционно-издательского совета ГМЗ «Петергоф»

Координация проекта

к. культ. Р. В. Ковриков

Подготовка издания

И. В. Герасимов, В. Б. Демкович, к.и.н. М. А. Катцова, к. культ. А. В. Ляшко, д.и.н. П. В. Петров,
С. А. Пранцузова, М. И. Юшманова (ответ.)

Ответственный редактор

к.и.н. А. С. Белоусов

Редактор, корректор

к. фил. н. Т. А. Алексеева

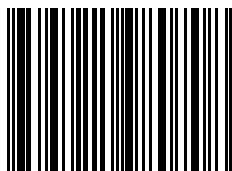
Дизайн, верстка

М. П. Копытова

Д38

Детство во дворце: Сборник статей по материалам XIII научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». – СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2023. – 272 с., ил.

ISBN 978-5-91598-070-8

9 785915 980708

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР ДЕТСТВА РОМАНОВЫХ

Зимин И. В. ▶ Бабушкины подарки для внуков (по материалам изустных указов Екатерины II)	9
Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. ▶ «Моя гениальная находка»: из истории одежды детей в императорских покоях и создания императрицей первого детского комбинезона	15
Митина Е. И. ▶ «Русский» костюм как маркер детства	22
Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. ▶ Дети великого князя Владимира Александровича и их жизнь во дворцах Петербурга	29
Новикова О. В. ▶ Детские покои князя Иоанна Константиновича в Мраморном дворце	40
Акимова В. М. ▶ Штайффовские игрушки детей императора Николая II	50
Сидорова М. В. ▶ Романовы. Мир детского рисунка	58

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ДЕТСТВА

Новокрещенова Е. С. 69
▶ **Великие княжны Мария, Елизавета и Екатерина Михайловны в Ораниенбауме в 1837 г.**

Казанина Н. В. 79
▶ **Художественное наследие путешествия великого князя Константина Николаевича в Константинополь и к греческим островам в 1845 г.**

Ушакова Т. А. 89
▶ **«Такая радость снова быть у себя дома на воде»: путешествия семьи Николая II на яхте «Штандарт»**

КОРМИЛИЦЫ, ВОСПИТАТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ

Рубаник А. В. 101
▶ **Красносельские крестьянки – кормилицы великих князей Михаила Павловича и Михаила Николаевича**

Долгушин Д. В. 109
▶ **Петр Александрович Плетнев – учитель словесности царских детей**

Романенчук К. В. 119
▶ **Педагогическая деятельность Александры Петровны Оллонгрэн**

Плотникова Ю. В. 125
▶ **«Драгоценные шумные». Игры и учеба великой княжны Анастасии Николаевны и цесаревича Алексея Николаевича в письмах и дневниках**

Эльман В. Е. 132
▶ **Учителя дочерей Николая II до 1917 г.**

ВОСПИТАНИЕ НАСЛЕДНИКОВ

- Спашанский А. Н. 145
▶ **Методика воспитания детей во второй половине XVIII в. на примере иностранных книг**
-
- Stange J. U. 156
▶ **The Impact of childhood experiences on government action using the example of Emperor Peter III**
-
- Борисова А. В. 165
▶ **Обучение и воспитание в придворном мире: наследник престола великий князь Александр Павлович и Ф.-С. Лагарп**
-
- Сидорова А. Н. 173
▶ **Нравственное и этикетное воспитание детей Николая I (по дневникам великих князей из фондов Государственного архива Российской Федерации)**
-
- Сабенина А. В. 183
▶ **Воспитание и образование детей императора Николая II по воспоминаниям современников и документам Государственного архива Российской Федерации**
-

ДВОРЦЫ В ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ДЕТЕЙ

- Щербакова М. С. 191
▶ **Воспитанные в особняке: повседневная жизнь в дошкольных учреждениях Петрограда и Петроградской губернии в 1918–1921 гг.**
-
- Юшманова М. И. 203
▶ **«Музей не удовлетворен этой работой и сомневается...»: диалог взрослых и детей в Петергофских дворцах-музеях 1920–1930-х гг.**
-
- Офицерова Е. В. 216
▶ **Советское детство на фоне царицынских дворцов: 1918 – конец 1940-х гг.**
-
- Плотникова О. В. 228
▶ **Китайский дворец-музей для школьников во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.**
-

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сохраняя память. Ораниенбаум в документах
и воспоминаниях

Конюхова Е. В.

► Герцог Георгий Мекленбург-Стрелицкий.
Документальные свидетельства детства

235

► Неоконченная автобиография
герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого

245

Чечот И. О.

► Когда мы жили во дворце

267

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР ДЕТСТВА РОМАНОВЫХ

► БАБУШКИНЫ ПОДАРКИ ДЛЯ ВНУКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗУСТНЫХ УКАЗОВ ЕКАТЕРИНЫ II)

ЗИМИН ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ

Доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Отечества, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И. П. Павлова

197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Л. Толстого, 6/8

30maler@mail.ru

Статья посвящена подаркам, которые августейшая бабушка Екатерина Великая преподносила своим внукам и внучкам. Основой исследования послужили изустные указы императрицы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива и охватывающие период с 1778 по 1796 гг. Судя по изученным архивным документам, номенклатура подарков была довольно широкой и менялась по мере взросления детей. По большей части, это были детские игрушки, которые государыня традиционно приобретала у нюрнбергских мастеров. Цена этих подарков варьировалась: от десятков до нескольких тысяч рублей. Наряду с игрушками в качестве подарков в документах упоминаются меховые вещи, фортепиано, ювелирные изделия, книги и эстампы. Как правило, бабушка дарила своим внукам подарки на дни рождения и тезоименитства.

Ключевые слова: Екатерина II, подарки, игрушки, Александр Павлович, Константин Павлович, изустные указы

Взросление любого ребенка связано с игрушками. Причем для ребенка игрушкой может стать любая, даже случайная вещь. «Взрослая» или «детская», дорогая или дешевая — без разницы. При этом взрослые стараются, чтобы ребенок получал игрушки «по возрасту» и чтобы они по возможности носили развивающий характер. В играх именитых детей присутствовала определенная специфика, обусловленная их высоким происхождением. Проще говоря, у царских детей и игрушки были «царские», что было связано с их высокой ценой, тщательной отделкой, использованием драгоценных материалов и пр. Например, в коллекции Государственного Эрмитажа хранятся несколько таких статусных игрушек¹.

Кроме того, многие из царских игрушек на почти подсознательном уровне воспитывали у детей то, что сейчас принято называть «чувством историзма», поскольку часть этих игрушек передавалась из поколения в поколение или, по крайней мере, бережно хранилась в дворцовых запасниках.

Подарки бабушек для внуков — совершенно обычное дело для всех времен и народов. На уровне первых лиц такие подарки тоже были вполне привычны, причем они могли быть и очень дорогими, и самыми дешевыми, и даже самодельными.

1 Например: Карета-игрушка. Германия, Аугсбург. 1652 // Государственный Эрмитаж. Э-2491; Карета-игрушка. Западная Европа. XVIII в. // Государственный Эрмитаж. Э-6797.

► GRANDMA'S GIFTS FOR GRANDCHILDREN (BY MATERIALS OF CATHERINE II'S ORAL DECREES)

ZIMIN IGOR' VIKTOROVICH

Grand PhD in History, Head of the Department of Russian History, Pavlov First St. Petersburg State Medical University

6/8, L.Tolstogo st., St.Petersburg, 197022, Russia

30maler@mail.ru

The article is devoted to the gifts that the august grandmother Catherine the Great presented to her grandchildren and granddaughters. The study was based on the oral decrees of the Empress, stored in the funds of the Russian State Historical Archive and covering the period from 1778 to 1796. Judging by the studied archival documents, the nomenclature of gifts was quite wide and changed as the children grew up. For the most part, these were children's toys that the empress traditionally purchased from the Nuremberg masters. The price of these gifts varied from several thousand to tens of rubles. Along with toys, fur items, pianos, jewelry, books and prints are mentioned as gifts in the documents. As a rule, the grandmother gave her grandchildren gifts for birthdays and namesakes.

Key words: Catherine II, gifts, toys, Alexander Pavlovich, Konstantin Pavlovich, oral decrees

И. Е. Забелин в труде «Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях» неоднократно упоминал о покупках игрушек для царских детей. Так, в 1628 г. для царевны Ирины «в хоромы на потешные куклы» были куплены «два вершка отласов и камок разных цветов», а в 1629 г. для царевны Ирины «в хоромы на потешные куклы» купили «вершок отласу золотого»².

Всегда при царском дворе в ходу были и игрушки, произведенные отечественными мастерами. Так, в 1721 г. для царских детей были куплены в Москве и отправлены в Санкт-Петербург деревянные игрушки: «три коровы, два коня, два оленя, четыре барана, две пары лебедей, два петуха, одна утка, при ней трое детей, город с солдатами, три баула <...>»³.

Привозили в Россию и европейские игрушки. Следует отметить, что в XVIII в. уровень привозных европейских игрушек тоже был очень разным: от простых раскрашенных солдатиков до сложных антропоморфных механизмов. Одним из центров производства игрушек был баварский город Нюрнберг. Сложные механические игрушки изготавливались также во Франции и Англии.

Подчеркнем, что в XVIII в. необычайную популярность при европейских дворах приобрели сложные механические игрушки. В силу их сложности и дороговизны они скорее предназначались для развлечения взрослых, чем для детей. Но и дети могли играть с такими игрушками, только под надзором взрослых. Например, такие антропоморфные игрушки делал французский механик Жак де Вокансон.

Механические игрушки начали появляться при Московском дворе еще в XVII в., примером тому — механические львы в Коломенском дворце. Были и камерные механические игрушки. Так, в 1716 г. Петр I, находясь в Копенгагене, приобрел для своего сына царевича Петра Петровича маленький серебряный с пружинками кораблик, который «имеет движение и ходит по столу»⁴.

Екатерина II тоже дарила своим внукам и внучкам игрушки, как это делают все бабушки. Тем более, что она относилась к тому типу бабушек, которых принято именовать «сумасшедшими», поскольку ее нереализовавшееся материнство в полном объеме обрушилось на любимых внуков — Александра и Константина.

Об этом много написано, однако приводимый в литературе фактический материал крайне фрагментарен. При этом в Российском государственном историческом архиве хранится корпус документов, охватывающий весь период правления Екатерины II, именуемый «Изустными указами». В этих документах отложились денежные счета за весь период царствования императрицы, в том числе и суммы, потраченные на подарки внукам. Эти архивные материалы позволяют дополнить наши представления как об отношениях в императорской семье, так и о самой императрице.

Судя по документам, впервые детские игрушки были доставлены в Зимний дворец для внуков императрицы в 1779 г. (счет за июнь на 332 руб.) купцами Риттером, Торнтоном и Келли⁵. Вероятно, игрушки купили для великого князя Александра, которому тогда было полтора года. К сожалению, эти счета, как правило, «слепые», поскольку в них не указывалась номенклатура приобретаемых бабушкой подарков.

Со временем у Екатерины II сложились две группы поставщиков игрушек для императорского двора. Первая — европейские поставщики, преимущественно «нюрнбержецы». Вторая — российские поставщики. **1**

В списке иностранных поставщиков лидирует нюрнбергский купец Сейлер, у которого за девять лет по 13 счетам приобрели игрушки на 6227 руб. Номенклатура игрушек в счетах

2 Цит. по: Уханова И. Н. Игрушки в собрании Государственного Эрмитажа. СПб., 2011. С. 47.

3 Там же.

4 Там же. С. 96.

5 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 1. Д. 3894.

не расширялась, и упоминались только обезличенные «детские игрушки». В ноябре 1783 г. в его счете наряду с обычными детскими игрушками упоминаются купленные императрицей для подростков внуков некие «картины»⁶.

Более разнообразны по номенклатуре счета российских поставщиков — например, счета за приобретенные для внуков шубки и муфты. Первый из них пришелся на ноябрь 1780 г., когда старшему Александру было почти три года⁷. Меха дарились и позже. Например, в феврале 1786 г. Екатерина II купила «для Их Императорских Высочеств великих князей Александра Павловича и Константина Павловича на два сюртука горностаевый один мех; на прибавку к двум собольим шубам и на две шапки 51 соболь; на два гусарских платья 14 соболей»⁸.

В декабре 1781 г. Екатерина II оплатила «игрушечный домик для Его Императорского Высочества великого князя Александра Павловича» (300 руб.)⁹. Это очевидный подарок бабушки к дню рождения внука, которому исполнилось четыре года. Трудно сказать, что это был за «игрушечный домик»: либо это был домик, какие впоследствии покупались и устанавливались в залах императорских резиденций, либо это был нюрнбергский игрушечный домик, привезенный в Россию иностранными купцами. Цена в 300 руб. вполне сопоставима за оба варианта. Нюрнбергские игрушечные домики оснащались полной обстановкой, миниатюрной посудой и были безумно дороги. В литературе упоминается их стоимость в 5000–10 000 руб. в последующие времена¹⁰.

Говоря об оплате подарков, следует иметь в виду, что их, как правило, оплачивали спустя некоторое время после получения. Поэтому о поводе для подарка мы можем говорить только вероятно. Например, в апреле 1782 г. Екатерина II приказала оплатить еще один домик, сделанный «для великих князей Александра Павловича и Константина Павловича в Царском Селе» (200 руб.)¹¹. Мы можем предположить (с учетом формулировки «сделанный»), что этот миниатюрный домик был изготовлен русскими мастерами и установлен в одном из залов Екатерининского дворца в Царском Селе. Судя по дате оплаченного счета, этот подарок предназначался сразу для обоих внуков — пятилетнего Александра (рождение — декабрь 1777 г., Зимний дворец) и трехлетнего Константина (рождение — апрель 1779 г., Царское Село). По традиции, двор Екатерины II переезжал в Царское Село в апреле, и именно к этому переезду для детей был приготовлен игрушечный домик.

Любопытно, что среди счетов упоминаются игрушечные «хиты» того времени, причем их покупали как у русских, так и у германских поставщиков игрушек. Так, в феврале 1781 г. купцу Сенеу был оплачен счет в 700 руб. «за купленную у него в комнату Его Императорского Высочества великого князя Александра Павловича движущуюся картину»¹². В августе того же года нюрнбержцу Гетте выплатили 110 руб. за «латерну-магику»¹³. Видимо, речь идет о различных модификациях устройства для проекции движущихся картинок, которое в России долго именовали «волшебным фонарем». Для 1780-х гг. это была модная новинка, которая производила огромное впечатление не только на детей (в 1781 г. Александру шел четвертый год), но и на взрослых. Конструкций этого оптического проектора было множество, но принцип действия примерно одинаковым: луч света пробивал меняющиеся «слайды», порождая иллюзию движения. В «Философском словаре» С.-П. Ришле (1791 г.) «латерна-магика» определяется как «маленькая машина, которая показывает в темноте

6 РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3898. Ноябрь.

7 Там же. Д. 3895. Ноябрь.

8 Там же. Д. 3901. Февраль.

9 Там же. Д. 3896. Декабрь.

10 Игрушка, ее история и значение. Москва, 1912. С. 27.

11 РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3897. Апрель.

12 Там же. Д. 3896. Февраль.

13 Там же.

на белой стене различные призраки и страшные чудовища; таким образом, тот, кто не знает секрета, думает, что это делается с помощью магического искусства»¹⁴.

Дарила императрица внукам и детское оружие. Это были вполне функциональные ружья и пистолеты, которые изготавливали лучшие оружейники империи. Так, в апреле 1781 г. бабушка выплатила «ружейным мастерам Пермякову и Адолфу, за сделанные для Его Императорского Высочества великого князя Александра Павловича ружья и пистолеты каждому по 500 руб.»¹⁵ — всего 1000 руб. Отметим, что Александру на момент подарка шел только четвертый год. Когда Александр подрос, бабушка на его тезоименитство в 1787 г. подарила внуку «бриллиантовую шпагу» стоимостью в 5000 руб., изготовленную «золотарем Дюко для Его Императорского Высочества великого князя Александра Павловича»¹⁶.

Больше по возрасту маленьким великим князьям пришлось серебряные барабаны, изготовленные серебряником Потаповым и обошедшиеся императрице в 136 руб. (декабрь 1782 г.)¹⁷. Это был подарок бабушки на пятый день рождения великого князя Александра Павловича. Видимо, игрушка так пришлась детям по вкусу, что на трехлетие Константина бабушка подарила и ему «серебряный с прибором барабан», изготовленный серебряником Блумом (210 руб.) и помещенный в футляр, оклеенный бархатом (работа переплетчика Шубаца — 75 руб.). Екатерина оплатила второй барабан в мае 1783 г.¹⁸

В октябре 1783 г. Екатерина II оплатила четыре деревянные лакированные лошадки, с седлами и со всем убором. Лошадки обошлись бабушке почти в 5000 руб.¹⁹ Тогда для своих маленьких внуков Екатерина II повторила свой подарок сыну — великому князю Павлу Петровичу, которому в свое время тоже была преподнесена классическая лошадка-качалка с удобным кожаным седлом, настоящими подковами, стременами и удилами. На потнике из красного сукна был выткан вензель императрицы. В работе над лошадками уже для внуков принимала участие целая команда высококлассных специалистов: резчик по дереву Мильер, золотошвей Молнер и седельный мастер Лингель²⁰.

Довольно много заказов на подарки для детей Екатерина II размещала у своих ювелиров. Например, в феврале 1784 г. ювелиру Хассельгрёну была заказана детская золотая погремушка для первой внучки — великой княжны Александры Павловны, родившейся в августе 1783 г.²¹ В сентябре 1784 г. на очередное тезоименитство внука Александра (август) бабушка подарила ему петлицу к шляпе, украшенную 238 бриллиантами (43 карата), стоимостью в 3060 руб.²² Тогда же для великих князей Александра и Константина в Алмазной мастерской Хассельгрёна были оплачены изготовленные «четыре натуральные тросточки; за сделание к ним золотых набалдашников; для Александра Павловича золотые

14 Цит. по: *Садуть Ж.* Всеобщая история кино. Т. 1. М., 1958 (электр. изд.). URL: <https://litlife.club/books/182657/read?page=28> (дата обращения: 26.09.2023).

15 РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3896. Апрель.

16 Там же. Д. 3902. Август.

17 Там же. Д. 3897. Декабрь.

18 Там же. Д. 3898. Май.

19 Там же. Октябрь.

20 «Щет за сделанные для Их Императорских Высочеств четыре лошади и для них уборы: рещику Мильеру за четыре деревянные лакированные и с серебром лошадки за каждую по 300 руб. — 1200; золотошвею Молнеру: за шитье генерал-майорского чепрака по зеленому бархату с орлами так же на переди седло 120; то же пуңцовому бархату 120; вышиты двое гусарских чепраков серебром также и седлы каждый чепрак по 120 руб. — 240; вышиты обе попоны по алому сукну с вензелем 10; вышита попона по розовому бархату борт серебром, а посреди вензель и корона 250; еще вышита такая же попона 250 руб.; седельному мастеру Лингель: за красное бархатное седло и красный бархатный чепрак с чушками 38 руб.; зеленое бархатное седло 38 руб.; <...> два седла гусарских голубых 84 руб.; два английских абрикосовые бархатные седла и два валтрапа 56 руб.; от медника сработано по две пары стремян: немецких, английских, гусарских — 995 руб.» (РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3897. Декабрь.). Всего на 4910 руб.

21 РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3898. Август.

22 Там же. Д. 3899. Сентябрь.

башмачные пряжки; для Александры Павловны тросточка с золотым набалдашником; финифть к звезде Св. Екатерины»²³.

С 1785 г. бабушка начала дарить внукам книги и эстампы, положив начало формированию их библиотек. Так, в апреле был оплачен счет (2717 руб.) «купцу Вогану за эстампы, взятые для Их Императорских Высочеств великих князей Александра Павловича и Константина Павловича»²⁴. В мае 1785 г. «за купленные для внуков наших великих князей Александра Павловича и Константина Павловича у итальянца Роспини разных книг» императрица приказала «заплатить из Кабинета» 14 088 руб.²⁵ В мае 1786 г. итальянцу Роспини выплатили деньги не только за «книги-атлас», но и «за наклейку карт»²⁶. К обеспечению образовательного процесса можно отнести приобретение для внуков в 1786 г. токарного станка стоимостью в 2650 руб., оплаченного тремя траншами²⁷.

Императрица активно приобщала внуков и к своим увлечениям, поэтому, вероятно, были и «общие подарки». Так, в июне 1785 г. Екатерина II приказала выплатить «купцу Бруксу за американские и другие птицы» 253 ф. ст. (1478 руб.)²⁸. Из переписки императрицы известно, что внуки занимались ее птицами, когда государыня бывала в отъезде.

Екатерина II через подарки вводила своих внуков в публичное пространство императорской резиденции. Видимо, оплаченный в феврале 1786 г. архитектору Д. Кваренги счет «за сделанный для великих князей театр» (724 руб.)²⁹ служил именно этой цели.

В мемуарной литературе фиксаций эпизодов, связанных с дворцовыми игрушками, крайне мало. Поэтому фрагмент из «Записок» А. И. Рибопьера, относящийся к 1790-м гг., особенно интересен: «Я был у нее совершенно как дома, потому что полюбил ее всею душою. Она тоже ко мне привязалась, игрывала со мною, вырезала для меня из бумаги разные фигуры. Так, помню, что раз она мне вырезала сани с лошадьми и кучером; под рукою у нее не было веревочки для вожжей, и она оторвала тесемку от своего воротника. Я долго хранил вырезку эту как святыню. Государыня даривала мне богатые игрушки, между прочим помню охоту за оленями. Это была механическая игрушка; когда ее заводили, то олень бегал, собаки лаяли и гнались за ним, егеря скакали на лошадях, а один трубил в рог. Помню также великолепную качающуюся лошадь; седло и сбруя были малиновые, бархатные, шитые золотом»³⁰. Так же императрица, вероятно, играла и со своими внуками и внучками.

Когда в семье великого князя Павла Петровича и Марии Федоровны одна за другой начали рождаться девочки, то Екатерина II вновь оплачивает детские игрушки, привозимые в Зимний дворец нюрнбержцами. Последний бабушкин подарок внукам датируется июнем 1796 г., когда Екатерина II заплатила (2400 руб.) «купцу Фавриеру за купленные в Царское Село для Их Императорских Высочеств великих княжон четырех фортепиано»³¹.

Таким образом, приведенные архивные материалы подтверждают вполне известное: Екатерина II действительно была внимательной и заботливой бабушкой. Ее подарки во многом формировали личности ее внуков и внучек. При этом за рамками статьи остались регулярные и внушительные выплаты прислуге внуков на дни рождения и тезоименитства, выплаты врачам и учителям, формирование их детского гардероба.

23 РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3899. Сентябрь.

24 Там же. Д. 3900. Апрель.

25 Там же. Май.

26 Там же. Д. 3901. Май.

27 Там же. Апрель, Май, Июнь.

28 Там же. Д. 3900. Июнь.

29 Там же. Д. 3901. Февраль.

30 *Рибопьер А. И. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. 4. С. 469–470.*

31 РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3911.

REFERENCES

Igrushka, ee istoriya i znachenie [A toy, its history and significance]: Collection of articles edited by N. D. Bartram. Moscow, I. D. Sytin, 1912. 246 p. (In Russian)

Ukhanova I. N. *Igrushki v sobranii Gosudarstvennogo Ehrmitazha* [Toys in the collection of the State Hermitage]. St. Petersburg, State Hermitage, 2011. 199 p. (In Russian)

Поставщик	Первое и последнее упоминание	Счета и общая сумма в руб.
Риттер, Торнтон и Келли	Июнь 1779 – ноябрь 1780	332+826=1158
Нюренбержец Гетт	Май 1780 – декабрь 1783	217+110+81+280+397=1085
Нюренбержец Сейлер	Август 1780 – июль 1789	92+330+339+1135+692+147+646+1144+302+434+402+338+226=6227
Нюренбержец Пирлинг	Декабрь 1780	305
Торилер	Апрель 1782	736

1 Европейские поставщики игрушек ко двору Екатерины II

► «МОЯ ГЕНИАЛЬНАЯ НАХОДКА»: ИЗ ИСТОРИИ ОДЕЖДЫ ДЕТЕЙ В ИМПЕРАТОРСКИХ ПОКОЯХ И СОЗДАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЕЙ ПЕРВОГО ДЕТСКОГО КОМБИНЕЗОНА¹

ПУШКАРЕВА НАТАЛЬЯ
ЛЬВОВНА

Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32а
pushkarev@mail.ru

МИЦЮК НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Доктор исторических наук, доцент, Смоленский государственный медицинский университет

214019, Смоленск, ул. Крупской, 28
nmitsyuk@gmail.com

Статья посвящена теме из истории русского детского костюма — возникновению первых комбинезонов и ползунков как объединения верхней и нижней частей детской одежды. Автор доказывает, что первым конструктором таких ползунков и комбинезонов была императрица Екатерина Великая, нарисовавшая в частном письме модель подобного костюмного решения. История детской одежды в высших слоях русского общества (а именно они задавали моду и апробировали новинки) предстает при изучении темы детства во дворце историей эмансипационных и секуляризационных процессов в пореформенной России. Детская мода генерировалась рядом факторов: модные журналы, ателье, медицинское сообщество. Разнообразие младенческой одежды, возникшее в урбанизированной среде образованной и состоятельной части социума, отражало существенные сдвиги в уходе за детьми и признание значимости самого периода младенчества.

Ключевые слова: детство, Екатерина Великая, одежда, женская история, антропология детской моды

История детского костюма — тема весьма неразработанная в российской историографии повседневности. Сложилась эта ситуация еще и потому, что детская одежда не может

1 Исследование истории материнства ведется ныне авторами в рамках проекта Российского научного фонда № 22-28-00625 и Программы НИР ИЭА РАН.

2 The study of the history of motherhood is now being conducted by the authors within the framework of the project of the Russian Scientific Foundation No 22-28-00625 and the Research Program of the IEA RAS.

► “MY GENIUS FIND”: FROM THE HISTORY OF CHILDREN’S CLOTHES IN THE IMPERIAL ROOMS AND THE EMPRESS’S CREATION OF THE FIRST BABY’S OVERALL²

PUSHKAREVA NATALYA
LVOVNA

Doctor of History, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Gender Studies, The N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

32a, Leninsky prospect, Moscow, 119334, Russia
pushkarev@mail.ru

MITSYUK NATALYA ALEKSANDROVNA

Doctor of History, Associate Professor, Smolensk State Medical University

28, Krupskaya st., Smolensk, 214019, Russia
nmitsyuk@gmail.com

The article is devoted to a topic from the history of Russian children’s costume — the emergence of the first overalls and sliders as a combination of the upper and lower parts of children’s clothing. The author proves that the first designer of such sliders and overalls was Empress Catherine the Great, who drew a model of such a costume solution in a private letter. The history of children’s clothing in the upper strata of Russian society (namely, they set the fashion and tested new items) appears when studying the theme of childhood in the palace with the history of emancipation and secularization processes in post-reform Russia. Children’s fashion was generated by a number of factors: fashion magazines, ateliers, the medical community. The variety of infant clothing that emerged in the urbanized environment of the educated and affluent part of society reflected significant shifts in child care and recognition of the importance of the period of infancy itself.

Keywords: childhood, Catherine the Great, clothes, women’s history, anthropology of children’s fashion

похвастаться многовековой историей: пока ребенок считался «неполноценным взрослым», никаких особых одеяний, ориентированных на малышей, не шилось. Считается, что «открытие детства» состоялось не ранее «золотого века частной жизни», в XVIII в.³ Для ряда стран Европы акцент на внимании к ребенку, на превращении любви к детям в самостоятельную нравственную ценность отнесены к XIX в., который вошел в историю в том числе и как «век ребенка»⁴. Вот почему, когда мы говорим о европейской культуре (Россия со времен Петра Великого была страной, ориентированной именно на европейскую культуру), история «детской моды», точнее — особой детской одежды, берет свое начало с рубежа XVIII–XIX вв.⁵

Когда мы размышляем о детстве во дворце русских императоров, представляется важным выявить и проследить своеобразие практик укрывания детского тела в русской культуре Нового времени и именно преимущественно в «образованном сословии». Распространение новых культурных практик, связанных с европейской одеждой, шло «сверху вниз»: именно дворянство было носителем новаций и именно с него начались многие эмансипационные и секуляризационные процессы⁶. Приступая к исследованию практик укрывания детского тела в дворянских семьях (начиная от семей при дворе и заканчивая провинциальными усадьбами), можно было предположить, что изменения в детской и младенческой одежде отражали какие-то общие социальные процессы. Рубеж XVIII–XIX вв. — так называемое позднее Новое и раннее Новейшее время — это эпоха формирования в России нового типа родительства и материнства, новых приемов визуализации сословно-классовых различий и демонстративного поведения элиты. Придерживаясь историко-антропологического подхода, эвристически полезно описать процесс изменений в материальной культуре раннего детства, поскольку он характеризует успехи в развитии науки, рационализацию и секуляризацию сознания, внедрение медицинских и педагогических идей в повседневную жизнь людей, которая постепенно все более коммерциализировалась.

Особую важность представляют подходы гендерной истории, нацеленные на проблематизацию женского опыта. В размышлениях над историей рождения тенденций в детской моде (которая сначала попадала во дворец, оттуда в высшие слои знати и далее распространялась среди менее обеспеченных дворян) оказались полезны женские журналы, в которых были разделы о модном платье, источники личного происхождения, медицинская литература по уходу за новорожденными (в XVIII в. по большей части переводная, а в XIX-м — и российских авторов) и, конечно же, музейные артефакты: выставка коллекции Государственного исторического музея «Детский костюм XVIII — начала XX вв.» в Москве в феврале — марте 2013 г., выставка «Детство во дворце» Государственного музея-заповедника «Гатчина» (Гатчина, 28 октября 2016 г. — 2 апреля 2017 г.), можно назвать также выставку частной коллекции А. Приймака «Архитектура платья» (Санкт-Петербург, 11 марта — 11 апреля 2011 г.).

«Упележивание» (пеленание)

Все руководства по уходу за детьми XVIII в., как и эго-документы, убеждают: в высших слоях российской знати самым привычным способом укрывания детских тел были пелены, пеленки. В деревне вплоть до XX в. бытовали представления, что лучшая одежда для упележивания (пеленания) — это обветшавшая, мягкая рубашка родителей. Техники пеленания

3 Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.

4 Кей Э. Век ребенка. М., 1905.

5 Weber-Kellermann I. Der Kinder neue Kleider: 200 Jahre deutschen Kindermoden in ihrer sozialen Zeichensetzung. Unter Mitarb. von Dagmar Eicke-Jennemann u. Regine Falkenberg. Frankfurt am Main, 1985.

6 Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Модернизация материальной культуры раннего детства в российских дворянских семьях второй половины XIX — начала XX в. // Уральский исторический вестник. 2017. № 1. С. 30–39.

известны по житийным фрескам еще допетровского времени: младенца с распрявленными ручками заворачивали вначале в тонкую, затем в теплую пеленку. Пеленки, равно как свивальники (ленты), в благородном сословии могли быть богато украшенными. Меж тем в заявляющих себя как передовые странах Европы (во Франции, Германии, Англии, США) с конца XVIII и до начала XX в. использование пеленок и свивальников прекратилось⁷ — в России же об этом заговорили детские врачи не ранее 1870-х гг.⁸ В высших слоях общества могли размышлять о детской одежде, распашонках. Но для большинства экономический фактор был на первом месте: пеленки (в отличие от распашонок) не надо было сшивать, так что пеленать было дешевле, чем одевать в одежду. Свивание сохранялось в крестьянской среде вплоть до 1940-х гг. и дошло до настоящего времени в ритуале завязывания голубой или розовой ленты на спеленутом младенце, которого забирают из роддома.

«Младенческое приданое»

Западное влияние на обыденные практики российской элиты, ставшее заметным на протяжении XVIII в., выразилось в практике подготовки специального гардероба новорожденному. Это резко отличало семьи элиты от крестьянских (у русских крестьян стойко бытовало поверье: одежда, приготовленная до рождения ребенка, — плохой знак, поэтому дитя может умереть⁹). Проникавший в Россию со времен Руссо концепт «сознательного материнства», детоцентристская направленность семейной жизни превращали действие подготовки младенческого приданого в своеобразный ритуал¹⁰. Во дворце в нем участвовали многочисленные швеи, в зажиточных столичных семьях — крепостные мастерицы. Впоследствии подготовка приданого новорожденному создала особые формы женской коммуникации, основанные на гостевании¹¹. В деле подготовки приданого новорожденному участвовала мать беременной дочери, это частый вопрос в женских письмах («Напиши, пожалуйста, не нужно ли чего-нибудь твоему будущему маленькому»; «Рубашечки мне мама делает <...>»¹²; куда реже в подобных приготовлениях участвовали и свекрови (свидетельства о таких приготовлениях к родам сравнительно поздние — второй половины XIX в.)¹³.

В обеспеченных слоях столичной элиты XVIII–XIX вв. минимальный гардероб новорожденного состоял из 20 штук полотняных и бумажных распашонок, множества треугольных косынок (дитя клали спинкой на широкую сторону треугольника, два конца выкладывали на живот, третий же — проводили между ногами и также выкладывали на живот), «7 дюжин» (то есть 84 шт., а то и больше) бумажных пеленок¹⁴. Все это дополнялось подгузками, слюнявками, распашонками, кофточками. По понятным причинам, в царском гардеробе число всех этих деталей детского укрывания было еще большим.

Новым предметом вещного мира младенца на рубеже XIX–XX вв. стали конверты. Однако свидетельств того, что они использовались именно в царской среде более раннего времени, нет. В России они поступили в продажу не ранее 1870–1880-х гг. в крупных российских городах. Привезенные из Англии конверты для новорожденных были богато декорированы,

7 Калверт К. Дети в доме. Материальная культура раннего детства, 1600–1900. М., 2009. С. 94–100.

8 Манасеева М. О воспитании детей в первые годы жизни. СПб., 1870. С. 63.

9 Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно России. Материалы для медико-антропологического исследования. М., 1884. С. 110.

10 Новицкий В. Об уходе за ребенком в первые дни его жизни // На помощь матерям. 1894. № 6. С. 239.

11 Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 4; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 56. Л. 57.

12 Государственный архив Смоленской области. Ф. 201. Коллекция документов дворян Смоленской губернии. Оп. 1. Д. 34. Л. 12 об.; ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

13 Ахматова А. Мой муж Гумилев, отец Гумилева. М., 2014. С. 50.

14 Манасеева М. О воспитании детей в первые годы жизни. С. 58.

но стоили «безобразно дорого»¹⁵. Для самых обеспеченных новорожденных европейские раскладные конверты, конечно, привозились из-за рубежа, но, с развертыванием промышленного переворота с 1830-х гг. и завершением процесса превращения элитарных предметов потребления в продукцию массового производства, стали покупаться в России. Под конец XIX в. журналы мод заперестали выкройками раскладных конвертов, именовавшихся «детская постелька». Иными словами, на рубеже XIX–XX вв. (то есть за век) детская мода из дворца постепенно проникла в городскую обыденность¹⁶. Преимуществом конвертов была свобода движения ребенка при сохранении тепла. С появлением конвертов в России неожиданно стали совмещать старые и новые способы ухода за младенцем: его продолжали легко спеленывать или даже свивать, но после укладывали в конверт. Обращение к живописной истории русского дворянского детства заставляет заметить еще одну неперенную часть приданого новорожденного в зажиточной семье русской аристократии — это *баветки* (фр. *bavette* — нагрудник), удлиненные слюнявчики с прорезями для рук.

Из Европы напрямую в императорский дворец и высшие слои общества пришла и недолго сохранявшаяся в аристократической среде мода надевать детям в возрасте до года непренные плотные и широкие пояски, предохранявшие от излишнего перенапряжения мышцы живота ребенка при крике. Широкого распространения это не получило. К началу — середине XIX в. это модное излишество было, в сущности, забыто¹⁷.

Основная детская одежда: корсеты, рубашечки и распашонки

Поначалу, а именно в XVIII в., гендерных отличий в одежде мальчиков и девочек до трех лет вообще не существовало: столь малое дитя считалось настолько невинным, что было почти «бесполом созданием» (*sexless creature*)¹⁸. Но, едва ребенку исполнялось три года, его начинали одевать как маленького взрослого — поэтому в его или ее одежде сразу возникали лифы и корсеты, узкие панталоны с манжетами, тугие жилетки и пояса.

В Европе в начале XIX в. такая практика уже была подвергнута критике, но в России, где лифы, корсеты и узкие жилеты возникли в обиходе с запозданием (сопровождая вестернизацию страны и появление среди воспитателей и гувернеров европейцев), они привнесли в воспитание царских детей и детей зажиточного образованного сословия идею того, что узкий лиф, корсет или мальчишеский жилет на пуговицах сформирует на всю жизнь корпус и силуэт ребенка, а потому решительно необходимы. Кроме того, подобные детали одежды сына или дочери выдавали статусность его или ее родителей (в крестьянской среде ни о каких лифах и тугих поясах для выправления осанки и речи быть не могло).

Корсеты предназначались для царских и дворянских детей старше года, лифики надевали даже новорожденным. Получались они довольно толстыми, прокладывались шнурами, китовым усом. Корсеты имели шнуровки, лифы — нет, но все же были достаточно плотными и могли доходить до низа живота, хотя чаще достигали лишь пупка и охватывали главным образом грудную клетку. Прошло полвека — и русские врачи буквально объявили войну детским корсетам и утяжкам¹⁹, но этот элемент детского гардероба обрел в России изумительную устойчивость, поскольку именно в России лифы стали использовать для крепления к ним панталон и штанишек.

Как родилась эта, казалось бы, очевидная идея?

Первой, кому в голову пришла мысль сконструировать такой новый элемент младенческого гардероба, как *комбинезончик*, была императрица Екатерина II, и родилась эта идея из ее огромной любви к своему внуку Александру в 1780–1781 гг. В одном из своих писем

15 Жук В. Н. Мать и дитя. СПб., 1906. С. 575.

16 Вестник моды для портних. 1894. № 27. С. 26.

17 Модный магазин. 1882. № 3. С. 18.

18 Paoletti J. B. Pink and Blue: Telling the Boys from the Girls in America. Bloomington. 2012. P. 178.

19 Жук В. Н. Мать и дитя. С. 578.

императрица рассказывает об этом так: «Все части его сшиты вместе, надевается в один прием: вдевают ноги, руки и — готово. Этот костюм — моя гениальная находка»²⁰. Правда, тогда, в конце XVIII в., в широкое употребление данный элемент младенческого гардероба не вошел и еще долгое время был непопулярным и безымянным. Всего таких комбинезонов было сшито три штуки: для цесаревича Александра Павловича и двух новорожденных наследников престола монархов-союзников (в Берлине и Стокгольме). До наших дней дошел лишь один из них — тот, который носил шведский кронпринц. Он представлен в экспозиции Исторического музея в Стокгольме. Екатерину II считают также автором первых *ползунков, боди и детского купального костюма*. Отметим здесь, что лишь спустя век ползунки можно было купить «простым смертным» в специализированном отделе магазина женской одежды, однако они считались «ночным костюмом», их рекомендовали надевать на «зябких», «беспокойных» детей.

Возвращаясь в XVIII век, заметим: матушка-императрица приказывала шить детскую одежду так, чтобы ни один шовчик не касался тела ребенка и не причинял ему неудобства. Она, конечно, была новатором — и потому поддерживала идею свободного пеленания, о чем можно догадаться, читая ее нравоучительный опус «Бабушкина азбука великому князю Александру»²¹. Будучи по-немецки строгой с внучатами (а было у нее четверо внуков и пять внучек), о любимце Александре она писала, что будет заботиться о том, чтобы его не слишком баловали. Всех царских детей поэтому пеленали по особой, свободной, разработанной бабушкой-императрицей системе. Нянькам запрещалось их укачивать.

Если вернуться к детской одежде — той, что носили в царских покоях, и той, что была популярна у русской элиты, — то гендерные различия в ней — типическая черта детского костюма вплоть до 1910-х гг. Девичьей одеждой были юбки — их крепили к низу плотного лифа. Для мальчиков, соответственно, рекомендовалось крепить к лифу панталоны²².

Платья, костюмчики, салопчики, шемизетки

В русской крестьянской традиции бесполость одежды ребенка была обусловлена практичностью: вещи от старших переходили к младшим, практически все шилось из серо-белой домотканины, дети обоего пола бегали в длинных прямых рубахах-платьях. В дворянских домах детей тоже часто одевали в платья. В пользу этого женского типа одежды говорила их практичность в вопросах гигиены. Брюки и шорты маленьким мальчикам стали шить (если говорить о повседневье) лишь после публикации в 1885–1886 гг. английского романа Ф. Х. Бернетт «Маленький лорд Фонтлерой», когда в российскую младенческую моду проникли шотландская клетка и бархат, появились стилизованные под шотландский килт (юбку для мужчин) костюмчики для маленьких мальчиков. С этого времени и маленькие царские дети на фото уже будут одеты в брючки. Маленьких же детей обоего пола до этой «революции в мире мод» все-таки одевали в платья. Использовались бархат, парча, атлас, шерсть, сукно, куда реже фланель с большим количеством декора. Оборки, складки, прострочка, банты, передники, воротники, рукава сложного кроя) — как же было тяжело ребенку в них передвигаться, они могли натирать в сгибах и складках, но покупались для исполнения главного предназначения — репрезентировать финансовые возможности семьи. К концу XIX в. сформировалась полноценное — воспользуемся словами П. Бурдые — «поле потребления младенческой моды».

Крой и расцветка не выдавали гендерной принадлежности детей. В высших слоях общества, в особенности в императорской семье, нижнее белье часто шилось из батиста, батист шел на пошив легчайших детских *шемизеток* (фр. *chemisette* — манишка, блузка) —

20 Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму (годы с 1774 по 1796). Сообщено из Государственного архива Министерства иностранных дел в С.-Петербурге // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1878. Т. 23. С. 205.

21 *Екатерина II*. Бабушкина азбука великому князю Александру. М., 2004.

22 *Филитов А. Н.* Гигиена детей. М., 1900. С. 111.

рубашек или даже распашонок с плиссировкой и кружевами. Они выглядели нарядно, предназначались и для мальчиков, и для девочек, в них позировали на дагерротипах и перед живописцами. В холодное время детей часто кутали в *капотик* (фр. *capot* — чехол), но это был не головной убор, а распашная одежда, похожая на халат. Взрослые капот не носили, а гардероб маленьких такое включал. Его удобство объяснялось свободным, простым кроем и практичностью (носили и дома, и на улицу). Помимо капотиков, популярным был *салопчик* (*салопик*), напоминавший пелерину, предназначенную для прогулок. Под влиянием выступлений гигиенистов и педиатров детская одежда к началу XX в. стала функциональной. Чем скорее развивалось массовое производство одежды, тем практичнее и упрощеннее становились платья и панталоны для маленьких, они стали свободными, закрытыми, теплыми, с малым числом деталей декора. Платья для девочек стали очевидно отличаться от одежды взрослых женщин — заниженная талия стала отличительной чертой детских платьев²³.

Другой характерной чертой детской одежды начала XX в. были маринистские сюжеты (сине-белая расцветка) и матросский костюм и тельняшка, приобретшие популярность после военной реформы 1874 г. Если прежде в матроски наряжали детей среднего возраста, то на рубеже веков появились матроски для двухлетних. Известны фотографии царевича Алексея в матроске. В 1910-е гг., а особенно с началом Первой мировой войны одежда мальчиков в возрасте от одного года приобрела маскулинные черты: в подавляющем большинстве на фото и на журнальных иллюстрациях можно увидеть ребят в шортах, брючках. Увлечение русским стилем отразилось на распространении косовороток и широких («ямщицких») штанов.

Подводя итоги

С вестернизацией российского общества в XVIII в. императорский двор стал копировать европейский стиль одежды и моду, причем это касалось не только детей, но и младенцев: малышей во дворце и богатых домах облачали в уменьшенные копии одежды для взрослых. С началом XIX в. «гардероб» младенцев стал быстро меняться, иллюстрируя сдвиги в развитии самого общества. Возникло понятие «приданое новорожденного», которое приобрело не только практическую, но и демонстрационную функцию.

Процессы урбанизации второй половины XIX в. усложнили социальную дифференциацию; развитие педиатрии и педагогики помогло рождению концепции «сознательного материнства», ставшей популярной в образованных слоях российских горожан. Внешний вид дитяти стал являть собой символ материнской заботы.

Идея материнской заботы, шедшая (как образец, которому стоит следовать) в том числе из императорских покоев, коммерциализировалась. Важным элементом этого процесса призвана была стать детская одежда и детская мода. Мода для новорожденных генерировалась рядом факторов, среди которых в первую очередь стоит назвать модные журналы, владелиц ателье и медицинское сообщество.

Младенческая одежда стала разнообразной, что отражало существенные сдвиги в уходе за детьми и признание значимости самого периода младенчества. Младенческая мода формировалась сверху вниз, прежде всего, в урбанизированной среде образованной и состоятельной части социума. Однако, в отличие от Западной Европы, в России сохранялось и пеленание, и свивание даже в царских покоях и семьях элиты.

23 Васильев А. Детская мода Российской империи. М., 2013. С. 34.

REFERENCES

- Aries F. *Rebenok i semeynaya zhizn' pri Starom poryadke* [Child and family life under the Old Order]. Yekaterinburg, Ed. Ural University, 1999. 416 p. (In Russian)
- Calvert K. *Deti v dome. Material'naya kul'tura rannego detstva, 1600–1900* [Children in the house. Material culture of early childhood, 1600–1900]. Moscow, New Literary Observer, 2009. 272 p. (In Russian)
- Filippov A. N. *Gigiyena detey* [Hygiene of children]. Moscow, Print. V. F. Kudina, 1900. 328 p. (In Russian)
- Ekaterina II. *Babushkina azbuka velikomu knyazyu Aleksandru* [Grandmother's alphabet to Grand Duke Alexander]. Moscow, Publishing house of MGI im. E. R. Dashkova, 2004. 96 p. (In Russian)
- Kej E. *Vek rebenka* [The age of the child]. Moscow, Ed. D. P. Efimova, 1905. 293 p. (In Russian)
- Manaseina M. *O vospitanii detey v pervyye gody zhizni* [On the upbringing of children in the first years of life]. St. Petersburg, Type. J. Treya, 1870. 203 p. (In Russian)
- Mitsyuk N. A., Pushkareva N. L. *Modernizatsiya material'noy kul'tury rannego detstva v rossiyskikh dvoryanskikh sem'yakh Vt poloviny XIX – nachala XX v* [Modernization of the material culture of early childhood in Russian noble families in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Ural Historical Bulletin, 2017, no 1, pp. 30–39. (In Russian)
- Novikova T. O. *Mladenchestvo v kontekste povsednevnosti* [Infancy in the context of everyday life]. Man. Society. Inclusion. Moscow, 2016, no 1, pp. 39–44. (In Russian)
- Novitsky V. *Ob ukhode za rebenkom v pervye dni yego zhizni* [About caring for a child in the first days of his life]. To help mothers. St. Petersburg, 1894, no 6, pp. 239–247. (In Russian)
- Paoletti J. B. *Pink and Blue: Telling the Boys from the Girls in America*. Bloomington: Indiana University Press. 2012. 192 p.
- Pokrovsky E. A. *Fizicheskoye vospitaniye detey u raznykh narodov preimushchestvenno Rossii. Materialy dlya mediko-antropologicheskogo issledovaniya* [Physical education of children among different peoples, mainly in Russia. Materials for medical and anthropological research]. Moscow, Print. A. A. Kartseva, 1884. 379 p. (In Russian)
- Vasiliev A. *Detskaya moda Rossiyskoy imperii* [Children's fashion of the Russian Empire]. Moscow, Alpina non-fiction, 2013. 230 p. (In Russian)
- Weber-Kellermann I. *Der Kinder neue Kleider: 200 Jahre deutschen Kindermoden in ihrer sozialen Zeichensetzung. Unter Mitarb. von Dagmar Eicke-Jennemann u. Regine Falkenberg* [Children's new clothes: 200 years of German children's fashions in their social setting. Among employees by Dagmar Eicke-Jennemann and Regine Falkenberg]. Frankfurt am Main, 1985. 345 p. (In German)
- Zhuk V. N. *Mat' i ditya* [Mother and child]. St. Petersburg, Print. V. I. Gubinsky, 1906. 1116 p. (In Russian)
- Zhukovsky V. *Novorozhdenny i ukhod za nim* [New-born and care for him]. To help mothers, 1900, no 4, pp. 2–14. (In Russian)

► «РУССКИЙ» КОСТЮМ
КАК МАРКЕР ДЕТСТВА¹

МИТИНА ЕЛЕНА ИГОРЕВНА

Стажер-исследователь, Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики»105066, Россия, Москва, Старая Басманная ул.,
д. 21/4, стр. 1

eimitina@hse.ru

Статья посвящена ношению стилизованного «русского» костюма мальчиками из царской семьи и из дворянских семей в России в середине XIX в. Стилизованный «русский» костюм в этот период воспринимается как преимущественно женский (в качестве примера можно привести придворное «русское» платье), однако детская одежда представляется исключением. На материале воспоминаний и портретной живописи анализируется контекст появления стилизованного «русского» костюма, а также его символическая соотношение с мундиром и с придворным платьем. Ношение этого типа костюма мальчиками из дворянских семей оказывается возможным в детском возрасте и в неофициальной обстановке. Стилизованный «русский» костюм и мундир могут появляться в одном контексте на мальчиках и юношах разного возраста. «Русский» костюм на мальчиках использовался в первую очередь для непубличного пространства; при включенности в публичную сферу (например, для великих князей) начиная с детского возраста мальчики облачаются в военную форму. При этом смена «русских» рубашек на военную форму рассматривается как символическое окончание детства.

Ключевые слова: история костюма, детская одежда, «русское» платье

В Российской империи в течение XIX в., особенно после Отечественной войны 1812 г., одним из показателей обращения к поиску национально-специфического становится рост интереса к «русскому» костюму. Появление в дворянской среде элементов стилизованного (достаточно опосредованно соотносящегося с одеждой крестьянского населения России, тем более какого-либо конкретного региона страны) «русского» костюма, формирующего визуальный код «русскости», выступает как один из признаков национализирующейся империи и проявлений политики конструирования «имперского мифа»³. Важно отметить, что традиция обращения к национальному костюму складывается в более ранний период: в екатерининскую эпоху «русское» платье становится женским костюмом для ряда официальных мероприятий⁴, однако на протяжении XIX в. востребованность этого типа костюма для продвижения стратегий власти и формирования общественной среды

► «RUSSIAN» DRESS
AS A SYMBOL OF CHILDHOOD²

MITINA ELENA IGOREVNA

Research Assistant, Higher School of Economics
University21/4, building 1, Staraya Basmannaya st.,
Moscow, 105066, Russia

eimitina@hse.ru

The article is devoted to the wearing of a stylized “Russian” costume by boys from the royal family and noble families in Russia in the middle of the XIX century. “Russian” stylized costume in this period is perceived mainly as feminine (as an example, the court “Russian” dress can be cited), but children’s clothing, apparently, is an exception. The context of the appearance of the stylized “Russian” costume, as well as its symbolic correlation with the uniform and court clothes are analyzed on the material of memoirs and portraiture. Wearing this type of costume by boys from noble families is possible in childhood and in an informal setting. A stylized “Russian” suit and uniform can look in the same context on boys and girls of different ages. The “Russian” costume on boys was used mainly for non-public space; when participating in the public sphere (for example, for grand dukes), starting from childhood, boys wore military uniforms. At the same time, the change of “Russian” shirts to military uniforms is considered as a symbolic end of childhood.

Keywords: history of costume, children’s clothing, “Russian” dress

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

2 The research was carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Program.

3 Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. I. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004. С. 368–375, 386–389, 425–426.

4 Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М., 2016. С. 20–22.

возрастает, что проявляется в регламентации этого типа костюма в качестве женского придворного наряда при императорском дворе Николая I⁵. Ношение при дворе «русского» платья способствовало формированию идентичности знати как представителей Российской империи. Появление этого варианта этнически ориентированной одежды в гардеробе представителей дворянского сословия — один из примеров конструирования традиции (в терминологии Э. Хобсбаума⁶).

«Русское» женское платье, на первый взгляд, не имеет прямого аналога в мужском гардеробе, и «русский» костюм в придворном обществе воспринимается как преимущественно женский. Однако существует ряд ситуаций, в которых ношение мужчинами костюма, воспринимаемого современниками как «русский», было допустимо. В первую очередь, необходимо отметить ношение элементов «русского» костюма, зачастую близких к аутентичным, славянофилами, народниками, нигилистами⁷. Впрочем, несмотря на широкое распространение этого образа, в восприятии общества ношение элементов «русского» костюма мужчинами — представителями некрестьянского населения зачастую оставалось негативно окрашенным, тогда как ношение женщинами элементов этнически ориентированного костюма воспринималось положительно⁸.

Однако «русское» в дворянской среде появляется не только в качестве статусного женского костюма, но и в качестве детской одежды: в «русские» рубашки одевают мальчиков из дворянской среды до достижения ими определенного возраста. «Русские» рубашки со смещенной застежкой, «шаровары» и «сафьяновые сапоги» часто встречаются как на детских портретах, так и в мемуарах: А. Н. Бенуа, описывая портрет В. Д. Философова в детстве, указывает, что он изображен «в красной русской рубашке»⁹. В стилизованные «русские» рубашки облачаются и дети из императорской семьи: так, великий князь Александр Михайлович, описывая свой «обычный костюм» в детстве, упоминает «розовую шелковую рубашку», «широкие шаровары» и «сапоги красного сафьяна»¹⁰. О популярности практики ношения стилизованного «русского» костюма мальчиками из императорской семьи, придворного общества и, шире, представителями дворянства можно судить и по визуальным источникам: одежда этого типа широко встречается как на портретах мальчиков¹¹, так и при изображении интерьеров¹² и в жанровых картинах¹³.

При этом период бытования «русских» рубашек представляется ограниченным по сравнению с периодом бытования «русского» платья (вторая половина XVIII — начало XX в.). «Русские» рубашки для мальчиков приходят в среду придворного общества позже, чем «русское» платье для женщин. Так, историк моды А. Васильев, опираясь на анализ фотографий и публикаций из модных журналов, отмечает, что пик интереса к «русскому» в детской моде приходится на 1860-е гг.¹⁴ В этот период «русские» элементы одежды для мальчиков (рубашки, обувь, элементы верхней одежды), указывает Васильев, появляются

5 Высочайше утвержденное описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к Высочайшему Двору (27.02.1834) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Отд. 1. Т. IX (1834). СПб., 1835. № 6861. С. 181–182.

6 См.: Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.

7 Мадлевская Е. Л. Косоворотка: русская мужская рубаха в крестьянской и городской среде с XVIII до XX века: из собрания Российского этнографического музея. М., 2020. С. 64–74.

8 Скляр Л. Б. Костюм в русском стиле. М., 2014. С. 16–17.

9 Бенуа А. Н. Мои воспоминания: В 5 кн. М., 1993. Т. I (кн. 1–3). С. 506.

10 Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания / отв. ред. В. М. Хрусталев. М., 2019. С. 66.

11 См., напр.: Искусство России XVI–XIX веков: каталог. Краснодар, 2008. С. 80

12 См., напр.: Императрица Александра Федоровна / авт. текста О. И. Барковец, Н. В. Вернова. СПб, 2008. С. 90; Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Т. 3: Живопись первой половины XIX века. М., 2005. С. 249.

13 См., напр.: Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания. Т. 3. С. 322.

14 Васильев А. А. Детская мода Российской империи. М., 2013. С. 10.

и на страницах французских модных журналов¹⁵. Следует отметить, что «русские» рубашки появляются на детских портретах и в более ранний период: так, в «русскую» рубашку одет великий князь Константин на портрете работы П. Соколова, написанном в 1828–1829 гг.¹⁶ Однако в середине XIX в. мода на «русские» рубашки в гардеробе мальчиков из некрестьянских сословий существенно расширяется.

Важно отметить, что, как и в случае с придворным «русским» платьем для дам, «русские» рубашки (а также шаровары и сафьяновые сапоги) на мальчиках из дворянской среды бытовали независимо от крестьянского костюма. Эта разница зачастую осознавалась носящими эти костюмы, даже несмотря на детский возраст: великий князь Александр Михайлович, описывая свои встречи с другими детьми, живущими в Тифлисе, противопоставляет «голубую шелковую рубашку» и «красные сафьяновые сапоги», которые носит он, костюму детей недворянского происхождения¹⁷ (и, напротив, говоря о знакомстве с великим князем Николаем Александровичем, упоминает «розовую рубашку», которая была «такой же», как у него¹⁸). Очевидно, в династическом контексте подобная установка на конструктивный «русский» костюм обладала устойчивостью.

Существенно, что, как и «русское» платье, в которое следовало облачаться всем дамам, прибывающим ко двору, вне зависимости от их принадлежности к подданным Российской империи¹⁹ (к примеру, «русские» платья были поднесены в качестве подарка дамам из свиты герцога Ольденбургского²⁰), «русские» рубашки на мальчиках могли носиться не только подданными Российской империи. Так, на одном из портретов принц Альберт, сын королевы Виктории, оказывается облачен в «русскую» рубашку²¹. Предполагается, что «русская» рубашка оказывается в гардеробе принца как подарок российской императорской семье; «русские» рубашки в гардеробе принца Альберта также упоминаются в дневниках королевы Виктории²². Таким образом, «русские» рубашки для мальчиков, как и «русское» платье, оказываясь подарками представителям других европейских правящих династий, становятся инструментом «мягкой силы» и внешнеполитического влияния.

«Русские» рубашки появляются на мальчиках из дворянских семей в детском возрасте, позже же костюм сменяется на военизированный. Можно предположить, что смена костюма при этом зачастую осознавалась как символическое окончание определенного этапа детства. Этот аспект отражен и в «Воспоминаниях» великого князя Александра Михайловича. Описывая свой седьмой день рождения, князь упоминает среди подарков «форму полковника 73-го Крымского пехотного полка и саблю» и передает свои эмоции от этого подарка: «...теперь сниму свой обычный костюм, который состоял из короткой розовой шелковой рубашки, широких шаровар и сапог красного сафьяна, и облекусь в военную форму»; там же: «С завтрашнего дня, — объявил мне отец, — ты уйдешь из детской»²³.

Подобную смену костюма с «русского» на военизированный можно проследить на примере портретов, изображающих мальчиков, членов императорской фамилии, в разном возрасте. Так, на портрете трех старших великих князей кисти Кристины Робертсон²⁴ ❶

15 Васильев А. А. Детская мода Российской империи. М., 2013. С. 10.

16 См.: Императрица Александра Федоровна. С. 105.

17 Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. С. 76.

18 Там же. С. 66.

19 См. Высочайше утвержденное описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к Высочайшему Двору (27.02.1834).

20 Из дневника графини Фосс, обер-гофмейстерины Прусского двора // Цит. по: *Высочков Л. В.* Будни и праздники императорского двора. СПб., 2012. С. 182–183.

21 *Guitaut C., Patterson S.* Russia: Art, Royalty and the Romanovs. London, 2018. С. 242–243.

22 *Ibid.* С. 248.

23 Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. С. 66.

24 Робертсон К. Цесаревич Николай Александрович, император Александр III и великий князь Владимир Александрович детьми. 1849 // Государственный Эрмитаж. ОР-18965.

в «русские» рубашки со смещенной вбок планкой одеты Николай и Александр Александровичи, а Владимир Александрович, младший, одет по европейской моде. На акварели В. И. Гау «Портрет великих князей Николая Александровича, Александра Александровича, Владимира Александровича и Алексея Александровича»²⁵ ② костюмы меняются: Николай Александрович, старший из великих князей, изображен в мундире; в 1851 г. ему было около восьми лет. Великие князья Александр Александрович и Владимир Александрович, которым на момент создания этой акварели семь и пять лет соответственно, изображены в «русских» рубашках (великий князь Алексей Александрович изображен в возрасте около года — и одет по европейской моде). Напротив, на акварели неизвестного художника «Групповой портрет великих князей Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей»²⁶ великие князья изображены в более старшем возрасте (об этом можно судить по изображению Алексея Александровича, младшего из великих князей). В этом случае в «русских» рубашках изображены Владимир и Алексей Александровичи. Николай Александрович и Александр Александрович, как старшие, одеты в костюмы другого типа.

Символическая смена костюма по достижении мальчиком определенного возраста характерна не только для членов императорской семьи. Как и великий князь Александр Михайлович, указывающий на смену костюма в седьмой день рождения, Л. М. Жемчужников упоминает смену костюма с «русской» рубашки на «курточку» (в данном случае подразумевается кадетская форма) по достижении семи лет²⁷. Изображения мальчиков разного возраста, одетых в различные типы костюма, распространены в портретной живописи. Так, на групповом портрете кисти А. Г. Венецианова «Портрет детей Панаевых с няней»²⁸ изображены два сына семьи Панаевых. Старшему сыну, Петру, на момент написания картины исполнилось шестнадцать лет; он изображен в военной форме. Младшему, Александру, во время создания портрета было девять лет, его костюм включает в себя широкую красную рубашку, подвязанную поясом. На картине П. З. Захарова «Портрет детей Ермоловых»²⁹ можно наблюдать аналогичное разграничение костюмов старших и младших детей: в стилизованный «русский» костюм оказываются одеты младшие из мальчиков. Можно предположить, что ношение «русских» рубашек мальчиками из дворянских семей в детском возрасте являлось устойчивой и социально одобряемой практикой, однако для более взрослых мальчиков и юношей была необходима смена этого типа костюма на соответствующий возрасту.

С другой стороны, «русские» рубашки могли появляться на мальчиках в ситуациях, которые требовали от старших ношения военной формы. Так, великая княжна Ольга Николаевна, описывая петербургские «детские балы», указывает, что двадцатилетний великий князь Александр Николаевич появлялся в «казачьем мундире», тогда как «маленькие братья» (здесь — великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, шести и семи лет соответственно³⁰) были одеты в «русские рубашки»³¹. Л. М. Жемчужников, вспоминая свой приезд в кадетский корпус, сообщает, что его, его брата и нескольких мальчиков, не достигших необходимого возраста, «одели, по распоряжению императора, в красные

25 Гау В. И. Великие князья Николай Александрович, Александр Александрович (Александр III), Владимир Александрович, Алексей Александрович, сыновья Александра II. 1851 // Государственный Эрмитаж. ОР-18971.

26 Деньер А. И. Групповой портрет великих князей Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей. 1850-е // Государственный Эрмитаж. ЭРР-5469.

27 Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. М., 2009. С. 25.

28 См.: Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 3. С. 78–79.

29 См.: Там же. С. 116.

30 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 / Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 198.

31 Там же. С. 247.

русские рубашки»³². Ношение «русских» рубашек мальчиками, определенными в кадетский корпус, но еще недостаточно взрослыми для обучения в нем, указывает на семантическое сближение стилизованного «русского» костюма и мундира.

Необходимо отметить, что стилизованный «русский» костюм является подходящим для детей и в более официальных ситуациях. Так, в рубашки со смещенной планкой одеты младшие из мальчиков на акварели М. Зичи, изображающей свадьбу великого князя Александра Александровича и великой княгини Марии Федоровны³³. Возникновение «русских» рубашек и военной формы в одинаковых ситуациях дает возможность предположить семантическое сближение военной формы для юношей и «русских» рубашек для мальчиков младшего возраста. Возможность ношения детьми стилизованного русского костюма в контексте великокняжеской свадьбы дополнительно подчеркивает статус этого типа одежды.

Возрастные ограничения на ношение «русского» и военизированного костюма мальчиками в определенных контекстах могли не соблюдаться. В одном и том же возрасте мальчики могли изображаться как в военной форме, так и в «русских» рубашках. Так, в отчете Академии художеств за 1851–1852 учебный год говорится о написании двух портретов великого князя Николая Александровича — в военной форме и в «русском» костюме: «Профессор Зарянко написал два портрета Его Императорского Высочества великого князя Николая Александровича в натуральную величину. Один представляет всю фигуру в кадетском мундире, а другой — в кумачовой рубашке и черной бархатной поддевке»³⁴. Однако в данном случае можно предположить, что «русский» костюм используется как маркер «личного» пространства: судя по указанию на обороте³⁵, портрет Николая Александровича в «русском» костюме предназначался для состоявшего при великих князьях Николая Васильевича Зиновьева — человека достаточно близкого круга. На другом же портрете работы Зарянко, как указано в отчете, великий князь в том же возрасте изображен в мундире, как вышедший из детского возраста. Ношение «русских» рубашек в более старшем возрасте отмечается и в мемуарах: несмотря на то что великий князь Александр Михайлович пишет о смене костюма (с «русской» рубашки на военную форму) в 1873 г., он продолжает упоминать, что был одет в «русские» рубашки и в более поздних воспоминаниях — например, в «голубую шелковую рубашку и сафьяновые сапоги» он одет во время прогулки по Тифлису в 1877 г.³⁶ Очевидно, в данном случае «русский» костюм также становится маркером бытовой ситуации.

«Русский» костюм на мальчиках использовался в первую очередь для непубличного пространства; при включенности в публичную сферу (например, для великих князей) начиная с детского возраста мальчики облачаются в военную форму, в бытовых же ситуациях возможно ношение «русских» рубашек мальчиками более старшего возраста. Переодевание из «русских» рубашек в военное является символическим окончанием детства. При этом значимым стоит признать тот факт, что стилизованный «русский» костюм и мундир могут появляться в одном контексте на мальчиках и юношах разного возраста. Стоит еще раз подчеркнуть тот факт, что по функциям, которые этот тип костюма получает в общественном восприятии, «русские» рубашки на мальчиках соотносятся с «русским» платьем на женщинах. «Русские» рубашки на мальчиках некрестьянских сословий оказываются символически значимым предметом одежды, с одной стороны, встроенным в национальный дискурс, с другой — оказывающимся в одном семантическом поле с военной формой.

32 Жемчужников Л. М. Мои воспоминания из прошлого. С. 25.

33 См.: При Дворе русских императоров: произведения М. Зичи из собр. Эрмитажа: каталог выставки. СПб., 2005. С. 73.

34 Торжественные публичные собрания и отчеты Императорской Академии художеств (1817–1859). СПб., 2015. С. 482.

35 Искусство России XVI–XIX веков: каталог / ККХМ им. Ф. А. Коваленко. Краснодар, 2008. С. 80

36 Александр Михайлович, великий князь. Воспоминания. С. 66, 76.

REFERENCES

- Bordehriu K. *Plat'e imperatritsy. Ekaterina II i evropeiskii kostyum v Rossiiskoi imperii* [Empress dress. Catherine II and European costume in the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 344 p. (In Russian)
- Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya. Katalog sobraniya. T. 3: Zhivopis' pervoi poloviny XIX veka* [State Tretyakov Gallery. Collection catalog. Vol. 3. Painting of the first half of the 19th century]. Moscow, Krasnaya ploshchad' Publ., 2005. 482 p. (In Russian)
- Guitaut C., Patterson S. *Russia: Art, Royalty and the Romanovs*. London, Royal collection trust, 2018. 477 p.
- Iskusstvo Rossii XVI–XIX vekov: katalog KKKHM im. F. A. Kovalenko* [Russian Art of the 16th–19th Centuries: Catalog of the Krasnoyarsk Regional Art Museum named after F. A. Kovalenko]. Krasnoyarsk, Tipografiya No 1 Publ., 2008. 358 p. (In Russian)
- Imperatrica Aleksandra Fedorovna* [Empress Alexandra Feodorovna]. St. Petersburg, Peterhof museum Publ., Abris, 2008. 190 p. (In Russian)
- Khobsbaum E. H. *Izobretenie traditsii* [The inventing of the tradition]. Acta Eurasica, 2000, no 1, pp. 47–62. (In Russian)
- Madlevskaya E. L. *Kosovorotka: russkaya muzhskaya rubakha v krest'yanskoj i gorodskoj srede s XVIII do XX veka: iz sobraniya Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya* [Kosovorotka: Russian men's shirt in a peasant and urban environment from the 18th century to the 20th century: from the collection of the Russian Ethnographic Museum]. Moscow, Boslen Publ., 2020. 225 p. (In Russian)
- Pri Dvore russkikh imperatorov: proizvedeniya M. Zichi iz sobr. Ehrmitazha: katalog vystavki* [At the Court of Russian Emperors: Works by M. Zichy from the Hermitage Collection: Exhibition Catalogue]. St. Petersburg, The State Hermitage Publ., 2005. 123 p. (In Russian)
- Sklyar L. B. *Kostyum v russkom stile* [Russian style costume]. Moscow, Boslen Publ., 2014. 233 p. (In Russian)
- Torzhestvennye publichnye sobraniya i otchety Imperatorskoi Akademii khudozhestv (1817–1859)* [Ceremonial public gatherings and reports of the Imperial Academy of Arts (1817–1859)]. St. Petersburg, BAN Publ., 2015. 768 p. (In Russian)
- Uortman R. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii. T. 1. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy. Vol. 1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I]. Moscow, OGI Publ., 2004. 606 p. (In Russian)
- Vasil'ev A. A. *Detskaya moda Rossiiskoi imperii* [Children's fashion in the Russian Empire]. Moscow, Al'pina non-fiction Publ., 2013. 230 p. (In Russian)
- Vyskochkov L. V. *Budni i prazdniki imperatorskogo dvora* [Weekdays and holidays of the imperial court]. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. 493 p. (In Russian)

1 Робертсон К.
Цесаревич Николай Александрович,
император Александр III
и великий князь Владимир Александрович
детьми
1849
Государственный Эрмитаж

2 Гай В. И.
Великие князья Николай Александрович,
Александр Александрович (Александр III),
Владимир Александрович, Алексей
Александрович, сыновья Александра II
1851
Государственный Эрмитаж

► ДЕТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА И ИХ ЖИЗНЬ ВО ДВОРЦАХ ПЕТЕРБУРГА

КОРНЕВА ГАЛИНА
НИКОЛАЕВНА

Кандидат технических наук, независимый
исследователь

galinakorneva@mail.ru

**ЧЕБОКСАРОВА ТАТЬЯНА
НИКОЛАЕВНА**

Кандидат технических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина)

197022, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Профессора Попова, д. 5

У великого князя Владимира Александровича (1847–1909) и его супруги, урожденной Мекленбург-Шверинской принцессы Марии (1854–1920), получившей в России имя Мария Павловна, родились пятеро детей: Александр (1875–1877), Кирилл (1876–1938), Борис (1877–1943), Андрей (1879–1956) и Елена (1882–1957). В детские годы Кирилл, Борис, Андрей и Елена жили с родителями в петербургском дворце (ныне Дворцовая наб., 26 – Дом ученых РАН), в Царском Селе (ныне Царскосельский Дворец бракосочетания, Садовая ул., 22), а часть лета проводили в загородных домах в Петергофе. В статье рассмотрены сведения об оформлении детских комнат во дворцах и приведены выдержки из мемуаров современников о жизни в них великокняжеской четы. Перечислены подарки, назначаемые Кабинетом Его Величества по случаю крещения каждого ребенка. Рассматриваются принципы воспитания детей, приводятся сведения об основных воспитателях и учителях, повлиявших на формирование их характеров. Статья написана на базе российских и зарубежных архивных материалов.

Ключевые слова: дети великого князя Владимира Александровича, учителя, Владимирский дворец в Петербурге, крестильные подарки

Шестнадцатого августа 1874 года в Петербурге, в Большой церкви Зимнего дворца, освященной во имя Спаса Нерукотворного образа, состоялся обряд венчания великого князя Владимира Александровича (1847–1909) и его невесты Мекленбург-Шверинской принцессы Марии (1854–1920). Поскольку специальным Высочайшим указом Марии было разрешено остаться в лютеранской вере¹, после православной службы епископ Рихтер в Александровском зале Зимнего дворца провел обряд бракосочетания в соответствии с канонами лютеранской церкви.

1 Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Великая княгиня Мария Павловна. СПб., 2014. С. 24.

► CHILDREN OF GRAND DUKE VLADIMIR ALEXANDROVICH AND THEIR LIFE IN THE PALACES OF SAINT-PETERSBURG

KORNEVA GALINA NIKOLAEVNA

PhD in Engineering, independent researcher

galinakorneva@mail.ru

**CHEBOKSAROVA TATIANA
NIKOLAEVNA**

PhD in Engineering, associate professor,
St. Petersburg State Electrotechnical University
“LETI”

5, Prof. Popova st., St. Petersburg, 197022, Russia

Grand Duke Vladimir Alexandrovich (1847–1909) and his wife, born Mecklenburg-Schwerin princess Maria (1854–1920), who got name Maria Pavlovna in Russia, had five children: Alexander (1875–1877), Cyril (1876–1938), Boris (1877–1943), Andrei (1879–1956), and Elena (1882–1957). In childhood Cyril, Boris, Andrei, and Elena lived together with their parents in Petersburg Palace (Palace Embankment, 26, A Club of Scholars), in Tsarskoye Selo (now Tsarskoye Selo Palace of Wedding, Sadovaya St., 22), and part of summer they spent in houses of Peterhof. There is information about creating the rooms for children and quoted an extracts from memoirs of contemporaries about life of grand ducal family in the article. Principal ideas of upbringing the children, information about the main tutors and teaches, who influenced on forming their characters, included in the text also. In the article the presents which were given on christening to Orthodoxy of every child from the Cabinet of His Imperial Majesty, are described. The article is written on a base of materials from Russian archives and archives of other states.

Keywords: Children of grand duke Vladimir Alexandrovich, teachers, Vladimir' Palace in St.-Petersburg, Christening presents

Как свидетельствовало время, брак этот оказался крепким — супруги прожили вместе 35 лет до кончины великого князя, и в семье родились пятеро детей: Александр (1875–1877), Кирилл (1876–1938), Борис (1877–1943), Андрей (1879–1956) и Елена (1882–1957).

Великий князь Владимир Александрович, будучи третьим сыном императора Александра II и императрицы Марии Александровны, получил блестящее образование, и ему были привиты твердые нравственные устои. Владимира связывали особенно крепкие узы с матерью, императрицей Марией Александровной, именно ее влияние оказалось наиболее значимым в его взрослении и формировании характера. Детство Владимира прошло в роскошных интерьерах Зимнего и пригородных дворцов Петербурга, включая и петергофские резиденции.

Супруга Владимира Александровича, принцесса Мария, вполне соответствовала мужу по знатности происхождения и полученному на родине образованию. Владимир Александрович и Мария Павловна любили друг друга и старались передать все лучшее из накопленного собственного опыта своим детям.

В 1875 г. в семье произошло важнейшее событие: 19 августа в петербургском дворце (современный адрес: Дворцовая наб., 26)² ① Мария родила первенца, которого в честь царствовавшего деда называли Александром. Счастливых родителей ждали обычные в таких случаях приятные заботы: для малыша приобрели кровать, игрушки, в фирме Сан-Галли — детскую коляску за 35 руб. В Лондоне было закуплено разных вещей на 1145 руб.³ Доктор Сниткин сделал мальчику прививку от оспы и получил за услугу 35 руб.⁴ В доме появилась кормилица, для осмотра ребенка регулярно приглашали доктора. Заказана была, как когда-то и самому Владимиру⁵, знаменитой фирме Василия Пешехонова мерная икона⁶.

Император, «по случаю благополучного разрешения Марии Павловны от бремени <...> изволил пожаловать из Кабинета Его Величества (далее КЕВ. — Г. К., Т. Ч.) 3000 руб. на выкуп в день Священного крещения Его Высочества лиц, содержащихся в доме неисправных должников за частные долги»⁷.

По традиции, заведенной в императорской семье, получила роскошный подарок и мать: великой княгине Марии Павловне при крещении сына были подарены сапфировые серьги стоимостью 6825 руб. и кулон за 24 157 руб. от Болина, положенные в общий футляр⁸.

Посмотреть на первенца приехал из Шверина его дедушка великий герцог Фридрих Франц II со своей супругой Марией, мачехой Марии Павловны. А в мае следующего года великая княгиня отправилась с девятимесячным ребенком в Мекленбург, где и был отпразднован день рождения Александра⁹. Домой великокняжеская чета возвратилась лишь в августе на яхте «Держава», на которой находились, кроме всего прочего, корова и доярка, чтобы у малыша было свежее молоко.

Несчастье в семью пришло неожиданно. После непродолжительной болезни полугодовалый Александр умер на руках безутешной матери. Цесаревич Александр Александрович записал в дневнике: «<...> Я положительно верить не хотел, что этот ангел умрет;

2 Корнева Г. Н., Петрицкий В. А., Чебоксарова Т. Н. Санкт-Петербургский дворец Великого князя Владимира Александровича — Дом ученых РАН. Путеводитель. СПб., 2015; 2-е изд.

3 Книга о приходе, расходе и остатке собственных сумм великой княгини Марии Павловны // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 528. Оп. 1. Д. 1168. Л. 10.

4 Об уплате по счетам великой княгини Марии Павловны за разные посылки из заграницы // РГИА. Д. 587. Л. 75.

5 О рождении великого князя Владимира Александровича и о разных распоряжениях, подарках и наградах по этому случаю // РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.

6 О расходах, произведенных по случаю рождения и крещения Его Императорского Высочества великого князя Александра Владимировича // РГИА. Ф. 468. Оп. 6. Д. 182. Л. 48.

7 Там же. Л. 10.

8 Там же. Л. 27.

9 О поездке великого князя в Москву, Ливадию и за границу // РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 293.

такое чудное было дитя, как Владимир его нежно любил!.. в последние дни у него сделалось воспаление в легком, и он умер окончательно от паралича сердца <...> Невыразимо больно было смотреть на бедного брата и его жену»¹⁰.

На похоронах младенца присутствовали члены Дома Романовых и знать столицы. В те дни министр Петр Валуев описал свое впечатление от переживаний матери Александра: «В Петропавловском соборе меня тронула великая княгиня Мария Павловна. Материнское чувство не было подавлено великокняжеством»¹¹.

В России был объявлен четырехнедельный траур. С того времени родители до конца дней своих переживали потерю первенца. По их заказу придворный художник Мекленбург-Шверинского герцогства Теодор Шлёпке (1812–1878) написал акварельный портрет Александра, получив за работу 524 руб.¹² Рисунок с изображением мальчика исполнил также профессор петербургской Императорской Академии художеств Петр Васильевич Верещагин, за что Владимир Александрович подарил ему перстень с бриллиантами и изумрудом¹³, а скульптор Иван Подозеров изготовил по этому рисунку бюст. Супруги ежегодно оплачивали поминальные службы в Петропавловской крепости, которые часто проводил отец Александр Дернов, **2** заботились, чтобы у иконы над надгробной плитой горела неугасимая лампада, выполненная ювелиром Овчинниковым, и несколько раз в год платили столичным садовникам за убранство гробницы¹⁴.

30 сентября 1876 г. в царскосельском дворце¹⁵ у Марии Павловны и Владимира Александровича родился еще один сын, которому дали не встречавшееся ранее в семействе Романовых имя Кирилл. Возможно, Владимира Александровича, с детства увлекавшегося историей, вдохновили деяния братьев святых Кирилла и Мефодия. Министр внутренних дел Петр Валуев в те дни записал в дневнике: «30 сентября. Сегодня родился у великого князя Владимира сын великий князь Кирилл. Следующий будет, вероятно, Мефодием. Все это напускное мне не по сердцу»¹⁶. В день рождения младенца от министра Двора в КЕВ последовало распоряжение: «По Высочайшему повелению прошу Кабинет заказать хорошему живописцу образ для высоконоворожденного Великого Князя Кирилла Владимировича по препровождаемой при сем мерке роста Его Высочества»¹⁷. Далее карандашом приписано: «Заказать эскиз Пешехонову». Как выяснилось, художник уложился в сроки и сумел к назначенному времени написать образ Св. Кирилла Епископа Моравского на кипарисовой доске с золотым чеканным фоном. 16 февраля 1877 г. в КЕВ поступил счет «Двора Императрицы Марии Александровны и Великого Князя Константина Николаевича иконописца Василия Пешехонова на 200 руб. серебром». Оклад к образу из серебра 84-й пробы и футляр к нему исполнил мастер Кейбель¹⁸. В результате общая сумма, истраченная на изготовление мерной иконы, составила 455 руб.

По случаю крещения младенца были награждены многие служащие двора Владимира Александровича, а также те, кто проводил обряд крещения, помогал принимать роды.

10 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 677. Оп. 1. Д. 306. Дневник великого князя Александра Александровича. Л. 67 об.

11 Валуев П. А. Дневник. 1877–1884. Пг., 1919. С. 4.

12 Отчет по собственной сумме великого князя Владимира Александровича // РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 1168. Л. 58.

13 Там же. Л. 64.

14 Там же. Л. 49, 60. Д. 1170. Л. 12, 71.

15 Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Царскосельский дворец. Страницы семейной хроники великого князя Владимира Александровича // На перекрестке времен и судеб: материалы XVI Царскосельской научной конференции: сб. науч. статей: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 2010. С. 331–344.

16 Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М., 1961. Т. 2. 1865–1876. С. 391.

17 О пожаловании подарков и денег по случаю святого крещения Его Императорского Высочества великого князя Кирилла Владимировича // РГИА. Ф. 468. Оп. 6. Д. 200. Л. 4.

18 Там же. Л. 38, 39.

В частности, протопресвитеру Бажанову пожаловали 500 руб., а акушеру доктору медицины Этлингеру — 2500 руб.¹⁹ Митрополиты Петербургский и Московский получили по 3000 руб. для раздачи бедным.

Прекрасную бриллиантовую брошь с жемчужиной огранки «пуговица»²⁰ и тремя жемчужными подвесками, взятую у ювелира Болина, стоимостью в 19 116 руб., подарили в день крестин великой княгине Марии Павловне²¹.

Кириллу родители дали по традиции домашнее образование. С первого дня к нему была приставлена няня мисс Миллисент Крофтс, и благодаря ей первый язык, на котором заговорил ребенок, был английский. В вопросах религии почти до семнадцати лет Кирилла направлял отец Александр Дернов. К своему духовному пастырю, «человеку исключительной эрудиции и культуры», Кирилл испытывал глубокое уважение.

В первое лето пребывания Марии Павловны в России она и великий князь Владимир Александрович предполагали провести июль в Петергофе «в назначенном для Их Высочеств Втором Готическом доме». Однако после осмотра помещений в нем выяснилось, что в уборной великой княгини отсутствует ванна. Мария Павловна «изволила выразить желание иметь таковую, без ежедневного потребления которой Она обойтись никак не может»²². Владимир Александрович был обеспокоен сыростью помещений и пожелал включить отопление дома уже в апреле.

Незамедлительно начались срочные работы по ремонту и отделке интерьеров. Причем, по свидетельству Ф. Мельцера, «Императрица Мария Александровна повелеть изволила Второй Готический дом отделать со всевозможными удобствами и заново для Ея Высочества: опочивальню, малую гостиную и коридор, а на половине Его Высочества уборную и кабинет, причем Ея Величество изволила выбрать образцы ковров и материй»²³. По смете, составленной 9 июня 1875 г. Ф. Мельцером, на половине Марии Павловны надо было в опочивальной, будуаре, ванной, малой гостиной и коридоре проделать работ на 5222 руб., а на половине Владимира Александровича, в уборной и кабинете, — на 2301 руб. Общая сумма, отпущенная из КЕВ, составила 8931 руб. 35 коп.²⁴ 3

Одним из любимых занятий и увлечений на всю жизнь стала для Кирилла музыка, и зачастую в подарок к тезоименитству, Пасхе или Рождеству ему дарили ноты. В воспоминаниях Кирилл Владимирович впоследствии написал: «Я всегда живо интересовался музыкой, чем весьма обязан господину Кюндингеру. <...> он был превосходным музыкантом, и, благодаря ему, я полюбил фортепьяно, на котором играю всю жизнь»²⁵.

Много времени с детских лет Кирилл уделял также спорту и в перерывах между уроками тренировался в гимнастическом зале, устроенном в петербургском дворце.

В 1877 г. Мария Павловна опять ждала ребенка. Третий сын родился в столичной резиденции в дни, когда его отец Владимир Александрович сражался на поле боя в Болгарии. В ноябре на линию фронта управляющий конторой двора отправил телеграмму с радостной вестью: «Мария Павловна 12 ноября в 4 часа 35 минут изволила благополучно разрешиться от бремени сыном, нареченным при святой молитве Борисом». Ежедневные сообщения о состоянии здоровья роженицы отправлял на фронт и доктор Этлингер.

19 Распоряжения по случаю рождения и крещения великого князя Кирилла Владимировича // РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

20 От *Bouton* (франц. «пуговица») — обработка жемчуга, в результате которой он принимает форму с плоским основанием и выпуклой поверхностью.

21 О пожаловании подарков и денег по случаю святого крещения Его Императорского Высочества великого князя Кирилла Владимировича. Л. 29, 30.

22 О высочайшем повелении по устройству Большого Готического дома для помещения Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича // РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 4029. 1875 г. Л. 5.

23 Там же. Л. 28.

24 Там же. Л. 25.

25 *Кирилл Владимирович, великий князь. Моя жизнь на службе России.* СПб., 1996. С. 45.

29 ноября он сообщил в Парадим императору Александру II: «Государыня Великая Княгиня Мария Павловна совершенно здорова, не желала встать ранее, чем Плевна ляжет у ног Вашего Величества. Высокорожденный спокоен, здоров и силен — имеет все начала будущего героя»²⁶.

На основании Высочайшего указа митрополитам Санкт-Петербургскому и Московскому выдано было по три тысячи рублей для раздачи бедным²⁷.

Живописный образ Благоверного князя Бориса на золотом чеканном фоне в меру роста Бориса Владимировича за 200 руб. написал, как и ранее, художник Пешехонов. А ювелир Болин выставил в КЕВ счет на серьги с рубинами кабошонами и бриолетами²⁸ в 5570 руб., подаренные «Ея Величеством Марии Павловне в дни крестин Бориса»²⁹. Кроме того, Марии Павловне к этому событию был преподнесен рубиновый кулон стоимостью 13 960 руб.³⁰

Разница в возрасте между Кириллом и Борисом была всего лишь в год, и они вместе росли, воспитывались и учились. Большую часть времени, по восемь месяцев в году, семья жила в царскоесельском дворце, мальчики наслаждались свободой, весело проводя время на обширном участке резиденции, где были сад и парк, луга и пруд, который казался им большим озером. Детей часто катали по нему на парусной лодке, а когда они подросли, то сами с удовольствием сидели на веслах. Друзьями Кирилла и Бориса стали Михаил и Борис Кантакузены, их сестра Долли³¹, Элла и Мария Нарышкины, с которыми юноши учились танцевать. Старшие сыновья Марии Павловны часто бывали и в Гатчине, куда их приглашал погостить на выходные кузен Миша — младший сын императора.

В Гатчине для августейших гостей были предназначены постоянные комнаты, и Александр III во время пребывания в столице, как правило, приглашал ближайших родственников на воскресные обеды.

В Петербурге детские комнаты начали создавать на третьем этаже Владимирского дворца уже после кончины первенца, Александра, осенью 1877 г. Родители постарались оборудовать их по последнему слову техники, чтобы пребывание Бориса и Кирилла там было максимально удобным и безопасным. Из сохранившегося документа о страховании помещений дворца известно, что рядом с жилыми детскими комнатами расположены были передняя, буфет, игорная, ванная, коридор, столовая, помещения наставника, англичанки, камердинера, фрейлины и камер-юнгферы. В детские комнаты провели водяное отопление с увлажнением воздуха. Полы были исполнены из паркета, но доктор Быстров «рекомендовал на полы положить толстую американскую клеенку». Стены помещений отделали деревянными натуральными американскими обоями. Так, одна из комнат имела панели из ореха, рамку из венгерского ясеня, а фон из американской березы. В рекламе утверждалось: «Необыкновенная прочность и красота этих обоев дает им громадное преимущество перед отечественными»³². Руководил строительными и отделочными работами архитектор двора великого князя Владимира Александровича Виктор Шретер. К сожалению, подлинная отделка помещений третьего этажа дворца в основном утрачена.

26 О распоряжениях по случаю рождения и крещения великого князя Бориса Владимировича // РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 10. Л. 10, 6.

27 Реестр именным высочайшим указам 1877 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 1 Д. 3997. Л. 156.

28 Кабошон — округлая шлифовка драгоценных камней с одной или двух сторон. Бриолет — стиль огранки драгоценных камней: удлиненная, ограненная грушевидная форма.

29 О расходах по случаю рождения и крещения великого князя Бориса Владимировича // РГИА. Ф. 468. Оп. 8. Д. 640. Л. 24.

30 О расходах по случаю рождения и крещения великого князя Андрея Владимировича // Там же. Оп. 6. Д. 231. Л. 1.

31 Нирод (урожд. Кантакузен-Сперанская) Дарья Михайловна (Долли) (1878–1944) — графиня, жена Федора Максимилиановича Нирода.

32 Об устройстве детских комнат во дворце великого князя Владимира Александровича // РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 833.

Самые темные зимние месяцы семья Владимира Александровича проводила в петербургском дворце, который освещался в детские годы Кирилла газовыми лампами, и он вспоминал: «Дворцовые коридоры и переходы с их газовым освещением походили на загадочные бесконечные пещеры! Газ тогда был новинкой и вызывал у нас сильное любопытство наряду с карселевскими масляными лампами, которые заводились, как часы, специальными фонарщиками»³³. Но уже в 1880-х гг. в Петербурге появились первые электростанции. По проекту Василия Пашкова была создана «фабрика электричества», благодаря которой преобразились залы императорской резиденции в Петербурге. В то время это была крупнейшая электростанция в Европе. На Рождество 1887 г. Зимний дворец был залит электрическим светом. По примеру старшего брата, великий князь Владимир Александрович заказал Василию Пашкову проект электростанции на принадлежавшем ему участке Дворцовая наб., 28 — Миллионная ул., 29, и вскоре во Владимирском дворце и в соседнем доходном доме интерьеры осветились электрическими лампочками.

На свой день рождения 2 мая 1879 г. Мария Павловна сделала себе особый подарок, родив в тот день четвертого сына. Его решили назвать Андреем, именем, которое также не встречалось ранее в императорской семье Романовых. Оно было связано со святым, почитаемым на Руси — Андреем Первозванным. И на этот раз родители не изменили традиции, заказав мерную икону у «семейного» иконописца — Пешехонова³⁴. А коллекция драгоценностей великой княгини к обряду крещения Андрея пополнилась брошью с сапфиром за 12 250 руб.³⁵

К традиционным в аналогичных случаях раздачах денег беднейшим жителям было дополнительно выделено из КЕВ еще 3000 руб. для пострадавших от пожара жителей городов Оренбурга и Уральска.

Среди педагогов, дававших уроки Андрею, кроме преподавателей точных и гуманитарных наук были русский художник-пейзажист, акварелист Василий Павлович Шрейбер (1850–1905), музыкант Рудольф Васильевич Кюндингер (1832–1913), с 1860 г. обучавший игре на фортепьяно членов императорского дома. «Под [его] руководством <...> юный князь Константин Константинович достиг первых серьезных успехов в музыке»³⁶. В 1892 г. Рудольфу Кюндингеру была назначена пожизненная пенсия за «преподавание музыки Ея Величеству Государыне Императрице и августейшим детям»³⁷. Закон Божий великому князю Андрею Владимировичу также преподавал священник Александр Дернов. Расход Андрея Владимировича в 1896 г. преподавателям: Кюндингеру оклад 45 руб. в месяц, художнику Шрейберу шесть уроков по 15 руб., священнику Дернову по 5 руб., всего 230 руб.

В 1885 г., когда Кириллу было девять лет, Борису — восемь, а Андрею — шесть, воспитателем всех троих мальчиков был назначен генерал Александр Александрович фон Даллер (1839–1905), артиллерист в отставке. Когда родители уезжали за границу, «а это случалось довольно часто из-за слабого здоровья»³⁸ Марии Павловны, Даллер регулярно посылал отчеты о здоровье, поведении, успехах и провинностях своих подопечных. Все три мальчика были очень дружны, отличались живостью характера. Чтобы им удавалось расходовать переполнявшую их энергию, во Владимирском дворце в 1880 г. была построена столярных дел мастером Вуншем³⁹ складная горка «наподобие той, которую имеют в Александровском

33 *Кирилл Владимирович, великий князь*. Моя жизнь на службе России. С. 34.

34 О расходах по крещению великого князя Андрея Владимировича // РГИА. Ф. 468. Оп. 6. Д. 231. Л. 6.

35 Там же. Л. 1.

36 *Андреев В. Е.* Музыка в Мраморном дворце (штрихи к портретам великих князей Константина Николаевича и Константина Константиновича) // «Музыка все время процветала...» Музыкальная жизнь императорских дворцов. Материалы научно-практической конференции. СПб., 2015. С. 42.

37 О производстве пожизненной пенсии бывшему преподавателю музыки Государыне и августейшим детям Рудольфу Кюндингеру // РГИА. Ф. 468. Оп. 17. Д. 218.

38 *Кирилл Владимирович, великий князь*. Моя жизнь на службе России. С. 43.

39 Вунш Адольф (Адальбер) Ф. — столярный мастер, в 1851 г. открывший свою мастерскую в Петербурге.

дворце»⁴⁰. Адольф Вунш выполнил множество заказов великокняжеской четы для убранства Владимирского дворца. Современный посетитель, попадая в него через центральный подъезд с набережной Невы, сразу обратит внимание на три искусно сделанные резные двери с ручками в форме грифонов, созданные этим мастером.

Интерьер Парадных сеней, куда посетитель проходит через роскошные двери работы А. Вунша с огромной фрамугой из зеркального стекла, на которой изображена монограмма владельцев дворца, представлен художником Г. Бролингом в сцене приезда новобрачных Владимира и Марии в собственный дворец в день их свадьбы. Три резные дубовые двери⁴¹, выполненные этим же столяром, тоже сохранили свой облик, и на них отчетливо видны монограммы великого князя в обрамлении резного растительного орнамента. Через одну из дверей, расположенную слева от мраморной парадной лестницы, ранее можно было пройти в лифт⁴². Для винного подвала в мастерской Вунша были изготовлены шкафы соснового дерева с железными станками для 6800 бутылок.

Надежды родителей на рождение в семье девочки оправдались в результате пятых родов великой княгини Марии Павловны. 17 января 1882 г. в семье великокняжеской четы на свет появилась долгожданная дочь. В «Правительственный вестник» в тот же день из конторы двора великого князя была передана телеграмма следующего содержания: «В три четверти пятого пополудни <...> Мария Павловна изволила благополучно разрешиться дочерью, нареченной при святой молитве Еленой»⁴³. Для создания мерной иконы был сообщен в Министерство императорского двора рост новорожденной — 11 вершков. Работу и на этот раз исполнил художник Пешехонов. Написанный им образ Святой Царицы Елены, на золотом чеканном фоне, в византийском стиле, был оценен в 240 руб., а вместе с окладом к иконе и исполнением футляра изготовление образа обошлось в 696 руб.⁴⁴

На этот раз Марии Павловне на крестины малышки подарили подвеску с сапфиром и бриллиантом за 11 750 руб., составлявшую комплект с брошью с сапфиром, назначенной великой княгине по случаю крестин Андрея. Казалось, что все в данной ситуации пошло «по уже отработанному сценарию», но с 20 января доктор Этлингер начал рассылку бюллетеней о состоянии здоровья Марии Павловны: «Появились местные боли. Температура поднялась до 39,1. Пульс 80–100. Ея Высочество чувствует себя утомленной. Высоконовожденная в течение ночи несколько беспокоилась вследствие состояния Августейшей матери, которая кормит ее».

Улучшения не наступало до самого конца января, и сообщения становились все более пугающими:

«25 янв.: темп. 39,1. Ночь до 4 утра тревожная.

26 янв.: темп. 39,5. Утром новый лихорадочный приступ, темп. 40,5, пульс 120 из-за нового обострения и распространения воспалительного процесса.

31 янв.: сон под влиянием опия продолжался до 6 час. Обильная испарина. Боли утихли. 38,7. Ночь почти без сна. 39,6, пульс 120. Обмороки. Улучшения нет»⁴⁵.

И лишь в феврале последовали утешительные новости.

Блестяще образованный доктор медицины, хирургии и акушерства Вильгельм

40 Переписка по разным вопросам // РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 641. Л. 145.

41 *Владимирова И. В., Веснина Н. Н.* Опись предметов декоративно-прикладного искусства, художественного инвентаря и оборудования здания-памятника дворца великого князя Владимира Александровича. Дворцовая наб., 26. Л., 1977.

42 *Корнева Г. Н., Петрицкий В. А., Чебоксарова Т. Н.* Санкт-Петербургский дворец Великого князя Владимира Александровича... С. 32–33.

43 О распоряжениях по случаю рождения великой княжны Елены Владимировны // РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

44 О пожаловании подарков по случаю крещения великой княжны Елены Владимировны // РГИА. Ф. 468. Оп. 7. Д. 19. Л. 16, 30, 32.

45 О распоряжениях по случаю рождения великой княжны Елены Владимировны. Л. 18–29.

Николаевич Этлингер (1819–1890), с 1879 г. имевший звание сверхштатного акушера, возможно, не без ходатайства Марии Павловны, был произведен в 1882 г. в тайные советники⁴⁶. Врач часто оказывал консультации великой княгине, сопровождал ее в поездках за границу с детьми.

Неоценимую медицинскую помощь оказывал семье в дальнейшем один из первых детских врачей России лейб-педиатр двора его императорского величества Николай Иванович Быстров (1841–1906). Так, во время болезни семилетней Елены в 1889 г. профессор с 17 марта по 15 апреля сделал 19 визитов во Владимирский дворец.

В благодарность от имени Марии Павловны и Владимира Александровича врачу было направлено письмо следующего содержания: «Глубоко ценя попечения Ваши о здоровье Августейших детей, которым неоднократно Вы оказывали медицинскую помощь, и в особенности Ваше просвещенное наблюдение за лечением Августейшей Дочери во время последней болезни Ея, пожаловать Вам изволили портреты Августейших пациентов Кирилла, Бориса, Андрея и Елены в серебряной рамке»⁴⁷.

Из-за продолжительной болезни Марии Павловны после родов крестины Елены состоялась только 25 февраля, а 28 февраля в царскосельском дворце был устроен праздничный «фриштык»⁴⁸.

Единственная девочка в семье, столь тяжело доставшаяся августейшим родителям, стала всеобщим кумиром. Делались для нее исключения и в императорской семье. Например, в РГИА, в деле с названием «Бумаги, не составляющие отдельных дел», сохранилась следующая справка от 31 мая 1889 г., когда Елене было 7 лет:

«Из дел Камерального отделения видно, что постепенное изготовление бриллиантовых коле для Великих Княжон только дочерей Государя⁴⁹, а также серебра всем Его Августейшим детям началось лишь со времени блаженной памяти Государя Императора Александра III. Им впервые заведен был этот порядок для Его Августейших дочерей.

Только для Великой княжны Елены Владимировны по особому приказанию было также приобретено в свое время бриллиантовое кольцо, которое расходовалось (и израсходовано) тем же приблизительно порядком, как это делается и теперь с такими же предметами, предназначенными для Великих княжон Ольги и Татьяны Николаевн.

Для других же Великих княжон, не дочерей Государя, никаких подобных распоряжений делается не было, также как и касательно заготовления серебряных сервизов на 50 персон, делаемых исключительно ЦАРСКИМ детям»⁵⁰.

Современники отмечали чарующую красоту единственной дочери Владимира Александровича и Марии Павловны, а впоследствии многие, знавшие Елену Владимировну, утверждали, что волевым характером она была похожа на мать. Одним из любимых уголков на земле у великой княжны было Царское Село. Здесь, во дворце родителей на Садовой улице, она родилась, здесь прошли ее счастливое детство и юность.

Среди учителей, сыгравших особую роль в жизни великой княжны Елены, можно назвать два имени: отец Дернов — духовник великой княгини Марии Павловны, в 1908 г. «присоединивший ее к православию»⁵¹, и учитель рисования Лев Бакст (1866–1924).

Александр Александрович Дернов родился в семье священника. У него было четыре сына и семь дочерей, что позволяло протоиерею хорошо понимать психологию детей. С 1884 по 1899 г. он преподавал Закон Божий детям великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны. В 1893 г. члены семьи Владимира Александровича

46 Там же. Л. 123.

47 О выдаче наградных денег и подарках жалуемых их высочествами разным лицам // РГИА. Д. 261. Л. 7.

48 Там же. Д. 12. Л. 18, 19, 81.

49 Подчеркивание использовано в подлиннике.

50 Бумаги, не составляющие отдельных дел // РГИА. Ф. 468. Оп. 8. Д. 360. Л. 113.

51 Переписка по разным вопросам // РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 677. Л. 126.

подарили А. Дернову наперсный крест за 500 руб., исполненный ювелиром Фаберже⁵², с которым он запечатлен на многих фотографиях.

Жизненный и творческий путь знаменитого художника Льва Бакста также был тесно связан с семьей великого князя Владимира Александровича. С начала 1880-х гг. Бакст учил рисованию, по меньшей мере, Бориса и его сестру Елену. Еще неопытному преподавателю родители платили, как и всем учителям своих детей, по 5 руб. за урок, что было вполне приличной суммой. До наших дней в частной петербургской коллекции сохранился портрет Елены, написанный Л. Бакстом. В 1912 г. именно помощь президента Императорской Академии художеств великой княгини Марии Павловны позволила решить труднейший для Бакста вопрос о возможности для него останавливаться в Петербурге и жить в столице столько, сколько потребуется, так как из-за еврейской национальности он был лишен такого права⁵³.

Запечатлел великокняжеских детей также получивший мировое признание финский художник Альберт Эдельфельт (1854–1905)⁵⁴. На протяжении двух десятков лет, в 1876–1897 гг., он регулярно бывал и работал в Петербурге⁵⁵. Предложение великого князя Владимира Александровича написать его сыновей открыло Эдельфельту путь к российскому императорскому двору.

Портрет великих князей Кирилла и Бориса Владимировичей, обнаруженный недавно в Рыбинском музее, был выполнен художником в 1881 г. Чуть позже Эдельфельт написал портрет и младшего сына великокняжеской четы — Андрея. Из финансового отчета выяснилось, что в 1882 г. «за портреты Кирилла, Бориса и Андрея [было заплачено] 2500 руб.»⁵⁶. Великая княгиня пожелала, чтобы художник приступил к портрету ее малыша лишь после окончания работы над первым групповым портретом старших мальчиков. У Эдельфельта был всего один декабрь на создание изображения Андрея. Художник так описал ребенка в письме к матери 28 ноября 1881 г.: «Он блондин и очень бледен. У него замечательные глаза. Его зрачки не концентрируются на чем-то одном, а все время находятся в движении. Малыш эмоционален и расстраивается, если няня рассказывает ему что-то печальное»⁵⁷. Карандашный набросок маленького Андрея был одобрен родителями, и это позволило Эдельфельту с 7 по 27 декабря 1881 г. справиться с портретом⁵⁸.

Интересна характеристика, которую дал художник всем членам великокняжеской семьи. Эдельфельт работал в зимнем саду, расположенном рядом с гостиной особняка в Царском Селе. Он начинал сеанс в 9:30, а заканчивал в 11:30. Великий князь заходил посмотреть на работу три-четыре раза и играл с детьми. Эдельфельт отмечал, что Владимир Александрович был всегда внимателен и добр к нему, и каждый раз говорил, что работа ему нравится. Но дети были непоседливы, подбегали к Эдельфельту, трогали его и кисти, хотя и были добрыми мальчиками. Мария Павловна произвела на живописца при первой встрече впечатление непрístupной, горделивой и величавой особы, но в дальнейшем «она постепенно оттаивала»⁵⁹.

52 О приходе и расходе собственных сумм великого князя Андрея Владимировича // Там же. Д. 1237. Л. 41.

53 Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Портреты великой княгини Марии Павловны. Загадки и находки. СПб., 2020. С. 180–189.

54 Корнева Г. Н., Чебоксарова Т. Н. Альберт Эдельфельт и Россия // Художественный вестник. 2018. Вып. 5. С. 60–83.

55 Альберт Эдельфельт // РГИА. Ф. 789. Оп. 10. 1878. Д. 75.

56 Расход и приход собственных сумм великого князя Владимира Александровича // РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 1048. Л. 31.

57 Запись устного перевода доктора наук Уллы Тилландер-Гуденйелл с шведского языка фрагментов книги Райнера Кнапаса: *Albert Edelfelt och Ryssland. Brev från åren 1875–1905 / Utgivna av Rainer Knapas & Maria Vainio. Finland, 2004.*

58 *Albert Edelfelt och Ryssland. Brev från åren 1875–1905* P. 116.

59 *Контула-Веб, Сани.* Альберт Эдельфельт – финский художник при Русском Императорском Дворе // Альберт Эдельфельт и Романовы: каталог выставки 2019–2020. СПб., 2019.

В заключение отметим, что три брата и Елена дожили до преклонных лет. Великая княгиня, греческая королева Елена много сделала на ниве благотворительности для своей новой родины. Ее братья сумели покинуть Россию в первые послереволюционные годы и связали свою судьбу с Францией. Ныне их могилы разбросаны по разным уголкам Европы.

REFERENCES

Albert Edelfelt och Ryssland. *Brev från åren* [Albert Edelfelt and Russia. Letters from the years] 1875–1905. Utgivna av Rainer Knapas & Maria Vainio. Finland, 2004. 486 p. (In Finnish)

Andreyev V. E. *Muzyka v Mramornom dvortse (shtrikhi k portretam velikikh knyazei Konstantina Nikolaevicha i Konstantina Konstantinovicha)*. [Music in Marble Palace (some traits to the portraits of grand duke Constantine Nikolayevch and Constantine Konstantinovich)]. "Music flourished all the time..." Musical life of the imperial palaces. Materials of the scientific-practical conference. St. Petersburg, Own publishing house, 2015, pp. 40–50. (In Russian)

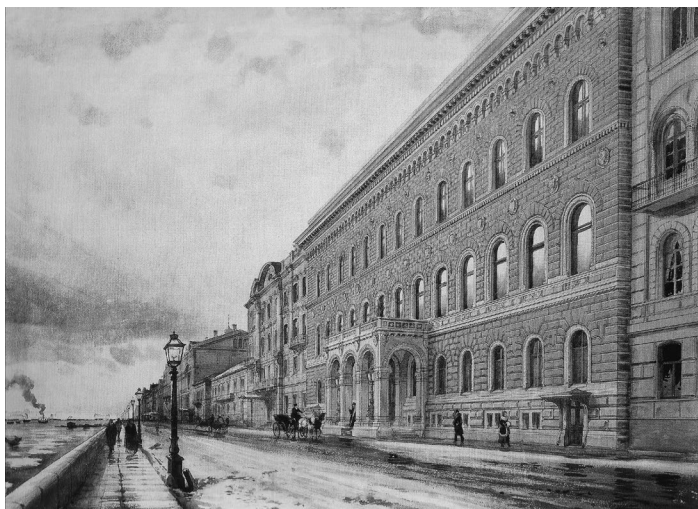
Korneva G. N., Cheboksarova T. N. *Velikaya knyaginya Mariya Pavlovna* [Grand Duchess Maria Pavlovna]. St. Petersburg, Liki Rossii, 2014. 160 p. (In Russian)

Korneva G. N., Cheboksarova T. N. *Al'bert Ehdel'fel't i Rossiya* [Albert Edelfelt and Russia]. Art News, 2018, no 5, pp. 60–83. (In Russian)

Korneva G. N., Cheboksarova T. N. *Portrety velikoi knyagini Marii Pavlovny. Zagadki i nakhodki* [Portraits of Grand Duchess Maria Pavlovna. Mysteries and finds]. St. Petersburg, Liki Rossii, 2020. 203 p. (In Russian)

Korneva G. N., Cheboksarova T. N. *Tsarskosel'skii dvorets. Stranitsy semeinoi khroniki velikogo knyazya Vladimira Aleksandrovicha* [Tsarskoye Selo Palace. Pages of Family Chronicle of Grand Duke Vladimir Alexandrovich]. On the cross of Time and destins: materials of 16th Conference in Tsarskoye Selo in two volumes. Vol. 1. St. Petersburg, 2010, pp. 331–344. (In Russian)

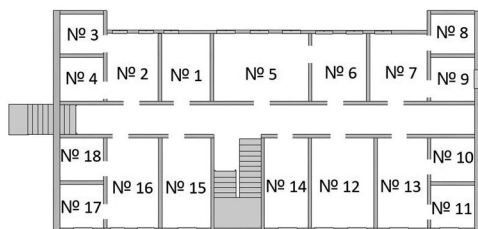
Korneva G. N., Petritskii V. A., Cheboksarova T. N. *Sankt-Peterburgskii dvorets Velikogo knyazya Vladimira Aleksandrovicha – Dom uchenykh RAN* [St. Petersburg Palace of Grand Duke Vladimir Alexandrovich – House of Scientists of the Russian Academy of Sciences]. Guidebook. St. Petersburg, 2015. 128 p. (In Russian)

1 Бенуа Альб.
**Дворец Великого князя Владимира
 Александровича в Петербурге**
 1870-е
 НИИМАХ

2 **Александр Дернов (1857–1923)**
 1890-е
 ЦГАКФФД СПб

3 **Схема первого этажа
 Второго Готического дома**
 Копия с оригинала (РГИА)

► ДЕТСКИЕ ПОКОИ КНЯЗЯ ИОАННА КОНСТАНТИНОВИЧА В МРАМОРНОМ ДВОРЦЕ

НОВИКОВА ОЛЬГА
ВАЛЕРЬЕВНА

Старший научный сотрудник, Государственный
Русский музей

191186, Россия, Санкт-Петербург, Инженерная ул., 4

novikov_vicktor@mail.ru

Статья посвящена созданию в Мраморном дворце в конце XIX века детских покоев, предназначенных для первенца великого князя Константина Константиновича — князя императорской крови Иоанна Константиновича, влиянию убранства и названий комнат на духовно-нравственное воспитание маленького князя. О характере отделки этих помещений позволяют судить документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, письма и записи в дневнике самого великого князя Константина Константиновича, а также воспоминания его детей. Задачей исследования было не только выяснить, как выглядела детская половина в Мраморном дворце, но и установить фамилии архитекторов и мастеров, работавших по ее устройству, а также объяснить выбор великим князем «русского стиля» для создания детских покоев. Убранство детской половины позволяет почувствовать неповторимую атмосферу жизни конца XIX в., а также узнать о мировоззрении великого князя Константина Константиновича как одного из богато одаренных и просвещенных людей своего времени.

Ключевые слова: Мраморный дворец, детские покои, русский стиль

► CHILDREN'S ROOMS OF PRINCE JOHN KONSTANTINOVICH IN THE MARBLE PALACE

NOVIKOVA OLGA VALERIEVNA

Senior researcher, State Russian Museum

4, Engineerin g st., St. Petersburg, 191186, Russia

novikov_vicktor@mail.ru

The article is devoted to the creation of children's rooms in the Marble Palace at the end of the XIX century, intended for the firstborn of Grand Duke Konstantin Konstantinovich — Prince of the imperial blood John Konstantinovich, the influence of the decoration and the names of the rooms on the spiritual and moral education of the little prince. Documents stored in the Russian State Historical Archive, letters and entries in the diary of the Grand Duke Konstantin Konstantinovich himself, as well as the memories of his children, allow us to judge the nature of the decoration of these premises. The task of the study was not only to find out what the children's half looked like in the Marble Palace, but also to establish the names of the architects and craftsmen who worked on its device, as well as to explain the Grand Duke's choice of "Russian style" for creating children's rooms. The decoration of the children's half allows you to feel the unique atmosphere of life at the end of the nineteenth century, as well as to learn about the worldview of Grand Duke Konstantin Konstantinovich as one of the richly gifted and enlightened people of his time.

Keywords: Marble Palace, children's quarters, Russian style

Детство — самое беззаботное время в жизни, период мечтаний и искренней радости. Это главный этап жизни, в который закладываются все психологические, физические, а самое главное, нравственные основы будущей личности.

Долгое время истории детства не доставалось даже выборочного внимания со стороны исследователей. Лишь в последние годы стал появляться интерес не только к проблемам «маленького человека», к его частной жизни и к духовно-нравственному воспитанию, но и к убранству детских помещений.

Исключительный исследовательский интерес вызывают интерьеры помещений, принадлежавших детям императорской или великокняжеских семей, поскольку они создавались лучшими архитекторами, художниками и мастерами прикладного искусства. К числу таких покоев относятся комнаты детей последнего владельца Мраморного дворца — великого князя Константина Константиновича.

О характере отделки этих помещений позволяют судить документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве. Важным источником по изучению убранства детских комнат являются письма и дневниковые записи великого князя Константина Константиновича, а также воспоминания его детей.

Задачей предпринятого исследования было выяснить, как выглядела детская половина в Мраморном дворце, и установить фамилии мастеров, работавших по ее устройству.

Семья, созданная великим князем Константином Константиновичем и его супругой великой княгиней Елизаветой Маврикиевной, была не похожа на другие великокняжеские семьи. Прежде всего, она отличалась крепостью супружеских уз и исключительным чадолюбием. В семье было девять детей: шесть мальчиков и три девочки¹. Рождение каждого ребенка великий князь воспринимал с радостью. С первых минут жизни сын-первенец Иоанн стал для отца «громким выражением Божия благословения»².

К его появлению семья великого князя готовилась заранее. Для новорожденного в Мраморном дворце устроили детскую, под которую отвели помещения первого этажа, располагавшиеся вдоль Мраморного переулочка, с наружным входом из Белого двора. Отделку и оборудование детских покоев поручили гражданскому инженеру-архитектору В. В. Николаю³ и неклассному художнику по архитектуре А. К. Джиоргули⁴.

Помещения для жилья «князеньки» были подготовлены в течение лета 1886 г., пока владельцы Мраморного дворца находились в Павловске, в своей летней резиденции. Планировка интерьеров была чрезвычайно продуманна и отвечала основному требованию времени — созданию всевозможных удобств для маленького владельца. Детская половина делилась на три отделения и состояла из двенадцати комнат: «комнаты для второй мамы» и «казенной для шкафов и „скрытней“; сеней с подсеьем (прихожей), стряпущей, портовой — то ж или скатерной; и покоев князя Иоанна»⁵, в которые входила приемная, «гулевая», «опочивальная», «горница и мыленка». После отделки личных апартаментов самого великого князя Константина Константиновича и его супруги это было самое значительное переустройство интерьеров Мраморного дворца во второй половине XIX в. **1**

Был произведен капитальный ремонт помещений, включая входную зону, с заменой перекрытий и всей системы инженерных коммуникаций. Для устройства тамбура с улицы разобрали и вновь установили на цементном растворе гранитное крыльцо с боковыми тумбами. Под ступени для площадки под тамбур сделали кирпичную кладку на известковом растворе⁶. По всему помещению «заделаны гнезда от старых балок и вырублены новые гнезда для балок с отделкой концов кирпичом»⁷. Для увеличения площади нижней и верхней площадок лестницы разобрали 19 и разместили 13 ступеней. В кирпичной стене вырубили нишу для голландской печи и поставили новые закладные рамы для окон и дверей.

Одно из центральных мест в инженерной инфраструктуре занимала отопительная система. В Мраморном дворце стояла система отопления горячим воздухом Н. А. Аммосова. Все покои обогревались проводными трубами от пневматических печей, находившихся в подвалах дворца. Горячий воздух, прежде чем уйти по дымоходу в дымовую трубу, проходил через систему каналов, расположенных в стенах, и через душники попадал в комнаты. Во время проведения ремонтных работ духовые каналы были прочищены,

1 Иоанн (1886–1918), Гавриил (1887–1955), Татьяна (1890–1979), Константин (1890–1918), Олег (1892–1914), Игорь (1894–1918), Георгий (1903–1937), Наталья (10.03.1905–10.05.1905), Вера (1906–2001).

2 Югова Л. К 100-летию гибели Алапаевских мучеников. Благочестивые Константиновичи — особая семья в императорском доме Романовых // Литературно-исторический журнал «Александр». URL: <http://alexlib.ru/obshchestvo/po-zavetam-predkov/svetlye-knyazy-konstantinovich> (дата обращения: 01.06.2022).

3 Николай Владимир Владимирович (1852–1901) — российский инженер-архитектор, автор здания Императорской консерватории в Санкт-Петербурге.

4 Джиоргули Антон Кирьянович (1857 — после 1922) с 1886 г. состоял помощником архитектора при работах. В марте 1886 г. по повелению Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича определен на службу ко двору Его Высочества. См.: Джиоргули Антон // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 789. Оп. 10. Д. 62. Л. 1–3.

5 Технический отчет по ремонту и отделке комнат дворца с приложением планов отделки комнат Иоанна Константиновича // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1327. Л. 1. Так называемая «комната для второй мамы» предназначалась для няни князя Иоанна, Варвары Петровны Михайловой.

6 Там же. Л. 5.

7 Там же. Л. 6.

заменены керамические глазурованные трубы⁸. В окна поставили двойные французские стекла⁹. На все окна, выходящие на улицу, сделали дубовые ставни с кленовыми «косячатыми филенками»¹⁰.

Важной частью инженерных сетей в детских покоях стали новые системы водопровода и сливной канализации. Были проложены дополнительные свинцовые толстостенные трубы и исправлена фановая труба, установлены новые ватерклозеты. «Для водопроводных и фановых труб в стене вырублены борозды, прорублены отверстия и обделаны трубы кирпичом по войлоку»¹¹. Один из ватерклозетов разместили под площадкой лестницы, сделав кирпичную стенку в один кирпич и прорубив окно в капитальной стене.

Большое значение имел доступ к воде, особенно в детской половине. Поэтому воду провели в «стряпушую» (буфетную комнату), где поместили водогрейный бак. Также в «портомойне» «сделали и поставили луженую лохань для стирки белья с проведением воды»¹², и агентство мануфактурной компании «Девис» — американские прачечные машины — установило «усовершенствованный каток для белья и выжиматель»¹³.

Ванные были важной и необходимой частью повседневной жизни. В апартаментах Иоанна установили «вылуженную медную ванну с нагревательной печью, краном для холодной и горячей воды, душем со всеми принадлежностями и с трубами для стока воды»¹⁴.

Все помещения, подверженные влажности: площадки парадной лестницы, два тамбура, ванную и буфетную комнаты¹⁵ — облицевали цементными цветными плитками.

Внутри покоев расширили дверные проемы, установили новые дубовые и сосновые закладные рамы. Были произведены штукатурные и малярные работы с грунтовкой и белением потолка и откосов, покраской дверей, окон и перегородок клеевыми и масляными красками. Комнаты нянь оклеивались как простыми, так и дорогими обоями.

Покои первенца великого князя архитекторы В. В. Николая и А. К. Джоргули оформили в «русском стиле». Они ориентировались на теремные покои времен царствования Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. **2**

Стилизация «в русском стиле» начиналась уже с «подсенья», где помещение украшала печь, облицованная подлинными зелеными изразцами XVII в., идентичными изразцам печи 1684 г. в хоромах царицы Прасковьи Федоровны и царевны Софьи Алексеевны. По парадной лестнице, обшитой дубом, с дубовыми «перилами, сделанными по рисунку»¹⁶, поднимались в «сени», откуда три дубовые створчатые двери вели в «казенную» (запасную комнату), «стряпушую» (кухню-буфет) и «переднюю» (приемную).

В «сенях» окно и двери украшали дубовые наличники «верхи сводами, по наличникам порезка дубовая, в плетенку», повторяющие рисунок с «иконостаса Новгородского Софийского собора и пояска Грановитой палаты»¹⁷. Освещал «сени» фонарь на семь свечей. Дверные петли и скобы в виде дельфинов¹⁸, а также кованый узорчатый фонарь, сделанный по образцу фонаря Новоиерусалимского Воскресенского монастыря на реке

8 Технический отчет по ремонту и отделке комнат дворца с приложением планов отделки комнат Иоанна Константиновича // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1327. Л. 43. Трубы глазурованные предоставил гончарный завод братьев И. В. и В. В. Лядовых.

9 Счет от торгового дома М. Эрленбаха и Ко // Там же. Л. 30.

10 Технический отчет по ремонту и отделке комнат дворца с приложением планов отделки комнат Иоанна Константиновича. Л. 14.

11 Там же. Л. 7.

12 Там же. Л. 21 об.

13 Там же. Л. 125.

14 Там же. Л. 47. Ванна изготовлена на чугуно-литейном механическом заводе Ф. К. Сан-Галли.

15 Там же. Л. 8, 78. Для укладки плит требовался специальный бетон. Работы выполнил техник В. Гюртлер.

16 Там же. Л. 20. Дубовые перила были выполнены в мастерской Федора Карловича Ретше.

17 Там же. Л. 1 об.

18 Изображения дельфинов были взяты с бердыша 1643 г.

Истре, изготовили по археологическим рисункам академика Ф. Г. Солнцева¹⁹ в слесарной мастерской Бюшинга на Малой Конюшенной улице. Верхняя часть стен «сеней» была оштукатурена и окрашена багряным колером, нижняя часть обрамлена дубовыми резными панелями. В красном углу находилась икона Усекновение главы Иоанна Предтечи, на стене — портреты царя Михаила Федоровича, царицы Евдокии Лукьяновны, Марфы Матвеевны и Великой старицы Инокими Марфы. Все картины, написанные на холстах в деревянных резных золоченых рамах, были приобретены из коллекции Пушилова²⁰.

В «стряпущей» (кухне или буфетной) стены облицевали белыми изразцами, пол выложили разноцветными прессованными цементными плитами. Сделали «очаг со шкафами и водогрейным котлом»²¹.

Промышленный прогресс второй половины XIX в. привнес изменения в бытовую жизнь Мраморного дворца, где большое значение придавалось повседневным удобствам. Еще в 1851 г. великая княгиня Александра Иосифовна приобрела в Великобритании два «аппарата для охлаждения» Томаса Мастера. Первый прибор — устройство для получения мороженого, второй — «машина для подачи охлажденной воды»²². В 1886 г. для хранения продуктов в «стряпущей» был установлен комнатный ледник²³ производства завода Ф. К. Сан-Галли²⁴.

Каждое помещение «для князеньки», в зависимости от своего назначения, оформлялось отдельно. Однако во всех комнатах в качестве мотивов росписей сводов и стен использовались узоры из «Апостола», изданного в Москве в 1563–1564 гг., из сборника «Четы-Миней», составленного архиепископом Новгородским Макарием в 1530–1541 гг., и из иллюстрированного «Остромирова Евангелия» 1056–1057 гг., первое русское печатное издание которого появилось в 1843 г.²⁵

В «передней или приемной» были малиновые стены, расписной шкаф, деревянные столы и стулья, резные скамьи. Одна из них — разноцветная переметная скамья — ранее находилась в коллекции живописца, профессора Императорской Академии художеств К. Е. Маковского. Из «передней» двери вели в большую «гулевою» (столовую) и в «опочивальню».

В «гулевой» стены были розовые, расписные. Своды также расписаны «по золоту травы цветные». В красном углу «висел большой образ Владимирской Божьей Матери, а на нем полотенце, расшитое разноцветными шелками и золотом, на концах обшито старинными кружевами. Перед образом всегда теплилась большая лампада»²⁶. Полотенце, кружева

19 Солнцев Федор Григорьевич (1801–1892) — художник, архитектор и историк, академик и профессор Императорской Академии художеств, специалист по художественной археологии, руководитель издания «Древности Российского государства». Заведовал художественным оформлением Большого Кремлевского дворца.

20 Инициалы коллекционера в документах отсутствуют (РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1327. Л. 2). На момент приобретения картин их владельцем умер и его коллекция распродавалась.

21 Технический отчет по ремонту и отделке комнат дворца с приложением планов отделки комнат Иоанна Константиновича. Л. 21.

22 О покупке холодильников в Великобритании для Мраморного дворца // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1306. Л. 1–6.

23 Устройство комнатных ледников было простым. В один или несколько отсеков клали лед, в остальных размещались продукты. Емкости, изготовленные из стали, встраивались в деревянную оболочку, между сталью и деревом существовала прослойка, которую заполняли теплоизоляционным материалом, например, опилками. Лед два-три раза в неделю приходилось докладывать, поскольку он быстро таял. Талая вода обычно стекала в поддон, установленный либо на полу под ледником, либо в одном из нижних отсеков. Лед заготавливали заранее и хранили в специальных помещениях-ледниках либо покупали.

24 Технический отчет по ремонту и отделке комнат дворца с приложением планов отделки комнат Иоанна Константиновича. Л. 95. По счету Ф. К. Сан-Галли за комнатный ледник было заплачено 35 р.

25 Выпуск первого печатного издания «Остромирова Евангелия» осуществил академик А. Х. Востоков на деньги, предоставленные археологом и историком А. Д. Чертковым. Фотолитографическое издание с цветными миниатюрами и первой заставкой вышло в свет в 1883 г. Факсимильное черно-белое издание появилось в 1883 г.

26 *Гавриил Константинович, великий князь*. В Мраморном дворце: воспоминания. М., 2005. С. 17–18 (гл. 2. 1887–1895. Ранние годы).

и скатерти для комнаты были куплены у известного петербургского антиквара — Юстины Васильевны Якобсон²⁷.

В комнате между окон, выходящих в Мраморный переулок, установили камин, сделанный по модели XVI в., взятой из музея Общества поощрения художников. На стенах были зеркало в резной раме, портрет патриарха Филарета и картина, изображающая боярина Лукьяна Стрешнева, молящегося на коленях рядом с дочерью, царицей Евдокией Лукьяновной.

Из мебели в «гулевой» находились: белый обеденный стол на крестовых складных ножках, с украшенной резной опушкой столешницей, изготовленный по рисунку из рукописной «Книги об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, самодержца Всероссийского»²⁸; несколько дубовых крашенных поставцов на ножках в виде крестовины, которые также резались по моделям мебели времен царя Алексея Михайловича; столы передаточные дубовые о четырех и о шести ножках, две переметные скамьи: одна сосновая крашенная, другая — дубовая с рундуком. Передаточные столы и скамья с рундуком создавались по образцам мебели XVII в. из Макарьевского монастыря Нижегородской губернии, зарисованным и литографированным в цвете В. А. Прохоровым²⁹.

По воспоминаниям князя Гавриила Константиновича, «в гуляльне окна располагались ниже пола, и между окнами и полом были устроены решетки, перед которыми стояли растения»³⁰. Железные перила стояли не только в «гулевой», но и в «горнице». Исполненные по рисунку входных дверей Благовещенского собора, они были украшены желтым и малиновым стеклом.

В «горнице» стены — серые расписные. Печь была облицована старинными изразцами XVII в. голубого и палевого цвета. В красном углу располагалась икона «Князь Иоанн Моленя» с возжженными лампадами.

В комнате находились несколько столов из дуба. Один из них — раздвижной, на точеных с перевязью ножках и столешницей, украшенной по борту резьбой в виде «косячков и кубиков», другой — на ножках с подстольем на восемь углов, третий стол был с тумбой, снабженной дверцей на кованых петлях. Образцами для них послужили экспонаты XVI–XVII столетий из музея Общества поощрения художников. Помимо них, в комнате размещалось несколько кресел из дуба на гладких и точеных ножках с подлокотниками, обитыми алым и лазоревым сафьяном, и такие же стулья с «гвоздями с лужеными шляпками», сделанные по рисункам из книги «Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году 5 февраля при бракосочетании Государя Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича с Государыней Царицею Евдокией Лукьяновною из рода Стрешневых»³¹. Кроме того, были еще табуреты, образцами которым послужили гравированные изображения из Книги

27 Технический отчет по ремонту и отделке комнат дворца с приложением планов отделки комнат Иоанна Константиновича. Л. 94 об. Счет из магазина г-жи Ю. Якобсон за старые вышивки. Магазин располагался на углу улиц Малой Морской и Гороховой, 12/9.

28 Иллюстрации для книги исполнили в 1672–1673 гг. живописцы Оружейной палаты Иван Максимов, Сергей Васильевич Рожков и их помощники. Эксклюзивное оригинальное издание книги почти в том же виде, в каком существовало в подлиннике 1673 г., вышло в 1856 г.

29 Прохоров Василий Александрович (1818/1819–1882) — российский археолог и этнограф. Преподавал в Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств. Издавал художественно-археологический журнал «Христианские древности и археология», главное достоинство которого заключалось в богатстве рисунков, изображающих древние памятники. Заведовал редакцией «Журнала общепользных сведений», член Петербургского общества архитекторов, хранитель исторического музея Императорской Академии художеств.

30 *Гавриил Константинович, великий князь*. В Мраморном дворце. С. 17.

31 Книгу издал в 1810 г. в Москве известный любитель старины, типограф и коллекционер, председатель Общества истории и древностей российских Платон Петрович Бекетов (1761–1836). Она была издана с древней лицевой рукописи, находящейся в Архиве Министерства иностранных дел, в который она поступила от выдающегося архивиста А. Ф. Малиновского (1762–1840). Рисунки позволяли зримо представить старинные русские свадебные обычаи и традиции, разворачивавшиеся в интерьерах Московского Кремля первой трети XVII в.

Бытия XVII века³². Всю деревянную мебель в покоях Иоанна Константиновича изготовили рабочие известного в Петербурге столярного мастера Т. Ф. Федорова³³.

На столах и поставцах располагались стилизованные под русский XVII в. шандалы на четыре, три, две и одну свечу, а также подсвечники, которые изготовили на знаменитой фабрике художественной бронзы К. Ф. Верфеля³⁴. Ставились в них «малиновые свечи»³⁵. Среди прочих мелочей на столах стояли чернильницы: одна большая медная с подсвечниками, другая маленькая, украшенная финифтью. Помимо этого, в разных местах висели и стояли медные ковши, кубки, братины, расписные с оковкой ларцы и прочие предметы быта: «кружки, подносы, щелкалка для орехов (орехокол)»³⁶. Время показывали часы «медные башенкой» с боем и с фигуркой петуха, сделанные в Германии, и часы в медном футляре в виде льва, на котором сидел нагой младенец, производства П. Буре³⁷.

Из «гулевой» можно было пройти в «опочивальню». Как комната отдыха, она имела лазоревые стены, на которых изобразили незабудки, и своды, расписанные орнаментом из «Остромирова Евангелия». В подоконнике вырезали сиденье. Из мебели, находившейся в «опочивальне», можно выделить пеленальный столик³⁸, обитый замшей в мастерской В. Шлякова³⁹, и выдвижное кресло, служившее няне кроватию.

Образцом для выдвижного большого постельного кресла послужила иллюстрация из рукописного «Апостола» первой трети XV в. Его изготовили в мастерской О. Каскелайнена⁴⁰ из дуба, рамки для него сделал мастер Ф. Гофман⁴¹. Сиденье кресла обили цельным сафьяном лазоревого цвета, спинку — сафьяном пяти цветов в лоскутной технике в клетку и в клин. Открытые поверхности кресла украшали живописные фигурки витязей на конях и «потешные личины», расписанные мастером И. Петровым⁴². Дополнял убранство «опочивальни» камин, сделанный по модели XVI в., находившейся в музее Общества поощрения художников.

На детской половине располагалась и запасная спальня, стены и своды которой, выкрашенные в серый цвет, также были покрыты росписью. В запасной спальне стояла голландская печь, «облицованная вся старинными изразцами»⁴³.

В «Техническом отчете по ремонту и отделке <...> комнат Иоанна Константиновича» упоминается покупка старинных люстр⁴⁴ и старого восточного фонаря⁴⁵. Можно предположить, что детские комнаты освещались не только свечами. В 1874 г. Мраморный дворец одним из первых был частично оснащен электричеством⁴⁶. Угольные лампы накаливания, изобретенные электротехником А. Н. Лодыгиным, появились на половинах великого князя

32 Библия. Печатный двор, 12 декабря 1663.

33 Технический отчет по ремонту и отделке комнат дворца с приложением планов отделки комнат Иоанна Константиновича. Л. 94 об.

34 Счет К. Ф. Верфеля за разные подсвечники по старым образцам и чернильницу — 125 р. // Там же. Л. 94.

35 Счет М. П. Мачихиной за малиновые свечи // Там же. Л. 95.

36 Счет на 87 руб. из магазина г-жи Ю. Якобсон // Там же. Л. 121.

37 Счет А. М. Герасимова за исправление старинных часов с боем и с вызолоченной фигуркой петуха — 50 р. 75 к.; счет П. Буре за старинные часы — 75 р. // Там же. Л. 94 об.

38 Счет В. Шлякова за обойные работы и за замшу на пеленальный столик, за сафьян на стулья и кресла — 159 р. 40 коп. // Там же. Л. 94.

39 Там же.

40 Там же.

41 Там же.

42 Там же.

43 Там же. Живописные изразцы для печи и каминов предоставил гончарный завод братьев И. В. и В. В. Лядовых. Печные работы выполнил мастер Д. Ефремов.

44 Там же. Счет от г-жи Ю. В. Якобсон за две старинные люстры — 150 р. и счет от Общества заклада движимости за две старинные люстры и старый дубовый столик со шкафом — 102 р.

45 Там же. Счет от склада восточных товаров за старый восточный фонарь — 50 р.

46 Смета на электрическое освещение Мраморного дворца // РГИА. Ф. 537. Оп. 1. Д. 1318. Л. 1–3.

Константина Николаевича, его детей и в Служебном доме. Через семь лет, в 1881 г., систему освещения дворца улучшили, используя изобретение П. Н. Яблочкова. В начале 1890-х гг. в Мраморном дворце на территории Служебного дома была построена автономная электростанция под сеть однофазного переменного тока, обслуживавшая весь дворцовый комплекс⁴⁷.

Среди технических новшеств, оборудованных на детской половине, указывается на проведение в помещении электрических воздушных звонков, ведущих в комнаты нянь и к августейшим родителям.

Великий князь Константин Константинович 30 сентября 1886 г. в письме к великому князю Сергею Александровичу сообщал: «Мы не переезжаем в город завтра, как предполагали, хотя помещения мальчика в Мраморном уже готовы, надо подождать, чтобы воздух в комнатах очистился»⁴⁸.

Впервые увидев покои для сына Иоанна, Константин Константинович оставил в дневнике такую запись: «Детские комнаты готовы. Войдя в них, остается только руками развести, рот растянуть и ахнуть. Прихожая с необыкновенной лестницей поражает ярко-красным цветом стен с каймою по карнизу и по пяте свода в древнерусском вкусе: налево внизу — зеленая изразцовая печь. По стенам висят портреты царя Михаила Федоровича и нескольких цариц. Направо ход в переднюю. Стены малиновые, расписной шкаф, деревянные, резные скамьи, столы и столы, одна скамья разноцветная. Отсюда налево дверь в большую гулевою, стены бледно-алые, портрет патриарха Филарета и картина, изображающая боярина Стрешнева, молящегося на коленях рядом с дочерью, царицей Евдокией Лукьяновной <...> В красном углу гулевой большая икона Владимирской Божией Матери и перед ней медная лампада. Промеж окон, в простенке — камелек, прикрытый шкафиком. Столы, скамьи, все дубовые. Отсюда направо — опочивальня — голубые стены. В подоконнике врезано сиденье. Пеленальный стол, выдвигаемое кресло будет служить Ваве⁴⁹ кровати. Есть еще горенка, запасная. Стены серые, изразцовая печь, комната кормилицы рядом со спальней; до полстены выложена белыми изразцами. Далее мыленка. По всем комнатам дубовые панели, а по карнизам и по пятам сводов пестрые каймы»⁵⁰.

Названия детских комнат служили причиной жарких споров в семье. Младший брат великого князя, Дмитрий Константинович, также проживавший в Мраморном дворце, считал, что использование исконно русских названий в детской — мера искусственная, поскольку так уже никто не говорит, а значит, нововведение не имеет смысла⁵¹. Однако Константин Константиновича, любившего родной язык, раздражали иностранные слова, и он отдал предпочтение наименованию комнат на старорусском языке, желая, чтобы в раннем возрасте детей окружала русская речь, заключенная даже в названиях комнат.

Остается вопрос, почему великий князь решил оформить комнаты ребенка именно в «русском стиле». Однако ответ на этот вопрос мы находим в письме Константина Константиновича к отцу, великому князю Константину Николаевичу, жившему в тот год в Ореанде (Крым): «Я тебе еще не писал о его помещении; ты, кажется, думал сперва, что мы окружили своего первенца чрезмерной роскошной обстановкой. Но позволь тебя уверить, что это обвинение несправедливо. Отдельвая комнаты для маленького Иоанна, я хотел, чтобы они вполне отвечали всем требованиям современной гигиены, и по возможности избежать

47 Оплата счетов на строительство новой электрической установки в Мраморном дворце // Там же. Д. 1330. Л. 179–216.

48 Письмо великого князя Константина Константиновича великому князю Сергею Александровичу. 30 сентября 1886 // Письма великого князя Константина Константиновича великому князю Сергею Александровичу. 1882–1904 гг. М., 2016. С. 238.

49 Варвара Петровна Михайлова — старшая няня детей великого князя Константина Константиновича.

50 Дневник великого князя Константина Константиновича. 1902–1903 гг. М., 2015. С. 117–118.

51 Агеева А. В. Приемы воспитания детей в семье великого князя Константина Константиновича Романова // Материалы XXXI ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2021. С. 97–100.

всяких обоев, обивок, ковров, занавесок и т. д. Для всего этого русский стиль казался мне самым подходящим. К тому же я желаю, чтобы маленький рос и развивался в совершенно русской обстановке и смолоду привязался бы к нашей отечественной старине, со всеми ее обычаями и обрядами. Но мне не хотелось вычурной, богатой отделки во вкусе Монигетти и других архитекторов, которые часто своими прикрасами искажают древний стиль. Мы с Палиголиком⁵² стали разыскивать старинные образцы и рисунки, выбирая из них самые простые, незатейливые. Вещи твоего кабинета оказали нам большую услугу. Стены понизу обиты деревом, а поверху просто выкрашены, вместо занавесей у окон ставни, ковров нет. И все вышло совершенно необыкновенно, но красиво, весело и приветливо»⁵³.

В этих покоех прошло детство как самого князя Иоанна, так и родившегося годом позже, 3 июля 1887 г., его брата князя Гавриила. Затем в этих комнатах росли младшие братья и сестры князя Иоанна.

Иоанн Константинович вернулся в эти помещения в 1911 г., после свадьбы с княгиней Еленой Петровной, урожденной принцессой Сербской. Первоначально апартаменты для молодых устроили на первом этаже здания по Мраморному переулку. После смерти бабушки, великой княгини Александры Иосифовны, семья заняла комнаты на втором этаже дворца.

В 1915 г. в Павловске умер великий князь Константин Константинович. В том же году семья начала переговоры с правительством о продаже комплекса Мраморного дворца и Служебного дома в казну. Продажа зданий была связана с тем, что в 1885 г. по указу Александра III произошло изменение в «Учреждении об императорской фамилии», по которому правнуки императора уже не наследовали великокняжеский титул и, следовательно, не имели средств на содержание дворцовых зданий. К осени 1917 г. переговоры успешно завершились. «Решение о приобретении государством Мраморного дворца в национальную собственность было принято на заседании Временного правительства 17 октября 1917 г. Дворец и Служебный дом купили за 12 миллионов рублей с условием, что владельцы получают эту сумму в виде „Займа свободы“ и дадут обязательство не реализовывать этот капитал в течение пяти лет, а пользоваться только банковскими процентами с него. К моменту государственного переворота, произошедшего в России 25 октября 1917 года, комплекс de jure являлся государственной, национальной собственностью, однако перемена государственного строя не позволила осуществить это решение на практике»⁵⁴.

С 1919 по 1936 гг. в помещениях Мраморного дворца разместились Государственная Академия истории материальной культуры, ставшая преемницей Императорской археологической комиссии, также в здании находился Государственный музейный фонд. Помещения дворца перестраивались, приспособлялись под нужды большого научного учреждения.

В 1936 г. Ленсовет принял решение о создании во дворце Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина, который открылся 7 ноября 1937 г.

Новый период в истории Мраморного дворца начался в декабре 1991 г., когда решением Мэрии Санкт-Петербурга дворец передали в распоряжение Государственного Русского музея. С этого времени ведется планомерное изучение и научная реставрация уникального памятника архитектуры. В 2005 г. был завершен реставрационный ремонт детских покоев Иоанна Константиновича⁵⁵.

52 Кеппен Павел Егорович (1846–1911) – управляющий двором великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны.

53 Письмо великого князя Константина Константиновича великому князю Константину Николаевичу, 6 ноября 1886 // Переписка великого князя Константина Константиновича с родителями и няней В. П. Михайловой: 1863–1908 гг. М., 2017. С. 272.

54 Мантуров М. В. Мраморный дворец: от великокняжеской резиденции Романовых до филиала Государственного Русского музея // Дворцы Романовых как памятники истории и культуры. СПб., 2015. С. 280.

55 Отчет Государственного Русского музея за 2005 г. СПб., 2005. С. 230, 231.

Подводя итог, необходимо отметить, что великий князь Константин Константинович придавал огромное значение ранним детским впечатлениям, совершенно справедливо полагая, что они могут стать основой для дальнейшего развития ребенка. Подбор красок в росписях стен и сводов, отделки дверей, створок окон, выбор мебели, благозвучие старинных названий комнат вызывали у маленького Иоанна яркие, светлые и радостные ощущения, а по мере взросления создавали первые представления о культуре Руси. Интерьер детских комнат служил осознанию себя прежде всего русским князем. Через много лет князь Иоанн Константинович в письме к матери, великой княгине Елизавете Маврикиевне, напишет: «Родился я. Вы меня <...> любили очень, все для меня сделали. Я стал Русским по душе человеком, не только по названию, а в действительности. <...> чему и я очень рад. Поселили меня в русских комнатах, окружили всем русским и вот результат»⁵⁶.

Благодаря сохранившимся документам, мы имеем возможность не только выяснить, как выглядели детские покои маленького князя, но и получить сведения о специалистах и организациях, принимавших участие в их оформлении, а также узнать имена мастеров, создавших уникальные предметы интерьера. Убранство детской половины позволяет почувствовать неповторимую атмосферу жизни конца XIX в., а также узнать о мировоззрении великого князя Константина Константиновича как одного из богато одаренных и просвещенных людей своего времени.

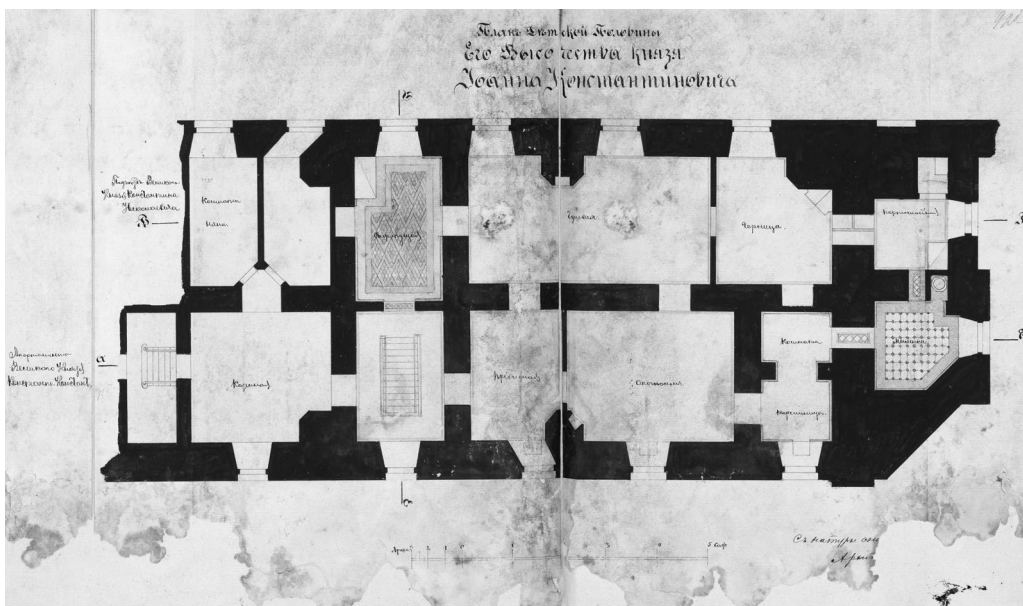
REFERENCES

Ageeva A. V. *Priemi vospitanija detei v semie velikogo knjazja Konstantina Konstantinoviča* [Methods of raising children in the family of Grand Duke Konstantin Konstantinovich Romanov]. Proceedings of the XXXI Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Moscow, Publ. House of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities, 2021. 236 p. (In Russian)

Manturov M. V. *Mramornyj dvorez: ot velikoknjazheskoy rezedenzii do filiala Gosudarstvennogo Russkogo muzeja* [Marble Palace: from the Grand Duke's residence of the Romanovs to a branch of the State Russian Museum]. Palaces of the Romanovs as monuments of history and culture. Materials of the international conference [State Hermitage Museum, etc.]. St. Petersburg, European home, 2015, pp. 274–290. (In Russian)

Report of the State Russian Museum for 2005. St.-Peterburg, Russian Editions, 2006. 255 p. (In Russian)

56 Письмо князя Иоанна Константиновича великой княгине Елизавете Маврикиевне. 2 ноября 1909 // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2007. Т. XV. С. 415.

1 План детской половины Его Высочества князя Иоанна Константиновича
1886
РГИА
Публикуется впервые

2 Отделка одной из комнат детской половины Его Высочества князя Иоанна Константиновича
1886
РГИА
Публикуется впервые

► ШТАЙФФОВСКИЕ ИГРУШКИ ДЕТЕЙ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

АКИМОВА ВАРВАРА
МИХАЙЛОВНА

Научный сотрудник, Государственный Эрмитаж

190000, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 34

akimova@hermitage.ru

Продукция немецкой фабрики игрушек «Маргарете Штайфф ГмбХ» — желанный подарок для детей во всем мире. Высококачественные товары данной фирмы приобретались для дочерей и единственного сына императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Вместе с другими личными вещами великих княжон и наследника цесаревича Алексея Николаевича они составляли детский мир дворцовых пространств. Многие из предметов, окружавших венценосных владельцев в повседневной жизни, в том числе штайффовские игрушки, не дошли до наших дней. В свою очередь, пережившие августейших хозяев изделия, среди которых сохранились считанные единицы продукции фирмы Маргарете Штайфф, ныне являются жемчужинами музейных коллекций. В ходе данного исследования были получены новые сведения об экспонатах из собрания Художественно-педагогического музея игрушки в Сергиевом Посаде (кегли-«слоны») и Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге (медведь, кошка, шпиг). Атрибутированы и введены в научный оборот экспонаты Музея игрушки в Сергиевом Посаде (собака, лисица) и штайффовские изделия, нашедшие отражение в выявленных исторических источниках (фотографии, акварельный рисунок и др.). Игрушки, изготовленные компанией «Маргарете Штайфф ГмбХ», были неизменными спутниками детства цесаревича Алексея и его сестер в Александровском дворце Царского Села и других императорских резиденциях.

Ключевые слова: великие княжны, Государственный Эрмитаж, игрушки, Маргарете Штайфф, Маргарете Штайфф ГмбХ, Музей игрушки, Романовы, цесаревич, Штайфф

У детей императора Николая II и императрицы Александры Федоровны было много различных игрушек отечественного и зарубежного производства. Среди них — изделия немецкой фирмы «Маргарете Штайфф ГмбХ» (*Margarete Steiff GmbH*), которые ныне находятся в собрании Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге и Художественно-педагогического музея игрушки им. Н. Д. Бартрама (далее — Музей игрушки) в Сергиевом Посаде. Анализ этих немногочисленных сохранившихся экспонатов, а также различных исторических источников (фотографии, акварельный рисунок и др.) позволяет рассматривать штайффовские изделия из императорских резиденций в комплексе и ввести в научный оборот неизвестные ранее сведения.

► STEIFF TOYS OF THE CHILDREN OF EMPEROR NICHOLAS II

AKIMOVA VARVARA
MIKHAILOVNA

Scientific assistant, The State Hermitage
Museum

34, Dvortsovaya emb., St Petersburg, 190000,
Russia

akimova@hermitage.ru

Products of the German toy manufacturer "Margarete Steiff GmbH" have been a much-anticipated gift for kids all over the world. Among the children who played with those high-quality toys were the daughters and the only son of Emperor Nicholas II and Empress Alexandra Feodorovna. Together with other personal belongings of the Grand Duchesses and the imperial heir, Tsesarevich Alexei Nikolaevich, toys made up the children's realm inside the Palace. Many of the items, possessed by the monarchic off-springs, including Steiff toys, have not survived to this day. That is why the items that outlasted their august owners, among which are few Steiff playthings, are considered real gems of the museum collections. This study provided new information about exhibits from the collection of the Museum of Toys in Sergiev Posad (elephant skittles) and the State Hermitage Museum in St. Petersburg (bear, cat, pomeranian). The author has attributed and introduced into scholarly discourse the exhibits from the Museum of Toys in Sergiev Posad (dog, fox) as well as Steiff products that have been featured in various historical sources such as photographs, watercolor drawing, etc. The toys made by Margarete Steiff GmbH were regular "childhood companions" of the Tsesarevich Alexei and his sisters in the Alexander Palace of Tsarskoye Selo and other royal residences.

Keywords: Grand Duchesses, the State Hermitage Museum, toys, Margarete Steiff, Margarete Steiff GmbH, the Museum of Toys, Romanovs, Tsesarevich, Steiff

К таким историческим источникам относится черно-белая фотография из собрания Государственного музея-заповедника «Петергоф»¹. ❶ На ней изображен фрагмент одного из интерьеров Детской половины Нижнего дворца, или Нижней дачи императора Николая II в Александрии. Это «так наз. игральная»² цесаревича Алексея, которая представляла собой «помещение обширное, высокое и с большими окнами, целый день дающими солнечный свет»³, где проходили игры и занятия единственного сына царской четы.

Можно предположить, что именно наследнику принадлежал запечатленный на фотодокументе медведь-«кувыркан», который при незначительном воздействии на него раскачивался и вращался, но не падал, благодаря утяжеленному деревянному основанию. Вероятно, данный предмет был изготовлен около 1899 г. фирмой, основанной в конце XIX столетия талантливой швеей Маргарете Штайфф в немецком городе Гингене-на-Бренце. История этой компании — производителя игрушек берет свое начало в 1880 г. и продолжается по настоящее время. Предприятие, более ста лет известное как «Маргарете Штайфф ГмбХ», является ярким примером успешного семейного бизнеса. Как известно, Маргарете Штайфф большое значение придавала качеству выпускаемых товаров, которые изготавливались под девизом: «Для детей — только самое лучшее». Действительно, штайффовские изделия всегда отличались безупречным исполнением, а их разнообразие не могло не радовать покупателей. Следует отметить, что расширение ассортимента продукции было главным направлением деятельности Рихарда Штайффа — племянника М. Штайфф, присоединившегося к компании своей тетки в 1897 г. Рассмотрим наброски медведей из альбома для рисования Р. Штайффа. Обратим внимание, что один из них лег в основу вышеупомянутой игрушки из Нижнего дворца императора Николая II в Александрии.

Медведь-«кувыркан» из этого ныне разрушенного «дома у моря»⁴ семьи императора Николая II представлял собой игрушечного зверя из коричневого плюша с коротким ворсом, стоящего на задних лапах на деревянной полусфере. В передних лапах медведь держал заведенную за голову палку, от которой шла цепочка к его носу. Плюшевое животное напоминало дрессированных цирковых «артистов» рубежа XIX–XX вв., ставших прототипами для штайффовских медведей — игрушек с движением⁵.

С 1892 г. стали издаваться иллюстрированные прейскуранты фирмы Маргарете Штайфф. На странице штайффовского каталога 1897 г.⁶ среди прочих игрушек изображены животные (кролик, обезьяна, петух, медведь, собака) на деревянных полусферах — «кувырканы». Там же представлены имеющие с ними общее внешнее сходство кегли.

Как известно, в семье последнего российского императора любили играть в разные игры. Некоторые из них, а также куклы, игрушки и другие личные вещи великих княжон и цесаревича Алексея ныне хранятся в музейных собраниях. Так, например, в Музее игрушки в Сергиевом Посаде среди прочих мемориальных предметов находятся штайффовские кегли-«слоны»⁷ ❷ из Екатерининского дворца в Царском Селе.

Кегли сделаны в виде слонов с поднятыми хоботами, сидящих на деревянных основаниях в форме усеченных конусов. Два животных⁸ изготовлены из бархата серого цвета,

1 Игральная (классная) комната цесаревича Алексея в Нижнем дворце в Александрии // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Фотодокументы». ПДМП 568-фд.

2 Шеманский А., Гейченко С. Последние Романовы в Петергофе: путеводитель по Нижней даче. М., Л., 1931. С. 71.

3 Там же.

4 Цит. по: Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 82.

5 Pfeiffer Günther. 100 Years Steiff Teddy Bears. The Original Since 1902. Königswinter. 2001. P. 13

6 Cieslik Jürgen & Marianne. Button in ear. The History of the Teddy Bear and his friends. Jülich, 1989. P. 20–21.

7 Кегли-«слоны» // Художественно-педагогический музей игрушки им. Н. Д. Бартрама (Музей игрушки). Фонд «Зарубежная игрушка». МИ 6060, МИ 6061, МИ 6062.

8 На детской половине. Детство в царском доме. ОТМА и Алексей: каталог выставки / Государственный Исторический Музей. М., 2000. С. 43. Кат. 100, 101.

белые бивни выточены из кости. Вокруг шеи каждой игрушки завязана ленточка с бубенчиком. Третья кегля — король — выше остальных и имеет внешние отличия. Она выполнена в виде слона в короне, на деревянном основании в форме усеченного конуса. Зверь изготовлен из светлого бархата и одет в красный фрак, декорированный контрастной строчкой, пайетками и бисером. У каждого слона сохранилась металлическая пуговица в левом ухе — отличительный знак изделий фирмы Маргарете Штайфф. Отметим, что торговая марка компании — «Knopf im Ohr» («Пуговица в ухе») — всегда ассоциируется с высококачественными товарами. Следует подчеркнуть, что с 1904 г. каждая единица продукции фабрики игрушек в Гингене-на-Бренце была промаркирована металлической пуговицей. Так, например, в 1904–1905 гг. штайффовские предметы были отмечены пуговицей «со слоном»; в 1905–1906 гг. — «пустой» пуговицей и т. д. Именно такая «пустая» пуговица, т. е. без надписей или изображений, имеется в левом ухе каждого «слона»-кегли из собрания Музея игрушки в Сергиевом Посаде. Таким образом, можно сделать вывод, что эти штайффовские изделия были изготовлены в 1905–1906 гг. Они входили в состав набора, аналогичного лоту № 561⁹, который был продан на аукционе «Schuler» в Цюрихе в 2021 г. и состоял из двух разноцветных мячей и девяти кеглей. Добавим, что подобные комплекты, включавшие в себя кегли в виде разных животных, предлагались покупателям в каталогах компании с 1892 г. по 1910-е гг.

Особую значимость для исследования штайффовских игрушек цесаревича Алексея и его августейших сестер представляют экспонаты из собрания Государственного Эрмитажа, а именно медведь, кошка и спиц из императорских резиденций, изготовленные фирмой Маргарете Штайфф в начале XX в. **3**

Эрмитажный медведь¹⁰ с подвижными лапами и головой, вероятно, принадлежал единственному сыну императорской четы, поскольку изначально этот игрушечный зверь из белого мохерового плюша находился в Игральной комнате цесаревича Алексея в Александровском дворце в Царском Селе. Об этом свидетельствует сохранившийся картонный ярлык с надписью чернилами: *Александровский // дворец // пол[овина]. Наследника // игральная // № 231*, прикрепленный к лапе животного. В левом ухе этого экспоната имеется «пустая» металлическая пуговица, которая, как было сказано ранее, использовалась компанией в 1905–1906 гг.

Данная игрушка является улучшенной версией первого шарнирного медведя («Bär 55 PB»), дизайн которого был разработан Рихардом Штайффом в 1902 г. Название «Bär 55 PB» означало следующее: «Медведь» (от нем. «Bär»), буква «P» — «плюшевый» (от нем. «Plüsch»), буква «B» — «подвижный» (от нем. «Beweglich»). Цифра «55» указывала на высоту изделия в сантиметрах в положении стоя. До наших дней не дошел ни один экземпляр «Bär 55 PB».

Этот темно-коричневый зверь с подвижными лапами и головой не пользовался спросом у покупателей. Он казался «слишком огромным, слишком тяжелым и слишком твердым для детской игрушки»¹¹. Рихард Штайфф постоянно работал над его усовершенствованием. Так появились выполненные в светлых тонах изделия «Bär 35 PB» и «Bär 28 PB», которые также «плюшевые» и «подвижные», а цифры «35» и «28» указывают на высоту медведей в сантиметрах в положении сидя. Однако все эти звери («Bär 55 PB», «Bär 35 PB» и «Bär 28 PB») были похожи на живые прототипы.

В отличие от своих предшественников, эрмитажный медведь имеет «кукольную» внешность, что было характерно для новой серии игрушек «Bärle PAB», к которой он принадлежит. У таких изделий голова и лапы крепятся к туловищу с помощью дисков

9 Комплект игрушек кегли-«слоны» // Veryimportantlot. Крупнейший рынок искусства и роскоши. URL: <http://veryimportantlot.com/en/lot/view/steiff-elefant-kegelspiel-565855> (дата обращения: 10.09.2022).

10 Игрушка-медведь // Государственный Эрмитаж (ГЭ). Фонд тканей и костюма. ЭРТ-14794.

11 Цит. по: *Cieslik Jürgen & Marianne. Button in ear. P. 28.*

и металлических шплинтов. Данный способ соединения всех частей игрушки не требует плотного наполнения ее «начинкой», как это было раньше. Благодаря этому вес предметов значительно снизился, поскольку они стали набиваться смесью древесной стружки и капока — легкого натурального материала. Добавим, что в 1905 г. медведь («Bärle») впервые предлагался в каталоге фирмы Маргарете Штайфф в нескольких цветах (светло-коричневый, темно-коричневый и белый) и размерах (17, 22, 28, 35, 43, 50 и 80 см). Приведенные цифры означают высоту изделия, измеренного в сидячем положении. Отметим, что высота эрмитажного медведя составляет 50 см (в положении сидя) и 70 см (в полный рост) соответственно.

В том же каталоге компании 1905 г. была представлена новая система нумерации товаров. Рассмотрим в качестве примера рекламное объявление 1910-х гг. с запечатленными на нем штайффовскими кошками и их характеристиками (размер, материал и проч.). Среди изображенных игрушек выделим ту (*третья справа*), которой соответствует артикул «3328». Последний можно интерпретировать следующим образом: первая цифра «3» (*тысячные*) указывает на то, что предмет изготовлен в сидячем положении. Вторая цифра «3» (*сотые*) означает «мохер», т. е. материал, из которого выполнена вещь. Третья и четвертая цифры (*десятки и единицы* соответственно) образуют число «28» — это высота изделия в сантиметрах.

Такая же белая кошка¹², изготовленная фирмой «Маргарете Штайфф ГмБХ» около 1906–1910-х гг., имеется в собрании Государственного Эрмитажа. На шее игрушки сохранилась шелковая лента с бубенчиком. Изначально этот музейный предмет находился в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге, в резиденции вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Можно предположить, что с этой кошкой играли великие княжны и цесаревич Алексей, когда наносили визиты своей августейшей бабушке.

Другой эрмитажный экспонат — белый шпиг¹³, сидящий на задних лапах, — вероятно, также использовался в играх детей императора Николая II, поскольку эта вещь происходит из собрания Александровского дворца-музея в Царском Селе. Данное изделие из мохеро-плюша было выполнено фирмой Маргарете Штайфф не ранее 1904 г.

Кроме кошек и других животных фабрика игрушек «Маргарете Штайфф ГмБХ» выпускала собачек разных пород. Некоторые из них представлены на открытке «Ресторан для собак» (1910-е гг.)¹⁴, в том числе разных размеров шпицы, у каждого из которых на шею связан красный шнурок с помпонами на концах.

У подобного экспоната из собрания Государственного Эрмитажа данный аксессуар заменен стилизованным ошейником золотого цвета. Возможно, это было сделано для удобства игры со шпигем, как с живой собакой, в одном из интерьеров Александровского дворца в Царском Селе — например, на Детской половине, в Игральной комнате цесаревича Алексея. Как известно, она была «наводнена игрушками»¹⁵, среди которых находилась «большая собака из белого шерстяного плюша с рыжими ушами и такими же пятнами на туловище, на колесиках и с механизмом, издающим звук, подаренная германским императором Вильгельмом»¹⁶. Вероятно, она же изображена на акварельном рисунке Ю. М. Непринцева¹⁷ и на черно-белой фотографии из частного собрания¹⁸, запечатлевших внутреннее убранство Игральной комнаты наследника в Александровском дворце.

12 Игрушка-кошка // ГЭ. Фонд тканей и костюма. ЭРТ-14796.

13 Игрушка-шпиг // ГЭ. Фонд тканей и костюма. ЭРТ-14795.

14 Pfeiffer Günther. 125 Jahre Steiff Firmengeschichte. Die Margarete Steiff GmbH. Königswinter, 2005. S. 138.

15 Яковлев В. И. Александровский дворец-музей в Детском Селе. Убранство (вместо каталога). Детское Село, 1928. С. 397.

16 Там же. С. 397–398.

17 Детский мир семьи императора Николая II. ОТМА и Алексей: каталог выставки / Московский гос. объединенный музей-заповедник «Коломенское — Измайлово — Люблино». М., 2019. С. 107. Кат. 82.

18 Бардовская Л. В., Ботт И. К. Судьба Александровского дворца // Царское Село — «любимец двух столетий»: каталог выставки / Государственный музей А. С. Пушкина. СПб., 2004. С. 69.

Предположим, что эта вещь, как и другие рассмотренные игрушки детей императора Николая II, была изготовлена на фабрике «Маргарете Штайфф ГмбХ» в начале XX в. Действительно, на данном производстве выпускались сенбернары «для верховой езды» из мохерового плюша, белого с коричневыми пятнами окраса, разных размеров (до 99 см включительно). Так, например, на рекламном объявлении¹⁹ (1913 г.) в артикуле таких изделий цифра «2» после запятой («1335,2», «1343,2» и т. д.) означает наличие у них автоматического голоса (лая). Добавим, что эти игрушки могли быть на прочном металлическом прямоугольном каркасе или без него; на металлических или деревянных колесиках и т. п. Поскольку характеристики сенбернара «для верховой езды» цесаревича Алексея из Александровского дворца Царского Села, нашедшие отражение в рассмотренных исторических источниках, не противоречат аналогичным признакам подобных штайффовских изделий, то можно предположить, что все эти предметы были изготовлены одной фирмой.

Как было рассмотрено ранее, штайффовские игрушки были молчаливыми «друзьями» великих князю и цесаревича Алексея в таких резиденциях, как Нижняя дача императора Николая II в Александрии, Екатерининский дворец и Александровский дворец в Царском Селе, Аничков дворец в Санкт-Петербурге. В Крыму, в Ливадийском дворце, царские дети также играли с животными, изготовленными компанией «Маргарете Штайфф ГмбХ». Примером тому могут послужить дошедшие до наших дней собака²⁰ и лисица²¹ 4 — экспонаты Сергиево-Посадского Музея игрушки. Эти мемориальные вещи поступили из Ливадийского дворца в 1929 г. (собака) и в 1932 г. (лисица). У обоих музейных предметов в левом ухе имеется металлическая пуговица с надписью «Steiff» заглавными буквами, в которой вторая буква «f» вытянута в длинную дугу. Такой пуговицей снабжалась штайффовская продукция начиная с 1906 г. Обратим внимание на то, что у данной собаки белого с коричневыми пятнами окраса, стоящей на четырех лапах, сохранился, кроме пуговицы, фрагмент белой ушной бирки. Сочетание описанной выше пуговицы с надписью «Steiff» и такой бирки, на которой был напечатан артикул товара со словами «Steiff Original», применялось для маркировки изделий в 1906–1924 гг. Возможно, эта собака была одной из любимых игрушек детей императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Другой экспонат из собрания Музея игрушки — штайффовская лисица из мохерового плюша с подвижными лапами и головой. Ее способность издавать звуки, благодаря наличию пищика в животе, вероятно, приносила радость играющим с ней императорским детям. Отметим, что данная модель шарнирной лисицы была представлена в каталогах компании в следующих размерах (в сантиметрах): 14 (1916–1933 гг.); 17 (1910–1933 гг.); 22 (1909–1933 гг.); 35 (1910–1919 гг.); 43 (1909–1909 г.)²².

Как известно, великим князьям и цесаревичу Алексею дарили много подарков, которые «бывали и очень ценные, но царские дети никогда не думали о их денежной стоимости. Они радовались и небольшой кустарной вещице и недорогой игрушке так же, как и дорогому подарку»²³. Дочери и единственный сын последнего российского императора бережно относились к вещам, в том числе к принадлежавшим им изделиям фабрики из Гингена-на-Бренце. Свидетельством тому является хорошее состояние сохранности тех немногочисленных штайффовских игрушек, которые ныне являются экспонатами Государственного Эрмитажа (медведь, кошка, шпиц) и Музея игрушки в Сергиевом Посаде (кегли-«слоны», лисица, собака), в то время как в начале XX века они сопровождали детство наследника цесаревича Алексея и его августейших сестер в императорских резиденциях.

19 *Dottie Ayers & Donna Harrison (translated by Lydia Pauli). Advertising Art of Steiff: Teddy Bears & Playthings. Cumberland, Maryland, 1991. P. 85.*

20 Игрушка-собака // Музей игрушки. Фонд «Зарубежная игрушка». МИ 5988.

21 Игрушка-лисица // Музей игрушки. Фонд «Зарубежная игрушка». МИ 6023.

22 *Pfeiffer Günther. Steiff sortiment 1892–1943. Taunusstein, 2002. S. 238.*

23 Цит. по: *Вырубова А. А. Неопубликованные воспоминания // Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 188–189.*

REFERENCES:

- Bardovskaya L. V., Bott I. K. *Sud'ba Aleksandrovsikogo dvortsa. Tsarskoe Selo – «lyubimets dvukh stoletii»: katalog vystavki* [The fate of the Alexander Palace. Tsarskoe Selo – «the favorite of two centuries»: Exhibition Catalog]. The State A. S. Pushkin Museum, St. Petersburg, Bronze Horseman Publ., pp. 67–73. (In Russian)
- Cieslik Jürgen & Marianne. *Button in ear. The History of the Teddy Bear and his friends*. Jülich, Marianne Cieslik Verlag, 1989. 264 p.
- Cieslik Jürgen & Marianne. *Steiff-Teddy Bears. Love for a Lifetime*. Jülich, Verlag Marianne Cieslik, 1994. 184 p.
- Detskii mir sem'i imperatora Nikolaya II. OTMA i Aleksei: katalog vystavki* [Children's world of the family of Emperor Nicholas II. OTMA and Alexey: Exhibition Catalog]. The Moscow State Integrated Museum Reserve «Kolomenskoe – Izmailovo – Lublino». Moscow, MGOMZ Publ., 2019. 200 p. (In Russian)
- Dottie Ayers & Donna Harrison (translated by Lydia Pauli). *Advertising Art of Steiff: Teddy Bears & Playthings*. Cumberland, Maryland, Hobby House Press, 1991. 127 p.
- Na detskoj polovine. Detstvo v tsarskom dome. OTMA i Aleksei: katalog vystavki* [In children's rooms. Childhood in the royal house. OTMA and Alexey: Exhibition Catalog]. The State Historical Museum. Moscow, Pinakoteka Publ., 2000. 143 p. (In Russian)
- Pfeiffer Günther. *125 Jahre Steiff Firmengeschichte. Die Margarete Steiff GmbH*. Königswinter: HEEL Verlag GmbH, 2005. 192 s. (In German)
- Pfeiffer Günther. *100 Years Steiff Teddy Bears: The Original Since 1902*. Königswinter: HEEL Verlag GmbH, 2001. 184 p.
- Shemanskii A., Geichenko S. *Poslednie Romanovy v Petergofe. Putevoditel' po Nizhnei dache* [The last Romanovs in Peterhof: a guide to the Lower Dacha]. Moscow, Leningrad, Print. House of Fine arts. 1931. 93 p. (In Russian)
- Ukhanova I. N. *Igrushki v sobranii Gosudarstvennogo Eshmitazha* [Toys in the State Hermitage collection]. St. Petersburg, Print. House of The State Hermitage Museum, 2011. 200 p. (In Russian)
- Yakovlev V. I. *Aleksandrovsikii dvorets-muzei v Detskom sele: ubranstvo: (vmesto kataloga)* [Alexander Palace-Museum in Detskoye Selo: decoration: (instead of a catalog)]. Detskoye Selo, Print. House of the Academy of arts, 1928. 560 p. (In Russian)

1 Игральная (классная) комната цесаревича Алексея в Нижнем дворце в Александрии

1927

Фотограф К. К. Кубеш

ГМЗ «Петергоф»

2 Штайффовские игрушки: кегли-«слоны»

1905–1906

Фотограф Е. С. Князева

Художественно-педагогический музей игрушки им. Н. Д. Бартрама

3 Штайффовские игрушки: медведь, кошка и шпиц

Начало XX в.

Фотографы Н. Н. Антонова, И. Э. Регентова

Государственный Эрмитаж

4 Штайффовские игрушки: собака и лисица

Начало XX в.

Фотограф Е. С. Князева

Художественно-педагогический музей игрушки им. Н. Д. Бартрама

► РОМАНОВЫ. МИР ДЕТСКОГО РИСУНКА

СИДОРОВА МАРИНА
ВИКТОРОВНА

Кандидат исторических наук, начальник
выставочного отдела, Государственный архив
Российской Федерации

119435, Россия, Москва, Большая
Пироговская ул., д. 17

sidmari@yandex.ru

Статья посвящена обучению рисованию и живописи в императорской семье Романовых. Рисование преподавалось вместе с основными науками, способствуя правильному мироощущению воспитанника, пробуждению его фантазии, прививало ребенку чувство изящного. С семи лет рисование входило в обязательный курс обучения и практиковалось под руководством известных художников. Урокам рисования отводилось два часа в неделю. На протяжении XIX в. жанры и сюжеты рисунков менялись, так же как менялась и манера обучения рисованию. Государственный архив Российской Федерации является единственным хранилищем России, где в наибольшем объеме представлены рисунки всех членов семьи Романовых, начиная от детей императора Павла I и кончая детьми последнего российского императора Николая II, в архиве выявлено и описано около 2500 «романовских» рисунков. Здесь и первые учебные этюды, классическое копирование с гипсов, пейзажи и интерьеры, портреты, путевые зарисовки, иллюстрации к художественным произведениям. Многие из этих рисунков не только раскрывают внутренний мир их авторов, но и скрупулезно фиксируют все бытовые мелочи, внутренние дворцовые интерьеры, домашний уклад семьи, показывают процесс обучения детей рисованию и всю обстановку, в которой проходило становление юных Романовых.

Ключевые слова: рисование, живопись, обучение, художники, император, великие князья

В императорской семье Романовых всегда придавали большое значение развитию в детях «приятных талантов». К таким талантам относились чтение, музыка и рисование. Обучение рисованию начиналось рано. В самом нежном возрасте дети раскрашивали цветными карандашами или пастелью нарисованные для них наставниками картинки и специальные «раскраски», обучаясь тем самым распознавать цветовую гамму. С семи лет рисование уже входило в обязательный курс обучения под руководством известных художников. Урокам рисования отводилось два часа в неделю. Первоначально дети копировали рисунки своих учителей, специально приготовленные для этой цели, а затем переходили к «сочинениям» собственных рисунков, сюжеты которых были просты и понятны: любимые домашние животные, птички, букеты цветов, сельские домики и пейзажи. После получения первоначальных «рисовальных» навыков начинались серьезные занятия — учились рисовать части человеческого тела, копировали картины известных мастеров, чертили геометрические фигуры и перспективы, отдельные фрагменты зданий. Несмотря на то что умение быстро и точно сделать зарисовки местности и возможность самостоятельно выполнить сложные технические чертежи были

► THE ROMANOV. THE WORLD OF CHILDREN'S DRAWING

SIDOROVA MARINA
VIKTOROVNA

PhD in History, Head of the Exhibition
Department, The State Archive of the Russian
Federation

17, Bolschaya Pirogovskaya st., Moscow, 119435,
Russia

sidmari@yandex.ru

The article is devoted to the teaching of drawing and painting in the imperial Romanov family. Drawing was taught together with the basic sciences, contributing to the correct attitude of the pupil, awakening his imagination, instilling in the child a sense of elegance. From the age of seven, drawing was part of a compulsory course of study, which took place under the guidance of famous artists. Drawing lessons were given two hours a week. Over the course of a century, the genres and subjects of drawings have changed, as well as the manner of teaching drawing has changed. The State archive of the Russian Federation is the unique storage place in Russia, where the drawings of all members of the Romanov family are presented in the largest volume, starting from the children of emperor Paul I to the children of the last Russian emperor Nicholas II. About 2500 drawings of Romanovs have been identified and described in the archive. There are the first educational studios, classical copying from plaster casts, landscapes and interiors, portraits, travel sketches, illustrations for works of literature. Many of these drawings not only reveal the inner world of their authors, but also scrupulously record all household details, the private interiors of imperial palaces, the family lifestyle, show the process of teaching children to draw and the whole environment in which the education took place.

Keywords: drawing, painting, education, artists, emperor, grand dukes

необходимы великим князьям как обязательное знание в их будущей военной службе, рисование в образовательном процессе имело все же не только прикладное значение, но, прежде всего, призвано было развивать в августейших детях художественное воображение и вкус.

Большинство детских и юношеских работ августейшего семейства хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). В настоящее время в архиве выявлено и описано более 2500 «романовских» рисунков, начиная от детей императора Павла I и кончая детьми последнего российского императора Николая II¹. Рисунки были выполнены в разных жанрах: первые «пробы пера», первые учебные этюды, классическое копирование с гипсов, пейзажи и интерьеры, портреты, путевые зарисовки, иллюстрации к художественным произведениям. На протяжении века жанры и сюжеты рисунков менялись, так же как менялась и манера обучения рисованию. В первой половине XIX в. Романовых обучали быстрому владению карандашом, правильному и точному, почти фотографическому изображению всех деталей рисунка, а потому основными жанрами были интерьерные, пейзажные зарисовки, портреты, военное обмундирование. Во второй половине века, когда необходимая точность деталей заменилась фотофиксацией и интерес к искусству рисования несколько снизился, работ стало создаваться значительно меньше, но они стали более фантазийными, с изображением всевозможных сценок, натюрмортов, бытовых зарисовок.

Самые ранние из сохранившихся «романовских» рисунков в ГА РФ представлены рисунками детей императора Павла I. Старшие его дети воспитывались под руководством царственной бабушки Екатерины Великой. Учителем рисования к ним был приглашен один из известных представителей русского классицизма XVIII в. академик Иван Акимович Акимов (1754–1814). Одержимая «манией строительства» и коллекционированием произведений искусства, бабушка старалась развивать у внуков с юных лет художественные дарования. Для того чтобы внуки могли изучать и копировать произведения «высокого искусства», императрица Екатерина II уже в 1778 г. приобрела для годовалого внука Александра коллекцию пробковых моделей памятников древнеримского зодчества, выполненную известным итальянским мастером Антонио Кики. В собрании ГА РФ, к сожалению, нет ни одного рисунка с этих моделей, которые бы принадлежали внукам Екатерины II. Зато эти модели активно использовались правнуками императрицы, детьми императора Николая I, и несколько таких рисунков есть в фондах архива². Екатерина II ввела и традицию представления учебных рисунков «августейших» детей на суд Академии художеств. Начало было положено еще в 1765 г., когда сын императрицы великий князь Павел Петрович прислал в Академию собственный рисунок — копию с произведения Ван Лоо. В 1796 г. подобные «опыты упражнения своего в художествах» преподнесли Академии внучки Екатерины II: великие княжны Александра, Елена, Мария и Екатерина. При этом представлены были не только рисунки, но и вылепленные из воска скульптурные произведения. По решению Совета Академии художеств, все работы «высочайших» рисовальщиков отмечались специальными дипломами на звание почетного любителя художеств³. В сохранившихся рисунках старших детей императора Павла I, великих князей Александра, Константина и всех великих княжон, из собрания ГА РФ преобладают перерисовки с архитектурных уражей и копирование с картин.

1 Изобразительные материалы XIX — начала XX века: каталог собрания / Государственный архив Российской Федерации. Т. 1. Рисунки членов Российской императорской фамилии. СПб., 2012.

2 См., напр., рисунки цесаревича Александра Николаевича «Арка Друза» (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 678. Оп. 1. Д. 167. Л. 10); великой княжны Марии Николаевны «Портик Октавии» (ГА РФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 543. Л. 1); великой княжны Ольги Николаевны «Храм мужского счастья» (ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 566. Л. 1).

3 Подробнее см.: Бахарева Н. Ю. Собственноручные работы членов семьи императора Павла I в собрании Государственного Русского музея // Страницы истории отечественного искусства XVI–XX века. СПб., 2007. С. 274–281.

Рисунки выполнены карандашом, акварелью и пастелью. Единственный в наших фондах рисунок 10-летнего будущего императора Александра I исполнен серого цвета акварелью и представляет довольно крупную двухэтажную жилую постройку на берегу реки с прорисованной вдали горной грядой⁴. Почти одновременно с рисунком старшего брата выполнил свои рисунки и великий князь Константин Павлович. На них также изображены архитектурные объекты, но достаточно простые — одноэтажные крестьянские домики. Рисунки также исполнены акварелью с преобладанием ярких красных и коричневых оттенков⁵. Рисунки великих княжон Александры, Марии, Екатерины и Елены разнообразнее, сложнее и интереснее по композиции и по количеству прорисованных архитектурных деталей и элементов. Даже по этим сохранившимся немногочисленным рисункам хорошо прослеживается процесс обучения: учебные пособия с простыми рисунками постепенно заменяются на более сложные архитектурные увражи. Прекрасное владение искусством рисования видно в более поздних работах великих княжон периода 1790-х гг. — в копировании с картин и гипсов. ❶ Наиболее преуспели в этом великие княжны Мария и Екатерина Павловны. Немалую роль в развитии художественных способностей великих княжон сыграла и их мать императрица Мария Федоровна. Она сама прекрасно рисовала на бумаге, стекле, фарфоре, занималась медальерным искусством, лепила из воска, работала с цветными камнями, янтарем, слоной костью.

После смерти Екатерины II на плечи Марии Федоровны легло воспитание младших детей — великих князей Николая и Михаила и великой княжны Анны. Первоначально учителем рисования у них был И. А. Акимов, обучавший старших детей, а с 1810 г. его сменил яркий представитель академизма, мастер исторических и религиозных сюжетов Василий Козьмич Шебуев (1777–1855). И хотя манера обучения рисованию осталась прежней — от простых фигур к более сложным архитектурным зарисовкам и копированию с гипсов — в рисунках великих князей Николая и Михаила Павловичей начинает развиваться, а впоследствии и доминировать военная тематика. И это вполне объяснимо, так как детство великих князей Николая и Михаила пришлось на период царствования их старшего брата Александра Павловича, время формирования и расцвета императорской гвардии и блистательных военных побед. Великие князья на своих рисунках всегда тщательно изображали детали обмундирования: обшлага, петлицы, воротники, демонстрируя при этом безупречное знание военной формы. Большой интерес для униформологии представляет серия рисунков-раскрасок из 22 изображений, выполненная великим князем Михаилом Павловичем и представляющая образцы униформы полков русской армии периода весны 1812–1814 гг., причем ценность данных рисунков состоит, прежде всего, в нанесенных великим князем подчистках и дорисовках элементов обмундирования, которые Михаил Павлович вносит в рисунки сразу после объявления очередного Высочайшего приказа об армейском обмундировании⁶. А великому князю Николаю Павловичу принадлежит единственное на сегодняшний день изображение мундира Дворянской роты, которая была сформирована в 1810 г. из пажей специально для обучения службе великих князей Николая и Михаила Павловичей⁷.

Сохранившиеся в большом количестве в ГА РФ детские и юношеские рисунки великого князя Николая Павловича красноречиво иллюстрируют слова его воспитателя Ахвердова, изложенные в отчете императрице Марии Федоровне: «усердно рисовал всякий день»⁸.

4 ГА РФ. Ф. 663. Оп. 1. Д. 238. Л. 20.

5 Там же. Л. 2, 22.

6 Подробнее см.: *Леонов О. В., Литвин А. А.* Детские рисунки великого князя Михаила Павловича как исторический источник по униформе русской армии в эпоху 1812 г. // *Культура и искусство в эпоху Николая I.* Материалы VI научной конференции «Императорская Гатчина». СПб., 2008. С. 76–84.

7 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1314. Л. 2, 4.

8 *Корф М. А.* Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования // *Николай I. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма.* СПб., 2008. С. 67.

Рисунки Николая исполнены достаточно легко, быстро, динамично, в большинстве своем простым карандашом на небольших листах бумаги. Значительное их количество выполнено в период 1815–1817 гг., когда Николай Павлович совершал заграничные поездки. Интересно отметить, что он практически никогда не рисует пейзажей или не делает зарисовок увиденных достопримечательностей. Большинство его рисунков — портреты-шаржи, некоторые из портретируемых изображены со спины. Сделанные с натуры, рисунки исполнены вполне серьезно, без карикатурности, очень портретно, но практически всегда с явным акцентом на какие-либо характерные особенности изображаемого лица. Моделями великому князю служили как представители ближайшего придворного окружения, так и люди неординарные — кто в силу своего характера, своей внешности или привычек, а кто-то прославился государственными делами или воинскими подвигами. Яркими иллюстрациями этого служат выполненные Николаем Павловичем портреты М. Б. Барклая-де-Толли, Ф. В. Остен-Сакена, А. И. Михайловского-Данилевского, А. А. Аракчеева, Ф. П. Уварова, австрийского императора, наследного принца Вюртембергского⁹. На большинстве рисунков присутствует характерная подпись-монограмма «Н III P» (Николай, Романов 3-й). Шарж остался излюбленным жанром и в рисунках Николая-императора. В ГА РФ сохранилась шуточная серия рисунков, изображающих женщин в парадной кавалергардской форме — в обтягивающих лосинах и высоких ботфортах, датируемая 1829 г. **2** Иногда даже резюмиции на донесениях близких лиц придворного окружения Николай I сопровождает своим профилем, а на письмах детям вместо подписи рисует нос «длинноносого Папа»¹⁰.

Определенными «рисовальными» способностями обладала и императрица Александра Федоровна. Современники вспоминали, что часто на вечерах она рисовала на деревянных дощечках цветы, а затем дарила эти рисунки друзьям¹¹. Но таких рисунков в собрании ГА РФ нет — рисунки императрицы представлены ее юношескими работами, когда она еще была прусской принцессой Шарлоттой, дочерью прусского короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы. Уроки рисования принцессе Шарлотте, очевидно, давал придворный художник-миниатюрист Иоганн Хойзингер (1769–1846). Отсюда и любовь принцессы к малоформатным произведениям, в ряде случаев — очень тщательная проработка деталей рисунка. Сюжеты большинства ее юношеских работ — видовые зарисовки любимых мест, парков и дворцов, что вполне оправданно в эпоху отсутствия фотографии¹².

В семье императора Николая I было семеро детей: четыре мальчика и три девочки. Детей любили, но не баловали и очень ответственно подходили к их воспитанию и образованию. Общая система обучения царственных детей была разработана В. А. Жуковским. Немаловажную роль в ней занимало рисование, которое призвано было развивать «приятные таланты» и природные наклонности учеников. Обучением императорских детей рисованию занимался профессор батальной живописи Александр Иванович Зауервейд (1783–1844), а после его смерти, с 1845 года — его коллега Богдан Павлович Виллевалде (1819–1903). Большинство великокняжеских работ выполнено карандашом, так как детей, особенно мальчиков, будущих военных, приучали к развитию глазомера и основам черчения, быстрым зарисовкам местности. Отсюда и предпочитаемые жанры — пейзаж и интерьер. Любимые петергофские и царскосельские виды присутствуют во всех детских рисунках:

9 Подробнее о рисунках Николая I см.: *Сидорова М. В., Литвин А. А.* Рисунки-шаржи императора Николая I // Курьез в искусстве и искусство курьеза. Материалы XIV Царскосельской научной конференции. СПб., 2008. С. 349–365; *Сидорова М. В., Литвин А. А.* «Усердно рисовал всякий день» // Родина. 2013. № 3. С. 70–75.

10 См. Урок рисования: каталог выставки. СПб., 2006.

11 Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 1. С. 91.

12 *Сидорова А. Н.* Рисунки прусских королевских резиденций в альбомах императрицы Александры Федоровны // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2009. Т. VI. С. 379–385; *Сидорова А. Н., Сидорова М. В.* «Прелестная страна Силезия» в альбомах императрицы Александры Федоровны // Россия — Польша. Два аспекта европейской культуры. Сборник научных статей XVIII Царскосельской конференции. СПб., 2012. С. 528–538.

Финский залив и корабли у Кронштадта, маяк и Капелла в Александрии, вид из окон Коттеджа, Камеронова галерея и Китайская деревня в Царском Селе. ³ Неизменно во всех рисунках детей присутствуют зарисовки своих комнат, изредка комнат родителей и близких людей. Иногда это была четкая фиксация всего мебельного убранства комнат, в ряде случаев центром рисунка становилось открытое окно с раскрывающимся пейзажем, а из предметов интерьера фиксировались лишь стоящие около окна предметы. Очень интересен альбом с собственноручными работами великой княжны Марии Николаевны, рисунки которого запечатлели утраченные интерьеры Знаменки, Ропши, Зимнего дворца до пожара 1837 г. и дворца в Вознесенске¹³. Необходимо отметить серию солдатских портретов, выполненных Константином, Ольгой и Марией. На портретах изображены георгиевские кавалеры, состоящие при императорских детях для различных подсобных работ: ухода за лошадьми, оружием, игровыми площадками. Помимо достижения портретного сходства персонажей, дети тщательно фиксировали особенности одежды портретируемых — знаки отличия на воротниках и рукавах, ордена и медали на сюртуках. Эти рисунки, а также живописные портреты солдат, выполненные великими княжнами, согласно старым инвентарным книгам Зимнего дворца, постоянно висели в рабочем кабинете императора Николая I¹⁴. Фантазийными рисунками отличался великий князь Константин Николаевич. Портреты, пейзажи, бытовые сценки, иллюстрации к прочитанным книгам, вымышленные сюжеты — все представлено в его детских рисунках. Рисовал он много, с большим удовольствием, а записи своего дневника часто сопровождал смешными зарисовками. Отправляясь в очередное плавание, он непременно вел путевые альбомы¹⁵.

В отличие от семьи Николая I, где руководителем воспитательного процесса являлся отец-император, в семье Александра II все вопросы воспитания детей полностью лежали на императрице. Не имея четкого представления и соответствующего ориентира, Мария Александровна постоянно металась в поисках правильных воспитательных программ, которые императрице в большом количестве предлагали дипломаты и генералы, писатели и педагоги. Некоторые из этих программ начинали применяться в императорской семье, но ни одна из них не была доведена до логического завершения. Частые перемены в направлении воспитания, постоянно меняющийся штат воспитателей и педагогов затронул и процесс обучения живописи¹⁶. Ни в одной императорской семье не было столько учителей рисования, как в семье Александра II. Наследника цесаревича Николая Александровича, а также великих князей Александра и Владимира первоначально обучал профессор исторической и портретной живописи Николай Иванович Тихобразов (1818–1874), которого в 1861 г. сменил итальянец Эдуардо Пастина. Великим князьям Алексею и Сергею Александровичам и, очевидно, великой княжне Марии Александровне уроки рисования давал профессор исторической живописи Александр Егорович Бейдеман (1826–1869), а после его смерти рисование Сергею и Павлу преподавал Михаил Петрович Клодт (1835–1914), мастер жанровых и исторических сцен. Активная творческая деятельность всех названных художников пришлась на середину XIX в. — эпоху, когда русская живопись выходила на новый этап своего развития. Академизм начала XIX в. сменился критическим реализмом, где особенно популярным был бытовой жанр и «философский» пейзаж. Творческое влияние учителей на августейших учеников очень заметно в их детских рисунках. В сохранившихся работах хорошо видно, как меняется в середине XIX в. процесс и методика обучения рисованию.

13 Сидорова А. Н. История одного альбома // Урок рисования: каталог выставки. С. 77–86.

14 Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 8А. Д. 2, 3.

15 Сидорова М. В. Августейшие рисовальщики // Урок рисования: каталог выставки. С. 27–38; Сидорова А. Н. Развитие «приятных талантов» (литература и искусства в процессе воспитания детей императора Николая I) // Культура и искусство в эпоху Николая I. С. 111–129.

16 Подробнее см.: Сидорова А. Н. «Образовать в детях ум, сердце и душу». Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II. М., 2019. С. 223–270.

То, что раньше не приветствовалось (например, рисование акварелью и сочинение рисунков на свободную тему), сейчас активно поощряется.

Работы самого Александра II в бытность его цесаревичем выполнены карандашом. Его петергофские пейзажи с гласомерной точностью фиксируют расположение каждого объекта рисунка, что характерно для методики обучения рисованию в начале XIX в. Великие князья — будущие военные — должны были четко и быстро владеть карандашом; акварель, как достаточно трудоемкий способ рисования, не поощрялась. Впоследствии, уже будучи императором, Александр Николаевич с удовольствием пользуется акварелью, работая над сериями рисунков с изображением мундиров Российской императорской и ряда зарубежных армий. Военная тематика — излюбленная в его рисунках. Зато рисунки детей Александра II, практически все выполненные акварелью, не содержат ни одного военного сюжета. Романтические пейзажи великого князя Владимира Александровича, жанровые сценки цесаревича Николая Александровича, различные предметы, выписанные с филигранной точностью Сергеем Александровичем, и народности России, трогательно и наивно перерисованные (очевидно, из «Живописного обозрения») великой княжной Марией, говорят о многообразии жанровых пристрастий императорских детей и влиянии их учителей.

Любили рисовать и в большой и дружной семье императора Александра III. Практически все хранящиеся в фондах ГА РФ рисунки самого императора относятся к детским работам. Часть из них — это подарочные рисунки родителям, исполненные акварелью на картоне на специальных листах с тисненым паспорту. ⁴ Основные их сюжеты — копирование или собственное сочинение к прочитанным книгам или учебным пособиям. Разнообразные сюжеты и жанры рисунков великого князя Александра Александровича присутствуют в небольших по формату альбомах, которые он часто носил с собой. Один из таких альбомов подарил в 1857 г. будущему императору его учитель рисования Н. А. Тихобразов. Внутри альбома — несколько работ художника, которые, по мысли учителя, должны были служить великому князю своеобразным учебным пособием¹⁷. Следует отметить некоторую торопливость, отчасти неряшливость альбомных рисунков Александра Александровича, отсутствие должной точности; великого князя скорее интересует сюжет рисунка, нежели правильная манера его исполнения. Он рисует все: людей, предметы, деревья, лодки, корабли, музыкальные инструменты, животных; интерьерные зарисовки заменяет чертежными планами жилых дворцовых помещений. И, что интересно, у Александра Александровича, в отличие от деда Николая I и тем более от отца Александра II, полностью отсутствуют военные сюжеты.

Тщательностью, добротностью, уравновешенностью исполнения отличаются рисунки императрицы Марии Федоровны в бытность ее датской принцессой Дагмар. Папка и альбом с учебными рисунками начала 1860-х гг., привезенные из Дании, содержат карандашные и акварельные рисунки будущей императрицы с изображениями кухонной утвари, портретными и пейзажными зарисовками¹⁸. Ее учителем рисования был достаточно известный датский художник-пейзажист Генрих Бунтцен (1803–1892). Рисунки, которые Мария Федоровна выполнила уже будучи императрицей, присутствуют в собрании ГА РФ лишь на письмах, адресованных детям. Это цветы, автопортреты, небольшие пейзажные зарисовки.

Пятерым детям Александра III — великим князьям Николаю, Георгию, Михаилу и великим княжнам Ксении и Ольге — рисование преподавал профессор жанровой живописи Кирилл Викентьевич Лемох (1841–1910). Рисунки великих князей Николая, Георгия и Михаила Александровичей не отличаются особым разнообразием и представляют в основном учебные работы на заданную преподавателем тему. Большинство зарисовок имеют собственноручные подписи с указанием даты. Из сюжетов преобладают сельские пейзажи с деревянными домами, старыми лодками, покосившимися постройками — характерная

17 Записная книжка великого князя Александра Александровича с рисунками и записями // ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 244.

18 Альбом с рисунками // ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 3337.

тема творчества их учителя рисования. Интересны интерьерные зарисовки, на которых безошибочно определяются жилые комнаты Гатчинского дворца. **5** Ученические работы великой княжны Ксении Александровны более разнообразны. Здесь и цветы, и фигуры людей, жанровые зарисовки, персонажи басен. Правда, большая часть рисунков великой княжны небольшого формата и находится в ее дневниках.

Для младшей дочери императора Александра III — великой княгини Ольги Александровны — умение рисовать оказалось одним из средств существования в годы эмиграции. На выставках ее работ, проходивших в Москве, Петербурге, Екатеринбурге, были представлены картины и рисунки великой княгини в разнообразных техниках и жанрах, выполненные в эмиграции и находящиеся по преимуществу за рубежом. В фондах ГА РФ выявлено более 60 рисунков великой княгини Ольги Александровны. Их условные хронологические рамки — 1894–1916 г. Часть из указанных рисунков небольшого формата, они выполнены в детском альбомчике, в основном цветными карандашами и акварелью. Большинство из них представляют собой сюжетные зарисовки с группами людей, детей, животных. Встречаются и интерьеры, изображения предметов и бесконечно любимых цветов. Среди рисунков периода 1914–1916 г. следует выделить портреты матери — императрицы Марии Федоровны, великой княжны Татьяны Николаевны, мужа А. Н. Куликовского, собственный автопортрет.

Сохранившиеся в ГА РФ учебные документы детей императора Николая II, к сожалению, пока не дают представления, с какого возраста в семье началось обучение детей основам живописи. В списках преподавателей зафиксировано, что в октябре 1912 г. учителем рисования был назначен ученик И. Е. Репина художник Дмитрий Николаевич Кардовский (1866–1943), который сменил на этом посту художника-иконописца Андрея Харлампиевича Преображенского (1855–?)¹⁹. Известно также, что, когда императорская семья находилась в Ливадии, живописью с детьми занимался архитектор Николай Петрович Краснов (1864–1939)²⁰. Художница-пейзажистка и мастер прикладного и декоративного искусства Александра Петровна Шнейдер (1863–1942) отмечала, что также давала по просьбе Александры Федоровны великим князьям несколько уроков живописи²¹. Наиболее любимые и известные цветочные композиции А. П. Шнейдер особенно угадываются в рисунках императорских дочерей. Влияние Шнейдер хорошо видно и в рисунках-поздравлениях родителям, выполненных великими князьями в очень модной тогда форме открыток. Рисунки цесаревича Алексея Николаевича не позволяют сделать вывод, что он получил достаточные знания в искусстве рисования. Сделанные им в тринадцатилетнем возрасте в 1917 г. на маленьких листах блокнота рисунки остались такими же детскими и наивными, как и выполненные в совсем нежном возрасте, когда он с видимым удовольствием рисовал на больших листах акварелью портреты свитских генералов.

Безусловно, рассматривать детские рисунки представителей семьи Романовых как объект серьезного художественного творчества не представляется возможным. Но нельзя не признать, что эти рисунки являются ценным историческим источником. Для современных исследователей истории XIX в., которые изучают изобразительное искусство как важный способ передачи информации, эти рисунки сохранили огромный пласт сведений о нюансах и мелочах дворцовой жизни. Многие из этих рисунков не только раскрывают внутренний мир их авторов, но и скрупулезно фиксируют все бытовые мелочи, дворцовые интерьеры, домашний уклад семьи, показывают ход обучения детей рисованию и всю обстановку, в которой проходил воспитательный и учебный процесс.

19 Список преподавателей детей императора Николая II // ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

20 Рисунки великих княжон Татьяны и Ольги, выполненные под руководством Н. П. Краснова, опубликованы: Романовы. Воспоминания о Крыме (материалы к выставке) / Государственный музей-заповедник «Царичино». М., СПб., 2022. С. 192–193.

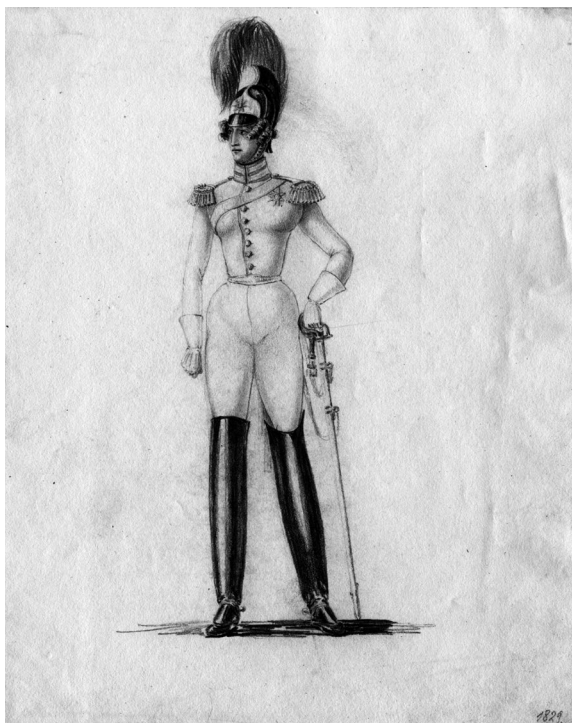
21 Цит. по: Преображенская Е. Учительница рисования великих княжон // Наследие империи. URL: <https://rusnasledie.info/uchitelnica-risovaniya-velikix-knyazhon> (дата обращения 28.10.2022).

REFERENCES

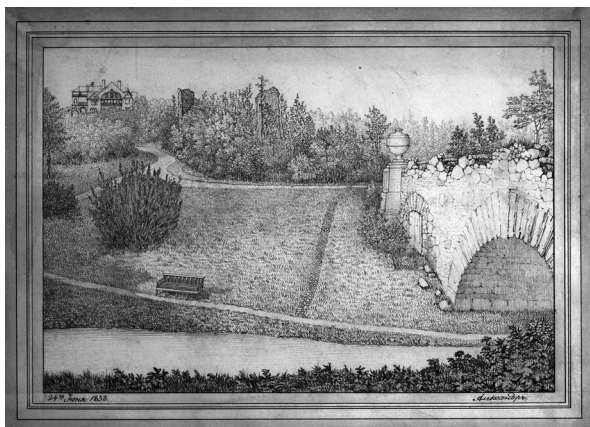
- Bakhareva N. Y. *Sobstvennoruchnye raboty chlenov sem'i imperatora Pavla I v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeya* [Hand-made works of members of the family of Emperor Paul I in the collection of the State Russian Museum]. Pages of the history of Russian art of the XVI–XX century. Vol. 13. St. Petersburg, The State Russian Museum Publ., 2007, pp. 274–281. (In Russian)
- Izobrazitel'nye materialy XIX – nachala XX veka v fondakh GA RF* [Pictorial materials of the XIX – early XX century in the funds of the State Archive of the Russian Federation. Catalog of the collection]. Vol. I. Drawings of members of the Russian imperial family. St. Petersburg., Petronij, 2012. 280 p. (In Russian)
- Leonov O. V., Litvin A. A. *Detskie risunki velikogo knyazya Mikhaila Pavlovicha kak istoricheskij istochnik po uniforme russkoi armii v ehpokhu 1812 goda* [Children's drawings of Grand Duke Mikhail Pavlovich as a historical source on the uniform of the Russian army in the era of 1812]. Culture and Art in the era of Nicholas I. Materials of the scientific conference. Collection of articles. St. Petersburg, LLC "Firm Alina", 2008, pp. 76–84. (In Russian)
- Romanovy. Vospominaniya o Kryme* [The Romanovs. Memories of the Crimea]. Materials for the exhibition March 4 – July 3, 2022 / GMZ "Tsaritsyno". Moscow, St. Petersburg, Trading house "Copper Horseman", 2022, 496 p.
- Sidorova A. N. *Istoriya odnogo al'boma* [The history of one album]. Drawing lesson: exhibition catalog. St. Petersburg, Petronius, 2006, pp. 77–86. (In Russian)
- Sidorova A. N. *Risunki prusskikh korolevskikh rezidentsii v al'bomakh imperatritsy Aleksandry Fedorovny* [Drawings of Prussian royal residences in the albums of Empress Alexandra Feodorovna]. Bulletin of History, Literature, Art: almanac. Vol. VI. Moscow, Russian Academy of Sciences, 2009, pp. 379–385. (In Russian)
- Sidorova A. N., Sidorova M. V. *"Prelestnaya strana Sileziya" v al'bomakh imperatritsy Aleksandry Fedorovny* ["The charming country of Silesia" in the albums of Empress Alexandra Feodorovna]. Russia-Poland. Two aspects of European culture. Collection of scientific articles of the XVIII Tsarskoye Selo Conference. St. Petersburg, The Silver Age, 2012, pp. 528–538. (In Russian)
- Sidorova A. N. *"Obrazovat' v detyakh um, serdtse i du-shu". Vospitanie velikikh knyazei v sem'yakh imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II* ["To form the mind, heart and soul in children". Education of Grand Dukes in the families of Emperors Nicholas I and Alexander II]. Moscow, Kuchkovo field, Museon, 2019. 382 p. (In Russian)
- Sidorova A. N. *Razvitiye "priyatnykh talantov" (literatura i iskusstva v protsesse vospitaniya detei imperatora Nikolaya I)* [The development of "pleasant talents" (literature and art in the process of educating the children of Emperor Nicholas I)]. Culture and Art in the era of Nicholas I. Materials of the scientific conference. Collection of articles. St. Petersburg, LLC "Firm Alina", 2008, pp. 111–129. (In Russian)
- Sidorova M. V. *Avgusteishie risoval'shchiki* [August draftsmen]. Drawing lesson: exhibition catalog. St. Petersburg, Petronius, 2006, pp. 27–38. (In Russian)
- Sidorova M. V., Litvin A. A. *"Userdno risoval vsyakii den"* ["Diligently painted every day"]. Rodina. 2013, no 3, pp. 70–75. (In Russian)
- Sidorova M. V., Litvin A. A. *Risunki-sharzhi imperatora Nikolaya I* [Drawings-caricatures of Emperor Nicholas I]. Curiosity in art and the art of curiosity. Materials of the XIV Tsarskoye Selo Scientific Conference. St. Petersburg, State Hermitage Publishing House, 2008, pp. 349–365. (In Russian)

1 Екатерина Павловна, великая княжна
Рисунок с гипсовой головы
1799
ГА РФ

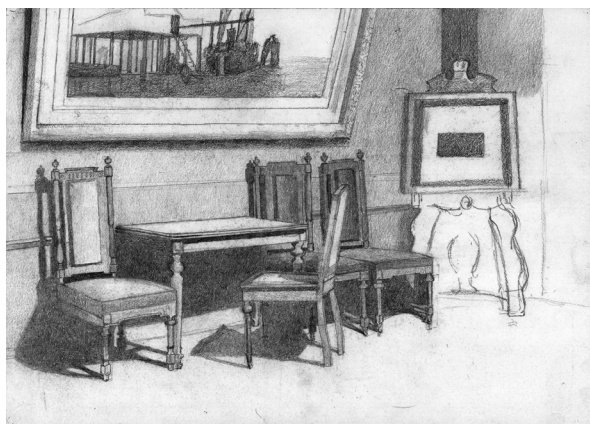
2 Николай I, император
Женщина в парадной кавалергардской форме
1829
ГА РФ

3 Александр Николаевич, цесаревич
Петергофский пейзаж (вид на Руинный мост и Коттедж)
 1832
 ГА РФ

4 Александр Александрович, великий князь
Крестьянин с лошадью
 1855
 ГА РФ

5 Николай Александрович, цесаревич
Часть комнаты с мольбертом
 ГА РФ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ДЕТСТВА

► ВЕЛИКИЕ КНЯЖНЫ МАРИЯ, ЕЛИЗАВЕТА И ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНЫ В ОРАНИЕНБАУМЕ В 1837 Г.

НОВОКРЕЩЕНОВА
ЕЛИЗАВЕТА СЕРГЕЕВНА

Студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

105066, Россия, Москва, Старая Басманная ул., 21/4, ст. 1

esnovokreschenova@edu.hse.ru

В 1837 г. великая княгиня Елена Павловна отправилась в путешествие на юг Российской империи. Оставив своих дочерей великих княжон Марию, Елизавету и Екатерину Михайловну в столице, она продолжала обмениваться с ними письмами. Пока их матери не было рядом, великие княжны провели конец лета и начало осени в Ораниенбауме. Это место в первой половине XIX в. было одной из загородных резиденций семьи великого князя Михаила Павловича. В то время как хозяйственная деятельность великой княгини Елены Павловны в Ораниенбауме современными исследователями рассмотрена весьма основательно, детский мир Ораниенбаума не привлекал достаточного внимания исследователей. Данная работа изучает жизнь ребенка в Ораниенбаумской резиденции. Используя главным образом до сих пор не введенные в научный оборот письма дочерей великой княгини Елены Павловны из фондов Государственного архива Российской Федерации, автор рассматривает биографии трех великих княжон, обозначает нюансы работы с их письмами и анализирует то, что великие княжны писали об Ораниенбауме, концентрируясь на ежедневных занятиях и развлечениях, а также на их личном отношении к Ораниенбауму. Сделанные выводы позволяют не только рассматривать Ораниенбаум как место для ежедневных занятий или праздников, но и выявить особое отношение великих княжон к нему, выделяющее его среди других загородных резиденций императорской фамилии 30-х годов XIX в.

Ключевые слова: великая княгиня Елена Павловна, великие княжны, воспитание, детство, Ораниенбаум

► THE GRAND DUCHESSES MARIYA, ELIZAVETA AND EKATERINA MIKHAILOVNAS IN ORANIENBAUM IN 1837

NOVOKRESHCHENOVA
ELIZAVETA SERGEEVNA

Student, Higher School of Economics University

21/4, building 1, Staraya Basmannaya st., Moscow, 105066, Russia

esnovokreschenova@edu.hse.ru

In 1837, Grand Duchess Elena Pavlovna went on a trip to the south of the Russian Empire. Leaving her daughters, Grand Duchesses Maria, Elizabeth and Ekaterina Mikhailovna, in the capital, she continued to exchange letters with them. While their mother was not around, the Grand Duchesses spent the end of summer and the beginning of autumn in Oranienbaum. This place in the first half of the XIX century was one of the country residences of the family of Grand Duke Mikhail Pavlovich. While the economic activities of Grand Duchess Elena Pavlovna in Oranienbaum have been thoroughly examined by modern researchers, the children's world of Oranienbaum has not found sufficient attention from researchers. This work studies the life of a child in the Oranienbaum residence. Using mainly the letters of the daughters of Grand Duchess Elena Pavlovna from the funds of the State Archive of the Russian Federation that have not yet been introduced into scientific circulation, the author examines the biographies of the three Grand Duchesses, identifies the nuances of working with their letters and analyzes what the Grand Duchesses wrote about Oranienbaum, concentrating on aspects of daily classes and entertainment, as well as on their personal relation to Oranienbaum. The conclusions made allow not only to consider Oranienbaum as a place for daily classes or holidays, but also to reveal the special attitude of the Grand duchesses to it, which distinguishes it from other country residences of the imperial family of the 30s of the XIX century.

Keywords: Childhood-studies, The Grand Duchess Elena Pavlovna, The Grand Duchesses, Oranienbaum, Upbringing

В исследовательской литературе о великой княгине Елене Павловне, супруге великого князя Михаила Павловича (брата императора Николая I), в основном рассматривают роль ее личности в политической и культурной жизни Российской империи¹, участие во внешней политике², ее благотворительную деятельность³. Однако очень много вопросов,

1 *Резникова Е. Е.* Великая княгиня Елена Павловна в политической и культурной жизни России: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Баженова О. К., Беляков Н. А., Конюхова Е. В.* Великая княгиня Елена Павловна. СПб., 2011.

2 *Soroka M. E.* Becoming a Romanov: Grand Duchess Elena of Russia and her World (1807–1873). Surrey, 2015.

3 *Мельникова Л. В.* Русская Православная Церковь и Крымская война, 1853–1856 гг. М., 2012. С. 135–140; *Ефимушкина Е. В.* Община сестер милосердия в России в представлениях окружения великой княгини Елены Павловны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2019. № 86. С. 97–109.

выходящих за рамки этих тем, остаются недостаточно изученными. Одному из них — детству ее дочерей, великих княжон Марии Михайловны, Елизаветы Михайловны и Екатерины Михайловны, — в современной литературе почти не уделяется внимания. О них писали очень мало не только придворные, но и члены императорской фамилии, оттого они и по сей день остаются малоприметными великими княжнами династии Романовых. А между тем в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фондах великой княгини Елены Павловны (ф. 647) и великого князя Михаила Павловича (ф. 666) хранится корпус источников, относящихся к детству и Марии, и Елизаветы, и Екатерины. В нем можно найти документы, созданные как взрослыми, окружавшими великих княжон, так и детьми: ученические тетради, письма и дневник. Обращение к этим материалам позволяет исследовать новые вопросы истории детства в Российской империи, но, прежде чем говорить о них, следует подробнее рассказать о великих княжнах. В этой части статьи, не имея возможности охватить все стороны их жизни, мы через рассказ о каждой великой княжне покажем отдельные аспекты их взаимодействия с матерью.

Начнем с великой княжны Марии Михайловны. В основном те упоминания о ней, что нам оставили современники, повествуют об отдельных эпизодах ее жизни⁴, а книга, написанная после ее смерти, излагает читателям идеализированную биографию⁵. Все это не формируется в отдельный биографический нарратив, и большинство исследователей, упоминая о ней, часто ограничиваются указаниями годов ее жизни: с 25 февраля (9 марта) 1825 г. по 7 (19) ноября 1846 г. Между тем документы, сохранившиеся в ГА РФ, указывают на то, что она почти всю свою жизнь провела рядом с матерью. Великая княгиня Елена Павловна часто брала Марию с собой в поездки. Они вместе путешествовали не только в Европу (в 1828–1829, 1840, 1845 гг. и, наконец, в свою последнюю поездку в 1846 г., во время которой Мария умерла у родителей на руках), но и в Крым в 1841 г. Конечно же, случались и периоды разлуки, самый большой из которых пришелся на 1837 г., когда Елена Павловна уехала в Крым, оставив троих дочерей в Петербурге.

О жизни великой княжны Елизаветы Михайловны нам известно немного больше: она родилась 14 (26) мая 1826 г., вышла замуж в 1844 г. и умерла 16 (28) января 1845 г. Помимо упоминаний в дневниках и письмах⁶, а также краткой посмертной биографии⁷, остались мемуары, охватившие последний год ее жизни⁸. Отчеты гувернанток, а также ее письма из архива свидетельствуют, что Елена Павловна оставляла Елизавету и Екатерину в Петербурге чаще, чем Марию: в 1828 г. они находились под присмотром императрицы Марии Федоровны, после ее смерти, до возвращения матери в 1829 г., — на попечении императорской четы, и в 1841 г. они остались в Петербурге вместе с отцом Михаилом Павловичем. В 1837 г. из Петербурга уехали и Елена Павловна, и Михаил Павлович, и из-за того, что Николай I, императрица Александра Федоровна и великий князь Александр Николаевич отправились

- 4 *Николай I, император*. Записные книжки великого князя Николая Павловича, 1822–1825. М., 2013. С. 533–672; Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М., 1926. С. 211; Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I, 1838–1839. М., 2008. С. 182–372; *Самсонов Г.П.* Воспоминания // Исторический вестник. СПб., 1901. Т. 86. С. 930.
- 5 Голос верноподданной при получении печального известия о кончине е.и.в. государыни великой княжны Марии Михайловны. 7 ноября 1846 г. СПб., 1846.
- 6 Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. С. 202–211; Письма императора Николая I и великого князя Михаила Павловича // Русская старина. СПб., 1902. Т. 110. Вып. 5. С. 226; Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. С. 227–454; *Корф М.А.* Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа. 1845 г. // Русская старина. СПб., 1899. Т. 100. Вып. 12. С. 506–507; *Мария Федоровна, императрица*. Заметки на Ферме в Павловске 1809–1828 гг. // Павловск: очерк истории и описание, 1777–1877. СПб., 1877. С. 512–515.
- 7 *Вяземский П.А.* Освящение новосооруженной надгробной ее императорского высочества государыни великой княгини Елизаветы Михайловны церкви во имя святые праведные Елизаветы в Висбадене. СПб., 1855.
- 8 *Базаров И.И.* Воспоминания протоиерея // Русская старина. СПб., 1901. Т. 105. Вып. 2. С. 283–293.

в Крым⁹, никто из взрослых членов императорской фамилии с великими княжнами остаться не мог. Однако поездки Елены Павловны случались не так часто, больше времени она все-таки проводила рядом с дочерьми.

Из литературы нам известно, что Елена Павловна руководила образованием великих княжон: в ГА РФ сохранилось несколько проектов, которые ей предоставляли преподаватели¹⁰, доклады об обучении и тетради великих княжон. Но есть еще кое-что, на что нам хотелось бы обратить внимание. Не случайно мы связали этот рассказ с Елизаветой, так как именно среди ее писем нами была найдена небольшая записка. Для того чтобы утверждать, что у Елизаветы были проблемы с желудком, подобные тем, которые, по воспоминаниям Паулины Вюртембергской, были в детстве у великой княгини Елены Павловны¹¹, пока нет достаточных оснований, однако, судя по некоторым упоминаниям специальной диеты, которая запрещала ей есть мясо¹², за приемами пищи Елизаветы, внимательно следили. В записке она спрашивает мать, может ли она поесть курицы за обедом. На что, скорее всего, Елена Павловна ей отвечает, что пусть она также поест немного овощей¹³. Это может нам сказать о том, что Елена Павловна распоряжалась и повседневной жизнью великих княжон. Казалось бы, на этом всеохватывающем контроле со стороны матери можно было бы закончить разговор о воспитании великих княжон, но документы из ГА РФ позволяют нам судить еще об одной стороне детства Марии, Елизаветы и их сестры.

Родившаяся 16 (28) августа 1827 г. Екатерина была единственной дочерью, которая пережила своих родителей. В 1851 г. она вышла замуж за Георга Мекленбург-Стрелицкого и, оставшись в России, посвятила себя благотворительной деятельности. История ее свадьбы освещена в литературе¹⁴ намного подробнее, чем период ее детства¹⁵. Среди написанного про взрослую Екатерину нам хотелось бы выделить отрывок из диссертации Екатерины Евгеньевны Резниковой, в которой она подытожила, что Екатерина помогала матери в ее политической деятельности, «находясь со своей матерью в тесном эмоциональном контакте»¹⁶. Там же, но чуть выше исследовательница отмечает эмоциональную сдержанность Елены Павловны в отношении своих детей¹⁷. Возникают вопросы: в чем проявлялась эмоциональная сдержанность и как ее можно измерить? Ценою подарков? Количеством писем? Или, может быть, временем, которое мать отводила общению с детьми? Архивные источники показывают, что Елена Павловна встречалась с великими княжнами не только во время семейных ритуалов, таких как обеды и общие праздники, но и в свое свободное

9 Сафонов С. В. Описание пребывания императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года. Одесса, 1840.

10 Резникова Е. Е. Великая княгиня Елена Павловна в политической и культурной жизни России... С. 36–37.

11 Баженова О. К. Великая княгиня Елена Павловна: формирование характера // Великая княгиня Елена Павловна. С. 36.

12 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [9 (10?) августа 1837 г.] // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 647. Оп. 1. Д. 884. Л. 212 об.–213 об.

13 Записка великой княжны Елизаветы Михайловны. [Б. д.] // Там же. Л. 432.

14 Давыдова И. А. Путешествие великой княгини Екатерины Михайловны в Англию в 1852 г. (по отчетам русского посла в Лондоне) // Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома: сборник трудов международной научной конференции, 16–18 октября 2001 года. СПб., 2005. С. 95–97; Казакова С. В. К истории заключения брака великой княжны Екатерины Михайловны и герцога Георга Августа Мекленбург-Стрелицкого // Там же. С. 84–94; Она же. Проблема выбора супруга в династическом браке великой княжны Екатерины Михайловны // Там же. С. 70–75; Конюхова Е. В. Благотворительная деятельность герцогов Мекленбург-Стрелицких в России // Там же. С. 146–159.

15 Александра Николаевна, великая княжна. Дневник великой княжны Александры Николаевны // Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1801–1881. СПб., 2007. С. 183; Мария Федоровна, императрица. Заметки на Ферме в Павловске 1809–1828. С. 512–515; Булгаков А. Я. Из писем А. Я. Булгакова к его брату, 1833 год // Русский архив. 1902. Вып. 4. С. 587–600.

16 Резникова Е. Е. Великая княгиня Елена Павловна в политической и культурной жизни России... С. 103.

17 Там же. С. 36.

время. Возможность родителей чаще взаимодействовать с дочерьми, на наш взгляд, определяет не только отношение взрослых к детям, но и отношение детей ко взрослым. Это в свою очередь влияет на содержание их переписки.

В рамках данной статьи мы подробнее рассмотрим письма Марии¹⁸, Елизаветы¹⁹ и Екатерины²⁰ матери. Прежде чем переходить к их содержанию, следует коротко обозначить некоторые аспекты специфики работы с ними. Дело с письмами Марии (№ 856) датировано 1830–1831 гг. Действительно, Елена Павловна в 1831 г. осенью совершила поездку в Англию, согласно литературе, взяв с собой двух дочерей²¹. Но при более детальном ознакомлении с письмами мы засомневались в подобной датировке. Во-первых, почерк, которым Мария писала эти письма, не похож на почерк писем, которые она писала отцу в 1830–1831 гг. Во-вторых, найденные нами в фонде великого князя Михаила Павловича три письма великих княжон, написанных одно за другим на нескольких листах, свидетельствуют о том, что Мария ездила в Англию вместе с матерью²². Сверив некоторые подписанные даты с юлианским календарем, мы выяснили, что письма относятся к 1837 г. Но даты были проставлены не на всех листах. Тогда мы обратили внимание на совпадение описанных событий с письмами ее сестер. Оно доказывает, что в этом деле большинство писем относится к периоду июля — ноября 1837 г. Причина, по которой архивный работник перепутал цифры, возможно, заключается в том, что цифра «7» в написании похожа на «1». Чтобы доказать, что это не единица, а семь, мы нашли одно начертание семерки в письме Марии. В нем она говорит о распорядке дня, что человек встает раньше семи утра, и уж точно не часа ночи²³. Все вместе это подтверждает, что большую часть документов из дела № 856 (письма великой княжны Марии Михайловны) следует датировать 1837 годом.

Каждое из указанных дел содержит более двухсот листов детских писем, написанных на французском языке. Помимо расшифровки и перевода текстов, была еще одна трудность, с которой мы столкнулись во время нашей работы. Среди такого большого количества документов нами было обнаружено, что не все листы пронумерованы по порядку, и содержание одного листа может быть не связано с содержанием следующего. На данный момент, когда не известно точной информации о степени сохранности всего фонда писем великих княжон, трудно атрибутировать некоторые листы, поэтому мы выборочно используем лишь часть документов. Не владея навыками профессионального перевода, мы вынуждены ограничиться пересказом источников, цитируя некоторые оригинальные выражения в скобках. Все даты в статье указаны по старому стилю.

Итак, мы имеем три группы писем, сформировавшихся вокруг поездки великой княгини Елены Павловны в Крым 1837 г. Великие княжны старались писать в тот же день, когда происходили события, то есть в письмах они фиксировали свежие впечатления и мысли. Признавая, что не все попало на бумагу, мы не можем не отметить неподдельную искренность этих текстов. Не только из-за того, что у Елены Павловны была возможность перепроверить все то, что они ей писали (она вела переписку с воспитательницей великих княжон), но и потому, что между матерью и дочерьми сложились доверительные отношения.

- 18 Письма к великой княгине Елене Павловне великой княжны Марии Михайловны (на франц. яз.) // ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 856.
- 19 Письма к великой княгине Елене Павловне герцогини Нассауской Елизаветы Михайловны (на франц. яз.) // Там же. Д. 884.
- 20 Письма к великой княгине Елене Павловне герцогини Мекленбург-Стрелицкой Екатерины Михайловны (на франц. яз.) // Там же. Д. 861.
- 21 *Soroka M. E. Becoming a Romanov: Grand Duchess Elena of Russia and her World (1807–1873)*. Pp. 100–111.
- 22 Письма великих княжон Марии Михайловны, Елизаветы Михайловны и Екатерины Михайловны (дочерей) великому князю Михаилу Павловичу (1830–1831) // ГА РФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 239. Л. 11–12 об.
- 23 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Октябрь 1837 г.] // Там же. Ф. 647. Оп. 1. Д. 856. Л. 88 об.

Важность этих источников при изучении детского мира Ораниенбаума сложно переоценить. Созданные детьми, они дают возможность посмотреть на детское восприятие окружающего мира, изложенное в понятной для взрослого форме. Современные исследователи детства признают, что до нашего времени сохранилось не слишком много документов, созданных детьми, и письма дочерей великой княгини Елены Павловны — в своем роде уникальный источник по детскому миру Ораниенбаума.

После того как мы подробнее рассказали о письмах великих княжон, уместно будет задаться вопросом: что такое Ораниенбаум во второй четверти XIX в.? Формально эта резиденция принадлежала великому князю Михаилу Павловичу. Согласно дореволюционному биографу великого князя М. С. Лалаеву, там он организовывал санитарные станции для кадет²⁴. Позднейшие исследования показали, что управлением Ораниенбаума занималась великая княгиня Елена Павловна, в том числе разрабатывая там в 1836 г. хозяйственную реформу²⁵. 1830-е гг. стали временем начала преобразований на всей территории Ораниенбаума — как в Большом дворце, так и в парковом ансамбле²⁶. 8 августа 1837 г. Елена Павловна отправилась в Крым²⁷, 10 августа Михаил Павлович поехал сопровождать ее до Одессы²⁸, а уже 12-го великие княжны уплыли на катере в Ораниенбаум²⁹. Нам не удалось определить комнаты, в которых они поселились сразу же по приезду, однако Екатерина ближе к осени написала матери, что после поездки в Царское Село они собирались переезжать в зимние комнаты (*chambres d'hiver*): Мария выбрала розовый кабинет (*cabinet rose*), Елизавета — белую гостиную (*salon blanc*), а Екатерина — спальню великой княгини³⁰. С наступлением плохой погоды, 18 сентября великие княжны вернулись в Петербург³¹.

Вместе с Марией, Елизаветой и Екатериной в Ораниенбаум приехали их воспитательница Мария Николаевна Толстая и девица при воспитании Евгения Менье (другая девица, Софья Зон, была в это время рядом с умирающей матерью); кроме того, в письмах они писали о Татьяне Дмитриевне Васильчиковой и «Анолите» (Анне Михайловне Виельгорской). Даже летом великие княжны продолжали учиться. В письмах из Ораниенбаума упоминались два преподавателя: Стендер (*Stender*), скорее всего, преподаватель немецкого, и Беррард (*Berrard, Berard*) — французской грамматики. Из писем видно, что мир великих княжон не ограничивался гувернантками, преподавателями и подругами, они взаимодействовали и с другими взрослыми. В основном это были люди, служившие при великом князе и великой княгине — например, Дмитрий Васильевич Васильчиков³² (гофмейстер³³,

24 Лалаев М. С. Очерк жизни и деятельности в Бозе почивающего великого князя Михаила Павловича. СПб., 1898. С. 53.

25 Резникова Е. Е. Великая княгиня Елена Павловна в политической и культурной жизни России... С. 55–57.

26 Павлова М. А. Ораниенбаумские тетради. Вып. 2: Большой дворец. СПб., 2017. С. 57; Она же. Ораниенбаумские тетради. Вып. 3: Дворцовые парки и оранжереи. СПб., 2018. С. 38–97.

27 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). 9 августа 1837 г. // ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 884. Л. 209.

28 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). 10 августа 1837 г. // Там же. Л. 211 об.; Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [10 августа 1837 г.] // Там же. Л. 213 об.

29 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). 12 августа 1837 г. // Там же. Д. 856. Л. 197; Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [13 августа 1837 г.] // Там же. Д. 884. Л. 219.

30 Письмо великой княжны Екатерины Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [28 августа 1837 г.] // Там же. Д. 861. Л. 303.

31 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). 20 сентября 1837 г. // Там же. Д. 884. Л. 252.

32 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Октябрь 1837 г.] // Там же. Д. 856. Л. 161.

33 Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1837. СПб., 1837. С. 55.

отец Татьяны) и Христиан Михайлович Лобштейн³⁴ (секретарь великой княгини Елены Павловны³⁵).

О распорядке дня великих княжон нам известно следующее. Девочки вставали в 8 ч. утра³⁶, в 10 ч. были на службе в церкви³⁷, завтракать они могли как до, так и после службы³⁸, в 4 ч. был обед или ужин³⁹ и примерно в 11 ч. вечера они ложились спать⁴⁰.

Выше мы уже написали про то, какие языки учили великие княжны. Намного чаще в письмах Мария, Елизавета и Екатерина делились с матерью не тем, что они изучали, а тем, как они учились. Их письма являлись в том числе способом рефлексии своего неправильного поведения. Помимо упоминаний об успехах, было важно не только описать матери плохие поступки, но и вывести из этого урок или продемонстрировать попытку исправления. К примеру, в письме от 29 августа Екатерине было нужно поделиться с матерью тем, что, если она не хочет учить грамматику к уроку Беррарда, надо быть честной и говорить об этом мадам Толстой сразу⁴¹.

В письмах можно найти намного больше информации о занятиях великих княжон в свободное от учебы время. Так, на одном из уроков Стендера Мария была рассеянна, и в качестве наказания он обещал ей, что не придет к ним в тот день читать книгу. Мария упоминала о том, что она читает книги самостоятельно, но чаще в письмах великие княжны писали о практике чтения вслух на французском⁴², возможно, русском⁴³ и немецком языках. Великим княжнам читали Стендер, Е. Менье и М. Н. Толстая. Елизавета писала, что они читают сказки мадам Гизо (contes de Madame Guizot) и «Сумеречные посиделки в замке» (des veillées du chateau)⁴⁴. Получается, что великим княжнам в этом возрасте читали специальную литературу для детей. История Марии закончилась благополучно. Стендер в тот вечер пришел к ним, и, даже несмотря на то что он читал ту книгу, которую Мария читала самостоятельно, то, как он читал, ей очень нравилось⁴⁵.

Еще одно занятие в свободное от учебы время — игры. Именно в письме из Ораниенбаума Елизавета описала, как она и ее сестры воображали, что они были дочерьми купцов (négociants), что у них осталось очень мало денег и они должны были работать, им дали

34 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [6 сентября 1837 г.] // ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 856. Л. 152; Письмо великой княжны Екатерины Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [5 сентября 1837 г.] // Там же. Д. 861. Л. 366–367 об.

35 Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1837. С. 56.

36 Письмо великой княжны Екатерины Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Август–сентябрь 1837 г.] // ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 861. Л. 350 об.

37 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Сентябрь 1837 г.] // Там же. Д. 856. Л. 151.

38 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [6 сентября 1837 г.] // Там же. Д. 884. Л. 344; Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Август 1837 г.] // Там же. Л. 229.

39 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Август 1837 г.] // Там же. Л. 230.

40 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Август 1837 г.] // Там же. Л. 261 об.

41 Письмо великой княжны Екатерины Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [29–30 августа 1837 г.] // Там же. Д. 861. Л. 345–347.

42 Письмо великой княжны Екатерины Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [14 октября 1837 г.] // Там же. Л. 192.

43 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Август–сентябрь 1837 г.] // Там же. Д. 856. Л. 198 об.

44 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Август 1837 г.] // Там же. Д. 884. Л. 225.

45 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [16 сентября 1837 г.] // Там же. Д. 856. Л. 160–161.

небольшие лоскуты (*des petits chiffons*), и они представляли себе, словно это были разные элементы одежды⁴⁶. Это описание не только пытается донести до взрослого логику и внутреннюю суть игры, но и отсылает к одной из составляющих взросления великих княжон — воспитанию будущих хозяек. С подобной образовательной практикой можно связать упоминание о том, как великие княжны варили в Ораниенбауме варенье⁴⁷. Однако, говоря о рукоделии и хобби, чаще в письмах упоминается словосочетание «*faire des fleurs*». Зная о популярной практике цветоводства, можно подумать о том, что великие княжны выращивали цветы. Однако, перечитав одно из писем Елизаветы внимательнее, мы обратили внимание на одну фразу: «даже Месье Васильчиков клеил листочки»⁴⁸. Соотнеся ее с несколькими упоминаниями процесса «*faire des fleurs*», мы пришли к выводу, что речь идет о создании цветов из ткани или бумаги. Например, по просьбе Апраксиной (гофмейстерины Елены Павловны⁴⁹) великие княжны сделали для нее букет фиалок⁵⁰. За созданием цветов Мария, Елизавета и Екатерина могли проводить вечера напролет.

Великие княжны, по словам Марии, гуляли каждый день: утром после завтрака пешком, после ужина в экипаже⁵¹. Елизавета упоминала также о пешей прогулке перед обедом⁵². Судя по одному описанному Марией маршруту, они гуляли по территории Ораниенбаума. Она описывается ею как место постоянных работ по переустройству, будь то создание нового моста или подготовка водопада недалеко от Маленькой Швейцарии (*La Petite Suisse*)⁵³. Еще один вид транспорта, на котором великие княжны могли совершать прогулки, — телега (*télégue*). На ней великие княжны катались вместе с Анной Виельгорской и Татьяной Васильчиковой 5 сентября — в день именин Елизаветы. То, что этот праздник, как и день рождения Екатерины, великие княжны отметили в Ораниенбауме, может сказать нам о нем как о пространстве для детского праздника. Сюда для поздравления съезжались гости⁵⁴, от кузин и кузенов, детей Николая I, присылались подарки⁵⁵; по его территории великие княжны катались на телеге⁵⁶; здесь, согласно описаниям дня рождения Екатерины, запускали салют⁵⁷.

- 46 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Август 1837 г.] // Там же. Д. 884. Л. 231–231 об.
- 47 Письмо великой княжны Екатерины Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). 17 сентября 1837 г. // Там же. Д. 861. Л. 284 об.
- 48 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). 16 августа 1837 г. // Там же. Д. 884. Л. 247–247 об.
- 49 Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1837. С. 55.
- 50 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). 12 августа 1837 г. // ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 856. Л. 197 об.–198.
- 51 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [9 сентября 1837 г.] // Там же. Л. 156 об.
- 52 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Август-сентябрь 1837 г.] // Там же. Д. 884. Л. 372.
- 53 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [9 сентября 1837 г.] // Там же. Д. 856. Л. 154–156 об.
- 54 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). 6 сентября 1837 г. // Там же. Л. 151–152; Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Август-сентябрь 1837 г.] // Там же. Л. 191; Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Сентябрь 1837 г.] // Там же. Д. 884. Л. 345.
- 55 *Литке Ф. П.* Дневник. Январь — август 1837 г. // Российский архив. М., 2016. Вып. 22. С. 285; Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). 16 сентября 1837 г. // ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 884. Л. 248.
- 56 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Сентябрь 1837 г.] // Там же. Л. 345–347.
- 57 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Август 1837 г.] // Там же. Д. 856. Л. 119 об.

После того как мы показали занятия великих княжон в Ораниенбауме, уместно задаться вопросом: а как великие княжны относились к Ораниенбауму? Описание Ораниенбаума они часто сопровождали эпитетами: «старый», «добрый», «дорогой»⁵⁸. Иногда великие княжны отмечали, что они живут в Ораниенбауме весьма спокойной жизнью⁵⁹. Подобные характеристики обретают новое звучание в контексте писем великих княжон из Царского Села.

В конце августа, ко дню рождения великой княжны Ольги Николаевны, Мария, Елизавета и Екатерина поехали к своим кузинам. По приезде они сразу же погрузились в атмосферу придворной жизни: только они приехали, как им пришлось переодеться, чтобы поучаствовать в живых картинах, которые закончились к 10 ч. вечера⁶⁰, потом был салют в честь именинницы⁶¹; на следующий день они гуляли с кузинами⁶² и поехали с великой княжной Александрой Николаевной смотреть ее остров⁶³. «Я жива, но ужасно устала», — так свое состояние в письме от 31 августа описывала Елизавета⁶⁴. В сравнении с рассказами о ежедневных занятиях в Ораниенбауме, жизнь в Царском Селе действительно кажется светлой и насыщенной, однако это еще не все, на что великие княжны обратили внимание.

Мысль о том, что общество Царского Села живет ради удовольствий, промелькнула в одном из писем Екатерины⁶⁵. Елизавета сравнила спокойствие жизни в Ораниенбауме с невыносимым напряжением жизни в Царском Селе⁶⁶. Мария же расписала свое мнение немного подробнее: она отмечала, что в Царском Селе нет ничего, кроме игр, там ничего не делают ради своего сердца, как ей не нравится это, и что она счастлива, что не была воспитана в этом обществе⁶⁷. Уже упоминалось, что Мария почти всю свою жизнь провела рядом с матерью — Елена Павловна одна-единственная влияла на ее воспитание. Оказавшись в мире Царского Села без нее, Мария, как внимательный наблюдатель, отмечала все необычное. Соответственно, то, чего нет в Царском Селе, она найдет в «царстве спокойствия и мира» (*la tranquillité et la paix*), и недаром она заканчивает свои размышления ожиданием возвращения в «их хороший Ораниенбаум».

Рассмотренные в этой статье эпистолярные источники позволяют исследователям взглянуть на Ораниенбаум как на великокняжескую резиденцию, в которой жили не только взрослые, но и дети. Благодаря письмам великих княжон мы больше узнали о том, как девочки проводили время за учебой и каков был их досуг. Мы установили, что, скорее всего, им нравилась жизнь в Ораниенбауме: они считали ее спокойной и плодотворной для себя. Зная это, преобразования в Ораниенбауме, проводимые при Елене Павловне в 1830-е гг., можно интерпретировать как попытку создать определенную среду для своих дочерей. Эта

58 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [13 августа 1837 г.] // Там же. Д. 884. Л. 219; Письмо великой княжны Екатерины Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Август-сентябрь 1837 г.] // Там же. Д. 861. Л. 384.

59 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Август 1837 г.] // Там же. Д. 884. Л. 264 об.

60 Письмо великой княжны Екатерины Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [30 августа 1837 г.] // Там же. Д. 861. Л. 348 об.–350;

61 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). 31 августа 1837 г. // Там же. Д. 856. Л. 135.

62 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [30 августа 1837 г.] // Там же. Д. 884. Л. 260–260 об.

63 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). 31 августа 1837 г. // Там же. Л. 269.

64 Там же.

65 Письмо великой княжны Екатерины Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [30 августа 1837 г.] // Там же. Д. 861. Л. 351.

66 Письмо великой княжны Елизаветы Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [Август 1837 г.] // Там же. Д. 884. Л. 264 об.

67 Письмо великой княжны Марии Михайловны великой княгине Елене Павловне (матери). [30 августа 1837 г.] // Там же. Д. 856. Л. 129–130.

практика была напрямую связана с воспитанием великих княжон. Елена Павловна не только следила за их распорядком дня и подбирала преподавателей, но и конструировала среду, располагающую и к учебе, и к развлечениям. И даже когда Елена Павловна уехала в Крым, Ораниенбаум продолжил функционировать как часть этой среды.

Великие княжны находили необходимым описывать свои занятия и мысли матери, и по этому все, что с ними происходило, было известно Елене Павловне. Комментарии великих княжон о жизни в Царском Селе в таком случае можно интерпретировать как рефлексии воспитания Елены Павловны, воплощенного в Ораниенбауме, в сравнении с той средой, в которой жили и воспитывались дети императора Николая I. Это ставит перед исследователями вопросы о различиях в женском воспитании в императорской фамилии той эпохи. Самое удивительное, что на эту новую тему внимание историков обращают не документы, созданные взрослыми, а письма трех маленьких девочек.

REFERENCES

- Bazhenova O. K. *Velikaya knyaginya Elena Pavlovna: formirovanie kharaktera (1806–1828)* [Grand Duchess Elena Pavlovna: character formation]. Grand duchess Elena Pavlovna. St. Petersburg, Faces of Russia, 2011, pp. 32–69. (In Russian)
- Davydova I. A. *Puteshestvie Velikoi Knyagini Ekateriny Mikhailovny v Angliyu v 1852 godu (po otchetam russkogo posla v Londone)* [The Voyage of the Grand Duchess Ekaterina Mikhailovna to England in 1852 (on the basis of the reports of the Russian Ambassador to London)]. Russian branch of the Mecklenburg-Strelitz House: proceedings of the International scientific conference, October 16–18, 2001. St. Petersburg, Faces of Russia, 2005, pp. 95–97. (In Russian)
- Efimushkina E. V. *Obshchina sester miloserdiya v Rossii v predstavleniyakh okruzheniya velikoi knyagini Eleny Pavlovny* [The community of Sisters of Mercy in Russia in the views of the circle of Grand Duchess Helena Pavlovna]. St. Tikhon's University Review. Moscow, 2019, no 86, pp. 97–109. (In Russian)
- Golos vernopoddannoi pri poluchenii pechal'nogo izvestiya o konchine ee imperatorskogo vysochestva gosudaryni velikoi knyazhny Marii Mikhailovny. 7 noyabrya 1846 goda* [The voice of a loyal woman upon receiving the sad news about the death of her Imperial Highness Grand Duchess Maria Mikhailovna. 7 November 1846]. St. Petersburg, K. Zhernakov's printing house, 1846. 16 p. (In Russian)
- Kazakova S. V. *K istorii zaklyucheniya braka Velikoi Knyazhny Ekateriny Mikhailovny i gertsoga Georga Avgusta Meklenburg-Strelitskogo* [On the History of the Marriage of Grand Duchess Ekaterina Mikhailovna and Duke George Augustus of Mecklenburg-Strelitz]. Russian branch of the Mecklenburg-Strelitz House: proceedings of the International scientific conference, October 16–18, 2001. St. Petersburg, Faces of Russia, 2005, pp. 84–94. (In Russian)
- Kazakova S. V. *Problema vybora supruga v dinasticheskom brake Velikoi Knyazhny Ekateriny Mikhailovny* [The Problem of Choice of Husband for the Dynastic Marriage of Grand Duchess Ekaterina Mikhailovna]. Russian branch of the Mecklenburg-Strelitz House: proceedings of the International scientific conference, October 16–18, 2001. St. Petersburg, Faces of Russia, 2005, pp. 70–75. (In Russian)
- Konyukhova E. V. *Blagotvoritel'naya deyatel'nost' gertsogov Meklenburg-Strelitskikh v Rossii* [The Charitable Activity of the Dukes of Mecklenburg-Strelitz in Russia]. Russian branch of the Mecklenburg-Strelitz House: proceedings of the International scientific conference, October 16–18, 2001. St. Petersburg, Faces of Russia, 2005, pp. 146–159. (In Russian)
- Lalaev M. S. *Ocherk zhizni i deyatel'nosti v boze pochivayushchego velikogo knyazya Mikhaila Pavlovicha* [An essay on the life and work of Grand Duke Mikhail Pavlovich who reposed in the Lord]. St. Petersburg, Print. house of M. Stasyulevich, 1898. 95 p. (In Russian)
- Mel'nikova L. V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i Krymskaya voina, 1853–1856 gg.* [The Russian Orthodox Church and the Crimean War, 1853–1856]. Moscow, Publishing house Kuchkovo Pole, 2012. 389 p. (In Russian)
- Mesyatseslov i Obshchii shtat Rossijskoi imperii na 1837.* [Menologium and the General staff of the Russian Empire in 1837]. St. Petersburg, Printing house at the Russian Academy of Sciences, 1837. 1010 p. (In Russian)
- Mezhdutsarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarakh chlenov tsarskoi sem'i* [Russian interregnum of 1825 and the Decembrist Revolt in correspondence and memoirs of members of the royal family]. Moscow, State Publishing House, 1926. 247 p. (In Russian)
- Pavlova M. A. *Oranienbaumskie tetradi. Vyp. 2: Bol'shoi dvorets* [Oranienbaum notebooks. No 2: The Grand Palace.]. St. Petersburg, Historical Illustration, 2017, 503 p. (In Russian)
- Pavlova M. A. *Oranienbaumskie tetradi. Vyp. 3: Dvortsovye parki i oranzherei* [Oranienbaum notebooks. No 3: Palace parks and greenhouses]. St. Petersburg, Historical Illustration, 2018. 294 p. (In Russian)
- Reznikova E. E. *Velikaja knjaginya Elena Pavlovna v politicheskoi i kul'turnoi zhizni Rossii 1824–1873 gg.* [Grand Duchess Elena Pavlovna in the political and cultural life of Russia 1824–1873]. Diss... PhD in History. Moscow, 1998. 317 p. (In Russian)
- Safonov S. V. *Opisanie prebyvaniya imperatorskoi familii v Krymu v sentyabre 1837 goda* [Description of the visit of the imperial family to the Crimea in September 1837]. Odessa, City's printing house, 1840. 83 p. (In Russian)

Soroka M. E. *Becoming a Romanov. Grand Duchess Elena of Russia and her world (1807–1873)*. Surrey, Ashgate, 2015. 336 p.

Velikaya knyaginya Elena Pavlovna [Grand duchess Elena Pavlovna]. St. Petersburg, Faces of Russia, 2011. 311 p. (In Russian)

Vyazemskii P. A. *Osvyashchenie novosooruzhennoi nadgrobnoi ee imperatorskogo vysochestva gosudaryni velikoi knyagini Elisavety Mikhailovny tserkvi vo imya svyatye pravednye Elisavety v Visbadene* [Consecration of the newly-build tombstone of Her Imperial Highness Grand Duchess Elisaveta Mikhailovna of the Church in the name of the Holy Righteous Elisabeth in Wiesbaden]. St. Petersburg, Printing house at the Russian Academy of Sciences, 1855. 15 p. (In Russian)

► ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА В КОНСТАНТИНОПОЛЬ И К ГРЕЧЕСКИМ ОСТРОВАМ В 1845 Г.

КАЗАНИНА НАТАЛИЯ
ВАЛЕНТИНОВНА

Научный сотрудник,
Государственный Русский музей

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Инженерная ул., 4

riverneva@mail.ru

Статья посвящена теме учебного путешествия великого князя Константина Николаевича по Черному и Средиземному морям, с посещением Константинополя и греческих островов, и отражению этих событий в рисунках И. К. Айвазовского из личного альбома князя. Восемнадцатилетний великий князь совершал вояж на пароходе «Бессарабия» под руководством своего воспитателя адмирала Ф. П. Литке. В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота сохранились его ежедневные донесения императору Николаю I о событиях во время путешествия, а также о здоровье и поведении его сына Константина. И. К. Айвазовский, принимавший участие в этом путешествии в качестве художника, делал зарисовки наиболее ярких событий во время поездки. Несколько рисунков, иллюстрирующих события путешествия, были подарены великому князю и помещены им в личный альбом, который в настоящее время хранится в Архиве литературы и искусства в Москве. В ходе исследования выявлено, что несколько рисунков И. К. Айвазовского 1845 г. из собрания Русского музея также имеют отношение к этому путешествию, которое сыграло большую роль как для воспитания великого князя, так и для дальнейших дипломатических взаимоотношений Османской империи и России, в частности, для строительства Русской Палестины.

Ключевые слова: путешествие, воспитание, великий князь Константин Николаевич, обучение, рисунок И. К. Айвазовского

► ARTISTIC HERITAGE OF THE TRIP OF THE GRAND DUKE KONSTANTIN NIKOLAEVICH TO CONSTANTINOPOL AND THE GREEK ISLANDS IN 1845

KAZANINA NATALIA
VALENTINOVNA

Researcher, State Russian Museum

4, Engineering st., St. Petersburg, 191186, Russia

riverneva@mail.ru

The article is devoted to the theme of the study trip of Grand Duke Konstantin Nikolayevich across the Black and Mediterranean Seas, with a visit to Constantinople and the Greek Islands, and the reflection of these events in the drawings of I. K. Aivazovsky from the personal album of the prince. The eighteen-year-old Grand Duke made a voyage on the steamer "Bessarabia" under the guidance of his tutor, Admiral F. P. Litke. The Naval Archives preserved the daily reports of the admiral to the emperor about the events during the journey, as well as about the health and behavior of his son, Konstantin Nikolayevich. I. K. Aivazovsky, who took part in this journey as an artist, made drawings of the most striking events during the trip. Several drawings illustrating the events of the journey were presented to the Grand Duke and placed in his personal album, which is currently stored in the Archive of Literature and Art in Moscow. The study revealed that several drawings by I. K. Aivazovsky in 1845 from the collection of the Russian Museum are also related to this journey. This voyage was of great importance both for the education of the Grand Duke and for further diplomatic relations between the Ottoman Empire and Russia, in particular, the construction of Russian Palestine.

Keywords: travel, upbringing, Grand Duke Konstantin Nikolayevich, training, drawings by I. K. Aivazovsky

Великого князя Константина Николаевича с детских лет готовили к морской службе. В 1831 году император Николай I назначил его шефом Морского Гвардейского экипажа и пожаловал четырехлетнему сыну звание генерал-адмирала.

Воспитателем Константина Николаевича, как будущего морского министра, был избран адмирал и путешественник Ф. П. Литке. Отец великого князя заботился о том, чтобы его сын вырос полезным Отечеству и опорой брату. На день рождения сына он писал: «Поздравляю тебя, мой дорогой, мой морской, с твоими десятью годами. Да благословит тебя милосердный Бог и да будешь ты верным слугой брата твоего и Отечества, в страх врагам. Надеюсь,

что ты будешь продолжать учиться и стараться превозмочь свои слабости, нам в утешение. Завтра мы тебя поздравим по-морскому, ибо с помощью Божью полагаем пуститься в море в Севастополь, на новом прекрасном пароходе „Северная звезда“. Мы полагаем встретить флот и вместе с ним идти на рейд. Поздравь Федора Петровича с новорожденным сыном и обними Олли и Адини, ровно и братьев. Обнимаю тебя самого от всей души. Бог с тобой. Твой старый папа»¹.

Для Константина Николаевича и его братьев в Зимнем дворце была создана «Корабельная комната», где была построена яхта со всей оснасткой, а также гимнастические лестницы с канатами для развития физического здоровья². С раннего возраста уделялось большое внимание учебным плаваниям, чтобы теоретические знания Константин Николаевич применял на практике и основательно постигал морское дело. В юные годы князь принимал участие в морских походах и экспедициях, совершил учебные плавания в качестве командира брига «Улисс», фрегата «Паллада». Адмирал Ф. П. Литке сопровождал своего ученика, был ему воспитателем и наставником в морском деле. Об успехах, состоянии здоровья и поведении Константина Николаевича адмирал регулярно докладывал императору Николаю I.

В 1845 году восемнадцатилетний великий князь Константин Николаевич отправился в морское путешествие в Константинополь и на острова Греческого архипелага вместе со своими наставниками вице-адмиралом Ф. П. Литке, капитаном Ф. С. Лутковским, А. Ф. Гриммом и молодыми людьми из знатных русских фамилий. В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ) сохранились донесения адмирала Ф. П. Литке в Адмиралтейство для императора Николая I обо всех подробностях плавания.

Великий князь совершал путешествие морским офицером и почти взрослым человеком, но всегда был под наблюдением своего учителя и воспитателя. Особенностью этой поездки была не только морская практика, но и дипломатическая миссия — представить второго сына императора России султану Османской империи.

Сохранились воспоминания очевидца визита великого князя Константина Николаевича в Константинополь, востоковеда И. Н. Березина. Свои впечатления о князе и тех событиях он опубликовал в книге³.

Большое влияние на великого князя Константина Николаевича имел воспитатель его старшего брата, поэт В. А. Жуковский. Великому князю, еще в возрасте тринадцати лет, вменялось в обязанность писать каждое воскресенье письмо кому-либо из его учителей — Ф. П. Литке или А. Ф. Гримму, для того чтобы «приучить мало-помалу к эпистолярному стилю», а также чтобы Константин Николаевич мог дать оценку своему поведению и стремиться к успехам. Юный князь тяготился этой обязанностью и выполнял ее формально, за что не раз получал выговор от своих воспитателей. В. А. Жуковский пожелал присоединиться к данной переписке, к радости великого князя, поскольку считал, что «это даст средство сделать теснее тот союз, который уже произвели между нами обстоятельства. Это правда, дружба может существовать только между равными, а я Вас в четверо старше годами. Но молодость не мешает Вам иметь качества любезные и даже достойные уважения»⁴. Переписка между Константином Николаевичем и В. А. Жуковским продолжалась до смерти поэта и имела большое значение для воспитания и формирования личности великого князя. В своих письмах он рассказывал Василию Андреевичу обо всех событиях своей жизни.

- 1 Письмо императора Николая I великому князю Константину Николаевичу. 8 сентября 1837. Одесса // Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГАВМФ). Ф. 224. Оп. 1. Д. 377. Л. 12а.
- 2 *Зимин И. В.* Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., СПб., 2011. С. 92.
- 3 *Березин И. Н.* Посещение цареградских достопримечательностей во время пребывания в Константинополе его императорского высочества великого князя Константина Николаевича, в 1845 году. СПб., 1854.
- 4 Письмо В. А. Жуковского к его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу. 16 декабря 1840 // Письма В. А. Жуковского к его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу. [1840–1851]. М., 1867. С. 17.

Будущее плавание очень воодушевляло Константина Николаевича. В ожидании поездки он написал Жуковскому: «Мне предстоит нынешний год большое и чрезвычайно интересное путешествие. Мы едем через Бело- и Малороссию в Одессу и Севастополь, оттуда в Царьград и Архипелаг, возвращаемся в Крым и Землю Донских казаков, и оттуда едем обратно через Харьков, Курск, Тулу и через Матушку Белокаменную Москву <...> у меня сердце дрожит, когда я об ней думаю, в ней вся Русь, вся Святая Русь. <...> Когда Вы будете читать это письмо, я уже буду в Царьграде, в котором не было еще Русского Князя с тех пор, как на его врагах висел щит Олега! Доживу ли я до того, что это повторится, что гордый Истамбул снова падет под ударами Русских Петунов. Да это, впрочем, совсем не нужно»⁵.

В путешествии, по желанию великого князя Константина Николаевича, принимал участие И. К. Айвазовский, который служил живописцем в Главном Морском штабе. 16 сентября 1844 г. Айвазовский получил высочайшее повеление «сопровождать Его Императорское Высочество Генерала-Адмирала в Константинополь и при этом снять виды с Черноморских портов»⁶. Рисунок, выполненный художником в 1845 г. и отражавшие события путешествия, великий князь поместил в памятный альбом. Этот альбом, в темно-зеленом кожаном переплете с тиснениями и бронзовой монограммой владельца, сейчас находится в личном фонде Константина Николаевича в Государственном архиве литературы и искусства в Москве⁷.

Экспедиция начиналась в конце мая в г. Николаеве — центре кораблестроения и управления Черноморским флотом, куда великий князь прибыл сухопутным путем.

Адмирал Ф. П. Литке подробно докладывал императору о здоровье, поведении, осмотренных достопримечательностях — всем том, что интересовало заботливого и строгого отца. «Вчера вечером окончили мы совершенно благополучно сухопутное путешествие наше. Его Высочество в продолжении всей дороги был совершенно здоров, равно как и теперь. Только жар, хотя и не превосходит 20 градусов в тени, начинает его беспокоить, причиняет некоторую тяжесть в голове. Покуда Великий Князь не привыкнет к этой температуре, будем соблюдать всеобщую осторожность, по причине случающегося у него часто притечения крови к голове. Сего утра, отслужив молебен в Соборе, Великий Князь осмотрел Гидрографический Департамент и Адмиралтейство. Завтра пробудет еще здесь для обозрения остального, а послезавтра утром отправится на пароходе „Бессарабия“ в Одессу. Адмирал Лазарев сопровождает Великого Князя до Севастополя. Повеление Вашего Императорского Величества о неоказывании Великому Князю почестей исполнено во всей строгости»⁸.

Поход возглавлял пароход «Бессарабия» под командованием капитана В. И. Истомина. Великий князь Константин Николаевич исполнял должность старшего лейтенанта, неся вахту соответственно регламенту. Изображение парохода работы И. К. Айвазовского хранится в личном альбоме и открывает серию рисунков, иллюстрирующих путешествие. На рисунке хорошо видны две мачты, черная труба и колесный механизм в центре борта корабля⁹.

Колесный пароходофрегат «Бессарабия», построенный в Англии в 1843 г., был одним из самых современных судов российского флота, он мог ходить как под парусом, так и с помощью паровых машин. В отличие от трех таких же судов, выполнявших

5 Письма великого князя Константина Николаевича В. А. Жуковскому // РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 312. Л. 26.

6 О причислении художника Айвазовского к Главному Морскому штабу его Императорского Величества, с званием живописца сего штаба (1846) // РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 1. Д. 1608. Л. 1.

7 Альбом великого князя Константина Николаевича с рисунками и акварелями И. К. Айвазовского, Ф. Альта, И. Белланже, А. П. Боголюбова, А. П. Брюллова, С. М. Воробьева, Ж.-Л. Давида, Т. Дюклера, М. А. Зичи, Ф. Крюгера, Ж. Ноэля, А. Петтенкофена, Н. Е. Сверчкова, М. И. Скотти, Ф. Г. Солнцева и др. [1820-е–1850-е] // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1949. Оп. 2. Д. 3.

8 Донесения Ф. П. Литке о путешествии Константина Николаевича и доктора И. С. Гауровица о его здоровье // РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

9 Айвазовский И. К. Пароход «Бессарабия» в море. 1845. Рисунок // РГАЛИ. Ф. 1949. Оп. 2. Ед. хр. 3. Л. 3.

пассажирские рейсы, «Бессарабия» была оснащена шестью пушками и находилась в распоряжении Военно-Морского Флота. Именно по этим причинам корабль выбрали для путешествия великого князя. Головной корабль сопровождали фрегат «Флора», корвет «Андромаха», бриг «Персей» и шхуна «Дротик».

Из Николаева путешественники отправились в Одессу, куда прибыли в тот же день. Великий князь остановился в доме графа М. С. Воронцова, который приглашал его погостить в последний свой приезд в Петербург.

Во время двухдневного пребывания в Одессе Константин Николаевич посетил Карантин, Лицей, Музей древностей, Институт благородных девиц, Ботанический сад, а также исполнил некоторые поручения императрицы.

Дальнейший путь кораблей лежал в Севастополь, где у путешественников была очень насыщенная программа: великий князь осмотрел укрепления Александровское и № 2, посетил линейный корабль «12 апостолов», на котором находился адмирал М. П. Лазарев, и фрегат «Флора», а также принял участие в гонках гребных судов под парусами и в вечернем гулянии для морских офицеров в Ушаковой балке. Самым зрелищным событием во время пребывания князя в Севастополе был морской парад судов, который устроил для него адмирал М. П. Лазарев и который впоследствии изобразил художник И. К. Айвазовский. В собрании Государственного Русского музея хранится рисунок Айвазовского «Вид Севастополя» 1845 г., с изображением Севастопольской бухты с множеством различных судов, стоящих на рейде парадным строем¹⁰.

В своем донесении Адмиралтейству вице-адмирал Ф. П. Литке докладывал об этих событиях: «В Севастополь пришли в Троицын день на пароходе под флагом адмирала М. П. Лазарева. Весь флот в числе 11 кораблей, 5 фрегатов, 3 корветов и 10 мелких судов. Прежде положения якоря адмирал обошел кругом флота и доставил тем Великому Князю случай полюбоваться отличным строем и красотой судов его составляющих»¹¹.

Во время нелегкого плавания по Черному морю Константин Николаевич, как все офицеры на корабле, стоял вахту, выполняя все обязанности, предписанные его должности. За здоровьем и поведением князя наблюдал его наставник вице-адмирал Ф. П. Литке, который докладывал в Адмиралтейство, что молодой человек стойко переносит все тяготы морской службы. «Здоровье Его Высочества совершенно хорошее. Жар кажется начинает менее тяготить Великого Князя. Он ежедневно купается в море и находит в этом величайшее наслаждение. Обращение и манера Великого Князя, хотя иногда и требует легких напоминаний, но вообще приличны. На чужих, с которыми он видит надобность быть осторожным, производит Великий Князь выгодное впечатление. Его ум и сведения обнаруживаются тогда, не затмеваются никакими дурными привычками, и любезность его бывает привлекательна. Но, коль скоро познакомитесь с ним покороче, то подчас предается прежней забывчивости. При посещении мест новых и замечательных Великий Князь бывает внимательным и обнаруживает обыкновенную свою любознательность, сопровождающую во взглядах и суждениях здравых. Остается желать, чтобы Его Высочество поприлежнее записывал свои замечания, иначе многое представится на сбережение памяти, хранительницы не всегда надежной»¹².

Той же ночью экспедиция продолжила путь в Константинополь. Путешествие по Черному морю хорошо иллюстрируют две акварели И. К. Айвазовского «Бурное море» и «Черное море» 1845 г. из собрания ГРМ, которые, без сомнения, связаны с данным путешествием¹³. На дальнем плане обоих рисунков виден корабль «Бессарабия», с двумя мачтами и черной

10 Айвазовский И. К. Вид на Севастополь. 1845 // Государственный Русский музей (ГРМ). Отдел рисунка. Р-13076.

11 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

12 Там же. Л. 5.

13 Айвазовский И. К. Бурное море. 1860 // ГРМ. Отдел рисунка. Р-13073; Айвазовский И. К. Черное море. 1845 // Там же. Р-13074.

трубой, по центру борта водно-колесный механизм.

Утром 4 июня 1845 г. «Бессарабия» в сопровождении эскорта судов прибыла на Босфор и остановилась в Буюкдере — одном из Константинопольских предместий на Босфоре, где находился летний дом русского посланника господина В. П. Титова¹⁴. На берегу высокого гостя встречали дипломаты Турецкой Порты.

На следующий день великий князь отправился на своем пароходе для общего обзора по всему Босфору и Мраморному морю до Семибашенного замка, а оттуда на азиатский берег. Вот как описывает это событие очевидец: «Его Высочество, сойдя здесь на берег, изволил отправиться из долины Хайдер-Паши, где были приготовлены верховые лошади, на гору Булгурлу, откуда открывается панорама Цареграда и его окрестностей. Восхищенный представившеюся картиною, Его Высочество изволил снимать собственноручно вид Константинополя с этой горы, после чего <...> обозревал Азиатский город Скутари»¹⁵.

Рисунок великого князя нам не известен, но в личном альбоме находится «Вид Константинополя из Скутари», выполненный И. К. Айвазовским¹⁶. Живописное местечко Скутари и особенно гора Булгурлу являлись одним из мест, откуда можно было видеть весь город как на ладони. Айвазовский не раз писал этот вид. В собрании ГМЗ «Петергоф» хранится «Вид Константинополя при вечернем освещении. 1846 г.», выполненный с горы Булгурлу¹⁷.

Значимое событие — аудиенция у султана — состоялась 9 июня. Вице-адмирал Ф. П. Литке сообщал в донесении императору Николаю I: «Представление сановников Великому Князю не могло обойтись без некоторой официальности и этикета, которые были выдержаны Его Высочеством с умом и тактом. Столь же хорошо держал себя Великий Князь и на аудиенции у Султана. Он, во всяком случае, не только не показал никакой застенчивости или неловкости, но весьма прилично с достоинством отвечал через посредство князя Ханджери на приветствие и учтивости Султана. Особы, знакомые с обычаями здешней страны и двора, находили учтивость и внимательность, оказанные султаном Великому Князю, почти безмерными. Любезность проявилась до того, что в аудиенц-зале поставлены были фарфоровые вазы с портретами Вашего Величества и Государыни Императрицы, на которые в конце аудиенции Султан, с выражением особого удовольствия встал обратить внимание Его Высочества»¹⁸.

На увековечившем данное событие рисунке «Представление русской экспедиции во главе с великим князем Константином Николаевичем и адмиралом Ф. П. Литке турецкому султану», который хранится в личном альбоме князя¹⁹, также изображен И. К. Айвазовский. Очевидец этих событий И. Н. Березин так описывает официальный визит: «При вступлении Его Императорского Высочества в залу, юный Султан встал с дивана, подошел навстречу своему еще более юному Гостю и пригласил Великого Князя сесть на кресло, стоявшее перед повелителем Османлу»²⁰. На рисунке султан сидит на диване в окружении своих сановников. В кресле напротив — великий князь Константин Николаевич, позади него русские офицеры. Среди сопровождающих выделяется высокая фигура вице-адмирала Ф. П. Литке.

Об официальном приеме вспоминал наставник Константина Николаевича А. Ф. Grimm: «Беседа Великого Князя с султаном продолжалась около десяти минут, затем Абдул-Меджиду была представлена свита Его Высочества. Она была очень многочисленна, но, по-видимому,

14 Титов Владимир Павлович (1807–1891) — русский дипломат, писатель, чиновник, действительный тайный советник, с 1843 г. посланник в Константинополе.

15 Березин И. Н. Посещение цареградских достопримечательностей... С. 9.

16 Айвазовский И. К. Вид Константинополя из Скутари. 1845 // РГАЛИ. Ф. 1949. Оп. 2. Д. 3. Л. 4.

17 Айвазовский И. К. Вид Константинополя. 1846 // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Живопись». ПДМП 940-Ж.

18 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

19 Айвазовский И. К. Представление русской экспедиции во главе с великим князем Константином Николаевичем и адмиралом Ф. П. Литке турецкому султану. 1845 // РГАЛИ. Ф. 1949. Оп. 2. Д. 3. Л. 6.

20 Березин И. Н. Посещение цареградских достопримечательностей... С. 10.

владыку Востока более всего поразило разнообразие мундиров, из которых многие золотым и серебряным шитьем превосходили простой наряд Великого Князя. Султан каждому приветливо кивал головой, но когда перед ним произнесли имя известного мариниста Айвазовского, то он как будто был поражен, вероятно, вообразив, что с него намерены снять портрет, что, по понятиям турок, значит предать свою душу; но Абдул-Меджид успокоился, когда услышал, что этот знаменитый художник намерен снять живописные окрестности Константинополя и приветствовал талантливого мариниста детски-наивною улыбкой»²¹.

В связи с этими событиями 1859 г. рисунок И. К. Айвазовского «Представление русской экспедиции во главе с Константином Николаевичем турецкому султану» из альбома был литографирован В. Ф. Тиммом в «Русском художественном листке». Указанная литография имеется в собрании Государственного Русского музея²².

В Константинополе великий князь пробыл около двух недель. В течение этого времени Константин Николаевич осмотрел множество достопримечательностей города: храм Святой Софии, несколько мечетей и дворцов, неоднократно посещал приемы Султана. Особое внимание он обращал на все, что касалось военного дела или истории Византийской империи и христианства. Адмирал Ф. П. Литке сообщал: «Великий Князь весьма доволен и пребыванием своим в Константинополе и с большим вниманием осматривает все достопримечательности. Особенно занимает его все относящееся до нынешнего состояния военной части или до истории Византийской империи и первобытного Христианства в здешних краях. Вид Святой Софии сделал глубокое на него впечатление. Живое его воображение сильно разыгралось при виде ворот, на которых пал, сражаясь, последний Палеолог, и Золотых ворот — тех самых, к которым когда-то Олег прибил свой щит. В церкви Патриаршей Его Высочество прикладывался к местным образам и к мощам. Оказываемое Его Высочеством при всяком случае уважение к святыням <...> несомненно производит весьма хорошее впечатление на население христианское»²³.

При посещении Эюбской мечети османские власти продемонстрировали готовность угождать во всем высокому гостю. Ему вместе с сопровождающими было дозволено войти внутрь этой магометанской святыни, к которой «не мусульманам не дозволено было даже приближаться»²⁴.

Особое внимание путешественников привлекало все связанное с морским делом. Ф. П. Литке считал это важным для будущего главы Морского ведомства, в своих донесениях в Адмиралтейство он сообщал: «12 июня Великий Князь посетил Турецкий флот, лежащий на якоре в Золотом Рого. Капитан Паша (Галиль-Паша) принял Его Высочество в Киоске своем, лежащем на берегу, и сопроводил на своем катере на 120-пушечный корабль, где развевался флаг Его Светлости. Корабль этот осмотрели во всей подробности, и устройство его можно во всех отношениях назвать отличным. Сделана была также тревога по пушкам и учения пушечные. В этом многое разложено только для вида; но при всем том, люди хорошо выучены и привыкли действовать проворно и без шума. Вид людей здоровый и веселый. Пища их отлично хороша»²⁵.

Высокие гости отметили и недостатки в организации содержания морских объектов и устройстве учебных заведений: «В последние дни пребывания своего Великий Князь осмотрел все, что было еще достойно примечания: Адмиралтейство с Морским училищем, Медицинскую школу, Литейный двор, несколько замечательных мечетей, водохранилище

21 Тимм В. Ф. Посещение султана Е. И. В. великим князем Константином Николаевичем в Константинополе в 1845 году. С рисунка, снятого с натуры И. К. Айвазовским // Русский художественный листок. 1859. № 23.

22 Тимм В. Ф. Представление русской экспедиции во главе с Константином Николаевичем турецкому султану. 1845. Цветная литография // ГРМ. Отдел рисунка. 4762.

23 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.

24 Там же. Л. 11.

25 Там же. Л. 9.

и прочее. Устройство заведений Адмиралтейских далеко отстало от устройства кораблей турецких. Отличительные их приметы: нечистота, беспорядок, бедность. Мастерские в самом жалком состоянии. Морское училище едва заслуживает это название. Молодые люди от 12-ти до 16-ти лет учатся в нем в продолжение трех или четырех лет первым началам математики и навигации, и тем ограничивается их образование. Выпущенные на флот в чине соответствующем нашему Гардемаринскому»²⁶.

Константин Николаевич в письмах к отцу также делился своими впечатлениями об увиденном. Ф. П. Литке докладывал императору: «18.06 Великий князь был на учение Гвардейского батальона 1-го эскадрона кавалерии и полубатарей Артиллерии. Его Высочество, конечно, в подробности доносит Вашему Императорскому Величеству, как он нашел эти войска»²⁷.

Николай I внимательно следил за вояжем сына, справлялся о его здоровье и обучении, поведении и манерах. Адмирал Ф. П. Литке все в подробностях докладывал: «Все идет благополучно и в совершенном порядке. Великий Князь благодаря Богу совершенно здоров, жар и усталость переносит без вреда здоровью, хотя иногда и жалуется на них. Польза обращения с людьми новыми и разнохарактерными очевидна. Мы замечаем в манерах Великого Князя больше деликатности и осмотрительности. С дамами Его Высочество доселе мало встречался, но очень заметно, что беседа с умной и любезной супругой нашего Посланника приносит ему больше удовольствия, и я удовлетворен, что, как Г-н Титов, так и княгиня Ханджери, которой по приказанию Государыни Императрицы Великий Князь сделал визит, нашли в нем любезного молодого человека»²⁸.

Атмосфера Константинополя тех дней отражена в живописных произведениях И. К. Айвазовского. По впечатлениям от посещения османской столицы с этой экспедицией художник создал ряд произведений. В Русском музее хранится одно из них — «Вид Константинополя при лунном освещении»²⁹, которое находилось в коллекции великого князя Константина Николаевича в Мраморном дворце³⁰.

Во время путешествия художник делал жанровые зарисовки. В личном альбоме Константина Николаевича есть рисунок «Канкчи (перевозчики) на Босфоре»³¹. Снующих между берегами лодочников-перевозчиков в Константинополе называли «канкчи». За узкой, юркой лодкой с пассажиркой можно заметить пароход «Бессарабия».

Вероятно, по воспоминаниям от поездки было создано и живописное полотно «Восточная сцена (в лодке)», находящееся в коллекции ГМЗ «Петергоф», на котором изображена та же композиция, что и на рисунке³².

Император Николай I в целом был доволен поездкой и поведением сына, но не забывал предостерегать его от опрометчивых поступков. Он ему писал: «С большим удовольствием я получил твое любопытное письмо из Царьграда, любезный Костя, и очень рад, что ты здоров туда прибыл и сколько любопытного увидел. Эти воспоминания останутся тебе приятными на всю жизнь. Надеюсь, что ты не сообщаешь другим те впечатления, которые производить должно унижение Христианства, но держи их про себя, сколько они не натуральны. Богу предоставить надо определить, когда Кресту восторжествовать над Луной, тебе же избегать всего, что иное значение предать может твоему там появлению, чем то, которое действительно тебя туда привлекло; надеюсь, что ты меня понял и будешь осторожен. Надеюсь также, что не одно любопытство тебя занимать будет все это время,

26 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

27 Там же.

28 Там же. Л. 12.

29 Айвазовский И. К. Вид Константинополя при лунном освещении. 1846 // ГРМ. Инв. № Ж-1787.

30 Государственный Русский музей. Генеральный каталог музейного собрания. Живопись. Т. 2. Первая половина XIX века. (А–И). СПб., 2002. С. 42.

31 Айвазовский И. К. Канкчи (перевозчики) на Босфоре. 1845 // РГАЛИ. Ф. 1949. Оп. 2. Д. 3. Л. 5.

32 Айвазовский И. К. Восточная сцена (в лодке). 1846 // ГМЗ «Петергоф». Фонд «Живопись». ПДМП-944-Ж.

но что ты займешься своей службой с должным радением, не забывая, который тебе год и что пора не ребячиться, а служить, и служить с пользой»³³.

Через две недели Константин Николаевич из Константинополя отправился к островам греческого архипелага. По пути посетил Никомидию, Дарданеллы, Старую и Новую Трою. В Смирне часть экспедиции, во главе с великим князем, пересела на корвет «Менелай» под командованием капитан-лейтенанта П. И. Кислинского. На корвете Его Высочество также отправлял должность старшего лейтенанта и, как записано в донесении, «отправлял с охотой и рвением»³⁴. От турецкой стороны на время путешествия по Греческим островам был назначен состоять при высоком госте капитан турецкого флота Мустафа Бей, который сопровождал великого князя на пароходе «Бессарабия».

Вице-адмирал Ф. П. Литке докладывал: «Было решено, что зайдем мы только в Хиос, Самос и Родос, в каждый на несколько часов, на возвратном пути посетим Афонскую гору»³⁵. Рисунки, сделанные во время этого крейсерства, красноречиво отражают события тех дней.

Два рисунка И. К. Айвазовского посвящены острову Патмос. В личном альбоме великого князя хранится рисунок «Пещера Апокалипсиса на острове Патмос» с изображением внутреннего вида пещерной церкви³⁶. На рисунке из собрания Русского музея «Монастырь на острове Патмос» 1858 г. представлена обитель Святого Иоанна Богослова на высокой скале, внизу вход в пещерную церковь³⁷. Рисунок, датированный 1852 г., вероятно, создан в связи с экспедицией 1845 г. В бухте у монастыря видны корабли и один из них — пароход «Бессарабия».

13 июля путешественники прибыли на остров Родос. На рисунке из альбома великого князя «Остров Родос» изображена гавань одноименного главного города³⁸. В глубине видны маяк и стены средневековой крепости, служившей форпостом рыцарей-госпитальеров. На якоре стоят корвет «Менелай» и пароход «Бессарабия». Позднее, в 1850 г. И. К. Айвазовский написал картину «Ночь на острове Родос», которая находится в собрании Национального художественного музея Республики Беларусь.

Для великого князя пребывание на острове Родос было особенно памятно. Богатая история острова, защита его рыцарями-госпитальерами от османов интересовала молодого князя. Изучая историю ордена, осматривая старый город, крепость, дворец Великого Магистра, Константин Николаевич чувствовал себя защитником христианства. На рисунке «Улица рыцарей»³⁹ показана улица старого города, на которой во времена рыцарей располагались резиденции наций (так называемые «обержи»), входивших в Духовно-рыцарский Орден госпитальеров. Сводчатый переход над улицей соединяет резиденцию прованских рыцарей с резиденцией арагонских и кастильских. На фасаде здания в левой части рисунка заметны в крестообразной рамке над стрельчатыми воротами гербы короля Франции, Великого Магистра и Тулузского приора. Рисунок И. К. Айвазовского документален и важен своей исторической точностью.

Еще один рисунок из альбома великого князя — «Молодой негр в местечке Стамбуле на Родосе» — имеет жанровый характер⁴⁰. Такие изображения служили прекрасными воспоминаниями о чудесном путешествии.

Покинув остров Родос, экспедиция, пройдя между островами, принадлежавшими Греческому королевству, зашла в Салоники для встречи с российским консулом г-ном Мусатоксиди, который должен был сопровождать великого князя на Святую гору Афон.

33 Письмо императора Николая I великому князю Константину Николаевичу. 2/14 июня 1845. Александрия // РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 377. Л. 2.

34 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

35 Там же. Л. 14.

36 Айвазовский И. К. Пещера Апокалипсиса на острове Патмос. 1845 // РГАЛИ. Ф. 1949. Оп. 2. Д. 3. Л. 7.

37 Айвазовский И. К. Монастырь на острове Патмос. 1858 // ГРМ. Отдел рисунка. Р-5025.

38 Айвазовский И. К. Остров Родос. 1845 // РГАЛИ. Ф. 1949. Оп. 2. Д. 3. Л. 9.

39 Айвазовский И. К. Улица рыцарей. 1845 // Там же. Л. 10.

40 Айвазовский И. К. Молодой негр в местечке Стамбуле на Родосе. 1845 // РГАЛИ. Ф. 1949. Оп. 2. Д. 3. Л. 11.

Посещение Святого Афона оставило глубокий след в памяти молодого князя. В донесении адмирал Ф. П. Литке сообщал: «Пробыв 3 дня, не было возможности обойти в это время все 20 монастырей. Великий Князь навестил 9 главнейших и несколько скитов. Это первое посещение Афонской святыни Князем Православного Царственного дома будет для нее эпохой»⁴¹.

В альбоме Константина Николаевича нет изображений святых мест Афона, но есть рисунок «Паликар на Афонской горе»⁴². Паликарами называли благородных разбойников, участников незаконных вооруженных формирований. Ими становились люди, желающие сохранить свою православную религию и свободу. Они нападали на османов. Горы скрывали разбойников от турецких властей, народ воспевал их как героев и борцов за освобождение родины. Бессильные бороться с паликарами, турки нередко заключали с ними договоры, откупались от них данью и даже поручали им охрану порядка в отдельных округах. Их также нанимали в сердары — собственную охрану Святого Афона, в обязанности которой входило блюсти порядок. На рисунке И. К. Айвазовского представлен мужчина в албанской одежде, вооруженный винтовкой, парой пистолетов и длинным кинжалом.

В альбоме Константина Николаевича помещен рисунок «Гречанки на островах Греческого архипелага», отражающий атмосферу встречи на островах⁴³. Об этом пишет Ф. П. Литке в Адмиралтейство: «Трудно описать радость и усердие, с каким население Греческое везде, а преимущественно на островах встречало Великого Князя, невзирая на заботливые меры Турецкого правительства, заранее обязывавшего прелатов и Епископов, о том, чтобы Его Высочество нигде не было обеспокоено излишним стечением народа. Народ этот толпами выходил Великому Князю навстречу, осыпал его благославлениями и приветствиями, подносили цветы и плоды, многие порывались целовать полу его платья. Сцены такие конечно не изглаждаются из памяти Великого Князя, как и появление в том крае останется навсегда незабываемым»⁴⁴.

Путешествие приближалось к завершению. В Константинополе корабли ожидал адмирал М. П. Лазарев. Участники экспедиции перешли на фрегат «Флора», для прохождения карантина. Они пополнили припасы и отправились к берегам родной земли. На рисунке И. К. Айвазовского «Фрегат „Флора“», из альбома великого князя, изображен корабль, сопровождавший все путешествие пароход «Бессарабия»⁴⁵.

Покинув Константинополь, эскадра дошла до Сухуми. По отплытию от Кавказских берегов, путешественники осмотрели города Феодосию, Керчь, Севастополь. Три рисунка И. К. Айвазовского из собрания Русского музея отражают эпизоды возвращения экспедиции. «Феодосия» и «Порт в Керчи» датированы художником 1845 г.⁴⁶ Рисунок «Вид города Керчи» подписан художником, но не имеет даты. Вероятно, был создан во время путешествия. На рейде в центре изображен пароход «Бессарабия»⁴⁷. Экспедиция завершилась 22 июля 1845 г. прибытием на Одесский рейд.

Первый официальный визит великого князя Константина Николаевича положил начало его политической, военной и дипломатической деятельности, а также имел большое значение для дальнейших отношений великого князя и султана.

После первой встречи дружеские отношения их сохранились. Султан был только на четыре года старше своего гостя. Позднее, в 1859 г. великий князь занимался вопросами строительства Русской Палестины, в том числе приобретения и оформления земли

41 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 5. Л. 14.

42 *Айвазовский И. К.* Паликар на Афонской горе. 1845. Рисунок // РГАЛИ. Ф. 1949. Оп. 2. Д. 3. Л. 12.

43 *Айвазовский И. К.* Гречанки на островах Греческого архипелага. 1845. Рисунок // Там же. Л. 8.

44 РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.

45 *Айвазовский И. К.* Фрегат «Флора» в море. 1845. Рисунок // РГАЛИ. Ф. 1949. Оп. 2. Д. 3. Л. 13.

46 *Айвазовский И. К.* Феодосия. 1845. Рисунок // ГРМ. Отдел рисунка. Р-13078; *Айвазовский И. К.* Порт в Керчи. 1845. Рисунок // Там же. Р-5023.

47 *Айвазовский И. К.* Вид города Керчи. 1845. Рисунок // Там же. Р-5024.

в Иерусалиме, в то время подвластном султану. Для этого потребовался новый визит Константина Николаевича в Константинополь. Султан выполнил все просьбы великого князя и даже подарил большой участок земли для строительства русского подворья.

Рисунки И. К. Айвазовского, сделанные во время путешествия, были помещены в личный альбом великого князя, где также хранились рисунки его рано умершей сестры и другие изображения, памятные для Константина Николаевича.

Учебные морские путешествия были важной частью системы обучения великого князя морскому делу, давали ему практические навыки, приучали к серьезному отношению к службе и дисциплине, ответственности и корректному поведению с сослуживцами и незнакомыми людьми, расширяли кругозор — одним словом, воспитывали все то, что так необходимо было ему в дальнейшей жизни.

REFERENCES

Berezin I. N. *Poseschenie zsaregradskih dostoprimechatelnostey vo vremia prebivaniia v Konstantinopole ego imperatorskogo visochestva vilikogo kniazia Konstantina Nikolaevicha, v 1845 godu* [Visiting the sights of Tsaregrad during his stay in Constantinople, His Imperial Highness Grand Duke Konstantin Nikolayevich, in 1845]. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1854. 90 p. (In Russian)

State Russian Museum. General catalog of the museum collection. Painting. Vol. 2. The first half of the XIX century. (A–I). St. Petersburg, Palace Editions, 2002. 255 p. (In Russian)

Zimin I. V. *Detskii mir imperatorskih rezidentsii Byt monarkhov i ikh okuzhenie. Povsednevnaia zhizn' Rossijskogo inperatorskogo dvora* [Children's world of imperial residences. The life of monarchs and their environment. Everyday life of the Russian imperial court]. Moscow: Tsentrpoligraf; St. Petersburg: Russian Troika-SPb, 2011. 571, [1] p. (In Russian)

► «ТАКАЯ РАДОСТЬ СНОВА БЫТЬ У СЕБЯ ДОМА НА ВОДЕ»: ПУТЕШЕСТВИЯ СЕМЬИ НИКОЛАЯ II НА ЯХТЕ «ШТАНДАРТ»

УШАКОВА ТАТЬЯНА
АНАТОЛЬЕВНА

Хранитель музейных предметов,
Государственный музей-заповедник
«Петергоф»

198516, Россия, Санкт-Петербург, Петергоф,
Разводная ул., д. 2

kamila141@yandex.ru

Воспитание в разные эпохи имело свои задачи, содержание и формы. Главными воспитателями царских детей были сами родители. Одной из форм воспитания было путешествие – настоящий жизненный курс по личностному развитию и самосовершенствованию. Статья посвящена воспитанию детей в семье Николая II, во время каникул на императорской яхте «Штандарт». Цель исследования – рассмотреть, на каких принципах основывалось воспитание во время путешествий. Основными источниками статьи стали: дневники Николая II; мемуары офицера Н. В. Саблина, служившего на яхте «Штандарт»; воспоминания о царской семье Г. Д. Пиньковского, известного советского актера, который в детстве был юнгой на яхте и товарищем по играм цесаревича Алексея; очерки финских исследователей Йорма Туоми-Никула и Пяйви Туоми-Никула, которые изучали места отдыха российских императоров в Финляндии. В результате исследования было отмечено, что воспитание детей строилось на следующих принципах: воспитание на собственном примере, почитание отца, религиозное воспитание, воспитание послушания, нравственное воспитание, патриотическое воспитание. Дети росли в строгости, без всяких излишеств, но с любовью к Богу, родителям и окружающим их людям.

Ключевые слова: Николай II, яхта «Штандарт», воспитание, путешествие

Воспитание — понятие обширное; в разные эпохи оно имело свои задачи, содержание и формы. В царской семье Дома Романовых дети всегда находились на особом положении, поэтому их воспитание должно было быть безупречным. Петровская эпоха привнесла в образовательную программу предметы, связанные с европейской культурой, а екатерининское время — философские сочинения и иностранную литературу¹. Со времен императрицы Екатерины II царских детей в обязательном порядке приучали к простым условиям быта, воспитывая в них выносливость и готовность к любым жизненным испытаниям. А при императрице Марии Федоровне закрепилась практика ведения детьми личных дневников и традиция обязательных путешествий. Но главное всегда оставалось неизменным:

► “SUCH A JOY TO BE AT HOME ON THE WATER AGAIN”: TRAVELS OF THE FAMILY OF NICHOLAS II ON THE YACHT “STANDARD”

USHAKOVA TATYANA
ANATOLYEVNA

Curator of museum objects, The Peterhof State
Museum Reserve

2, Razvodnaya st., Peterhof, St. Petersburg,
198516, Russia

kamila141@yandex.ru

Education in different eras had its own tasks, content and forms. The main educators of the royal children were the parents themselves. One of the forms of education was travel - a real life course for personal development and self-improvement. The article is devoted to the upbringing of children in the family of Nicholas II, during the holidays on the imperial yacht “Standard”. The purpose of the study is to consider the principles on which education was carried out during travel. The main sources of the article were: the diaries of Nicholas II; memoirs of officer N. V. Sablin, who served on the Shtandart yacht; memories of the royal family of G. D. Pinkovsky, a famous Soviet actor, who in his childhood was a cabin boy on a yacht and a playmate of Tsarevich Alexei; essays by Finnish researchers, Jorma Tuomi-Nikula and Päivi Tuomi-Nikula, who studied the resting places of Russian emperors in Finland. As a result of the study, it was noted that the upbringing of children was based on the following principles: upbringing by example, honoring the father, religious education, obedience education, moral education, patriotic education. Children were brought up in strictness, without any frills, but with love for God, parents and the people around them.

Keywords: Nicholas II, yacht “Standard”, education, travel

1 Сидорова А. Н. «Образовать в детях ум, сердце и душу». Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II. М., 2019. С. 17–18.

под воспитанием понимался процесс целенаправленного формирования личности человека, раскрытия и совершенствования его природных способностей, нравственных, умственных и телесных сил.

Главными воспитателями царских детей Дома Романовых были сами родители. В статье речь пойдет о воспитании детей последнего русского царя Николая II — Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии и цесаревича Алексея — во время каникул на императорской яхте «Штандарт». В семье все воспитывало детей: атмосфера труда, важные занятия отца. Император был образованным для своего времени человеком, отличался силой и здоровьем. Он с детства привык к физической работе и с ранних лет приучал к ней своих детей. Александра Федоровна, супруга Николая II, была воспитана «в соответствии с незабываемыми викторианскими ценностями: долг и доброта, скромность и чистота, опрятность и умеренность»².

Одной из форм воспитания было путешествие. Оно давало возможность понять, как выглядел современный мир, знакоило с природой. Это был настоящий жизненный курс по личностному развитию и самосовершенствованию. В 1906–1914 гг. Николай Александрович с Александрой Федоровной и детьми регулярно путешествовали на яхте «Штандарт» по Балтийскому и Черному морям. Они ходили в финские шхеры, в Крым и за границу. Торжественная закладка легендарной океанской яхты произошла 1 октября 1893 г. в Копенгагене, на верфи фирмы «Бурмейстер и Вайн». Яхта была «плавающим дворцом на воде». Помещения на императорской яхте были обустроены для длительного пребывания Николая II с семьей³. Обычно из Петергофа выходили на яхте «Александрия», которая доставляла семью до Кронштадта, где ждал великолепный «Штандарт».

Петергоф, летняя морская резиденция российских императоров, имел специально оборудованную гавань для стоянки императорских яхт, которые входили в состав Российского Военного Флота, поэтому вполне естественным стало открытие в 2004 г. в Нижнем парке на берегу Финского залива музея «Императорские яхты». ❶ Музей посвящен истории бытования царских яхт с момента их появления в петровскую эпоху до революционных событий начала XX в. Макет любимой яхты Николая II, над которой помещен царский штандарт, находится в центре зала музея. ❷ Название яхты символично: штандарт — флаг главы государства. В конце XIX — начале XX вв. штандарт, изготовленный из золотистого шелка с изображением черного двуглавого орла и морских географических карт, поднимался над яхтой Николая II, когда на ней находился император. В экспозиции представлены предметы из фарфора и стекла, памятные вещи семьи Николая II.

Яхта ежегодно встречала императорскую семью салютом, музыкой и почестями. Затем были званые обеды, балы, вечера, прогулки по морю, частые прибытия вельмож, послов и прочих высочайших гостей.

Царские дети, оказавшись на яхте, проявляли живейший интерес к окружавшим их людям, так как в дворцовых стенах были вынуждены вести уединенную жизнь и быть лишенными круга друзей и знакомых⁴. Здесь их ждало необыкновенное морское приключение, которое впоследствии повторялось целых девять лет. Они были счастливы, ведь разлучаться с родителями не приходилось. В сопровождении гувернанток и фрейлин, состоявших при княжнах во время плаваний, они изучили огромный корабль, который на время путешествий становился их домом. Как только дети прибывали на яхту, к ним тотчас приставляли телохранителей, так называемых «дядек». В их обязанности входило ни на минуту не оставлять детей, оберегать их от разных случайностей: чтобы не упали за борт, не выпачкались в коцегарках, куда они полюбили спускаться; сопровождать на берег и даже купаться с ними⁵. «Дядек» выбирали из самых лучших представительных матросов.

2 Ковалевская О. Т. Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. СПб., 2017. С. 17.

3 Саблин Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008. С. 18.

4 Нечаев Г. А. На яхте «Штандарт» // Царские дети: сборник. М., 2015. С. 356.

5 Светлани Г. Д., Капков С. В. Товарищ Его Высочества. Нижний Новгород, 2022. С. 39.

«В результате великие княжны запомнили имена всех матросов и офицеров, узнавали от них имена их жен и детей <...> слушали их письма, рассматривали фотографии и делали им маленькие подарки»⁶. Из мемуаров офицера яхты: «<...> Граф П. А. Гейден привез княжнам маленькие справочники по морским вопросам, и дядьки читали разную морскую премудрость княжнам, сами рассказывали о морской практике <...>»⁷. Одним из них, К. Нагорного, потом приняли на службу к наследнику. Самым любимым стал «дядька» при Анастасии Николаевне, матрос В. Ф. Бабушкин — отличный строевик, унтер-офицер. Да и при наследнике почти всю его жизнь с 1906 г. состоял боцман А. Е. Деревенько, которого выбрал адмирал К. Д. Ниллов. Функции у него были более значительными: держать цесаревича за руку, носить на руках и быть вхожим в детскую Алексея. Так и остался Андрей Еремеевич нянькой до самой трагической кончины семьи Романовых⁸.

Родители приучали детей к дисциплине, даже обустроивая их личные апартаменты. Их воспитание носило «спартанский» характер. На нижней палубе яхты «Штандарт» из гостиной дверь вела в две каюты наследника Алексея Николаевича. Первая использовалась как игральная комната, а потом как классная. Это была большая каюта, откуда была вынесена вся мебель, чтобы дать место игрушкам, а впоследствии учебным пособиям. При подборе игрушек в игровых комнатах цесаревича учитывалась и «география». На яхте и в Ливадийском дворце в Крыму у Алексея в «собственной» игровой преобладала морская тематика игрушек: хранилась целая флотилия подводных лодок и военных кораблей. Разноцветные сигнальные флажки знакомили наследника с морской азбукой. Также у каждого из детей постепенно формировалась своя библиотека, книги отмечались личными экслибрисами, выполненными художником и хранителем Отдела ценностей Императорского Эрмитажа бароном А. Е. Фелькерзамом. В музее «Императорские яхты» находятся вещи, предположительно, связанные с пребыванием царской семьи на яхте «Штандарт»: походная кастрюлька **3** и переносная чернильница цесаревича **4**; дверная табличка «А. Е. Деревенько» с каюты «дядьки» Алексея; игровые кораблики с морской пушкой.

Вторая каюта наследника служила спальней. Алексей спал на походной кровати, сперва — на обыкновенной детской, с высокими никелированными сетками, а потом — на палаточной. Княжны с горничными делили маленькие тесные каюты на нижней палубе. Родители считали такое расположение вполне достаточным, пока дети были еще маленькими. Точно так же, как и цесаревич, великие княжны сначала спали на походных кроватях без подушек, но, несмотря на это, «чрезвычайно любили свои каюты»⁹. «Ежедневно принималась холодная ванна по утрам и теплая каждый вечер», — вспоминала фрейлина А. А. Вырубова¹⁰. В 1908 г. «на яхте велись работы по устройству кают для Ольги и Татьяны, переделываемых из нижней личной столовой их величеств. Между каютами сделали общую ванную и уборную»¹¹, хотя даже их нельзя было сравнить с просторными каютами Алексея. Вся эта система расположения личного пространства была традицией семьи Романовых: воспитание наследника, будущего царя России, в корне отличалось от воспитания его сестер. С детства каждый должен был знать свое место.

День на «Штандарте» начинался в 8 ч. утра подъемом императорского флага. Командир принимал рапорты от офицеров, после чего поднимали флаг, музыканты играли Николаевский марш, затем гимн, а при расхождении караула — марш. Такая же церемония проходила и при спуске флага при заходе солнца. Княжны любили эту традицию, и так как

6 Масси Р. К. Николай и Александра. М., 1992. С. 117.

7 Саблин Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 60.

8 Там же.

9 Там же. С. 28.

10 Танеева А. А. Страницы моей жизни // Верная Богу, Царю и Отечеству. А. А. Танеева (Вырубова) — монахиня Мария. СПб., 2016. С. 104.

11 Саблин Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 120.

они вставляли раньше родителей, то почти всегда присутствовали при этом, стоя, однако, где-нибудь в сторонке. После окончания церемонии им играли их полковые марши. К 9 ч. утра государь выходил на верхнюю палубу, где его встречали командир яхты И. И. Чагин или флаг-капитан К. Д. Нилов и всегда флигель-адъютант А. А. Дрентельн. Затем государь шел пить чай с офицерами в царскую столовую. После чая подавалась байдарка, и царь греб час-два, демонстрируя всем отличную физическую подготовку; возвращался ко времени командного обеда, в 11 ч. Одним из семейных обычаев на яхте стала традиция пробы пищи: прежде чем матросам давали еду, император и цесаревич ее опробовали. Этот обычай был создан для того, чтобы царские дети стали ближе к простому народу и были социально адаптированы. Церемония проходила на верхней палубе яхты. «Для пробы все бралось из общего котла, но — „с хитрецей“». В серебряные царские судки добавлялись разные специи, все сдабривалось сметаной, подливой, и, безусловно, матросские щи выглядели уже первоклассно»¹². Когда царь в присутствии всех «запихивал»¹³ за свой ворот крахмальную салфетку и прикладывался к пище, и другие чины, глядя на него, спешили приложиться к матросской похлебке. Затем царь звал цесаревича, и Алексей Николаевич начинал есть с большой охотой; после пробы подносили фрейлине О. Е. Бюцовой, большой любительнице щей, и свите. Все ели теми же ложками¹⁴. В музее «Императорские яхты» хранится уникальная кинохроника начала XX в. из Российского государственного архива кинофотодокументов, представляющая императорскую семью на борту яхты «Штандарт». Киноплёнка запечатлела, как наследник престола играл на палубе яхты, как снимал пробу матросского борща.

Романовы воспитывали детей на основе принципа гуманизма, который сводился к идее человеколюбия. За время плаваний все будто становилось одной большой семьей. На борту яхты они могли вести ту свободную от великосветских условностей семейную жизнь, о которой мечтали, но никогда не смогли обрести на берегу. Александра Федоровна, часто сидя в кресле на корме с рукоделием, подолгу беседовала с кем-либо из старших офицеров на самые разные темы. Во время «штандартских» будней отменялось отдание чести, употребление в обращениях полных наименований титулов, вставание «во фронт». Когда подавали общий чай, никто не приглашался специально: кто находился на верхней палубе — того и просили в рубку, «княжны тащили за рукава, без всякого стеснения, кого только находили наверху»¹⁵. Простой, но идиллический отдых на яхте, ставший обыденным для семьи Романовых, вплоть до начала войны в 1914 г., был лучшим и счастливейшим временем, положительно сказывался на здоровье молодого наследника, а императрица становилась веселой и общительной.

Однако одним из средств воспитания царских детей были ограничение в еде и запрет на встречу с родителями. Такое наказание придумал еще Николай I, и этот метод был передан по наследству. Запрета на встречу с родителями во время плаваний не было, а ограничение в еде существовало. В начале плаваний княжны только завтракали с родителями. Наследник не завтракал за общим столом вовсе, а ел у себя в каюте или на верхней палубе. Потом, когда дети подросли, они всегда сидели за высочайшим столом, но для них было составлено отдельное меню. Их ограничивали и в сладостях: угощение состояло из самого обыкновенного сахара, в который добавлялся для аромата фруктовый сок; массу замораживали, заворачивали в пергаментную бумагу, и такими конфетами угощали, и только если заслужили, а не в любое время и не в любом количестве¹⁶. Столы накрывали в царской рубке, которая использовалась и как приемная императора в торжественных случаях, и как

12 Светлани Г. Д., Капков С. В. Товарищ Его Высочества. С. 50–51.

13 Там же. С. 52.

14 Там же. С. 34.

15 Саблин Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 62.

16 Светлани Г. Д., Капков С. В. Товарищ Его Высочества. С. 73.

обычная столовая. Следует добавить, что для царских яхт изготавливались специальные императорские сервизы с соответствующей яхтенной символикой. Так было заведено еще в правление Екатерины II. Сервиз для яхты «Штандарт», включавший 1625 предметов из фарфора и 1190 предметов из стекла, был изготовлен на Императорском фарфоровом и Императорском стеклянном заводах. Фарфоровая часть сервиза была самой лаконичной по оформлению из всех морских сервизов: белый фарфор, украшенный изображениями императорского штандарта¹⁷.

После принятия пищи великие княжны любили бывать на верхней палубе: там было ощущение свободы. Девочки общались с офицерами, играли в настольные игры и даже катались на роликах по гладкой деревянной палубе, которая считалась «гордостью русского флота»¹⁸. Разумеется, во время плавания это было возможно лишь тогда, когда на море был штиль или когда «Штандарт» стоял на якорях. В это время наследник играл в разные игры на юте¹⁹, а родители всегда были поблизости: отец что-либо читал, мать шила, сидя в удобном плетеном кресле, или отдыхали на диване под тентом, наблюдая за детьми.

Неподдельная горячая любовь между детьми и родителями всегда царила в семье Николая II, хотя и воспитывали великих княжон в суровой строгости. Родители боялись, что богатство и нега испортят характер детей. Однако кроме наказаний и ограничений были поощрения в виде прогулок и игр. Царскому наследнику, наоборот, многое прощалось и было позволено. Ему не возбранялось играть с юнгами, служившими на яхте, много шалить. Он мог высокомерно вести разговор, как с высокопоставленными чиновниками, так и с крестьянами²⁰. «Но он был прелестный, ласковый мальчик, самый красивый из всех детей», — писала в мемуарах А. А. Вырубова²¹.

«В часы досуга на „Штандарте“ много было всяких шалостей, игр и затей. Шалили все: от малого до старого, от юнг до высшего офицерства <...>»²². Для развлечения наследника матросы устраивали бой мешками, а все наблюдали и болели кто за кого. Также цесаревич любил показывать подарки, которые ему дарили гости яхты, и в этом показе принимали участие и княжны. Когда цесаревичу подарили целый набор духовых инструментов, вся детская компания устроила церемониальный парад. Наследник надел на себя большой турецкий барабан, матросу вручил медные тарелки. Командование парадом взял на себя — он шел впереди всех и что есть силы бил в барабан, следом шли Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия, они дули в медные трубы. Замыкал шествие А. Е. Деревенько, он тоже на своих губах пальцами выводил какие-то трели. От такой музыки можно было сойти с ума, но деваться было некуда. Алексею все кланялись, улыбались и аплодировали: „Ах, Ваше Высочество, какой Вы гений!“»²³

Девочек воспитывали так, чтобы их никогда не видели без дела или скучающими. Государыня и княжны могли проводить время в одном из кабинетов Николая Александровича, в то время как государь вел прием в другом кабинете. Великие княжны с государыней читали книги, дневники или занимались рукоделием. Александра Федоровна считала, что ее дети должны приучаться к труду с детства, поэтому они учились шить, вышивать и вязать. Искусной рукодельницей была великая княжна Татьяна. Мария и Анастасия старались брать с нее пример. Ольга была хорошей воспитательницей и наставницей своим младшим сестрам, но особенно она стала близка с Татьяной, которая была младше ее на полтора года.

17 Русские императорские яхты: конец XVII — начало XX в. альбом-каталог выставки / авт. ст. и сост.: В. В. Знаменов и др. СПб., 1997. С. 43–44.

18 *Саблин Н. В.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 61.

19 Ют — кормовая надстройка судна или кормовая часть верхней палубы.

20 *Светлани Г. Д., Капков С. В.* Товарищ Его Высочества. С. 52.

21 *Танеева А. А.* Страницы моей жизни. С. 69.

22 *Светлани Г. Д., Капков С. В.* Товарищ Его Высочества. С. 69–72.

23 Там же. С. 93–94.

С детства сестры все время проводили вместе: играли, мастерили одежды для кукол. В музее «Императорские яхты» представлены шкатулка с набором для рукоделия и сумочка из бисера (конец XIX в.) — подобные вещи могли находиться на императорской яхте «Штандарт».

В семье Романовых нравственное воспитание осуществляли посредством выразительного чтения. Чтение развивало душу человека, учило его сострадать и быть милосердным. В царской семье читали все и много. Старшая княжна Ольга любила читать больше других сестер, впоследствии она начала писать стихи. Императрица и великие княжны в особенности любили исторические сочинения. Государь иногда читал вслух. Это всегда было интересно, так как читал он превосходно. Для семейных вечеров император выбирал произведения отечественных авторов — Н. В. Тоголя, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова или более легкую литературу — романы, беллетристику. Он читал на многих языках: по-английски, по-французски, по-датски и по-немецки, однако детям читал по-русски, так как желал, чтобы его дочери и сын выросли русскими по духу. Александра Федоровна читала сказки или напевала английские народные песни.

Разнохарактерное воспитание детей включало в себя и воспитание музыкой, которое формировало гармонично развитую личность. На яхте в кают-компании великие княжны занимались уроками и игрой на фортепиано. «Посередине <...> стоял большой обеденный стол, против которого — буфет, а вдоль переборки — пианино»²⁴, на котором девочки музицировали. Ольга Николаевна была особенно музыкальна от природы, могла сыграть любую услышанную мелодию и прекрасно играла на фортепиано, как и мать: «Из кают-компании часто можно было услышать великолепную игру произведений В. Р. Вагнера — любимого немецкого композитора Александры Федоровны»²⁵. Николай II из композиторов предпочитал Д. С. Бортнянского, П. И. Тучанинова и А. Ф. Львова, «к которым с детства привыкло ухо»²⁶.

Одним из любимых занятий царской семьи на яхте было фотографирование. Это были и официальные снимки, сделанные фотографом К. А. Ягельским, и любительские, сделанные членами императорской семьи. Княжны первое время просто наблюдали и учились процессу создания фотоснимков, а затем в качестве поощрения родители разрешили и им прикоснуться к этому виду искусства. На яхте было много фотографий: в кабинетах их величеств, в кают-компании, даже в ванной и уборной. В музее «Императорские яхты» представлена шкатулка с оптическим эффектом. Она выполнена в виде коробки с двойным дном, в которой хранились фотографии, а оптические стекла дают возможность лучше рассмотреть любую фотокарточку или открытку. Коллекция фотографий царской семьи на яхте «Штандарт» украшает стены и витрины музея.

Еще одним увлечением и частью повседневной жизни семьи Николая II стал кинематограф. Считалось необходимым приучить детей к техническому прогрессу, который захватывал все новые области человеческого бытия, и дети должны были быть творческими и интеллектуально развитыми людьми. На яхте для августейших особ и их детей в помещении походной судовой церкви или в столовой проходили кинематографические сеансы. Кино было без звука и музыкального сопровождения. Для организации демонстрации фильмов иногда приглашались владельцы ялтинских кинотеатров «Одеон» и «Иллюзион» — А. К. Салтыков и П. К. Чепатти. Фильмы, предназначавшиеся для императорской семьи, в основном были развлекательными: семейная кинохроника, пейзажные зарисовки, комические снимки из пребывания на яхте «Штандарт»; с 1913 г. — первые мультипликационные мультфильмы А. А. Ханжонкова: «Стрекоза и муравей» и «Рождество у обитателей леса». Определял репертуар сам Николай II. В дневнике он писал: «Поехали к 8 ч. на яхту к обеду <...> Затем наверху столовой был забавный кинематограф»²⁷. Киносеансы проводились и в Крымском Ливадийском дворце.

24 Саблин Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 27.

25 Там же. С. 28.

26 Сургучев И. Д. Детство императора Николая II. СПб., 2018. С. 103–106.

27 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 431.

Одним из любимых мест, куда путешествовала царская семья, были финские шхеры. На Императорской пристани крепости Кронштадт семья ненадолго сходила на берег для того, чтобы пересесть на корабль «Штандарт». «Такая радость снова быть у себя дома на воде <...>»²⁸, — однажды написал в своем дневнике Николай II.

Неотъемлемым фактором в воспитании личности был здоровый образ жизни, поэтому великих княжон приучали к нему, установив на яхте определенный распорядок дня²⁹. Каждое утро начиналось с гимнастики и водных процедур. Купались в море не для удовольствия, а в качестве лечебной процедуры. Кроме того, на яхте имелись качели и кольца, чтобы упражняться. Ежедневно дети с отцом совершали прогулки на байдарке. Днем, отдыхая на островах, много ходили, бегали, играя в горелки, в пятнашки, водили хороводы³⁰.

Детей с ранних лет обучали самостоятельности. Для этого в местечке Виролахти³¹ был оборудован крохотный островок, предназначенный для цесаревича Алексея и великих княжон. Остров так и стал называться — Детским островом, а берег — Берегом наследника. На острове был сделан песчаный пляж. Дети любили этот остров, он считался главным местом проведения детских каникул, поэтому самые длительные стоянки были именно там. На него, кроме Алексея, его сестер и их охраны, никого не пускали. «На Детском острове жителей не было, зато весь он был покрыт толстым мхом, на нем росло множество грибов, красной смородины, черники и крупной лесной клюквы — словно вишни»³². Дети носили дрова для костра, собирали ягоды. «Дядьки» приносили качели, гамаки, плетеные кресла, развозили костер, привозили продукты. Великие княжны могли приготовить на костре самые простые блюда: сварить компот из свежих ягод и испечь картофель, который «ели <...> горячим, до отвала <...>»³³.

Государыня считала семью самым ценным сокровищем на Земле. Секреты ее семейного счастья были заключены в терпении, понимании друг друга, единстве интересов. Как ей и мечталось, в кругу семьи всем было тепло и уютно. Княжны радовались продолжительному плаванию на финских шхерах. Ольга и Татьяна уходили на прогулку, чтобы поискать кусочки янтаря. Мария и Анастасия купались или проводили время за игрой в бадминтон, а цесаревич Алексей, как обычно, катался с отцом на байдарке. Царственные родители устраивали семейные мероприятия, чтобы ближе быть к своим детям. По вечерам после обеда императорская семья отправлялась на традиционную рыбалку в сопровождении свиты и морских офицеров: «Обедаем быстро. Государь в сюртуке. Императрица в крупных изумрудах, великая княгиня Ольга Александровна, сестра царя, в чудных уральских камнях. А у парадных трапов уже стоят царские катера <...> все готовятся <...> и мы едем на рыбалку. Приезжаем на остров, государь помогает сестре и княжнам перепрыгивать по скользким камням <...> затем все начинают соблюдать тишину. Царь стоит по колено в воде в высоких юфтевых сапогах. Рядом с ним великие княжны, и только слышно потрескивание костров и хлюпанье грузил в воде. Рыбы поймали немного. Затем пели песни у костра так, что песенный звон разлетался на километры. Кругом штиль и безмолвие, а все небо в ярких звездах <...> Около полуночи все возвращаются на „Штандарт“. И их величества приглашают в рубку к вечернему чаю»³⁴, — вспоминал офицер яхты Н. В. Саблин.

Прощание царской семьи с ладожскими шхерами обычно проходило в сентябре. 21 сентября 1906 г. Николай II сделал запись: «<...> это последний день в шхерах этой

28 Там же. С. 431.

29 *Зимин И. В.* Врачи двора Его Императорского Величества, или Как лечили царскую семью. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2018. С. 768.

30 *Туоми-Никула, Йорма и Пяйви.* Императоры на отдыхе в Финляндии. СПб., 2003. С. 157–158.

31 Виролахти — залив, который находится в юго-восточной части Финляндии, в 50 км от Выборга.

32 *Светлани Г. Д., Капков С. В.* Товарищ Его Высочества. С. 63–66.

33 Там же.

34 *Саблин Н. В.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 69.

чудной привольной жизни на „Штандарте“»³⁵. Когда яхта пришвартовалась в Кронштадте и пришло время сойти на берег, «девочки, сгрудившись, плакали, прощаясь с офицерами яхты»³⁶, которые стали для них поистине дорогими людьми — одной семьей. Перед тем как расстаться, императорская семья делала щедрые подарки всем членам экипажа. В свою очередь, офицеры завели обычай подносить княжнам маленькие сувениры: Татьяне Николаевне в 1909 г. подарили брошку, которая изображала спасательный круг, из белой эмали, с флюгаркой³⁷.

Затем царская семья возвращалась в Петергоф. Зимой «Штандарт» находился на стоянке в Новом Адмиралтействе, против храма «Спас-на-Водах», в память Цусимского боя. Однако особые связи корабельной жизни царской семьи и офицеров держались крепко. Александра Федоровна часто приглашала их на роли воинов во время представлений оперы Джузеппе Верди «Аида» или в Царское Село, чтобы покататься с детьми на санях, а затем попить чай у А. А. Вырубовой в маленьком домике на углу Средней и Церковной улиц, куда прибывала великая княгиня Ольга Александровна, любимая тетя великих княжон³⁸. Играли в разные игры, а государь — в свое любимое домино.

Помимо финских шхер, императорская яхта «Штандарт» путешествовала в Крым. До 1914 г. «Штандарт» ежегодно ходил в Севастополь, куда семья Николая II приезжала на императорском поезде, а затем пересаживалась на яхту, которая доставляла царскую семью в Ялту³⁹.

Встречи царской семьи в Севастополе были всегда красивыми и торжественными. Ежегодно около недели яхта стояла против Графской пристани и блистала. Когда семья Николая II ездил на экскурсию, детям показывали памятники обороны, экскурсию обычно вел генерал А. М. Зайончковский, который отлично знал историю Севастополя. Также они посещали раскопки Херсонеса, музей, где было собрано много диковинных вещей из этого затопленного города. Воспитанию патриотизма уделялось самое пристальное внимание.

Александра Федоровна с детства прививала девочкам чувства милосердия и сострадания. Будучи в Крыму, она с дочерьми посещала туберкулезных больных, привозила им лекарства, фрукты, цветы, но главное — доброе слово⁴⁰. Ежегодно из Царского Села в Севастополь приходил гофмаршальский поезд, который доставлял изготовленные Александрой Федоровной и княжнами разные предметы для предстоящих в Ялте благотворительных базаров. В течение долгих зим они вязали и шили шарфы, детское белье, раскрашивали открытки и закладки для книг. На каждой вещи была метка, кто изготовитель. Публика все это ценила и охотно раскупала эти мелочи на трехдневном базаре. Деньги передавались благотворительным учреждениям, бедным, а также — в «Дни Белого цветка»⁴¹ — в пользу туберкулезных больных. После благотворительных базаров семья уезжала в Ливадию.

Отдых в Ливадии начинался с праздника Пасхи. Царская семья была весьма религиозна. Детей воспитывали в духовности и вере в Бога. Христово Воскресение считалось главным событием года и было любимым праздником императорской семьи. Православная вера являлась одним из принципов «теории официальной народности» и объединяла царя с русским народом. Важной традицией среди обязательных мероприятий российских императоров было ежегодное христосование на Пасху. «<...> Их величества говели в Ливадии со свитой, питались постным, общих завтраков не было. Разговение проходило на яхте.

35 Дневники императора Николая II. С. 335.

36 *Саблин Н. В.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 156–157.

37 Там же.

38 *Ранпапорт Х. Ф.* Загубленные жизни. Дневники княжон Романовых. М., 2019. С. 155.

39 *Мальгин А. В.* Русская Ривьера. Симферополь, 2016. С. 199–201.

40 *Ковалевская О. Т.* Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. СПб., 2017. С. 224.

41 «Дни белого цветка» (впервые состоялись в России 20 апреля 1911 г.) — мероприятия, направленные на борьбу с туберкулезом.

При входе на яхту была собрана судовая походная церковь, семью встречал священник с крестом, к кресту вся семья прикладывалась, после чего христосовались с батюшкой. Юнги-певчие пели нежными голосами „Христос Воскресе“⁴². В кают-компании накрывали стол, после заутрени все собирались в парадной форме и красивых туалетах. Как только садились за стол, их величества звонили по телефону и передавали И. И. Чагину и всему экипажу «Штандарта»: «Христос Воскресе». На следующий день более трехсот человек имели счастье похристосоваться с его величеством в Ливадийском дворце⁴³. Дворец превращался в огромный банкетный зал. Всякий, кто заходил в царский дом, был желанным гостем, столы были накрыты днем и ночью. Государыня и княжны были в белых платьях, все целовали им руки, получая фарфоровые или гранитные пасхальные яйца. Великим княжнам и цесаревичу Алексею офицеры яхты дарили шоколадные яйца с сюрпризами, в них оказывались пупсики, фарфоровые собачки или амулеты с крестом, якорем и сердцем, что означало: «Вера, Надежда, Любовь»⁴⁴. В музее Петергофа представлены подобные фарфоровые пасхальные яйца с монограммой Николая II и царским гербом.

Императорская семья ежедневно покидала дворец или яхту и совершала путешествия по Крыму. На автомобилях ездили в разные города и поселки. Дети купались в море, катались на велосипедах и совершали многочисленные пешие прогулки в сопровождении свиты и своих любимых «дядек»⁴⁵.

С официальными визитами или на встречу с императорской семьей Николая II в Крым приезжали гости из зарубежных государств. В 1912 г. состоялась официальная встреча Николая II с итальянским королем Виктором Эммануилом III. После визита царь привез наследнику оригинальный подарок — ослика. Запрягался ослик в типичную итальянскую двуколку, разрисованную по кузову пейзажами и фигурами в национальных костюмах. Ослик был ручной и бегал по палубе, как собачка⁴⁶.

Так же, как и финские шхеры, императорская семья покидала Крым с тоской. Последний приезд Романовых в Ливадийский дворец состоялся 30 марта 1914 г., в Вербное воскресенье: «Какая благодать быть снова в Крыму»⁴⁷, — оставил государь запись в своем дневнике. До их отъезда в Петербург «Штандарт» стоял у ялтинского мола, после чего яхта вернулась на Балтику.

Делая выводы, можно отметить, что в семье Николая II воспитание строилось на следующих принципах: воспитание на собственном примере, почитание отца, религиозное воспитание, воспитание послушания, нравственное воспитание, патриотическое воспитание. Дети воспитывались в строгости, без всяких излишеств, но с любовью к Богу, родителям и окружающим. Поистине, дружеские и душевные отношения, которые сложились между великой императорской фамилией и простыми людьми, служившими на яхте «Штандарт», говорят о том, насколько сердечной была царская семья, насколько сильно были в каждом из них заложены те человеческие ценности, те принципы и заповеди, которые им были привиты с детства. Несмотря на отмену некоторых правил дворцового этикета, обязанностей и позволения неких вольностей, которые совершались на яхте во время каникул, дети почти не ослушивались родителей. Впрочем, цесаревичу Алексею, в связи с его тяжелой болезнью — гемофилией, многие шалости прощались. Ему разрешалось играть с юнгами и детьми матросов, что было недопустимо. Однако государь не обращал внимания на пересуды, когда речь шла о детях. Великие княжны и во время путешествий продолжали

42 *Саблин Н. В.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 80.

43 *Дневники императора Николая II.* С. 418.

44 *Саблин Н. В.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 84.

45 *Калинин Н. Н., Земляниченко М. А.* Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2016. С. 129.

46 *Саблин Н. В.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 243.

47 *Дневники императора Николая II.* С. 506.

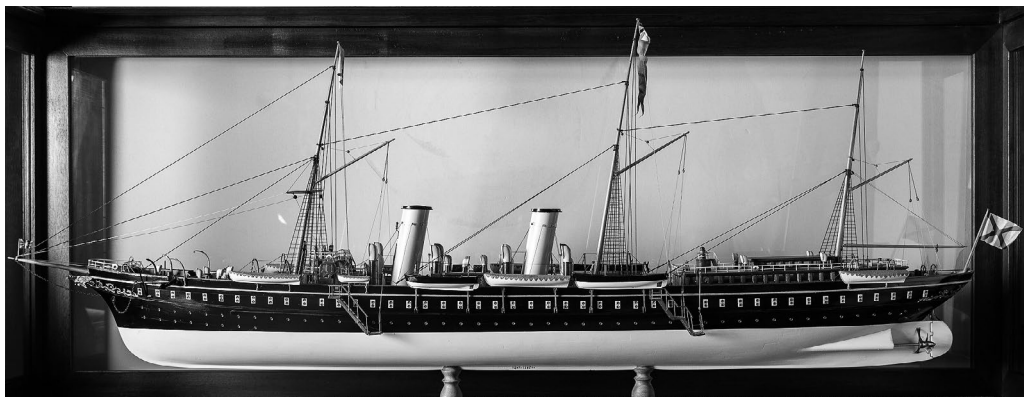
обучаться и помогали родителям. Как вспоминал один из офицеров яхты «Штандарт»: «Княжны за столько лет плаваний — живые ангелы, неопиcуемые по очаровательности. Таких добрых, милых, красивых девочек — мы других не встречали, потому что они дочери русского царя. Это внушало уважение. Княжны были очень дружны между собой, просты в отношениях со всеми окружающими, обладали прекрасными характерами. Умные, воспитанные, национальные по духу с русскими душами. И повзрослев, они сохранили свою душевную и сердечную чистоту»⁴⁸.

REFERENCES

- Tsarskiye deti: sbornik* [Royal Children: a collection]. Moscow, Sretensky Monastery Publ. House, 2015. 445 p. (In Russian)
- Zimin I. V. *Vrachi dvora yego imperatorskogo velichestva ili kak lechili tsarskuyu sem'yu. Povsednevnyaya zhizn' rossiyanskogo imperatorskogo dvora* [Doctors of the court of His Imperial Majesty or how the royal family was treated by the daily life of the Russian imperial court]. Moscow, Tsentropoligraf, 2018. 895 p. (In Russian)
- Russkiye imperatorskiye yakhty: konets XVII – nachalo XX veka* [Russian imperial yachts, late 17th – early 20th century] / author. art. and comp.: V. V. Znamenov et al. St. Petersburg, EGO, 1997. 264 p. (In Russian)
- Kalinin N. N., Zemlyanichenko M. A. *Romanovy i Krym. «U vsekh nas ostalas' toska po Krymu...»* [Romanovs and Crimea. "We all have a longing for the Crimea ..."]. Simferopol', Biznes-Inform, 2016. 320 p. (In Russian)
- Kovalevskaya O. T. *Tsarskiy leyb-medik. Zhizn' i podvig Yevgeniya Botkina* [The Tsar's life-medic. The life and deed of Evgeny Botkin]. St. Petersburg, Tsarskoye delo, 2017. 538 p. (In Russian)
- Mal'gin A. V. *Russkaya Riv'yera* [Russian Riviera]. Simferopol', SONAT, 2016. 352 p. (In Russian)
- Massi R. K. *Nikolay i Aleksandra* [Nicholas and Alexandra]. Moscow, Amfora, 1992. 446 p. (In Russian)
- Rappaport H. F. *Zagublennyye zhizni. Dnevniky knyazhon Romanovykh* [Lost lives. Diaries of the Romanov princesses]. Moscow, Eksmo, 2019. 608 p. (In Russian)
- Sablin N. V. *Desyat' let na imperatorskoy yakhte «Shtandart»* [Ten years on the imperial yacht Shtandart]. St. Petersburg, Petroniy, 2008. 484 p. (In Russian)
- Svetlani G. D. Kapkov S. V. *Tovarishch Yego Vysochestva* [Comrade of His Highness]. Nizhniy Novgorod, DEKOM, 2022. 144 p. (In Russian)
- Sidorova A. N. "Obrazovat' v detyakh um, serdce i du-shu". *Vospitanie velikikh knyazey v sem'yakh imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II* ["To form the mind, heart and soul in children": Education of Grand Dukes in the families of Emperors Nicholas I and Alexander II]. Moscow, Kuchkovo field, Museon, 2019. 382 p. (In Russian)
- Surguchev I. D. *Detstvo imperatora Nikolaya II* [Childhood of Emperor Nicholas II]. St. Petersburg, Tsarskoye delo, 2018. 528 p. (In Russian)
- Vernaya Bogu, tsaryu i otechestvu. A. A. Taneyeva (Vyrubova) – monakhinya Mariya*. [Faithful to God, the Tsar and the Fatherland. A. A. Taneeva (Vyrubova) – nun Maria]. St. Petersburg, Tsarskoe delo, 2016. 766 p. (In Russian)
- Tuomi-Nikula, Yorma i Pyayvi. *Imperatory na otdykh v Finlyandii* [Emperors on holiday in Finland]. St. Petersburg, Kolo Publishing House, 2003. 285 p. (In Russian)

1 Музей «Императорские яхты»
2020
Фотограф М. К. Лагоцкий
ГМЗ «Петергоф»

2 Макет императорской яхты «Штандарт»
1995
Фотограф М. К. Лагоцкий
ГМЗ «Петергоф»

3 Кастрюлька походная с крышкой
1900–1910
Фотограф М. К. Лагоцкий
ГМЗ «Петергоф»

4 Переносная чернильница цесаревича Алексея
1900–1910
Фотограф М. К. Лагоцкий
ГМЗ «Петергоф»

КОРМИЛИЦЫ, ВОСПИТАТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ

► КРАСНОСЕЛЬСКИЕ КРЕСТЬЯНКИ – КОРМИЛИЦЫ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА И МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА

РУБАНИК АНАСТАСИЯ
ВЛАДИМИРОВНА

Аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Менделеевская линия, д. 5
anastasiya_00@bk.ru

Статья посвящена сюжету взаимоотношений императорской семьи с великокняжескими кормилицами на примере кормилиц великих князей Михаила Павловича и Михаила Николаевича. Автор по возможности полно составляет и анализирует биографию кормилиц и членов их семей – великокняжеских молочных братьев и сестер. В статье на основе материалов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и Российского государственного исторического архива анализируются данные по порядку отбора крестьянок на роль кормилиц, некоторые аспекты их пребывания во дворце, а также прослеживается история их взаимоотношений с императорской семьей. Выявляются основные привилегии, оказываемые кормилицам и членам их семей: назначение пенсий, строительство домов, освобождение от повинностей (оброка), заступничество за семьи кормилиц перед местными чиновниками, крещение детей кормилиц особами императорской фамилии, наблюдение за опекой над детьми умерших кормилиц, организация их похорон.

Ключевые слова: кормилицы, великий князь Михаил Павлович, великий князь Михаил Николаевич, удельные крестьяне, Красное Село

► PEASANT WOMEN OF KRASNOE SELO – WET NURSES OF GRAND DUKES MIKHAIL PAVLOVICH AND MIKHAIL NIKOLAEVICH

RUBANIK ANASTASIYA
VLADIMIROVNA

Postgraduate, St. Petersburg State University
5, Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034,
Russia
anastasiya_00@bk.ru

The article is devoted to the relationship of the imperial family with the Grand ducal wet nurses on the example of the nurses of Grand Dukes Mikhail Pavlovich and Mikhail Nikolaevich. The author, as far as possible, compiles and analyzes the biography of nurses and members of their families – grand ducal foster brothers and sisters. The article, based on the materials of the Central State Historical Archive of St. Petersburg and the Russian State Historical Archive, analyzes data on the order of selection of peasant women for the role of nurses, some aspects of their stay in the palace, as well as the history of their relationship with the imperial family. The main privileges granted to nurses and their family members are revealed – the appointment of pensions, the construction of houses, exemption from duties, intercession for the families of nurses before local officials, the baptism of the children of nurses by persons of the imperial family, supervision of the guardianship of the children of deceased nurses, the organization of their funerals.

Keywords: wet nurses, Grand Duke Mikhail Pavlovich, Grand Duke Mikhail Nikolaevich, specific peasants, Krasnoe Selo

В последние годы исследователи все чаще уделяют внимание институту кормилиц при императорском дворе¹, однако во многом эта тема остается одной из малоизвестных сторон жизни царской семьи. В данной статье мы обратимся к личностям кормилиц великих князей Михаила Павловича (1798–1849) и Михаила Николаевича (1832–1909).

Одно из первых упоминаний в литературе о кормилице великого князя Михаила Николаевича, Анне Петровне Шалберовой, мы встречаем в биографии великого князя за авторством Д. П. Струкова², однако он ошибочно называет эту крестьянку женой красносельского приказного головы (в действительности Анна Шалберова была замужем за его братом, Семеном). Эту ошибку исправил в своей краеведческой заметке потомок красносельского

1 *Зимин И. В.* Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2011; *Сидорова А. Н.* «Образовать в детях ум, сердце и душу». Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II. М., 2019; *Красникова Ю. Н.* Кормилицы как особая социальная группа в Российской империи XIX – начала XX вв. // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2015. № 5. С. 134–138.

2 *Струков Д. П.* Августейший генерал-фельдцейхмейстер великий князь Михаил Николаевич. СПб, 1906. С. 34.

рода Шалберовых — А. Н. Верещагин³, однако биография и аспекты взаимоотношений крестьянки с императорской семьей автором практически не освещались.

Опубликованных сведений о кормилице Михаила Павловича в литературе еще меньше. Так, в трудах пушкинистов встречается гипотеза о том, что кормилицей великого князя была мать Вильгельма Кюхельбекера Юстинья Яковлевна⁴. Эта версия существует достаточно давно — например, ее можно встретить и в воспоминаниях А. И. Дельвига⁵.

Юзихина Елена Матвеевна — кормилица великого князя Михаила Павловича

В действительности кормилицей великого князя Михаила Павловича была Елена Матвеевна Юзихина (1765–1805), крестьянка Коломенской слободы Красного Села, которое на момент рождения князя находилось во владении императрицы Марии Федоровны. Елене Юзихиной тогда было 33 года, у нее было двое детей-погодок, старшему из которых, Андрею, было уже 14 лет⁶.

Сохранившиеся архивные источники 1796–1799 гг. позволяют предположить, что выборы кормилиц по императорскому приказу начинались где-то за месяц до родов и проходили в несколько этапов. Кормилиц выбирали из удельных крестьянок, зачастую проживавших в окрестностях Санкт-Петербурга. На местном уровне за эту процедуру был ответствен староста, он отбирал «недавно родивших женщин, здоровых, молодых и поведения доброго»⁷ и с ними же являлся на дальнейшие осмотры ко дворцу. Так, в апреле 1799 г. изначально для выборов было назначено 38 женщин (30 — из Красного Села, 8 — из Федоровского посада). Затем из них выбрали трех женщин, повторно осмотрели их через несколько дней и, наконец, определили в кормилицы только двух⁸.

Несмотря на все строгие правила отбора кормилиц, мужа Юзихиной, Александра Никитича, незадолго до рождения великого князя взяли под арест. Удалось доказать, что крестьянина осудили по ложному доносу в воровстве, и 26 января (6 февраля) 1798 г. дело было признано решенным, однако Юзихина еще две недели не выпускали из-под стражи. Вскоре в переписке генерал-прокурора Сената А. Б. Куракина и Санкт-Петербургского военного губернатора Ф. Ф. Буксгевдена появятся строки о том, что «<...> нужно доставить скорейшую свободу человеку, которого жена при великом князе Михаиле Павловиче кормилицею и от коей могут быть весьма важные последствия»⁹, и крестьянина благополучно освободят.

Остальное пребывание Елены Юзихиной при дворе прошло без каких-либо особых происшествий. Тем не менее, можно предположить, что в этот период у нее умер ребенок — молочный брат или сестра Михаила Павловича, поскольку в дальнейшем новое имя так и не появится в исповедных росписях семьи Юзихиных. Отметим также, что в документах апреля–июля 1799 г. фигурируют имена еще двух кормилиц-красноселок: Меланьи Кузьминой и Анисьи Кисленковой. Уже к 1 июля 1799 г. их обеих звали в Кабинет Его Императорского Величества для получения в награду денег¹⁰. Неизвестно, какого именно ребенка они кормили — им вполне мог быть и Михаил Павлович (в особенности если у кормилицы

3 Верещагин А. Дело красносельского головы Шалберова // Новый Красносел. 2017. 18 ноября. С. 3.

4 Бобылева В., Гайнулин М. Эстонская пушкиниана. Таллинн, 1999. С. 149.

5 Дельвиг А. И. Мои воспоминания. М., 1912. Т. 1. С. 55.

6 Исповедные росписи по Царкосельскому уезду // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 112. Д. 446. Л. 186.

7 Дело о выборе кормилиц в селениях Царкосельского ведомства // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 487. Оп. 15. Р. 1796. Д. 430. Л. 2.

8 По рапорту исправника Метлина о выборе в кормилицы из Красносельских и Федоровских женщин // РГИА. Ф. 493. Оп. 1. Д. 1972. Л. 2.

9 Переписка с С.-Петербургским военным губернатором гр. Ф. Ф. Буксгевденом по делу об освобождении из-под стражи содержащегося в тюрьме по подозрению в краже крестьянина А. Юзихина, мужа кормилицы в. кн. Михаила Павловича // РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 943. Л. 2.

10 По рапорту исправника Метлина о выборе в кормилицы из Красносельских и Федоровских женщин. Л. 5.

Юзихиной пропало молоко), и дочь Александра I Мария Александровна (18 (29) мая 1799–27 июля (8 августа) 1800), умершая в младенчестве. При этом, что интересно, в августе того же 1799 г. сообщалось, что Юзихина по-прежнему является кормилицей Михаила Павловича¹¹.

До рождения Михаила Павловича, в соответствии с требованиями придворного распорядка, кормилицы на торжественных церемониях обязаны были присутствовать в корсетных платьях. В 1798 г. Павел I отменил это правило, и Елене Юзихиной было суждено стать первой кормилицей, носившей на парадных приемах русский наряд¹². Об участии кормилицы в таких церемониях сведений сохранилось немного: известно лишь, что Е. Юзихина присутствовала во время крещения великого князя Михаила Павловича¹³.

С императрицей Марией Федоровной, по всей видимости, у Елены Юзихиной сложились хорошие отношения. Так, 21 апреля 1799 г. по просьбе кормилицы ей был подарен в вечное потомственное владение участок для постройки дома близ Красносельского дворца¹⁴, а также земля под огород и сад на месте бывшей мирской избы¹⁵, а 9 августа того же года императрица повелела освободить Александра Юзихина с детьми от платежа оброка в доход Павловского городского правления¹⁶. Этот жест показателен: на момент поступления Красносельского имения в Удельное ведомство в 1819 г., из 3763 душ лишь 59 (2%) были освобождены от оброка (49 душ, находящихся на время в учениках разного мастерства при Павловском и Гатчинском дворцах, крестьянин Яковлев, приказной голова и 8 душ семейства Юзихина)¹⁷.

Елена Матвеевна Юзихина умерла 10 июля 1805 г. от водянки, в возрасте 40 лет¹⁸. В тот же день об этом доложили императрице. На погребение кормилицы она пожаловала 500 руб. и распорядилась, чтобы тело крестьянки захоронили при Троицкой церкви в Красном Селе¹⁹. Деньги были выданы семье умершей через управляющего Красносельской вотчины, но похоронить у церкви крестьянку не удалось: пока шло письмо, тело успели предать земле на общем кладбище по просьбе мужа и детей, в 10 утра²⁰.

Со смертью кормилицы привилегии перешли ее детям и внукам. Об этом помнили во дворце, но периодически забывали на местах. В июне 1821 г. недавно вступивший в должность писарь Красносельской удельной конторы обнаружил, что привилегия об освобождении Юзихиных от оброка действовала до 7-й ревизии, к тому же, Красное Село с 1819 г. находилось не в собственности Марии Федоровны, а в Удельном ведомстве, и поднял вопрос о том, чтобы потребовать с Юзихиных оброк. Департамент уделов одобрил идею и принял соответствующую резолюцию²¹.

Андрей и Федор Юзихины, молочные братья великого князя, тут же письменно обратились к Марии Федоровне²², и в дело вмешался Григорий Иванович Вилламов. Уже 8 августа по распоряжению императрицы он написал Дмитрию Александровичу Гурьеву,

11 Об освобождении Красносельской вотчины Коломенской слободы крестьянина Александра Юзихина от платежа оброчных денег // РГИА. Ф. 493. Оп. 1. Д. 2034. Л. 1.

12 Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно / Сообщ. В. В. Щеглов; пер. с франц. СПб., 1906. С. 8.

13 Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь–июнь 1798 г. / под ред. Есипова Г. В. СПб., 1897. С. 174.

14 Здание не сохранилось. Его примерный адрес: г. Красное Село, пр. Ленина, 77.

15 По рапорту исправника Метлина о выборе в кормилицы из Красносельских и Федоровских женщин. Л. 1.

16 Об освобождении крестьян Юзихиных от платежа оброка // РГИА. Ф. 515. Оп. 13. Д. 809. Л. 3.

17 Там же. Л. 5–6.

18 Метрические книги церквей // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 399. Л. 103.

19 О доставлении в Село Красное всемилостивейше пожалованных от ее величества на погребение кормилицы его высочества Михаила Павловича 500 руб. и о похоронении оной при церкви // РГИА. Ф. 493. Оп. 1. Д. 4584. Л. 1.

20 Там же. Л. 2.

21 Об освобождении крестьян Юзихиных от платежа оброка. Л. 5–6.

22 Об освобождении Красносельской вотчины Коломенской слободы крестьянина Александра Юзихина от платежа оброчных денег. Л. 5.

что это семейство освобождено от оброка²³. 25 августа 1821 г., после недолгой переписки, Юзиных вновь освободили от оброка бессрочно, а Д. А. Гурьеву была выражена признательность от имени императрицы и 23-летнего Михаила Павловича²⁴.

В июле 1826 г. Федор и Андрей Юзиных вновь обращаются к Марии Федоровне. На этот раз — из-за «притеснения» красносельским управляющим, подполковником Ивановым, который, по мнению братьев, вытеснял их с подаренного участка, хотел разорить их дом, построить на нем Красносельскую контору и собственный дом²⁵. После жалобы на имя императрицы князь Александр Николаевич Голицын запросил подробности в Департаменте уделов²⁶ и потребовал первой почтой донести ему о ситуации. Департамент, в свою очередь, попросил Иванова немедленно изложить его версию. Он в тот же день прислал достаточно эмоциональную объяснительную.

В ней Иванов все отрицал и ссылался на то обстоятельство, что до крестьян дошел слух об утверждении еще Александром I плана переустройства Красного Села, где действительно в районе участка Юзиных были обозначены новые постройки. Далее шел пассаж о том, что, по мнению Иванова, Юзиных «утруждали» императрицу несправедливо, из злобы на Иванова лично, потому что Федор, по словам Иванова, за дурные поступки и «грубые против начальства своего обхождения»²⁷ по представлению Иванова два месяца провел в смиренном доме. Чтобы больше они не подавали жалоб, особенно на имя императорской семьи, Иванов предлагал «в страх и пример» другим крестьянам назначить Юзиным какое-либо наказание.

Примечательно, что Департамент уделов попросту проигнорировал это предложение о наказании в отчете А. Н. Голицыну²⁸. Последний, прочитав объяснения, предложил Департаменту предписать «кому следует» оставить и Юзиных, и других красносельских крестьян в покое, т. к. план переустройства Красного Села по Высочайшей воле отменяется²⁹.

Однако участок с садами и землей у Юзиных все-таки выкупили в казну в феврале 1828 г. под постройку красносельских дворцов. В качестве компенсации Федору заплатили 4000 рублей, Андрею — 2000. Для сравнения: их соседи, крестьяне Муравьевы, получили компенсацию в размере около 800 руб.³⁰

Привилегии помогли Юзиным сильно улучшить свое благосостояние. Они не только обзаводились новой недвижимостью, но и начали торговать съестными и овощными припасами³¹. Внуки и правнуки кормилицы перешли в купечество, владели донные сохранившимся домом в Царском Селе³², праправнуки даже получали университетское образование³³.

Шалберова Анна Петровна — кормилица великого князя Михаила Николаевича

Кормилицей Михаила Николаевича стала 16-летняя Анна Петровна Шалберова (1816–1848), крестьянка Братошинской слободы Красного Села, родившая 24 августа (5 сентября) 1832 г. дочь Наталью³⁴.

23 Об освобождении Красносельской вотчины Коломенской слободы крестьянина Александра Юзиных от платежа оброчных денег. Л. 9.

24 Там же. Л. 14.

25 По жалобе крестьян Юзиных на управляющего и об оставлении их в спокойном владении домами и местами // РГИА. Ф. 515. Оп. 10. Д. 633. Л. 1.

26 Там же. Л. 3.

27 Там же. Л. 5.

28 Там же. Л. 7.

29 Там же. Л. 12.

30 О выплате денег крестьянам Красносельского удельного имения Муравьеву и Юзину за отвод земли под постройку дворцов в Красном Селе // ЦГИА СПб. Ф. 1205. Оп. 11. Д. 1219. Л. 1.

31 О дозволении крестьянину Юзину построить двухэтажный дом // РГИА. Ф. 515. Оп. 16. Д. 371. Л. 1.

32 Здание находится по адресу: г. Пушкин, Пушкинская ул., 19. Арх. А. Ф. Видов, 1869.

33 Юзихин Александр Георгиевич // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 35897.

34 Метрические книги церквей гг. Царского Села, Гатчины, Павловска, Царскосельского и Ораниенбаумского уездов // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 414. Л. 227 об. – 228.

О жизни кормилицы при дворе известно немного. Так, сохранились сведения о суммах, выделяемых Анне Шалберовой конторой Михаила Николаевича на момент пребывания во дворцах. Крестьянка получала следующее жалование: в период с октября 1832 г. по конец года ей выплатили 130 руб., а в 1833 г. (по октябрь включительно) — 490 руб. Также выделялись деньги на гардероб кормилицы и прочие расходы³⁵. **1**

Спустя почти десять месяцев пребывания кормилицы при августейшем младенце, а именно 20 августа 1833 г., Александр Николаевич Голицын напишет Николаю I: «<...> великий князь Михаил Николаевич почивал покойно и сегодня поутру не грустил по груди, но кормилица его была в слезах»³⁶. Можно допустить, что примерно в этот же период в семье Шалберовых, как и когда-то у Юзикихных, происходит трагедия: умирает дочь Наташа (ее имя более не появится в метрических книгах и исповедных росписях). Возможно, Михаила Николаевича начали отлучать от груди постепенно, на тот случай, если из-за стресса Анна Шалберова потеряет молоко.

Уже 25 октября 1833 г. кормилица была отпущена к мужу, ей назначили пожизненный пенсион (600 руб. ассигнациями (171 руб. 45 коп. серебром) в год)³⁷. В сентябре 1833 г. кормилице был подарен участок в Красном Селе³⁸, а архитектор Х. Ф. Мейер подготовил проект деревянного двухэтажного дома на каменном фундаменте, с рубленным амбаром, хлевом, навесами, воротами и забором³⁹. **1** Проект, однако, достаточно долго обсуждался с целью удешевления сметы, и к строительным работам приступили лишь в сентябре 1834 г. Итоговая стоимость постройки составила 8861 руб. 30 коп.⁴⁰

Впрочем, на этом история взаимоотношений кормилицы с императорской фамилией не закончилась. В 1834 г. Анна Шалберова получила от конторы великого князя в подарок 110 руб.⁴¹ Вполне возможно, что деньги были преподнесены на день рождения сына, появившегося на свет в сентябре 1834 г. Ребенка назвали, как и князя, Михаилом, а сам двухлетний великий князь и двенадцатилетняя великая княгиня Ольга Николаевна были записаны в качестве воспитанников⁴².

Пенсион в полном размере Анна Шалберова получала вплоть до 1839 г. включительно. В 1840 г. она обратилась в контору великого князя с просьбой о займе денег на ремонт дома, и ей выдали ссуду 857 руб. 15 коп. серебром на 5 лет. В качестве гарантии на погашение долга пустили почти всю ежегодную сумму пенсионера (94%)⁴³. К 1844 г. что-то пошло не так: в этот год Департамент уделов выдал беспроцентный займ А. Шалберовой для погашения долга перед Конторой (сумма займа 570 руб. серебром, на 10 лет). Первый и последний взнос А. Шалберова сделала в сентябре 1846 г. (14 рублей) и более денег не вносила, как писали, «по нерадивости о своем хозяйстве и неспособности к оному ее мужа»⁴⁴. Тогда вновь в уплату долга пошел ее пенсион.

35 Отчеты о суммах его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича. 1832–1842 // РГИА. Ф. 1338. Оп. 1. Вн. оп. 5/60. Д. 20. Л. 2, 5.

36 Голицын А. Н. Донесения князя императору Николаю I / Публ. А. Н. Сидоровой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Вып. XX. М., 2011. С. 307.

37 О производстве пенсионера и учреждении опеки над детьми кормилицы его высочества великого князя Михаила Николаевича бывшей крестьянки Шалберовой // РГИА. Ф. 515. Оп. 12. Д. 540. Л. 4.

38 Дело о постройке дома для кормилицы великого князя Михаила Николаевича в Красном Селе // Там же. Оп. 7. Д. 1360. Л. 1.

39 Здание не сохранилось. Его примерный адрес: г. Красное Село, пр. Ленина, 90.

40 Дело о постройке дома для кормилицы великого князя Михаила Николаевича в Красном Селе. Л. 35–37.

41 Отчеты о суммах его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича. 1832–1842. Л. 22.

42 Метрические книги церквей // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 416. Л. 357 об.

43 Отчеты о суммах его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича. 1832–1842. Л. 77.

44 О производстве пенсионера и учреждении опеки над детьми кормилицы его высочества великого князя Михаила Николаевича бывшей крестьянки Шалберовой. Л. 15 об.–16.

А 28 июня 1848 г. в пять часов вечера 32-летняя Анна Шалберова умерла от чахотки. Умерла в такой нищете, что, по свидетельству современников, ее родственники едва нашли деньги для погребения⁴⁵. 9 августа того же года от холеры умирает ее муж, Семен Шалберов⁴⁶. Круглыми сиротами остаются дети кормилицы: сын, тринадцатилетний Михаил, и дочери: десятилетняя Татьяна, восьмилетняя Любовь и девятимесячная Екатерина. И без того трагичная ситуация осложнялась тем, что дети наследовали долг своей родительницы перед казной, а их единственным источником дохода оставалась сдача дома военным служащим внаем на период красносельских лагерных сборов.

Местные чиновники сообщили об этом в Департамент уделов, отсюда информация дошла до генерал-адъютанта при Михаиле Николаевиче — Алексея Илларионовича Философова, до самого шестнадцатилетнего князя и до его отца-императора⁴⁷. Изучив вопрос, Николай I повелел выдавать детям пенсию матери в течение пяти лет со дня ее смерти, чтобы деньги шли на погашение долга и на составление приданого для девочек. Также император пожелал, чтобы «к круглым сиротам Шалберовым были приставлены надежные опекуны, способные не только соблюсти в целости их небольшое имение, но сверх того дать им соответствующее крестьянскому званию образование и вместе внушить строгие правила твердой и чистой нравственности, дабы хорошим воспитанием оградить сих сирот от тех худых наклонностей и беспорядочной жизни, которые, без сомнения, ускорили кончину их родителей»⁴⁸. В октябре 1848 г. к детям были приставлены два опекуна — благонадежные удельные крестьяне Алексей Телятников и Петр Шалберов⁴⁹.

В юности двое из детей Шалберовых, Татьяна и великокняжеский крестник Михаил, умрут с разницей в несколько дней⁵⁰. Тем не менее, род кормилицы продолжили Любовь и Екатерина. Первая выйдет замуж за бывшего крепостного Николая Семеновича Львова, который сделает неплохую купеческую карьеру, став известным человеком в Красном Селе и его окрестностях. Вторая станет женой местного крестьянина Верещагина. Примечательно, что у Екатерины родятся два сына — Николай (1874) и Михаил (1881), у обоих воспитанником будет записан их «молочный дядя» Михаил Николаевич⁵¹.

Таким образом, сфера взаимодействия императорской семьи с кормилицами и молочными родственниками была достаточно широкой. Кормилицам назначались пожизненные пенсии, дарились земельные участки, на казенный счет строились дома по особым проектам. Семьи и потомки кормилиц могли быть освобождены от повинностей (оброка), за них хлопотали в случае притеснений местных чиновников, дети и внуки кормилиц нередко были крещены особами императорской фамилии. В случае смерти кормилиц императорские особы могли участвовать в организации их похорон. Наконец, велось наблюдение за опекой над молочными братьями и сестрами великих князей.

45 О производстве пенсионера и учреждении опеки над детьми кормилицы его высочества великого князя Михаила Николаевича бывшей крестьянки Шалберовой. Л. 1.

46 Метрические книги церковью Царскосельского уезда // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 593. Л. 824 об.

47 О производстве пенсионера и учреждении опеки над детьми кормилицы его высочества великого князя Михаила Николаевича бывшей крестьянки Шалберовой. Л. 3.

48 Там же. Л. 3.

49 Там же. Л. 23.

50 Метрические книги церковью Царскосельского уезда // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 435. Л. 459–460.

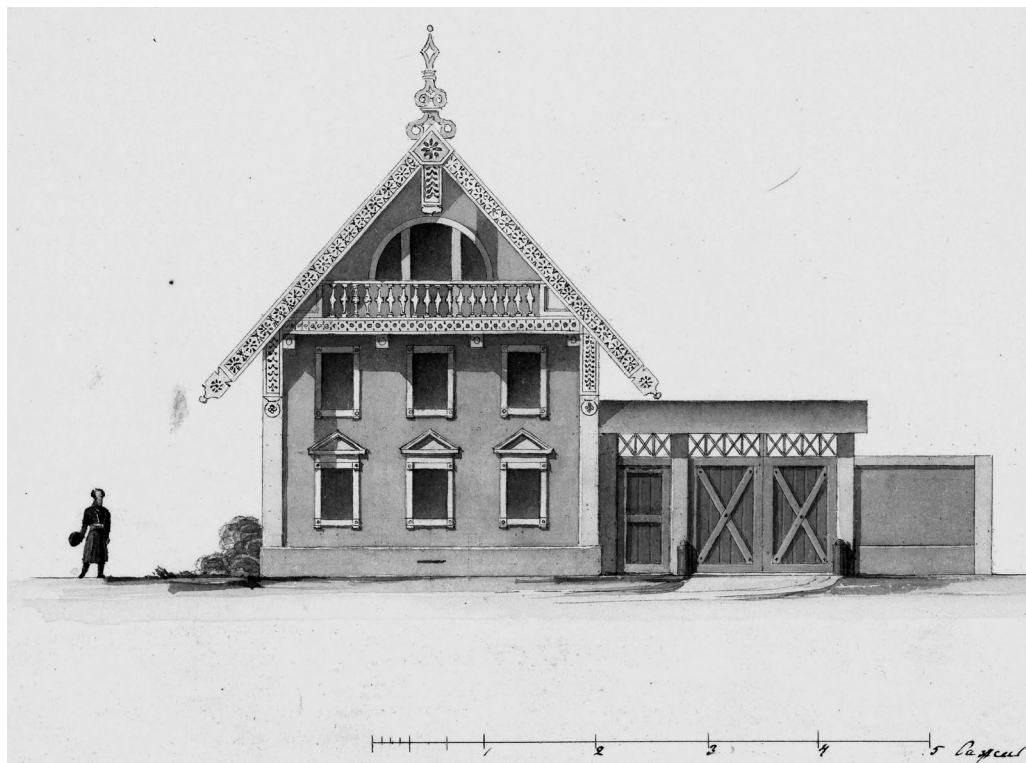
51 Метрические книги церковью Царскосельского уезда // Там же. Д. 470. Л. 130 об.; Метрические книги церковью Царскосельского уезда // Там же. Д. 675. Л. 87 об.

REFERENCES

- Gajnullin M., Bobyleva V. *Ehstonskaya pushkiniana* [Estonian pushkiniana]. Tallinn, INGRi, 1999. 300 p. (In Russian)
- Kamer-fur'erskij ceremonial'nyj zhurnal. Yanvar'-iyun' 1798 goda* [The Camera-Fourier ceremonial magazine. January-June 1798]. St. Petersburg [General Archive of the Ministry of the Imperial Court] 1897. 786 p. (In Russian)
- Krasnikova Y. N. *Kormilicy kak osobaya social'naya gruppa v Rossijskoj imperii XIX – nachala XX vv.* [Wet nurses as a special social group in the Russian Empire of the XIX – early XX centuries]. Izvestiya of the St. Petersburg State Agrarian University, 2015, no 5. pp. 134–138. (In Russian)
- Sidorova A. N. "Obrazovat' v detyakh um, serdce i dushu". *Vospitanie velikikh knyazej v sem'yakh imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II* [To form the mind, heart and soul in children. Education of Grand Dukes in the families of Emperors Nicholas I and Alexander II]. Moscow, Kuchkovo field, Museon, 2019. 382 p. (In Russian)
- Strukov D. P. *Avgustejshij general-fel'dcejkhmejster velikij knyaz' Mikhail Nikolaevich* [General-Feldzeichmeister Grand Duke Mikhail Nikolaevich]: in 2 parts. St. Petersburg, P.P.Soykin Printing House, 1906. 769 p. (In Russian)
- Zimin I. V. *Povsednevnyaya zhizn' rossijskogo imperatorskogo dvora. Detskij mir imperatorskikh rezidencij. Byt monarkhov i ikh okruzhenie* [Everyday life of the Russian Imperial Court. The children's world of imperial residences. The life of monarchs and their entourage]. Moscow, Tsentrpoligraf; St. Petersburg, Russian Troika, 2011. 571 p. (In Russian)

1832 г.	Расходы	Сумма
	Портнихе Голубчиковой за разное платье	3127 руб. 87 коп.
	Купцу Каврыгину за мех для шубы	642 руб. 50 коп.
	За платок	100 руб.
	За серьги	80 руб.
	За ситец для фартуков, ленты и перчатки	40 руб. 50 коп.
	За башмаки, чулки и прочее	99 руб.
	Дано для дитяти ее и именных	45 руб.
	<i>Всего за 1832 год</i>	4134 руб. 87 коп.
1833 г.	Расходы	Сумма
	Портнихе Голубчиковой за сарафаны и прочее	2494 руб. 65 коп.
	За серьги	80 руб.
	За коленкор и кисею	30 руб.
	За башмаки	68 руб.
	За сундук	18 руб. 60 коп.
	На баню	50 руб.
	<i>Всего за 1833 год</i>	2741 руб. 25 коп.

1 Таблица 1
Расходы на кормилицу великого князя Михаила Николаевича

1 Мейер Х. Ф.
Проект дома кормилицы великого князя Михаила Николаевича в Красном Селе
1834
РГИА

► ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛЕТНЕВ – УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ¹

ДОЛГУШИН ДМИТРИЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора археографии и источниковедения, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

630090, Россия, Новосибирск, ул. Николаева, 8

D_Dolgushin@mail.ru

В статье исследуется педагогическая деятельность П. А. Плетнева при дворе, изучаются особенности педагогического метода Плетнева. С привлечением неизданных архивных материалов реконструируется структура курса русской словесности, преподававшегося Плетневым царским детям. Курс этот делился на три периода. На преподавание его отводилось два урока в неделю. В течение первого периода усилия Плетнева были сосредоточены на обучении орфоэпии, декламации, развитии устной и письменной речи. Второй период включал в себя изучение «Системы наук», т. е. формирование у наследника престола представления о всеобщей системе знания, универсальной связи вещей и философской грамматике. Третий период был посвящен изучению «критической истории литературы», для преподавания которой Плетнев разработал целый комплекс учебных пособий.

Ключевые слова: П. А. Плетнев, В. А. Жуковский, Александр II, придворная педагогика, преподавание словесности, преподавание русского языка и литературы

► PYOTR ALEXANDROVICH PLETNEV – TEACHER OF LITERATURE FOR THE ROYAL CHILDREN²

DOLGUSHIN DMITRY
VLADIMIROVICH

Doctor of Philology, Leading Researcher of the Department of Archaeography and Source Studies, the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia

D_Dolgushin@mail.ru

The article examines the P. A. Pletnev's pedagogical activity at the court and the features of Pletnev's pedagogical method are studied. With the involvement of unpublished archival materials, the structure of the course of Russian literature taught by Pletnev to the royal children is reconstructed. This course was divided into three periods. He was given two lessons a week to teach. During the first period, Pletnev's efforts were focused on teaching orthoepy, recitation, and the development of oral and written speech. The second period included the study of the "System of Sciences", i. e. the formation of the heir to the throne's idea about a universal system of knowledge, the universal connection of things and philosophical grammar. The third period was devoted to the study of the "critical history of literature", for the teaching of which Pletnev developed a whole set of textbooks.

Keywords: P. A. Pletnev, V. A. Zhukovsky, Alexander II, court pedagogy, teaching literature, teaching Russian language and literature

В истории русской культуры Петр Александрович Плетнев известен как поэт, литературный критик, друг Жуковского, Гоголя и Пушкина, человек, которому посвящен «Евгений Онегин». Гораздо реже вспоминают о Плетневе как о педагоге. Между тем, именно педагогика была его профессией, делом, которому он посвятил большую часть своей жизни. Целью предлагаемой статьи является исследование педагогической деятельности Плетнева при дворе. Но, прежде чем перейти к раскрытию этой темы, нужно разобраться, стоит ли вообще говорить о Плетневе как о педагоге.

Дело в том, что существует представление о том, что Плетнев тяготился педагогической деятельностью и, будучи «задавлен» ею, воспринимал ее исключительно как обузу, мешающую заниматься литературой³. Это представление, хотя и имеет основания, нуждается в серьезной корректировке.

1 Статья выполнена по теме госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005).

2 The article was made on the topic of the state assignment "Memory of the past in written sources of the 16th–20th centuries: updating events, broadcasting cultural traditions, research practices" (FWZM-2021-0005).

3 См., напр.: *Белехова С. Р.* Поэзия П. А. Плетнева в литературном процессе первой трети XIX века. Автореф. дис. ... к. филол. н. Тверь, 2000. С. 5.

С одной стороны, действительно, вряд ли можно считать, что Плетнев был педагогом по натуре. У него не было специального интереса к педагогической проблематике. Он плохо знал детей, с трудом приспосабливался к специфике их возраста, в чем сам признавался в письме Я. К. Гроту 24 февраля 1842 г.: «Я провел свое детство без развития, без впечатлений, без поэзии. Может быть, в 19 лет я еще походил на чурбан, который валяется на земле. Что делать? Таковы были обстоятельства моего лучшего для других и ничтожнейшего для меня времени. Потому-то я и не понимаю детских идей; они моей души не озарили. Я ни слова не умею написать по понятиям детским, потому что мои мне остались неизвестны»⁴ (заметим, что ко времени написания этих строк Плетнев уже около четверти века преподавал в различных учебных заведениях). Великая княгиня Ольга Николаевна вспоминала, что Плетнев «всегда обращался с нами, подрастающими, как со взрослыми, когда надо было указать нам наш долг, наши обязанности»⁵.

Не имея врожденной склонности к занятиям с детьми, Плетнев не мог ее приобрести и в петербургском Педагогическом институте. В это учебное заведение он попал из Тверской семинарии по стечению обстоятельств. Выбор им места учебы «не явился следствием особого желаниа быть наставником юношества»⁶, Плетнев сделал его под влиянием родных (сначала хотел поступать в Медицинскую академию, но затем, по настоянию родственника, отказался от этого намерения и решил идти в Педагогический институт, что «все нашли очень выгодным»⁷).

Обучение в институте было построено так, что студенты получали универсальное образование, слушая огромное количество разнообразных дисциплин — от чистой математики до сельского домоводства. «Педагогия» изучалась на последнем, третьем, курсе⁸. Ее вели те же преподаватели, что и основные предметы, и вряд ли из их лекций можно было получить хоть какое-то представление о современных поисках в области методики и дидактики. В результате эта область навсегда осталась для Плетнева закрытой, и из последующей его деятельности незаметно, чтобы у него (в отличие от Жуковского, например) сформировался вкус к дидактическим экспериментам или увлечение какой-либо педагогической системой.

На последнем курсе института Плетнев начал давать частные уроки, а вскоре после выпуска взялся за преподавание сразу в трех учебных заведениях (в Екатерининском институте (1814–1830), в Патриотическом институте (1814–1833), в Павловском кадетском корпусе (1815–1828)⁹), где вел самые разные предметы: арифметику, отечественную и всеобщую историю, русский язык, словесность.

Столь большую учебную нагрузку Плетнев был вынужден взвалить на себя из-за необходимости обеспечивать семью: учительское жалование было совсем маленьким. Конечно, это сказывалось на его здоровье. Однажды усталость и беспокойство за родных довели Плетнева до нервного расстройства и бессонницы, так что ему пришлось три месяца лечиться, медленно приходя в себя¹⁰. Отношения со школьным начальством у Плетнева тоже складывались непросто (и это при его в высшей степени мирном и покладистом характере!).

В общем, за первые полтора десятилетия своей деятельности Плетнев в полной мере вкусил все «прелести» педагогической службы, в чем не раз признавался своим друзьям. В письме А. С. Пушкину от 26 сентября 1825 г. он называл учительскую должность

4 Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. В 3 т. СПб., 1896. Т. 1. С. 496.

5 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 231.

6 В. Н. Жизнь и литературная деятельность П. А. Плетнева // Русская старина. 1908. Т. 134. С. 638.

7 Там же.

8 Правила для Педагогического института. [СПб.], [1804]. С. 5.

9 Потом к ним добавятся Пажеский корпус (1825–1832), Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (1830–1832), Главный педагогический институт (1832–1838), Санкт-Петербургский университет (1832–1849).

10 См. об этом рассказ А. О. Смирновой-Россет: *Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания.* М., 1989. С. 152.

«проклятою», а себя — ею «задавленным»¹¹; в письме В. К. Кюхельбекеру от 8 сентября 1823 г. писал, что «скудное учительское ремесло» является «мукой», которую «никто более меня не чувствовал»¹². В 1820 г. в «Соревнователе просвещения и благотворительности» Плетнев опубликовал наполненное горькой иронией стихотворение «Похвала учительской жизни»¹³, в котором со знанием дела описал незавидную участь педагога: безденежье, недостаток свободного времени, постоянные труды.

Даже одной из перечисленных выше особенностей характера и жизни Плетнева — отсутствия врожденной склонности к работе с детьми, равнодушия к изучению современных приемов дидактики, усталости от непомерной учебной нагрузки, напряженных отношений со школьной администрацией — достаточно, чтобы сделать педагогическую деятельность бесплодной и формальной, что естественно было бы ожидать и в случае Плетнева. Парадокс состоит в том, что этого не произошло. Современники единодушно свидетельствуют о том, что Плетнев стал одной из самых ярких звезд на педагогическом небосклоне Петербурга. Он неизменно пользовался любовью своих учеников.

В Екатерининском институте, вспоминает А. О. Смирнова-Россет, Плетнев «был единственный уважаемый нами учитель», его «все любили»¹⁴. В Патриотическом институте воспитанницы питали к нему «почти дочерние чувства»¹⁵, в среде «патриоток» считалось престижным «обожать» Плетнева, что «доставило ему восторженных и преданных поклонниц из нескольких поколений его учениц»¹⁶. Академик А. К. Шторх, побывав на уроке Плетнева, сообщил императрице Марии Федоровне, что обнаружил в Патриотическом институте настоящее сокровище¹⁷.

В чем же разгадка такого педагогического эффекта? Она таится, вероятно, в личных качествах Плетнева. Педагогическая метода его была проста и не претенциозна. Она основывалась на установлении дружеского и доверительного контакта с учениками. Сам он так говорил об этом в речи «Обязанности наставников юношества» (1835): «<...> наставники <...> должны достигать своей цели преимущественно нравственными путями. Каждому из них прежде всего надобно сделаться любимым лицом в своем кругу. От привязанности рождается доверенность»¹⁸. Собственно, это и было основной педагогической стратегией Плетнева. Главным же ресурсом реализации этой стратегии явился его характер, его личностный склад.

Плетнев был «безукоризненно» добрым, «хрустальной»¹⁹ души человеком. Ему были совершенно чужды интриги, надменность и превозношение, в том числе и над учениками. Пушкин считал, что он был наделен «качеством благоволения ко всем»²⁰. Неслучайны последние слова, которыми (по свидетельству причащавшего его перед смертью священника) Плетнев подвел итог своей жизни: «Гордость и кичливость приносят тревоги, а смирение дает мир»²¹. «Он был очень смирен»²², — вспоминает о нем И. С. Тургенев.

11 Плетнев П. А. Сочинения и переписка. В 3 т. СПб., 1885. Т. 3. С. 331.

12 Письма В. К. Кюхельбекеру от его друзей // Русская старина. 1875. № 13. С. 372

13 Соревнователь просвещения и благотворительности. 1820. Ч. 11. С. 355–357.

14 Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 127.

15 Бардовский А. Ф. Патриотический институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913. СПб., 1913. С. 76.

16 Грот К. Я. Петр Александрович Плетнев. СПб., 1902. С. 8.

17 См.: Там же.

18 Плетнев П. А. Обязанности наставников юношества: Речь, произнесенная в Главном Педагогическом институте ординарным его профессором П. А. Плетневым, по случаю выпуска воспитанников, декабря 20 дня 1835 г. СПб., 1836. С. 15.

19 Соллогуб В. А. Воспоминания. СПб., 1887. С. 21.

20 Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 1. С. 495–496.

21 Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о Санкт-Петербургском университете за 1830–1833 годы. М., 1869. Стлб. 33.

22 Тургенев И. С. Литературный вечер у П. А. Плетнева // Тургенев И. С. Сочинения. Т. 11. М., 1983. С. 18.

Смирение вообще стало качеством, сыгравшим ключевую роль в педагогическом успехе Плетнева. Общаюсь с людьми, Плетнев был готов отступить в тень собеседника, он мог увлечься человеком, не вступая с ним в соперничество и не заслоняя его собой, и в то же время привлечь его к себе. По справедливому наблюдению Е. П. Горбенко, «Плетнев обладал особым даром общения, притягивающим к нему людей»²³. Показательно, что «творческой нишей», которую Плетнев занял в пушкинском круге, стала именно литературная критика. Его поэтический слух был точен и изощрен, чувство изящного глубоко развито, любовь к поэзии огромна, а преклонение перед гением и талантом безусловно. Плетнев сделался, по выражению Пушкина, «вдохновенным комментарием» творчества своих великих друзей и их бескорыстным помощником.

В этом же духе он строил и свои лекции по русской литературе, которые начал читать в Петербургском университете в 1832 г. Они состояли не столько из изложения теоретического или исторического материала, сколько из комментированного чтения художественных текстов. М. Н. Лонгинов вспоминает: «<...> он читал не мертвые лекции, а живые импровизации, исполненные знания и любви к делу <...> Они были в высшей степени занимательны. Плетнев являлся в аудиторию с Державиным, Фон-Визиним, Костровым и т. п., начинал читать их, избирая именно особенно замечательное; и тут сыпалось множество эстетических, филологических, анекдотических и других замечаний, делавших его лекции вдохновенным комментарием, по выражению Пушкина»²⁴.

Такой способ построения лекций был очень органичен для педагогического стиля Плетнева: Плетнев опять отступал в тень, оставляя профессорскую кафедру тексту (а иногда и ученику: на лекциях Плетнева читались художественные произведения, написанные студентами, — иногда выдающиеся, как «Конек-Горбунок» Ершова, а иногда и совсем незначительные). С. С. Аверинцев называл филологию «службой понимания» текста. Для Плетнева она была службой «упоения» (или даже «умиления»²⁵) текстом, способом обнаружения «изящного» в нем. Поэзия доставляла ему наслаждение, близкое музыкальному. Поэтому так важен был для него фонетический строй стиха, этим и объясняется склонность Плетнева к декламации, позволяющей улавливать музыку стихотворной речи. Себе же Плетнев отводил скромную роль исполнителя и комментатора. «Человек благоволения» и «вдохновенный комментарий» — в этих двух пушкинских характеристиках Плетнева и заключается двуединая формула его педагогики.

Таким был педагогический багаж, с которым Плетнев подошел в 1828 г. к вступлению на поприще учителя словесности наследника престола. Нужно сказать, что с придворной средой он соприкоснулся намного раньше этого времени — ведь учреждения, в которых разворачивалась педагогическая деятельность Плетнева, находились под опекой императорского семейства. Покровительницей Екатерининского института была императрица Мария Федоровна, Патриотического института — императрица Елизавета Алексеевна, после их кончины эти обязанности приняла на себя императрица Александра Федоровна.

23 Горбенко Е. П. Из переписки П. А. Плетнева (1821–1864) // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность, искусство, археология. 1986. Л., 1987. С. 22.

24 Цит. по: Грот Я. К. Петр Александрович Плетнев. По поводу статьи И. С. Тургенева «Литературный вечер у Плетнева». М., 1870. С. 30. Не всем студентам такая манера нравилась. Наряду с восторженными отзывами, подобными отзыву Лонгинова, можно найти и вполне скептические — например, в воспоминаниях А. А. Чумикова, который критиковал Плетнева за то, что из его курса невозможно было получить систематического представления о литературе: «Я слушал его лекции в продолжении трех курсов; два года подряд читал Плетнев *Державина* и только на третий неожиданно перешел к *Крылову*, не удостоив внимания всех прочих деятелей русской литературы. Большая часть лекции посвящалась чтению произведений этих авторов, чтению с устаревшею декламацией, с каким-то неестественным пафосом» (А. Ч. Петербургский университет полвека назад. Воспоминания бывшего студента // Русский архив. 1888. № 9. С. 132).

25 Ср. наблюдение И. С. Тургенева, что Плетнев «умилялся перед красотой», а не «восторгался ею» (Тургенев И. С. Литературный вечер у П. А. Плетнева. С. 19).

Попечение императриц об институтах не было формальным, они лично знали значительную часть учителей, включая Плетнева. А. О. Смирнова-Россет вспоминает, что Плетнев был «любимцем» императрицы Марии Федоровны²⁶. Императрица Александра Федоровна также очень ценила его и оказывала Плетневу помощь, в том числе и финансовую, в период его трехмесячной болезни, о которой шла речь выше.

Но назначение Плетнева учителем наследника престола состоялось по инициативе не лиц императорской фамилии, а Жуковского. Первый русский романтик сыграл огромную и благую роль в жизни Плетнева. «Всем своим нынешним счастьем обязан я единственно хорошему обо мне вашему мнению»²⁷, — писал Плетнев Жуковскому 3 сентября 1840 г. Действительно, полученное с помощью Жуковского назначение принесло ему счастье: должность учителя словесности царских детей вывела Плетнева из замкнутого круга материальных затруднений, открыла дорогу к профессорству, а затем и ректорству в Санкт-Петербургском университете, сделала своим в императорском семействе.

Знакомство Плетнева с Жуковским состоялось очень рано, около 1815 г.²⁸ (вероятно, во второй половине этого года, когда Жуковский жил в Петербурге). Их отношения, хотя и были всегда довольно близкими, не превратились в тесную дружбу, подобную той, которая связала Плетнева с Дельвигом или Пушкиным. До конца жизни они были на «Вы». Это объясняется и разницей в возрасте, и преклонением, которое испытывал Плетнев перед характером и талантом Жуковского. Он считал его «существом утешительным и святым»²⁹, а по влиянию на литературу в чем-то ставил даже выше Пушкина: «Для меня он творец поэзии у нас — более творец, нежели Пушкин»³⁰, — писал он о Жуковском Я. К. Гроту. Жуковский был для Плетнева непреложным литературным и нравственным авторитетом. Таким же авторитетом он стал для Плетнева и в педагогике. Деятельность Плетнева при дворе началась под руководством Жуковского.

В 1826 г. Жуковский порекомендовал Плетнева на замену себе в качестве учителя русского языка для великой княгини Елены Павловны во время своего отъезда за границу³¹. В 1828 г. Плетнева уже привлекали к занятиям по русской словесности с великими княжнами Марией и Ольгой Николаевнами, а летом этого года, в Павловске, — с великим князем Александром Николаевичем. С 1829 г. Плетнев начал читать регулярный курс по этому предмету и был зачислен в штат учителей наследника престола; его занятия с наследником продолжались до 1837 г., а с великой княжной Ольгой Николаевной — до 1845 г.³²

Жуковский занимал при наследнике должность наставника, или, как ее иногда называли, «инспектора классов». В круг его обязанностей входили подбор учителей, согласование их учебных планов, координация и методическое сопровождение учебного процесса. Поэтому, по воспоминаниям Плетнева, преподаватели, вступая в должность, «до открытия своих лекций, обязаны были, в продолжение нескольких частных свиданий с Жуковским, изложить ему весь план и самую методу, которую они предполагали принять для своих уроков»³³. Изложения эти делались, по-видимому, не только устно, но и письменно. В архиве Жуковского сохранилась написанная Плетневым концепция

26 Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 19.

27 Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Т. 3. СПб., 1885. С. 536.

28 Ср. фразу Плетнева из процитированного выше письма: «Скоро будет 25 лет с тех пор, как меня какая-то счастливая звезда привела к вам, Василий Андреевич!» (Там же).

29 Там же.

30 Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896. С. 596.

31 См.: Письма царственных особ к В. А. Жуковскому. Томск, 2020. С. 280.

32 См.: Грот К. Я. Петр Александрович Плетнев. С. 17.

33 Долгушин Д. В. «Общество светлого мира, веселых трудов и умирительной искренности...»: Придворное педагогическое сообщество 1820–1830-х годов в мемуарах П. А. Плетнева // Представления о прошлом в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2021. С. 154.

«преподавания русского языка»³⁴ (исходя из содержания, ее правильнее было бы назвать концепцией «преподавания русской словесности», т. к. речь в ней идет не только о русском языке, но и о русской литературе). Вероятно, этот документ можно считать выражением общей точки зрения Жуковского и Плетнева на то, каким должно быть преподавание словесности наследнику престола.

Судя по нему, задуманный Плетневым и Жуковским курс должен был делиться на три периода. Целью первого периода было «практически познакомить с языком и теми понятиями, которые составляют главное основание науки языка», целью второго — «предложить в системе всю науку языка, показать разные роды сочинений и необходимые их совершенства», целью третьего — «применить правила к сочинениям и критически пройти всю историю русской литературы»³⁵. На протяжении всех трех периодов для изучения словесности выделялось два урока в неделю (каждый урок продолжался в течение часа).

Попробуем выяснить, как, по замыслу Жуковского и Плетнева, должны были проходить эти уроки. В первый период первый на неделе урок словесности начинался с того, что ученик читал предложенные ему тексты вслух. При этом учитель обращал внимание на «правильный <...> выговор слов», на «возвышение или понижение голоса», а кроме того, на «значение слов», особенно «заимствованных из какой-нибудь отдельной науки»³⁶. В результате учащийся одновременно приобретал познания в орфоэпии, навык декламации и расширял свой словарный запас.

На второй половине этого урока ученик письменно излагал то, что прочитал вслух на первой, при этом прежде записи каждая мысль должна была произноситься им «изустно»³⁷. Проверять это задание, учитель следил за правописанием, отсутствием речевых ошибок и связностью изложения.

Второй на неделе урок начинался с диктанта. Тексты для диктовки подбирались так, чтобы диктуемое способствовало изучению не только языка, но и «всех частей учения»³⁸. Затем ученик должен был представить «изустный рассказ того, что написано»³⁹. В ходе него учитель «оживлял разговор такими вопросами, разрешение которых должно усиливать деятельность ума обучающегося, так что он, не находя ответов в тетради, принужден будет искать их в голове своей»⁴⁰.

Как видим, первый период обучения словесности представлял собой исключительно практическое, без обращения к какой-либо грамматической теории, изучение языка, и усилия педагогов сосредотачивались, в основном, на двух направлениях. Во-первых, на обучении орфоэпии и декламации⁴¹ (вспомним, какое огромное значение придавал ей Плетнев). Во-вторых, на развитии устной и письменной речи. Обратим внимание, что занятия были устроены зеркально. Если на первом уроке текст, сначала прочитанный учеником вслух, затем излагался им письменно, то на втором уроке текст, сначала записанный учеником под диктовку, затем излагался устно.

Второй период курса был насыщен довольно сложной для ребенка теоретической проблематикой. Первый урок на неделе в этот период был посвящен изучению «Системы

34 Материалы, относящиеся к обучению и воспитанию наследника Александра Николаевича (1828–1833) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 286. Оп. 1. Ед. хр. 125а. Л. 1.

35 Там же.

36 Там же. Л. 1 об.

37 Там же. Л. 1 об.-2.

38 Там же. Л. 2 об.

39 Там же. Л. 3.

40 Там же.

41 Заметим, что оно не ограничивалось только русским языком. В 1831–1832 гг. к царским детям для преподавания декламации был приглашен артист французской труппы по фамилии Жениес (см. об этом: Долгушин Д. В. Учебные издания в «придворной педагогике» М. Н. Муравьева и В. А. Жуковского. Статья третья // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 29. С. 94).

науки»⁴². Под этим необычным названием скрывался разработанный Жуковским учебный предмет, главной целью которого было формирование у наследника престола представления о всеобщей системе знания и, следовательно, об универсальной связи вещей. В качестве предварения к этой дисциплине Жуковский преподавал наследнику престола психологию и логику. В состав дисциплины входило и изучение «теории науки языка»⁴³, т. е. философской грамматики, которое должно было осуществляться на уроках словесности.

На увлечение Жуковского идеей «системы наук» повлиял импульс, данный грамматикой Пор-Рояля, постулировавшей тождественность категорий языка и логики. Этот импульс по-настоящему достиг России лишь на рубеже XVIII–XIX вв. В 1810–1820-х гг. вышли всеобщие грамматики И. И. Языцкого, И. Орнатовского, И. Ф. Тимковского, И. И. Давыдова, которые стали использоваться в школах. К их числу можно отнести и «Пространную грамматику» Н. И. Греча, тщательно проштудированную Жуковским. Преподавание «Системы науки» Жуковский, видимо, в основном брал на себя (в дневнике великого князя Александра Николаевича в качестве учителя, проводившего уроки по этому предмету, упоминается именно он⁴⁴), но привлекал к нему и Плетнева. Среди бумаг Жуковского сохранился «План синтаксиса», подготовленный Плетневым по грамматике А. Х. Востокова⁴⁵.

Второй урок на неделе в течение второго периода был посвящен практическим занятиям: «чтению писателей с разбором их», а также «переводам и подражаниям» прочитанным текстам. В учебных тетрадях наследника престола и его сестер сохранилось множество упражнений такого рода, сопровождаемых пометками Плетнева. Часть этих работ публиковалась в журнале «Муравейник», издававшемся Жуковским и Плетневым в 1831 г. специально для того, чтобы поощрить царских детей и их товарищей по учебе к литературному творчеству. Многие изданные в нем материалы перекочевали на страницы «Муравейника» прямо из учебных тетрадей по словесности⁴⁶. Так, в тетрадке Александра Николаевича сохранился прозаический перевод на русский язык баллады У. Вордсворта «Нас семеро», в текст которого рукой учителя внесены исправления орфографических и грамматических ошибок⁴⁷. В доработанном и расширенном виде этот перевод был опубликован во втором номере «Муравейника». В тетрадках Александра Николаевича сохранился и набросок русского перевода рассказа И. Гебеля «Каннитферштан»⁴⁸, опубликованного в пятом номере «Муравейника». На уроках словесности занимались не только переводами, но и самостоятельными сочинениями, о чем упоминается в дневнике наследника престола: «У [етра] А[лександровича] мы писали описание учебной комнаты» (30.01.1831)⁴⁹, «у [етра] А[лександровича] мы сочиняли по данным сюжетам» (6.02.1831)⁵⁰. Некоторые из этих сочинений также предназначались для публикации в «Муравейнике».

«Муравейник» позиционировался Жуковским и Плетневым не только как учебный журнал, но и как журнал, издаваемый дружеским сообществом, объединяющим учителей и учеников. Концепция «Муравейника» предполагала сотрудничество взрослых, именитых литераторов-учителей (Жуковского и Плетнева) и их совсем юных подопечных. Статус «Муравейника» как журнала «дружеского», «кружкового» подчеркивался его названием

42 Материалы, относящиеся к обучению и воспитанию наследника Александра Николаевича. Л. 3 об.

43 Там же.

44 См., напр.: Учебные переводы великого князя Александра Николаевича с французского языка на русский // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 678. Оп. 1. Д. 188. Л. 62, 65, 66.

45 Материалы, относящиеся к обучению и воспитанию наследника Александра Николаевича. Л. 5–12 об.

46 Об учебном характере «Муравейника» см.: *Ребеккини Д.* Перевод как инструмент образования в педагогической деятельности В. А. Жуковского (о сборнике «Муравейник» 1831 года) // Русская литература. 2016. № 3. С. 20–27.

47 Учебные переводы великого князя Александра Николаевича. Л. 4.

48 Там же. Л. 37–40.

49 Дневник великого князя Александра Николаевича // ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 275. Л. 9 об.

50 Там же. Л. 12 об.

(отсылающим, с одной стороны, к идее совместного труда, с другой — к символике Детского острова в Александровском парке Царского Села, любимого места игр наследника престола и его сестер) и его подзаголовком («литературные листы, издаваемые неизвестным обществом неученых людей») ⁵¹.

В третьем периоде курса словесности работа над переводами и сочинениями продолжалась, но к ней добавилось изучение «критической истории литературы» ⁵², которой целиком посвящался один из двух уроков в неделю. Для ее преподавания Плетневым был разработан целый комплекс пособий, включавший в себя краткое «Начертание истории образованности, просвещения и литературы в России» ⁵³, тематическую таблицу ⁵⁴, «Хронологический список русских сочинителей и библиографические замечания о их произведениях» ⁵⁵, конспект лекций.

«Начертание» и таблицы отражали логику изложения материала. Плетнев делил историю русской культуры на пять периодов (IX–XIII вв., XIV–XV вв., XVI–XVII вв., XVIII в., первая треть XIX в.) и каждый из них анализировал по пяти аспектам (действия правительства, временные обстоятельства, состояние языка, успехи наук, памятники словесности). Сохранился и текст лекций, которые он читал по этому плану наследнику престола в 1833 г. ⁵⁶ Интересно, что собственно анализ литературных произведений в них почти отсутствует. История русской литературы превращается у Плетнева в довольно схематичный обзор пути, пройденного русской образованностью за тысячу лет, снабженный краткими упоминаниями авторов без каких-либо ярких характеристик. В «Хронологическом списке русских сочинителей» схематизм и избыточная педантичность достигают своего апогея. Для допетровской эпохи Плетнев выписывает 79 имен, для XVIII в. — 82 имени, для XIX в. — 116 имен писателей, включая совершенно малоизвестных и незначительных авторов, сопровождая эти выписки подробными библиографическими справками ⁵⁷.

Такая сухая педантичная манера совершенно противоречит тому, что мы знаем о стиле лекций Плетнева, представлявших собой, как указывалось выше, скорее художественные декламации в сопровождении комментария, чем научные обзоры. Чем объясняется это противоречие? Вероятно, тем, что Плетнев не сразу нашел подходящий для себя стиль преподавания истории литературы. Ведь в 1832–1833 гг. он не только начал вести этот предмет у наследника престола, но и впервые стал читать его в университете. По окончании курса, в июне 1833 г., Плетнев извинялся перед студентами: «Мне очень жаль, что я так недалеко дошел с вами в истории русской литературы: она представляет еще непроходимый лес, в котором мне приходилось впервые прокладывать дорогу» ⁵⁸. Это заявление не совсем правильное (у Плетнева был предшественник — Н. И. Греч, на книгу которого он в некоторых случаях опирается ⁵⁹), но по большому счету верное. Во времена Плетнева

51 Подробнее об этом см.: Долгушин Д. В. Учебные издания в «придворной педагогике»...

52 Материалы, относящиеся к обучению и воспитанию наследника Александра Николаевича. Л. 4.

53 Там же. Л. 13–20.

54 Там же. Л. 21 об.–22.

55 Годы учения Его Императорского Высочества наследника цесаревича Александра Николаевича. Т. 1. СПб., 1880. С. 197–268.

56 Учебные переводы (на русский язык) великого князя Александра Николаевича // ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 232.

57 О «Хронологическом списке русских сочинителей» подробнее см.: Айзикова И. А. Наследие П. А. Плетнева в «придворной педагогике» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 208–229.

58 Фортунатов Ф. Н. Воспоминания о Санкт-Петербургском университете. Стлб. 30.

59 Греч Н. И. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822. Как известно, Н. И. Греч в этой книге воспользовался и некоторыми текстами Плетнева (характеристиками Батюшкова и Жуковского). Кроме книги Греча, Плетнев опирался и на множество другого материала. Я. К. Грот пишет: «В начале своей профессорской должности (1832 г.) он с большою тщательностью составил записки по истории древней русской словесности, до Петра Великого, пользуясь всеми доступными в то время источниками, руководствуясь трудами Евгения, Карамзина, Калайдовича и др.» (Грот Я. К. Петр Александрович Плетнев. По поводу статьи Тургенева. С. 23).

отечественная историко-литературная наука находилась еще в младенческом состоянии, и попытка выстроить курс в строго академическом духе была обречена на неудачу (особенно если учесть, что Плетнев самостоятельными научными штудиями не занимался). Тем не менее, он такую попытку предпринял и при дворе, и в университете⁶⁰. И на том, и на другом поприще эта стратегия в последующем была им отброшена. В университете Плетнев перешел к жанру «вдохновенного комментария», а при дворе сделал акцент на домашних чтениях, которые устраивались для царских детей⁶¹. Чтения эти проводились не только Плетневым, но и Жуковским, и другими лицами, но у Плетнева они были непосредственно связаны с преподававшимся им курсом русской словесности.

Еще одной формой внеучебной деятельности, имевшей значение для этого курса, была эпистолярная дидактика, переписка Жуковского и Плетнева с царскими детьми. В этом отношении особенно интересны письма Плетнева наследнику престола во время путешествия Александра Николаевича по России в 1837 г., когда учебные занятия с ним уже были закончены⁶². В этих письмах эпистолярный текст превращается в текст дневниковый, рождается тот жанр, который можно назвать «письмами-дневниками». Подобного рода трансформации эго-документов были реалией «эмоциональных сообществ» (термин Б. Розенвейн) эпохи романтизма, по образцу которых Плетнев старался выстраивать отношения с учениками. Его письма пишутся по несколько дней, неизмеримо разрастаются. Одно из них начато 23 июня, а закончено только 4 августа 1837 г., оно занимает почти десять страниц. Плетнев рассказывает о событиях, произошедших в царской семье, описывает родные для Александра Николаевича Петергоф и Александрию, которые под пером Плетнева превращаются в идиллическое пространство «счастья».

Плетнев с удовольствием пересказывает наследнику слова, сказанные великой княжной Марией Николаевной об Александрии: «С Мариею Николаевной я занимался нынешний день во дворце Александрии. Мы сидели на балконе. Ее Высочество изволила взводить меня на самый верхний балкон, что при кабинете государя. Осматривая все виды и говоря о впечатлениях, которые остаются в душе того, кто умеет здесь наслаждаться природою, Великая княжна прекрасно сказала: не правда ли, что Александрия со всем ее окружающим, представляет как будто одно слово, крупными буквами написанное, и это слово есть: ЩАСТИЕ»⁶³.

Плетнев подробно описывает свои прогулки по паркам, поездку на водопад Иматра в Финляндии — своего рода «сентиментальные путешествия», возвращавшие Александра Николаевича в дорогие его сердцу места и одновременно служившие школой воспитания чувства сентиментально-романтического толка. В то же время Плетнев не забывает о том, что подросший Александр Николаевич — его ученик, и деликатно руководит его кругом чтения, посылая списки литературы по истории Крыма, в который Александру Николаевичу предстояло поехать; сообщает ему о литературных новинках, в том числе о тех, которые могли оказаться полезны в государственной деятельности: книге о торцовых мостовых, написанной В. Гурьевым, памятной книжке для нижних казачьих чинов, написанной В. Далем⁶⁴.

60 Ср. пересказ его университетских лекций 1832–1833 гг. Ф. Н. Fortunатовым (*Фортунатов Ф. Н.* Воспоминания о Санкт-Петербургском университете. Стлб. 29–30).

61 Плетнев в своих заметках о воспитании наследника престола вспоминал: «То обстоятельство, что на меня было возложено составлять выбор чтения и приводить его в исполнение, — особенно в отношении к наследнику престола, я почитал весьма важным, думая, что чтение может столько же действовать на сердце, как и обращение с людьми» (*Прот К. Я.* Петр Александрович Плетнев. С. 17–18).

62 См.: Долгушин Д. В. «Не удивляйтесь, Ваше Высочество, что я обременяю Вас такими длинными письмами...»: Письма П. А. Плетнева наследнику престола. Статья первая // Литература и история в контексте археографии. Новосибирск, 2022. С. 442–468.

63 Там же. С. 451.

64 Там же. С. 454, 457.

Таким образом Плетнев и осуществлял свой педагогический проект (или, скорее, реализовывал свою педагогическую манеру) дружеского и эмоционального сближения с учениками, достижения с ними духовного единства, которое и было для Плетнева главным залогом успешного решения педагогических задач.

REFERENCES

- Aizikova I. A. *Nasledie P. A. Pletneva v "pridvornoj pedagogike"* [Pyotr Pletnev's Heritage in "Court" Pedagogy]. Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2021, no 74, pp. 208–229. (In Russian)
- Bar dovskii A. F. *Patrioticheskii institut. Istoricheskii ocherk za 100 let. 1813–1913*. [Patriot Institute. Historical essay for 100 years. 1813–1913]. St. Petersburg, Print. E. Veerman, 1913. 285 p. (In Russian)
- Belekhova S. R. *Poehziya P. A. Pletneva v literaturnom protsesse pervoi treti XIX veka* [Poetry P. A. Pletnev in the literary process of the first third of the 19th century]. Tver', 2000. 16 p. (In Russian)
- V. N. Zhizn' i literaturnaya deyatel'nost' P. A. Pletneva [Life and literary activity of P. A. Pletnev]. Russian antiquity. 1908, vol. 134, pp. 633–658. (In Russian)
- Gody ucheniya Ego Imperatorskogo Vysochestva naslednika tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha* [Years of teaching of His Imperial Highness the heir Tsarevich Alexander Nikolayevich]. St. Petersburg, 1880. Vol. 1. XXVI, 494 p. (In Russian)
- Go rbenko E. P. *Iz perepiski P. A. Pletneva (1821–1864)* [From the correspondence of P. A. Pletnev (1821–1864)]. Cultural monuments. New discoveries: writing, art, archeology. 1986. Leningrad, Nauka, 1987, pp. 19–48. (In Russian)
- Grech N. I. *Opyt kratkoi istorii russkoi literatury* [Experience in a Brief History of Russian Literature]. St. Petersburg, 1822. VI, 394 p. (In Russian)
- Grot K. Y. *Petr Aleksandrovich Pletnev* [Petr Aleksandrovich Pletnev]. St. Petersburg, 1902. 64 p. (In Russian)
- Grot Y. K. *Petr Aleksandrovich Pletnev. Po povodu stat'i I. S. Turgeneva "Literaturnyi vecher u Pletneva"* [Pyotr Aleksandrovich Pletnev. Regarding the article by I. S. Turgenev "Literary Evening at Pletnev"]. Moscow, Grachev's Print. House, 1870. 36 p. (In Russian)
- Dol gushin D. V. *"Ne udivlyaites', Vashe Vysochestvo, chto ya obremenyayu Vas takimi dlinnymi pis'mami...": Pis'ma P. A. Pletneva nasledniku prestola. Stat'ya pervaya* ["Do not be surprised, Your Highness, that I burden you with such long letters...": Letters to P. A. Pletnev to the heir to the throne. Article One]. Literature and history in the context of archaeography. Novosibirsk, 2022, pp. 442–468. (In Russian)
- Dol gushin D. V. *"Obshchestvo svetlogo mira, veselykh trudov i umitel'noi iskrennosti...": Pridvornoe pedagogicheskoe soobshchestvo 1820–1830-kh godov v memuarakh P. A. Pletneva* ["Society of a fair world, cheerful labors and touching sincerity...": The court pedagogical community of the 1820–1830s in the memoirs of P. A. Pletnev]. Representations of the past in the monuments of writing of the XVI–XX centuries. Novosibirsk, 2021, pp. 129–174. (In Russian)
- Dol gushin D. V. *Uchebnye izdaniya v "pridvornoj pedagogike" M. N. Murav'eva i V. A. Zhukovskogo. Stat'ya tret'ya* [Educational publications in the "court pedagogy" M. N. Muravyov and V. A. Zhukovsky. Article Three]. Text. Book. Book publishing. 2022, no 29, pp. 88–101. (In Russian)
- Pletnev P. A. *Obyazannosti nastavnikov yunoshestva: Rech', proiznesennaya v Glavnom Pedagogicheskom institute ordinarnym ego professorom P. A. Pletnevym, po sluchayu vypuska vospitannikov, dekabrya 20 dnya 1835* [Responsibilities of youth mentors: Speech delivered at the Main Pedagogical Institute by its ordinary professor P. A. Pletnev, on the occasion of the graduation of pupils, December 20, 1835]. St. Petersburg, Print. house of the Academy of Sciences, 1836. 23 p. (In Russian)
- Pletnev P. A. *Pokhvala uchitel'skoi zhizni* [Praise for a teacher's life]. *Sovremovatel' prosveshcheniya i blagotvoritel'nosti*. [A competitor of education and charity.] 1820, part 11, pp. 355–357. (In Russian)
- Pravila dlya Pedagogicheskogo instituta* [Rules for the Pedagogical Institute]. [St. Petersburg]: [Senate Printing Office], [1804]. 5 p. (In Russian)
- Rebecchini, D. *Perevod kak instrument obrazovaniya v pedagogicheskoy deyatel'nosti V. A. Zhukovskogo (o sbornike "Muraveynik" 1831 goda)* [Translation as a tool of education in Vasily Zhukovsky's pedagogical activity (about the collection "Anthill" of 1831)]. Russian literature, 2016, no 3, pp. 20–27. (In Russian)
- Turgenev I. S. *Literaturnyi vecher u P. A. Pletneva* [Literary evening at P. A. Pletnev]. Turgenev I. S. *Sochineniya* [Essays]. Vol. 11. Moscow: Nauka, 1983, pp. 11–20. (In Russian)

► ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРЫ ПЕТРОВНЫ ОЛЛОНГРЕН

РОМАНЕНЧУК КИРА
ВИКТОРОВНА

Кандидат педагогических наук, доцент,
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена

191186, Россия, Санкт-Петербург,
наб. реки Мойки, д. 48

kira1962@yandex.ru

Статья посвящена Александре Петровне Оллонгрэн, показано ее становление как педагога, приведены биографические сведения о ее детстве и юности. Подробно описана работа Александры Петровны в качестве учительницы великих князей Николая Александровича и Георгия Александровича Романовых в Аничковом дворце. Выполнен анализ документов из фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, который позволил ввести в оборот ряд неизвестных фактов о службе А. П. Оллонгрэн главной надзирательницей Василеостровской женской гимназии и выяснить ее роль в преобразованиях, проводившихся в учебном заведении в 1880–1890-е гг. Отмечен такой важный результат работы гимназии в этот период, как рост успешности учениц, который нашел свое отражение в увеличении количества выпускниц, прошедших полный курс обучения. Сделан вывод о том, что А. П. Оллонгрэн была талантливым педагогом-гуманистом, внесшим заметный вклад в развитие отечественного образования.

Ключевые слова: А. П. Оллонгрэн, Николай II, Василеостровская женская гимназия, главная надзирательница, педагогическая деятельность, история образования

Имя Александры Петровны Оллонгрэн мало известно в отечественной истории педагогики. Между тем ее вклад в развитие отечественного образования значителен. Начала она профессиональную педагогическую деятельность классной дамой в Коломенской женской гимназии в 1874 г. В 1876–1879 гг. Александра Петровна была учительницей великих князей Николая (будущего императора России Николая II) и Георгия Романовых, затем до 1902 г. работала педагогом Василеостровской женской гимназии. Она оставила о себе добрые воспоминания коллег и воспитанников. Так, на праздновании пятидесятилетия Василеостровской женской гимназии в 1908 г. инспектор П. И. Вознесенский в своей речи отметил, что «в истории гимназии неизгладимой будет память о покойной А. П. Оллонгрэн. С 1881 по 1901 гг. Александра Петровна жила с гимназией душа в душу. Гимназия стала как бы частью ее существа. Мир памяти незабвенной Александры Петровны, не умевшей отделять себя от своих сослуживцев, вверенных попечению ее детей и скончавшейся при исполнении служебных обязанностей»¹.

1 *Вознесенский П. И.* Пятидесятилетие Василеостровской женской гимназии, 1858–1908. СПб., 1909. С. 10.

► PEDAGOGICAL ACTIVITY OF ALEXANDRA PETROVNA OLLONGREN

ROMANENCHUK KIRA
VIKTOROVNA

PhD in Education, Assistant Professor, the Herzen
State Pedagogical University of Russia

48, Moika emb., St. Petersburg, 191186, Russia

kira1962@yandex.ru

The study is devoted to Alexandra Petrovna Ollongren, it tells story of her professional development, explores her childhood and adolescence. Her work as mentor of young grand dukes Nicolay and George in Anichkov Palace is described thoroughly. The study contains analysis of documents from Central State Historical Archive of Saint Petersburg. These papers contain some yet unknown facts about A. P. Ollongren work as main warden of Vasileostrovskaya female gymnasium and help to explore her role in changes which were happening during 80–90's of XIXth century. In this paper important results of gymnasium work are noted, such as increase in performance of students, that reflected in increased number of graduates. Conclusion made that A. P. Ollongren was a talented teacher, who made her part in development of national education.

Keywords: A. P. Ollongren, Nicholas II, Vasileostrovskaya female gymnasium, main warden, educational activity, history of education

В жизненные планы Александры Петровны изначально не входило занятие профессиональной педагогикой. Она видела себя женой и матерью. Родилась Александра Петровна 30 марта 1837 г. в семье потомственного дворянина капитана первого ранга Петра Васильевича Окопишникова. Она «с шифром» закончила Екатерининский институт и вышла в 1858 г. замуж за молодого офицера Константина Петровича Оллонгрена. В браке родилось пятеро детей: сыновья Петр (1858), Константин (1860), Владимир (1867), Александр (1869, умер в раннем детстве) и дочь Елизавета (1862). В 1874 г. семейной идиллии наступил конец: от болезни умер Константин Петрович. Александра Петровна осталась в петербургской Коломне, в доме на Псковской улице, 28, с четырьмя детьми на руках без средств к существованию. В этот момент происходит резкий поворот в ее судьбе: она начинает педагогическую карьеру. Ее берет на работу подруга юности — начальница Коломенской гимназии Н. А. Нейдгардт. Александра Петровна служит классной дамой в гимназии, благо от дома на улице Псковской до работы было рукой подать, пятнадцать минут пешком. Заметим, что дом А. П. Оллонгрена до наших дней не сохранился, и на его месте на Псковской сейчас частные гаражи. В 1875 г., во время представления выпускниц Коломенской гимназии в Зимнем дворце, А. П. Оллонгрена была замечена императрицей. Их разговор стал судьбоносным для Александры Петровны. По указанию свыше с А. П. Оллонгрена вскоре беседует главноуправляющий женскими гимназиями Ведомства императрицы Марии и Царскосельской принц Ольденбургский, затем она в Аничковом дворце встречается с М. П. Флотовой. Мария Петровна Флотова предлагает Александре Петровне заняться первоначальным образованием великих князей Николая (семи лет) и Георгия (пяти лет) Романовых в Аничковом дворце.

Об этом периоде жизни А. П. Оллонгрена рассказано в книге русского писателя-эмигранта И. Д. Сургучева «Детство императора Николая II»². Эта повесть представляет собой литературную обработку устных воспоминаний сына А. П. Оллонгрена Владимира Константиновича, с которым Илья Дмитриевич был близко знаком в эмиграции и рассказы которого он записал. И. Д. Сургучев приводит данное М. П. Флотовой Александре Петровне Оллонгреном наставление по обучению великих князей: «<...> детей нужно выучить начальной русской грамоте, начальным молитвам. Они уже знают „Богородицу“ и „Отче наш“, хотя в „Отче“ еще путаются. Одним словом, нужна начальная учительница и воспитательница, и, повторяю, Высокий выбор пал на Вас. Все справки о Вас наведены, референции получены блестящие, и я не советую Вам долго размышлять. Вам будет предоставлена квартира на Детской половине, на готовом столе — едят здесь хорошо — отопление, освещение и 2000 рублей годового жалования»³. После беседы с царственными родителями — Александром Александровичем и Марией Федоровной — А. П. Оллонгрена дала согласие на работу и переселилась с Псковской улицы в Аничков дворец. В книге И. Д. Сургучев сообщает, что цесаревич Александр Александрович изложил А. П. Оллонгрена свою концепцию воспитания сыновей следующим образом: «Я вам даю двух мальчуганов, которым рано еще думать о Престоле, которых нужно не выпускать из рук и не давать повадки. Имейте в виду, что ни я, ни Великая Княгиня не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны шалить в меру, играть. Хорошо молиться Богу и ни о каких Престолах не думать <...> Учите хорошенько мальчуганов, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, то адресуйтесь прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся — пожалуйста, но доносчику — первый кнут. Это самое мое первое требование»⁴. Возможно, в этом монологе много литературного вымысла, но суть педагогических взглядов будущего императора Александра III он передает верно.

2 Сургучев И. Д. Детство императора Николая II. СПб., 1999.

3 Там же. С. 19.

4 Там же. С. 20–21, 22–23.

Старшие дети Александры Петровны были определены в казенные учебные заведения, а младший сын Владимир, ровесник Николая Романова, остался с матерью и три года воспитывался вместе с великими князьями. Он даже спал с ними в одной детской. Это был смелый педагогический эксперимент со стороны Александра Александровича и Марии Федоровны. Александра Петровна, по воспоминаниям сына, приступала к новой работе со страхом, интенсивно самостоятельно изучала по книгам педагогику. Регулярные занятия с детьми проходили по будням с девяти утра. Обучались Николай Александрович и Владимир Оллонгрен, а Георгий бывал на уроках иногда и только смотрел и слушал. Длительность одного урока была пятьдесят минут. Учились читать по «Родному слову» К. Д. Ушинского и писать. Об этих занятиях, их семейной атмосфере, осталась следующая литературная запись воспоминаний В. К. Оллонгрена: «Занятия сперва захватили Великого Князя. Мир тетрадок, которые ему казались сокровищами, которые жалко пачкать чернилами, сначала мир очаровательных и таких в сущности простых книг, как „Родное слово“ с картинками, от которых нельзя оторваться... В особенности занимала Его картинка: „Вместе тесно, а врозь скучно“ и серый воздушный шар. Совершенно очаровало его стихотворение „Румяной зарею“. Не знаю, то ли уютный ритм этих строф, то ли самые картины утра, выраженные в стихе, но Он, по неграмотности, Сам не мог читать и все просил маму, чтобы она читала, и когда она читала, он благоговейно шевелил губенками, повторяя слова. И опять Его больше всего завораживала фраза: „Гусей караваны несутся к лугам...“ <...> Он только тогда согласился писать в тетрадке, когда мама показала ему целую гору в запасе. У Него было необыкновенное уважение к бумаге: писал Он палочки страшно старательно, пыхтя и сопя, а иногда и потея, и всегда подкладывал под ладонь промокательную бумагу. Часто бегал мыть руки, хотя тут, пожалуй, была предлогом волшебной лившейся из стены вода. Его писание было девически чисто, и тетради эти мать потом благоговейно хранила»⁵. Александра Петровна гордилась тем, что почерк у Николая II был хороший и поставила его именно она.

По свидетельству В. К. Оллонгрена, Александра Петровна в 1876–1879 гг. преподавала все учебные предметы великим князьям и сыну одна по программе для поступления в средние учебные заведения. В завершение курса состоялся экзамен перед специально созданной комиссией, на котором Николай Романов показал отличные знания. После экзамена новым воспитателем будущего императора стал генерал Данилович, а обучать его стали учителя-предметники. Труды А. П. Оллонгрена были вознаграждены большой бриллиантовой брошью. До последних дней своей жизни Александра Петровна могла посещать своего ученика, императора Николая II, и пользовалась этим правом, о чем свидетельствуют записи в его дневнике.

Александра Петровна была переведена на работу в Василеостровскую женскую гимназию. Это учебное заведение было открыто в Петербурге 1 ноября 1858 г. как Васильевское женское училище. В начале в нем обучалось 58 учениц и работало 19 преподавателей. В 1863 г. училище было преобразовано в Василеостровскую женскую гимназию, которая сперва размещалась на частных квартирах, а в 1872 г. получила собственное здание⁶. Когда именно А. П. Оллонгрен стала главной надзирательницей гимназии — вопрос открытый. Можно с полной уверенностью утверждать, что с 1881 по 1902 г. она занимала эту должность. В иерархии Мариинского ведомства должность главной надзирательницы была второй по значимости в гимназиях. Само название должности, видимо, Александре Петровне не нравилось — судить об этом можно по ее надгробию на Смоленском кладбище. На нем выбита надпись: «Начальница Васильеостровской женской гимназии А. П. Оллонгрен». Официально такой должности в гимназии не было, но, возможно, окружающие Александру Петровну педагоги, родители и ученицы воспринимали ее в гимназии именно как начальницу,

5 Сургучев И. Д. Детство императора Николая II. С. 74–75.

6 Двадцатипятилетие Васильеостровской женской гимназии, 1858–1883. СПб., 1883. С. 15.

а не надзирательницу, и так выразили ей свое почтение. Для них Александра Петровна была безусловно человеком-легендой: еще бы — первая учительница императора России. Начинать педагогическую деятельность Александре Петровне в Василеостровской женской гимназии было непросто. Слишком яркие у нее были предшественницы — Е. А. Зубарева и С. К. Красовская.

Как работало учебное заведение под руководством Александры Петровны? Документы из фонда 149 Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга дают общее представление об этом. В них мы часто встречаем фамилию Оллонгрэн. Ее подпись в протоколах педагогических конференций и советов стоит после подписи инспектора. В Василеостровской женской гимназии инспектором с конца XIX в. до 1906 г. был К. В. Елпатьевский. Инспектор занимался организацией процесса обучения, а главная надзирательница — организацией процесса воспитания. Руководил всеми Санкт-Петербургскими и Царскосельской женскими гимназиями Мариинского ведомства один начальник: в 1890-е гг. это был сначала З. Б. Вулих (сконч. 11.02.1897 г.), а затем Степанов.

Что представляла собой Василеостровская женская гимназия в 1880–1890-х гг.? Развивающееся быстро, хотя не без проблем, учебное заведение. На это указывают статистические данные о контингенте: в 1876–1886 гг. в школе было более 400 учениц, с 1887 г. число их уменьшается (около 300), но затем в середине 1890-х гг. динамика меняется: к 1899 г. в учебном заведении уже 405 гимназисток, и с годами дальше их число только растет⁷. Администрация гимназии связывала временное падение количества учащихся с тем, что в 1880-е гг. плата за обучение была поднята с 20 руб. до 80 руб. в год.

Кто же учился в Василеостровской женской гимназии? В основном это были православные девушки из дворянских семей (обычно составляли две трети класса) в возрасте 9–19 лет. Но в каждом классе были ученицы, исповедовавшие иные религии: лютеранки, католички, иудейки. В гимназии обучались также девушки из семей купцов и почетных граждан, в некоторых классах были представительницы духовенства, унтер-офицерства, мещан, ремесленников и крестьянства. В 1896–1897 учебном году в гимназии преподавало 33 педагога, к 1905 г. педагогический коллектив вырос до 62 учителей. Наиболее известные из них: протоиерей Ставровский, священники Алексеев и Белавин, ксендз Грасс, пастор Рейнталь; учителя русского языка Н. И. Позняков, Н. Л. Леонтьева, М. М. Штурм; французского языка П. К. Вейдлинг, Е. М. Будасова, С. Ф. Меллер; учителя немецкого языка Д. Я. Пельц, Л. Ф. Штерн, В. В. Иванцова, М. К. Фрейнд, М. Н. Матвеева; истории К. В. Елпатьевский; географии А. Ф. Соколов, А. М. Ловягин, О. А. Киселева; математики С. А. Михельсон, С. И. Корытин, В. П. Коржевский; педагогики П. И. Вознесенский; гигиены Е. А. Ольхина; космографии и физики А. Е. Петрова; танцев В. Е. Игнатъев; рисования П. Е. Антонов; пения и церковного пения И. О. Петровский; чистописания И. В. Дмитриев; рукоделия Е. Н. Дювернуа; учитель приготовительного класса М. М. Манакина. В учебном заведении работали одиннадцать классных надзирательниц. Среди преподавателей около половины были мужчины, классные надзирательницы все были женщины. Именно руководство деятельностью последних осуществляла А. П. Оллонгрэн. Архивные документы сохранили их фамилии. В 1896–1897 учебном году классными надзирательницами в гимназии были Мария Николаевна Матвеева (1 класс), Ольга Алексеевна Певцова (2 класс отделение «А»), Ольга Борисовна Иванова (2 класс отделение «Б»), Александра Кузьминична Березкина (3 класс отделение «А»), Надежда Павловна Дубровина (3 класс отделение «Б»), Анна Яковлевна Красикова (4 класс отделение «А»), Елизавета Ивановна Кнорринг (4 класс отделение «Б»), Софья Федоровна Меллер (5 класс), Екатерина Васильевна Красникова (6 класс), Мария Федоровна Дьяконова (7 класс), Мария Михайловна Манакина (7 класс). Всего в гимназии в 1890-е гг. было одиннадцать классов-комплектов, по составу они были

7 Списки учениц и преподавателей // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 149. Оп. 1. Д. 799. Л. 6.

большие (от 30 до 41 учениц), и работа классных надзирательниц была непростой. Они несли ответственность и за успеваемость, и за дисциплину класса, должны были обеспечить индивидуальный подход к каждой из девочек. Некоторые из классных надзирательниц по совместительству были учительницами (М. М. Манакина, С. Ф. Меллер) и библиотекарями (О. А. Певцова, Е. В. Красникова). У А. П. Оллонгрена, как главной надзирательницы, были большие полномочия, но и огромная ответственность. Отметим, жалование ее намного превышало жалование простых классных надзирательниц. Александра Петровна получала на руки около 80 руб. в месяц, простые надзирательницы — от 40 до 47 руб. в месяц (сверхштатные надзирательницы О. Б. Иванова и Н. П. Дубровина — 24 руб.). Самое большое жалование в гимназии было у инспектора К. В. Елпатьевского, что косвенно указывает на его статус: он зарабатывал 82 руб. как инспектор и 81 руб. за уроки (более 160 руб. в месяц в 1897 г.). Высокое жалование было еще у двух преподавателей — Познякова (82 руб.) и Вейдлинга (93 руб.).

В 1890-е гг. родители платили за обучение дочерей 100 руб. в год, но были ученицы, обучавшиеся бесплатно (9–12 человек ежегодно в конце XIX в.) или получавшие стипендии, которые полностью или частично покрывали расходы на обучение. Стипендий с каждым годом становилось больше: если за 1896–1897 учебный год в документах сохранились данные о двух стипендиях Купеческой управы и шести — Городской исполнительной комиссии по благотворительности, то в 1897–1898 учебном году мы встречаем сведения о пяти стипендиях имени княгини Волконской (по 25 руб.), восьми стипендиях Флотского экипажа (по 83 руб.), стипендии Кавелиной (88 руб.). А в 1899–1900 учебном году появляются стипендии Городской управы (пять стипендий), Биржевого комитета (четыре), Ларионовой (одна), Красовской (одна), экономическая, в память принца Ольденбургского (одна)⁸. Стипендии ученицы получали после рассмотрения на педагогическом совете прошений родителей, и большую роль в этом процессе играли главная надзирательница и классные надзирательницы, о чем свидетельствуют сохранившиеся протоколы. Многие ученицы Василеостровской женской гимназии благодаря А. П. Оллонгрен смогли окончить учебное заведение, поскольку ее хлопотами и просьбами они получали денежные субсидии на обучение напрямую от императора. Долгие годы Александра Петровна успешно руководила работой «Общества вспоможения нуждающимся учащимся Василеостровской женской гимназии».

Проведение педагогических конференций и советов было в зоне служебной ответственности А. П. Оллонгрена и К. В. Елпатьевского. Архивные документы показывают, что они педантично (четыре–пять раз в год) проводили заседания педагогического коллектива, на которых доводили до сведения подчиненных циркуляры властей и обсуждали вопросы успешности учащихся, их поведения, допуска к репетициям и экзаменам, перевода в следующий класс и награждения. Протоколы педагогических конференций и советов Василеостровской женской гимназии являются интересным историко-педагогическим источником, позволяющим достаточно полно воссоздать картину ее работы. При А. П. Оллонгрен гимназия в 1879 г. перешла на обучение по новому учебному плану. В нем учебная нагрузка была сокращена с 210 недельных учебных часов до 206. В введенной учебной табели было отдано предпочтение современным иностранным языкам (немецкому и французскому) и математике, началось преподавание гимнастики (два часа в неделю в каждом классе). Все это было сделано за счет сокращения часов на уроки Закона Божия, русского языка и словесности, естествоведения и искусства. Успеваемость в гимназии была высокой: при 12-балльной отметке средний ранжированный балл классов в 1896–1897 учебном году за третью четверть выглядел так: 4а — 9,93; 3б — 9,8; 2а — 9,76; 6 — 9,67; приготовительный класс — 9,47; 5 — 9,43; 7 — 9,43; 3а — 8,6. Средний балл успеваемости в гимназии был в этот

8 Переписка по административно-хозяйственным и учебным делам и протоколы педагогических конференций (список на жалование) (справочный материал) // ЦГИА СПб. Ф. 149. Оп. 1. Д. 708. Л. 3.

период 9,58. На второй год учениц оставляли, но очень немного: в 1897–1898 учебном году одна ученица была оставлена на повторный курс в 6 классе и четыре — в 5 классе (из них одна девушка по болезни), то есть 1%. Ученицы 1, 2, 3 классов в конце года сдавали экзамены и по их результатам переводились в следующий класс или выпускались из 1 класса. 15–20% из них во 2 и 3 классах получали переэкзаменовку на август (большинство по болезни). В подготовительном, 7, 6, 5 и 4 классах в конце года были репетиции, успешные ученицы освобождались от них, но в каждом классе 40–60% девочек переводились в следующий класс только по итогам репетиций, при этом от двух до пяти учениц получали в каждом классе переэкзаменовку по одному-двум предметам на август. Выставлялись отметки по поведению по четвертям и за год (максимальный балл 12), предварительно они обсуждались на педсоветах. В этом случае слово классных и главной надзирательниц было решающим. В протоколе педагогической конференции за 5 марта 1897 г. мы читаем: «<...> за неоднократные опоздания на молитву поставить 11 б. Рыбчинской (2а) и Мусиной-Пушкиной (2а); за разговоры на уроке поставить 10 б. Шидловской; за непослушание распоряжениям надзирательницы поставить 10 б. Аристовой; за небрежное отношение к занятиям поставить 11 б. Никитиной, за подказывание и разговоры поставить 11 б. ученицам 3а — Ивановской, Афанасьевой, Соколовой; ученицам 3б — Коробкиной и Захаровой за шалости поставить 11; Яровской за неуместные вопросы на уроке Закона Божьего поставить 11б»⁹. Список обычных нарушений дисциплины в вышеприведенном отрывке представлен достаточно полно и дает исчерпывающее представление о повседневных педагогических проблемах, с которыми сталкивались надзирательницы и преподаватели. Особое значение в гимназии имел педагогический совет, посвященный ежегодному выпуску из учебного заведения. На нем, в отличие от других, обычно лично присутствовал начальник Санкт-Петербургских и Царскосельской женских гимназий и решался вопрос о награждении воспитанниц медалями (в 1898 г. наградили четырьмя золотыми и шестью серебряными), успешных девушек книгами (в 1898 г. таких было 19) и о вручении остальным аттестатов¹⁰.

Громадной заслугой А. П. Оллонгрена, К. В. Елпатьевского и педагогического коллектива был рост количества выпускниц гимназии. В первые двадцать пять лет работы учебного заведения лишь 28,3% учениц были доведены до выпуска, из 2364 поступивших в школу девочек ее окончило только 545. С 1884 по 1908 г. в гимназию пришло 1817 учениц, а завершили полный курс обучения 1223, то есть 71%. Можно констатировать рост успешности в обучении, и во многом это результат работы педагогов. Заслуги А. П. Оллонгрена по развитию Василеостровской женской гимназии были отмечены императором. В 1896 г. Николай II закрепил за А. П. Оллонгреном здание гимназии в собственность. В этом же здании она и проживала — в Санкт-Петербурге, в квартире при гимназии на 9-й линии Васильевского острова.

Александра Петровна Оллонгрена умерла 20 декабря 1901 г. (2 января 1902 г.) от болезни почек. Похоронена рядом с мужем на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге. Представляется важным сохранить имя А. П. Оллонгрена как одной из первых талантливых русских женщин-педагогов в истории отечественного образования.

REFERENCES:

Dvadtsatipyatiletie Vasil'eostrovskoi zhenskoj gimnazii, 1858–1883 [Twenty-fifth anniversary of the Vasileostrovskaya Women's Gymnasium, 1858–1883]. St. Petersburg, Print. V. Demakova, 1883. 45 p. (In Russian)

Surguchev I. D. *Detstvo Imperatora Nikolaja II*. [The Childhood of Emperor Nicholas II]. St. Petersburg, Tsarskoe delo, Resurrection, 1999. 126 p. (In Russian)

Voznesenskii P. I. *Pyatidesyatiletie Vasil'eostrovskoi zhenskoj gimnazii, 1858–1908* [The fiftieth anniversary of the Vasileostrovskaya Women's Gymnasium, 1858–1908]. St. Petersburg, North. print. house, 1909. 65 p. (In Russian)

9 Переписка по административно-хозяйственным и учебным делам и протоколы педагогических конференций (список на жалованье) (справочный материал) // ЦГИА СПб. Ф. 149. Оп. 1. Д. 708. Л. 15.

10 Протоколы педагогических конференций // Там же. Д. 738. Л. 10.

► «ДРАГОЦЕННЫЕ ШУМНЫЕ».
ИГРЫ И УЧЕБА ВЕЛИКОЙ
КНЯЖНЫ АНАСТАСИИ
НИКОЛАЕВНЫ И ЦЕСАРЕВИЧА
АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА
В ПИСЬМАХ И ДНЕВНИКАХ

ПЛОТНИКОВА ЮЛИЯ
ВАЛЕРЬЕВНА

Кандидат искусствоведения, хранитель
костюма и аксессуаров, Государственный
Эрмитаж

190000, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 34

yulez66@mail.ru

Младшие дети императора Николая II — великая княжна Анастасия и цесаревич Алексей — были очень дружны в детстве. Они оба обладали добрым сердцем и огромным чувством юмора, обожали своих родителей, и временные разлуки с ними служили поводом для написания многочисленных писем. Переписка осуществлялась и с их наставниками — Петром Васильевичем Петровым, учителем русского языка и литературы, и Пьером Жильяром, учителем французского языка. Дошедшие до нас письма Анастасии и Алексея дают возможность «услышать» их голоса и даже интонации, а также восстанавливают отдельные события их жизни, изредка проиллюстрированные любительскими фото из семейных альбомов. Их дополняют мемуары людей, близко знавших и любивших этих детей. Они позволяют узнать об их переживаниях и радостях, найти поистине бесценные подробности их столь короткой, но полной добра и любви жизни.

Ключевые слова: игра, учеба, сестра, брат, отец, мать, письмо

Младшие дети императора Николая II — великая княжна Анастасия и цесаревич Алексей — были очень дружны в детстве. Они оба обладали добрым сердцем и огромным чувством юмора, обожали своих родителей, и временные разлуки с ними (особенно с отцом) служили поводом для написания многочисленных писем.

Кроме того, переписка осуществлялась и с их собственными учителями — «Злым Петром Васильевичем» Петровым, учителем русского языка и литературы, и Пьером Жильяром («Жиликом»), учителем французского языка.

Дошедшие до нас письма Анастасии и Алексея дают возможность «услышать» их голоса и даже интонации, а также восстанавливают отдельные события их жизни, изредка проиллюстрированные любительскими фото из семейных альбомов.

Великая княжна Анастасия — «Швыбзик», «семейный клоун» — «была настоящая сорвиголова»¹: она лазила по деревьям, пряталась в буфете, под столом и под кроватью, когда медицинская сестра приходила делать ей массаж. Современной медициной ей был бы

► “PRECIOUS NOISY”. GAMES
AND STUDIES OF GRAND
DUCHESS ANASTASIA
NIKOLAEVNA AND TSAREVICH
ALEXEI NIKOLAEVICH
IN LETTERS AND DIARIES

PLOTNIKOVA YULIA VALERIEVNA

PhD in Arts, Curator of costumes and accessories,
The State Hermitage

34, Dvorzovaya emb., St. Petersburg, 190000,
Russia

yulez66@mail.ru

The younger children of Emperor Nicholas II — Grand Duchess Anastasia and Tsarevich Alexei — were very friendly in childhood. They both had a kind heart and a great sense of humor, adored their parents, and temporary separation from them served as the reason for writing a lot of letters. Correspondence was conducted with their tutors — Peter Vasilievich Petrov, a teacher of Russian language and literature, and Pierre Gilliard, a teacher of French.

The letters of Anastasia and Alexei that have come down to us make it possible to “hear” their voices, and even intonations, and also restore individual events in their lives, occasionally illustrated with amateur photos from family albums. They are supplemented by the memoirs of people who knew and loved them closely, thus giving the opportunity to learn about the experiences and joys of these children, as well as to find truly invaluable details of their so short, but full of kindness and love of life.

Key words: game, study, sister, brother, father, mother, letter

1 Ольга Александровна, великая княгиня. Мемуары [Запись Я. Ворреса, И. В. Гюббенет; пер. с англ.]. М., 2004. С. 279.

поставлен диагноз СДВГ (синдром дефицита внимания и гиперактивность), для которого характерны трудности концентрации внимания и плохо управляемая импульсивность. Все симптомы этого заболевания у великой княжны Анастасии были налицо. В отличие от своих старших сестер, Анастасия учиться не любила, поскольку ей было трудно сосредоточиться и усидеть на одном месте. Уроки называла скучными и противными: «Скажи Жилику что я каждый раз когда должен быть его урок я умираю и все таки приготовлю ему. То что он мне задал, это очень скучно»², «<...> мне надо готовить скучные уроки»³, «Так скучно мне сейчас нужно пойти готовить скучные уроки»⁴.

Учитель русского языка Петр Васильевич Петров постоянно напоминал Анастасии: «Ошибки Ваши почти все от поспешности! Попробуйте посидеть подольше, да иногда спросите у Ек. Ад⁵, как пишется слово, тогда, я уверен, и ошибок будет вдвое меньше. Вы даже имя свое подписали так: „Аастасия“!!»⁶ Однако «поспешность» у княжны сочеталась с еще одним диагнозом, называемым «дисграфия», который сопровождается большим количеством допускаемых в процессе письма грамматическо-лексических ошибок. Совершенно чудовищные ошибки, не соответствующие возрасту, Анастасия делала в своих письмах к Петрову.

Однажды княжна написала ему письмо — «шедевр» грамматики, достойный того, чтобы воспроизвести его почти целиком: «Милый П. В. П. Я очень рада была получить песмо от вас. Кода вы нам напыштыти какая небуть вопросы? Папа играют в тенис и Мама смотрит как Папа и грает а Ольга и Татьяна тоже и грают а мы с Мари подь бераим шоры. У нас были 31 Октебря была буря были огромныя волны. Трина вам кланиеца очень и она говорить что у вас очень красивый кабенет. Гравь згравиний ехали и их окатило волной и Трину тоже совсем. Мы все катаемса верхом»⁷. Но на это «песмо» Петр Васильевич ответил не сразу, что сильно обидело ученицу, потому что ее следующее послание было таким: «Злой П. В. П. <...> скажу вам что вы злой очень даже злой вы я вам сколько песала писем с Марии авы не отвечали. Я буду нарочно буду делать ошыпки. Я уже заметила где я ошыпки зделала»⁸.

Петр Васильевич, обладавший поистине ангельским терпением, а также искренней любовью к своей ученице, отвечал ей так: «Здравствуйте, милая, хорошая, прилежная, послушная (хоть и не всегда), добрая и ласковая (тоже не всегда?) Анастасия Николаевна! Благодарствуйте <...> за Ваши письма, но я жду еще, да такое, что все строчки и буквы будут как у меня. Попробуйте, и Вы увидите, как выйдет хорошо. Ведь Вы и рисуете, когда захотите, тоже хорошо. Писать — то же самое, что рисовать: каждую букву надо писать красиво. Это совсем не трудно»⁹. Действительно, рисование давалось Анастасии довольно хорошо, но рука никак не хотела выводить ровные строчки. Петров старался всячески поощрять девочку: «Вы пишете, что Вам было лень писать! Не хвалю за лень, а за откровенность хвалю. Все-таки я жду от Вас еще писем. Я их читаю с удовольствием. Будьте пайнька и бросьте лень в море: пусть уплывет в Турцию!»¹⁰

2 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны цесаревичу Алексею. 1 ноября 1915 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 682. Оп. 1. Д. 62. Л. 6–7 об. Здесь и далее при цитировании писем сохранена орфография и пунктуация подлинника.

3 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 1 ноября 1915 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1156. Л. 36–37.

4 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 6 ноября 1915 г. // Там же. Л. 98–99 об.

5 Екатерина Адольфовна Шнейдер — гофлектриса императрицы, воспитательница великих княжон (Ю. П.).

6 Письмо П. В. Петрова великой княжне Анастасии Николаевне. 10 июня 1910 г. // ГА РФ. Ф. 683. Оп. 1. Д. 54. Л. 28.

7 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны П. В. Петрову. 2 ноября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 67. Л. 11–13.

8 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны П. В. Петрову. 9 ноября 1909 г. // Там же. Л. 17–18 об.

9 Письмо П. В. Петрова великой княжне Анастасии Николаевне. 12 октября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 683. Оп. 1. Д. 54. Л. 15–16 об.

10 Письмо П. В. Петрова великой княжне Анастасии Николаевне. 29 октября 1909 г. // Там же. Л. 16а, 17–18 об.

Уже тринадцатилетней ученице неунывающий Петров писал: «В рассказе ошибок оказалось столько же, сколько звезд на небе, но, как одна звездочка похожа на другую, так и ошибки сделаны все одинаковые: все „яти“! С этим мы справимся. Будем заставлять руку писать как раз обратное тому, что она захочет. Она захочет написать „кофѣ“, а мы ее повернем на „кофе“»¹¹.

Интересно сравнить письма Анастасии с ее «ошибками» и письмо великой княжны Татьяны в возрасте 12 лет. Княжна переживала, что сделала ошибки во французском диктанта: «На этих нескольких строках у меня было 10 ошибок и самых пустых например: *chez* я написала *shai*, вместо *avaient* написала *avais*, даже стыдно когда подумаешь об этом»¹². Очевидно, что подобные мелочи Анастасию не смущали.

Серьезным занятиям музыкой младшая княжна предпочитала игру на балалайке: «Я и Мария теперь играем она на рояле а я на балалайке и хорошо выходит но с Ольгой еще лучше»¹³. С большим удовольствием Анастасия слушала и граммофонные записи, выбирая для этого иногда довольно оригинальные места: «Я только что сидела в W. C. и заводила там же граммофон, и было очень приятно и гораздо веселей»¹⁴.

Императрица Александра Федоровна, не терпящая никакого влияния на дочерей, кроме своего собственного, фактически предоставляла их самим себе, при этом запрещая общение со сверстниками из равных им по рождению и воспитанию дворянских семей. Таким образом, уже довольно взрослые девушки развлекали себя как могли: «По вечерам мы с Ольгой и иногда Мари летаем на велосипедах по нашим комнатам полным ходом, Ольга меня ловит или я ее, очень приятно. Падаем иногда но пока мы живы!»¹⁵ «Мы с М. иногда качаемся на гамаках и она меня почти всегда переворачивает и я лечу прямо на собственную „физию“»¹⁶. «Мы с Ольгой, Татьяной и Мари ходили к Сергею и Алексею»¹⁷. «...» Мы их вытащили на улицу и начали кататься на гигантских шагах. «...» Мы все орали все время. Мария и Сергей сели на меня и я стукнулась от толчка головой об деревянный столб, но я осталась цела и весела. «...» На гамаке мы теперь не качались хотя все время собирались! Ах! Как ловко я написала под рифму!»¹⁸ «Мы только что играли с Мари в „ring rong“ и так не вероятно суетились кричали, и теперь у меня руки трясутся как у контуженных»¹⁹. «Играем в теннис в класной комнате, я так играла, что у меня пять мозолей, падаем в вазочки, и пока не разбили ни одной, но не знаю, как будет дальше»²⁰. В 1916 г. сестры придумали новую «забаву»: «Теперь у нас у всех есть револьверы и мы все отчаянно стреляем. По вечерам после обеда мы идем играть в угловую комнату и прятимся с Ольгой, Мари и Алексеем и в темноте стреляем в друг друга но Алексей иногда боится и не входит»²¹.

11 Письмо П. В. Петрова великой княжне Анастасии Николаевне. 4 июля 1914 г. // Там же. Л. 61–62 об.

12 Письмо великой княжны Татьяны Николаевны П. В. Петрову. 6 ноября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 71. Л. 30–31 об.

13 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 31 марта 1916 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1156. Л. 125–125 об.

14 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 6 ноября 1915 г. // Там же. Л. 98–99 об.

15 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 29 сентября 1916 г. // Там же. Л. 181–182 об.

16 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 2 июля 1916 г. // Там же. Л. 148–149 об.

17 Сыновья боцмана А. Е. Деревенько (Ю. П.).

18 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 12 июня 1916 г. // ГА РФ. Ф. 682. Оп. 1. Д. 62. Л. 17–18 об.

19 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 9 июня 1916 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1156. Л. 140–141 об.

20 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны цесаревичу Алексею. 27 ноября 1915 г. // ГА РФ. Ф. 682. Оп. 1. Д. 62. Л. 9.

21 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 5 января 1916 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1156. Л. 112–113 об.

Очевидно, что император не делал выговоров дочерям за шалости и плохое поведение. Анастасия очень любила отца и в письмах обращалась к нему нежно и шутивно: «Мой Золотой Папа Душка!», «Мой жемчужный папа!», «Мой Бриллиантовый Папаша!» Подписи же к этим письмам заслуживают отдельного упоминания. Так, к 1912 г. все великие княжны уже были шефами различных полков и подписывались соответственно: Ольга — «Гусар» («Елизаветградец»), Татьяна — «Улан» («Вознесенец»), Мария — «Драгун» («Казанец»). У Анастасии в то время своего полка еще не было, и сестры шутили, что по ее темпераменту она станет шефом пожарных. С тех пор (до 1915 г., когда она стала «Каспийцем») она так и подписывалась: «Атаман пожарный». Помимо этого, у Анастасии было множество придуманных ею «имен»: «Твоя любящая дочка 13 летняя по имени Настася по отчеству Николаевна, а по фамилии Романова. Швыбзик. АНРПЕСГ²². Артишоки!!! и дальше Рододендрон. Ура 1000000 поцелуев»²³. «1000000 раз целую ножки и ручки кланяюсь Тебе. Любящая Тебя Твоя преданная дочька 13 летняя отроковица по имени Шеф Попского атаманского полка. имя Настася. Фамилия „ура“ Ваше Величество (Швыбзик). <...> Спи сладко и увидь меня во сне а я Тебя значит Квиты»²⁴. В этом же письме княжна расшифровывает таинственные «Артишоки» — это слова из шуливой песенки: «Артишоки артешоки и мендаль и мендаль. Не растут на носе не растут на носе очень жаль очень жаль»²⁵.

Письма «Настаси» к отцу в раннем детстве также были полны ошибок. Как хохотал, наверное, император, читая такое послание младшей дочери: «Дорогой Папа как мне жалко что ты удехал. [...] Папа блиско италя к крыму или нет. Поцелуй пожалуйста тету олю и других тоже. Тебя качало или нет. Поклонись овецерам пожалуйста вам папа. Как жаль что кене мотограв небыл а виталия будет кене мотограв? Мы все тебя целуем. Я нодеюсь что блогполучно доедешь. Маленькая глупенкая Анастасия»²⁶.

С матерью у Анастасии были другие отношения. Писем сохранилось мало, но вместо них «говорят» фотографии, на которых Анастасия сидит рядом с матерью, и на всех виден ее «фирменный» поворот головы и упрямый, дерзкий взгляд. С императрицей Анастасия иногда переписывалась на особом, зашифрованном «языке». Очевидно, что такие шифры были интересны детям и подросткам во все времена.

Наряду со старшими сестрами, Анастасия любила покурить: «Государь был завзятым курильщиком и почти всегда держал папиросу в зубах <...> курил почти непрерывно, часто бросая в пепельницу наполовину недокуренную папиросу. За этими недокуренными папиросами охотились великие княжны, чтобы потянуть раз или два. Великие княжны, кстати, любили покурить просто так, для забавы»²⁷, — вспоминала А. Вырубова. Следует учесть, что в то время к курению относились иначе, и современному человеку покажется дикой фраза 12-летней девочки в письме к отцу: «Я без тебя еще не курила»²⁸; «Довно папироски не получала а смок получала от Ольги и Мама»²⁹. Странными покажутся и подарки внукам от бабушки (заядлой курильщицы) Марии Федоровны: «Мы все получили от Бабушки по одной папиросочки которую мы с аппетитом выкурили там-же»³⁰.

22 Анастасия Николаевна Романова... Слуга Государева (Ю. П.).

23 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 29 сентября 1916 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1156. Л. 33–33 об.

24 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 23 сентября 1914 г. // Там же. Л. 31–31 об.

25 Там же.

26 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 1909 г. // Там же. Л. 4–4 об.

27 Вырубова А. А. Фрейлина ее величества: «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1991. С. 68.

28 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 10 мая 1913 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1156. Л. 20 об.

29 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. 27 октября 1914 г. // Там же. Л. 41.

30 Письмо великой княжны Анастасии Николаевны Николаю II. Апрель 1916 г. // Там же. Л. 130 об.

Анастасия была очень близка со своим младшим братом. Обожаемый всей семьей цесаревич Алексей Николаевич из-за постоянных болезней не знал никакой дисциплины. Уже в раннем детстве царевич по части шалостей не уступал Анастасии. Как отмечал Чарльз Гиббс, требования на Алексея мало действовали. Он был невероятно избалован, и отсутствие наказаний могло бы испортить его характер, если бы с рождения он не был наделен поистине золотым сердцем.

Цесаревич вел дневник, где кратко записывал события своей жизни. Однако осенью 1915 г. император Николай II решил взять цесаревича с собой в Ставку Верховного Главнокомандующего в Могилев, чтобы показать войскам наследника, а также для получения им патриотического и военного воспитания. Повторный визит был сделан в мае 1916 г. и продлился все лето и осень. Все это время цесаревич писал письма своей матери, а также сестрам. Присутствовавший с ним учитель французского Пьер Жильяр также писал письма-отчеты императрице и своим ученицам, благодаря чему мы знаем достаточно много подробностей о жизни Алексея в 1915 и 1916 гг.

Письма цесаревича матери показывают наличие у него не только живого ума, но и прекрасного чувства юмора. По-французски он обращался к маме нарочито напыщенно: «Благородная госпожа!» (Noble Dame), а по-русски подбирал самые нежные эпитеты: «Ангелочек мой, дорогая, обожаемая, несравненная, неоцененная, милая душка ты моя Мама!»³¹ И хотя занятий и новых впечатлений у него было много, однако, впервые оказавшись вдали от матери, он часто грустил: «Дорогая Мама. Вчера я очень скучал без Тебя. Нюхал с Папа подушку и занавеску, а почему сама знаешь³²,³³. В подпись он добавлял инициал «мамы», и получались приветы и пожелания для «МОТМА». Описывая обычные события дня, Алексей пытался сделать для матери письмо интересным, забавным, острит и даже сочинял стихи: «Спасибо за бумагу. На ней Тебе пишу, хотелось бы стихами, но ими не могу»³⁴; «После обеда был в городском саду. <...> Там были Шура и Сережа. У Сережи ноги были как мочалки. Не начать ли нам сначалаки?»³⁵ «Собирайся поживей, Приезжай-ка поскорей, Ждем Тебя мы с наслаждением и с малиновым вареньем!!!!»³⁶

С юмором он обращался к матери даже с просьбой о деньгах на карманные расходы: «Жалование! Умоляю!!!! Нечего жрррааать!!! В «Nain Jaune»³⁷ тож не везет! Не надо!!! Скоро буду продавать платье, книги и, наконец, умрууу от голода»³⁸; а после получения денег: «Очень, очень благодарю за письма и за 10 р. Богат!!»³⁹; рассказывал различные смешные сценки: «Вчера я просил слугу „Тетю“ принести мне из Фонаря две трещотки. Он велел Нагорному принести: три фонаря и три щетки!»⁴⁰

Алексей очень любил животных, у него были собаки: сперва спаниель Hot, а затем Joy (Джой), и сиамский кот Котька, с которыми он обычно спал. Джой был его верным спутником и товарищем в играх. Пьер Жильяр описал одну такую шуточную игру: «Алексей Николаевич здоров и очень весел. Он меня сегодня заставил написать афишу для „Джоя“ 30 коп. за фунт ПРОДАЕТСЯ 30 коп. за фунт (для гастрономического потребления)

31 Письмо цесаревича Алексея Александре Федоровне. 10 августа 1916 г. // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 77. Л. 44–45 об.

32 Об этом же писал в письме супруге Николай II: дело происходило в вагоне императорского поезда, и подушка пахла духами Александры Федоровны (Ю. П.).

33 Письмо цесаревича Алексея Александре Федоровне. 18 мая 1916 г. // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 78. Л. 3–3 об.

34 Письмо цесаревича Алексея Александре Федоровне. 21 сентября 1916 г. // Там же. Д. 79. Л. 26–27.

35 Письмо цесаревича Алексея Александре Федоровне. 15 июля 1916 г. // Там же. Д. 77. Л. 11–12 об.

36 Письмо цесаревича Алексея Александре Федоровне. 22 сентября 1916 г. // Там же. Д. 79. Л. 28–29 об.

37 Детская настольная игра, в которой используется колода карт.

38 Письмо цесаревича Алексея Александре Федоровне. 8 ноября 1916 г. // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 80. Л. 15–15 об.

39 Письмо цесаревича Алексея Александре Федоровне. 9 ноября 1916 г. // Там же. Л. 16–17 об.

40 Письмо цесаревича Алексея Александре Федоровне. 13 августа 1916 г. // Там же. Д. 77. Л. 50–51 об.

Пес глухой, слепой, без обоняния, но пахучий!!!!

Сгодится для сосисок и колбас.

Возраст: 4 года ½ Вес: 20 килограмм

Обратиться к капралу Романову.

Он прикрепил эту афишу к палке, зафиксировал ее на спине Джоя. Затем, он взял собаку на цепь и провел ее таким образом до столовой сегодня вечером во время закусок. Хозяин и пес имели очень большой успех»⁴¹. На эту же тему Алексей шутил в письме к маме: «Джоя Ты больше не увидишь, из него сделаны чудные сосиски для гостей!!!!!!!»⁴²

В его детство уже ворвался «Великий немой». Письма царевича полны упоминаний о посещении кинематографа. Английская хроника войны, документальные фильмы, шаржи, комедии, детективы — вот примерный список просмотренных мальчиком картин. Судя по отзывам, наибольшее впечатление на него произвел показ Мартеновской печи («Это ужас, что такое!!!»⁴³), хроника с английского фронта («Так и кажется, что находишься сам там!»⁴⁴). По мнению Жильяра, прекрасным подарком ко дню рождения Алексея было бы несколько фильмов торгового дома «Патэ» — они обычно присылали императору каталог фильмов на выбор наиболее подходящих для просмотра. Алексей смотрел картины этой киностудии, такие как «Пик и Пок» (Pick et Pock, Maurice de Feraudy, 1909) и «Вор и свинья»⁴⁵ (Le Policeman et le cochon vole, Carl T. Anderson, 1916). Особенно «страшно и интересно»⁴⁶ Алексею было смотреть многосерийный фильм «Тайны Нью-Йорка» (в оригинале «Похождения Элейн» режиссера Луи Ганье). Сюжет последнего фильма Жильяр в подробностях описывал в письмах к княжне Анастасии Николаевне, и он действительно довольно захватывающий.

Цесаревич по складу души походил на свою сестру Марию — он нисколько не кичился тем, что он наследник престола. Его вкусы были очень простыми: «Пекли картошку, ели с маслом и хлебом, было очень вкусно!!!»⁴⁷ Под влиянием приключенческих книг Алексей мечтал, как и многие мальчики его возраста, найти клад. Жильяр писал: «Мы теперь каждый день ездим на „Солтановку“, где мы проводим раскопки в лесу <...> Алексей Николаевич убежден, что мы найдем очень интересные вещи, гроб, полную шкатулку золотых монет. Казак Императора уже думает, что себе купить на это сокровище!»⁴⁸

Алексей совершенно не гордился своей внешностью, несмотря на то что все видевшие его отмечали красоту и правильность черт мальчика. Жильяр с удивлением замечал: «Самое смешное, это то, что Он не понимает, как Им восхищаются. В первый день Он получил замечательные цветы и письмо от 4 девочек гимназисток! На следующий день, новые прекрасные хризантемы с новым письмом от тех же девочек!! „Ну что с этими девочками? Разве они в меня влюбились? Но я же некрасивый“»⁴⁹. Когда в ноябре 1915 года Алексей был заснят играющим в снегу со своей собакой перед губернаторским домом и затем увидел эту киносъемку, она не понравилась Алексею Николаевичу. «Вернувшись, Он мне сказал: „Как глупо я смотрюсь, когда выделываю эти пируэты! „Джой“ выглядит намного умнее меня!“»⁵⁰

41 Письмо П. Жильяра великой княжне Марии Николаевне. 10 декабря 1916 г. // ГА РФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 83. Л. 18–19 об.

42 Письмо цесаревича Алексея Александре Федоровне. 15 декабря 1916 г. // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 80. Л. 35–36 об.

43 Письмо цесаревича Алексея Александре Федоровне. 30 сентября 1916 г. // Там же. Д. 79. Л. 43–44 об.

44 Письмо цесаревича Алексея Александре Федоровне. 28 сентября 1916 г. // Там же. Л. 39–40.

45 У М. Зошенко есть пересказ этого сюжета в рассказе «Глупый вор и умный поросенок».

46 Письмо цесаревича Алексея Александре Федоровне. 10 августа 1916 г. // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 77. Л. 44–45 об.

47 Письмо цесаревича Алексея Александре Федоровне. 21 сентября 1916 г. // Там же. Д. 79. Л. 26–27.

48 Письмо П. Жильяра великой княжне Татьяне Николаевне. 10 сентября 1916 г. // ГА РФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 120. Л. 11–12 об.

49 Письмо П. Жильяра великой княжне Ольге Николаевне. 2 ноября 1916 г. // Там же. Л. 27–28 об.

50 Письмо П. Жильяра Александре Федоровне. 3 ноября 1915 г. // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 144. Л. 7–8.

На основе сохранившихся писем и воспоминаний можно сделать заключение, что старшие великие княжны были более образованными и прилежными детьми. Учеба младших пришлось на время рождения наследника цесаревича, именно ему императрица уделяла все свое время, дочери же росли без должного внимания матери, а впоследствии без гувернантки, которая могла бы следить за их учебной и времяпрепровождением. Цесаревич Алексей Николаевич много пропускал из-за болезни, кроме того, не имел привычки к систематическому самостоятельному чтению. Заполнить лакуны в образовании он смог бы со временем, благодаря собственному природному уму и благотворному влиянию своего наставника Пьера Жильяра. Что же касается игр и шалостей, то в этом императорские дети ничем не отличались от своих сверстников из обеспеченных семей, хотя были часто лишены свободного и столь необходимого общения со своими ровесниками, равными им по положению.

Сохранившиеся письма самих детей, ушедших из жизни более ста лет назад, дают нам возможность услышать их голоса и узнать об их переживаниях и радостях. Тут можно привести слова совсем не злого, а добрейшего «П. В. П.» к великой княжне Анастасии: «Ведь что такое в сущности письмо? — Беседа, разговор, но только с невидимкою! Я жду от Вас такой беседы или, если хотите, рассказа о чем-нибудь или о ком-нибудь, а на такие рассказы Вы мастерица. <...> Я из газет многое знаю о том, где Вы были, что видели, а что Вы при этом чувствовали <...>, остается неведомым. Между тем передать на бумаге все это — в высшей степени интересно, и не только для себя, но и для тех, кто знает Ваши мысли, Ваше доброе, отзывчивое сердце...»⁵¹.

REFERENCES

Ol'ga Aleksandrovna, velikaja knjaginja. *Memuary* [Memoirs of Grand Duchess Olga Alexandrovna / [Entry Y. Vorres; I. V. Gubbenet, translated from English]. М., Zharov, 2004. 271 p. (in Russian)

Vyrubova A. A. *Freilina ee velichestva: «Dnevnik» i vospominaniya Anny Vyrubovoi* [Her Majesty's maid of honor: "Diary" and memoirs of Anna Vyrubova]. М., Sovetskij pisatel', 1991. 269 p. (in Russian)

51 Письмо П. В. Петрова великой княжне Ольге Николаевне. 22 сентября 1909 г. // ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 139. Л. 1–6.

► УЧИТЕЛЯ ДОЧЕРЕЙ НИКОЛАЯ II ДО 1917 Г.

ЭЛЬМАН ВИКТОРИЯ
ЕВГЕНЬЕВНА

Старший научный сотрудник, Государственный музей-заповедник «Царское Село»

196601, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин,
Садовая ул., д. 7

elman.viktoria@yandex.ru

Статья посвящена учителям дочерей Николая II. Все дети семьи последнего русского императора получили домашнее образование. Автором изучены документы, относящиеся к процессу обучения великих княжон, личная переписка преподавателей, хранящиеся в Российском историческом государственном архиве (РГИА), Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Центральном историческом государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), а также воспоминания современников – великой княгини Ольги Александровны, великой княгини Марии Павловны, С. К. Буксгевден, Н. В. Саблина, Л. Ден, П. Жильяра, С. И. Тютчевой. Автор попытался систематизировать преподавательский состав по каждому предмету с 1900 по 1917 гг., отметив особую роль П. В. Петрова и С. И. Тютчевой; в статье приведены характеристики великих княжон, данные некоторыми из преподавателей.

Ключевые слова: преподаватели императорских детей, дочери Николая II

► TEACHERS OF THE DAUGHTERS OF NIKOLAS II UNTIL 1917

ELMAN VICTORIA
EVGENIEVNA

Senior Researcher, State Museum-Reserve
"Tsarskoye Selo"

7, Sadovaya st., Pushkin, St. Petersburg, 196601,
Russia

elman.viktoria@yandex.ru

This article is dedicated to the teachers of the daughters of Nicholas II. All the children of the family of the last Russian emperor received home education. The author includes documents connected to the educational process and personal correspondence of the teachers from the Russian State Historical Archive, the State Archive of the Russian Federation, the Central State Historical Archives of St. Petersburg, as well as memoirs of contemporaries – Grand Duchess Olga Alexandrovna, Grand Duchess Maria Pavlovna, S. K. Buxsgevdn, N. V. Sablina, L. Dehn, P. Gilliard, S. I. Tyutcheva. The author tries to systematize the teachers of different subjects from 1900 to 1917, noting the special role of P. V. Petrov and S. I. Tyutcheva. The article presents the characteristics of the Grand Duchesses, given by some of the teachers.

Keywords: teachers of imperial children, daughters of Nicholas II

Все четыре дочери императора Николая II и императрицы Александры Федоровны — Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия — получили домашнее образование, включающее следующие дисциплины: Закон Божий, русский язык, литература, история России, всеобщая история, география, математика, физика, английский, французский, немецкий языки, рисование, музыка, танцы. Дополнительно они занимались гимнастикой и верховой ездой.

Учителя к великим княжнам подыскивались, как и для детей Александра III, «из лиц, состоявших на государственной службе — учителей гимназий»¹. В свою очередь их рекомендовали директора, инспектора учебных заведений, также нередко прислушивались и к мнению родственниц — великих княгинь Ксении Александровны, Елизаветы Мавриковны и других членов императорской фамилии.

Первоначально общее руководство в вопросе преподавания полностью принадлежало Александре Федоровне. Императрица посещала первые уроки девочек, обсуждала принципы обучения, после чего принимала окончательное решение об утверждении преподавателя, поисками которого в свою очередь занимались сотрудники Канцелярии Александры Федоровны, во главе с графом Я. Н. Ростовцевым². Один из таких уроков отразил в своих воспоминаниях учитель французского П. Жильяр: «Дверь отворилась, и вошла Императрица, держа за руку двух дочерей, Ольгу и Татьяну <...> Урок начинается; я озадачен: меня

1 О штате преподавателей августейших детей Их Величеств // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 525. Оп. 2. (Вн. оп. 215/2713). Д. 62. Л. 2.

2 Ростовцев Яков Николаевич (1865–1931) — гофмейстер, заведующий Канцелярией императрицы Александры Федоровны, управляющий делами Царских детей.

стесняет самая простота положения, которое я иначе себе воображал. Императрица не упускает ни одного моего слова; у меня совершенно ясное чувство, что это не урок, который я даю, а экзамен, которому я подвергаюсь»³.

Однако, несмотря на это, 4 января 1906 г., учитель русского языка П. В. Петров⁴ отправил в Канцелярию Ее Величества «соображения относительно дальнейшего усовершенствования учебного процесса великих княжон»⁵, изложив в записке следующее: «По мере увеличения числа учебных предметов и в зависимости от расширения учебных курсов является необходимость, для пользы дела, в сосредоточении в одних руках наблюдения за объемом и содержанием всех преподаваемых предметов. Такое сосредоточение обеспечило бы разрешения весьма важных вопросов, связанных с делами преподавания. К числу таких вопросов относятся: 1. Определение конечных целей преподавания по каждому предмету отдельно; 2. Составление курсовых программ по каждому предмету на год вперед, с указанием содержания, объема, методов преподавания и числа ежедневных часов; 3. Выбор руководств и классных пособий, отвечающих современным и учебным требованиям; 4. Внеклассное приготовление уроков и правильное соответствие между работой классною и внеклассною; 5. Организация внеклассного чтения и периодических чтений с волшебным фонарем; 6. Составление расписания классных и внеклассных занятий; 7. Периодические собрания всех преподавателей для совместного обсуждения хода и результата преподавания. Общее руководство в направлении преподавания принадлежит Ея Императорскому Величеству. Для практического же осуществления намеченных выше предложений для объединения целей, содержания, объема, времени и методов преподавания необходимо особое лицо (в роде инспектора классов), на которое могло бы быть возложено проведение на практике общих руководящих начал. Лицо должно быть хорошо знакомо с постановкой дела преподавания и техническими его сторонами»⁶.

Документ, подтверждающий официальное назначение Петрова в должности руководителя учебной частью, не обнаружен, но о такой его роли есть упоминание в мемуарах воспитательницы великих княжон С. И. Тютчевой⁷: «Заведующим учебной частью был действительный статский советник Петр Васильевич Петров. О нем я вспоминаю с самым хорошим чувством. Это был человек весьма добросовестный, преданный своему делу. Дети его любили и уважали»⁸.

Итак, обучение началось в 1900 г., когда к совсем крохам — великим княжнам Ольге и Татьяне — был приглашен учитель танцев Н. П. Троицкий, дававший уроки не одному поколению Романовых.

3 Жильяр П. Император Николай II и его семья. По личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника цесаревича Алексея Николаевича // Рядом с царской семьей: [сборник]. М., 2013. С. 108–109.

4 Петров Петр Васильевич (1858–1918) — чиновник для поручений IV класса, наблюдатель за постановкой преподавания русского языка и истории, член Педагогического комитета, председатель книжной комиссии, член экзаменационной комиссии при Главном управлении военно-учебных заведений. Окончил курс наук в Санкт-Петербургском университете со степенью кандидата. С 1895 г. — штатный преподаватель Павловского военного училища, с 1902 г. — приватный преподаватель Пажеского Его Императорского Величества корпуса; преподавал русский язык сиаемскому принцу Чакрабону, детям великого князя Павла Александровича — Марии, Дмитрию; с 1903 г. — преподаватель русского языка у великой княжны Ольги Николаевны, с 1904 г. — у Татьяны Николаевны, с 1906 г. — у Марии Николаевны, с 1907 г. — у Анастасии Николаевны, с 1911 г. — у Алексея Николаевича. Не был женат; содержал старшую сестру с тремя детьми и младшую сестру Веру, находившуюся на излечении в Доме призрения для душевнобольных императора Александра III. Из купеческого сословия, православный.

5 О вознаграждении преподавателя вел. княжны Ольги Николаевны действ. статск. сов. Петрова // РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (Вн. оп. 204/2692). Д. 26. Л. 22.

6 Там же. Л. 22–23.

7 Тютчева Софья Ивановна (1870–1957) — внучка поэта Ф. И. Тютчева, фрейлина императрицы Александры Федоровны. С 1907 по 1912 гг., не получив официального утверждения в должности воспитательницы, именовалась как «Фрейлина Их Высочества Государыни Императрицы, состоящая при августейших дочерях Их Императорских Величеств». Было назначено содержание из сумм императорского двора в размере 5000 рублей в год с предоставлением помещения, ранее занимаемого в Зимнем дворце старшей камер-юнгферой М. Овчард.

8 Тютчева С. И. За несколько лет до катастрофы // Наше наследие. 1997. № 41. С. 67.

Николай Петрович вошел в историю русского балета как первый исполнитель партии Ивана в балете «Конек-Горбунок» в постановке А. Сен-Леона. После ухода со сцены он преподавал бальные танцы в Михайловском артиллерийском училище и других учебных заведениях Санкт-Петербурга. Яркие воспоминания о нем оставила сестра императора — великая княгиня Ольга Александровна: «Танцы были одним из важных „предметов“, которым мы занимались вместе с Мишей. Учителем танцев у нас был господин Троицкий, натура артистическая, очень важный, у него были белые бакенбарды и офицерская осанка. Он всегда ходил в белых перчатках и требовал, чтобы на рояле его аккомпаниатора всегда стояла ваза со свежими цветами. Прежде, чем начать па-де-патине, вальс или польку, которую я терпеть не могла, мы с Мишей должны были сделать друг другу реверанс и поклониться. Мы оба чувствовали себя такими дураками <...>»⁹.

Занятия с ним остались и в памяти великой княжны Марии Павловны: «В ту зиму раз в неделю для нас устраивали уроки танцев, для участия в которых приглашали других детей. Наш учитель, бывший артист балета, худой и пожилой мужчина с бакенбардами, как у Гладстона, был очень строг; если мы допускали ошибку или нам недоставало изящества в движениях, он делал ехидные замечания. Отец, который видел, как он во времена молодости танцевал в театре, любил присутствовать на занятиях, он смеялся до слез над нашими неуклюжими па и язвительными замечаниями старого острослова»¹⁰.

Фрейлина императрицы баронесса С. К. Буксгевден также училась у Николая Петровича и называла себя «ученицей великого Троицкого»¹¹.

Давать уроки великим княжнам Н. П. Троицкий начал, будучи уже немолодым человеком, и с зимы 1903 г., сначала замещая отца, а затем на постоянной основе, до 1 ноября 1905 г. уроки танцев давала его дочь М. Н. Лесникова.

С 1910 г. учителем танцев был назначен Х. Х. Кристерсон¹² — артист Императорских театров, преподаватель танцев во Втором великого князя Михаила Николаевича кадетском корпусе и Императорском воспитательном обществе благородных девиц. Он был рекомендован членом Педагогического комитета Главного управления военно-учебных заведений генерал-лейтенантом А. Д. Бутовским как «очень хороший учитель и приличный, благовоспитанный человек, за которого можно быть спокойным»¹³, а также директором Второго кадетского корпуса А. К. Линдебергом — как опытный преподаватель танцев, до великих княжон дававший уроки детям великого князя Константина Константиновича и великой княгини Анастасии Николаевны.

Кроме танцев, девочки занимались гимнастикой у Т. А. Громовой.

Учителем рисования в 1906 г. был приглашен статский советник А. Х. Преображенский¹⁴ — воспитатель Первого Санкт-Петербургского реального училища, учитель детей великой княгини Ксении Александровны.

Помимо рекомендаций и отзывов, проводилась проверка на политическую благонадежность кандидата. Так, рассматривая кандидатуру Преображенского, выяснилось, что во время студенческих беспорядков осенью 1905 г. он и восемь преподавателей — членов совета

9 *Воррес Й.* Последняя великая княгиня: Воспоминания // *Ден Л.* Подлинная царица: Воспоминания; *Воррес Й.* Последняя великая княгиня: Воспоминания. М., 1998. С. 185.

10 *Мария Павловна, великая княгиня.* Мемуары. М., 2017. С. 39.

11 *Буксгевден С. К.* Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы России: в 3 кн. Кн. 3: Перед бурей. М., 2012. С. 633.

12 Кристерсон Христиан Христианович (1879–1971) — артист балета, педагог танца. Окончил Санкт-Петербургское Императорское театральное училище. До революции преподавал танцы в Смольном и Елизаветинском институтах. С 1919 по 1954 гг. преподавал в Школе актерского мастерства — Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии (с 1923 — профессор).

13 Кристерсон Христиан Христианович, артист Императорских театров, о назначении его преподавателем танцев при Августейших Дочерях Их Императорских Величеств // РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (Вн. оп. 212/2710). Д. 232. Л. 2.

14 Преображенский Андрей Харлампиевич (1855–?) учился в Академии художеств с 1878 по 1881 гг.; 15 октября 1881 г. получил звание неклассного художника.

училища, по распоряжению министра народного просвещения, были преданы судебному следствию за неповиновение начальству и нарушение служебной дисциплины, проявившиеся в выражении недоверия начальству училища, а также за попытку переустройства училища на автономных началах (следствие на момент рассмотрения его кандидатуры в преподаватели продолжалось). Данное обстоятельство было известно великой княгине Ксении Александровне с супругом, при этом выразившим желание продолжить обучение своих детей у Преображенского. В отзыве министра народного просвещения, со слов самого преподавателя, значилось, «что нахождение под следствием статского советника Преображенского не является обстоятельством, опорочивающим личность, его, Преображенского»¹⁵.

Видимо, в Канцелярии императрицы Александры Федоровны также сочли кандидатуру Преображенского достойной преподавания великим княжнам, и в июне 1906 г. он дал первые уроки. После 5½ лет, было решено сменить учителя рисования, и в 1912 г. Преображенский был освобожден от занимаемой должности, с выдачей ему подарка из Кабинета Его Императорского Величества. Дети Ксении Александровны продолжили обучение у Андрея Харлампиевича.

После отставки Преображенского на должность учителя рисования были предложены художники А. П. Рогов¹⁶ (по словам рекомендовавших его лиц — «русский человек от головы до пят»¹⁷), Я. Д. Андреев¹⁸, Н. Д. Благовещенский¹⁹.

Документально не установлено, но, вероятнее всего, все представленные кандидатуры были отклонены. Известно, что с 1912 г. уроки рисования великим княжнам начал давать профессор, действительный член Императорской Академии художеств Д. Н. Кардовский. Помимо профессиональных и личных качеств кандидата, учитывалось также и то, что он с семьей проживал в Царском Селе (ул. Конюшенная, д. 33 (ныне д. 29))²⁰.

Во время нахождения царской семьи в Ливадии в 1911–1914 гг. с княжнами занимался главный архитектор Ялты и Ливадийского дворца Н. П. Краснов.

В Ливадии, помимо профессора Краснова, уроки по акварельной технике давала известная художница А. П. Шнейдер, работы которой с 1907 г. украшали интерьеры Александровского и Ливадийского дворцов.

Приступив к обучению великих княжон, Шнейдер отметила их слабую подготовку и неспособность Краснова проводить уроки с пользой для августейших учениц: «<...> но, так как княжны чрезвычайно мало подготовлены, уроки Краснова, в которых он занимается только балагурством, мало дают им знаний»²¹.

Из великих княжон она особо отмечала талант у Марии: «Мария Николаевна занималась охотно, разумно, спокойно <...> Я ей сказала: „Вы носите такое славное имя, мечтайте о том, чтобы в будущем быть настоящим президентом Академии“. Маленькая тоже недурно рисует»²².

15 А. Х. Преображенский, преподаватель рисования Августейших Детей Их Императорских Величеств // РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (Вн. оп. 209/2707). Д. 146. Л. 8

16 Рогов Алексей Петрович (1868–?) — родился в Воронежской губ.; сын коллежского асессора. С 1892 г. — вольнослушатель в Академии художеств; учился у К. В. Лемоха, В. Е. Маковского, В. В. Сулова. Преподавал в школах Императорского женского патриотического общества, Александровском сиротском институте и Императорском воспитательном доме благородных девиц, частной гимназии княгини А. А. Оболенской. Служил в Мозаичном отделении при Императорской Академии художеств.

17 А. Х. Преображенский, преподаватель рисования Августейших Детей Их Императорских Величеств. Л. 26 об.

18 Андреев Я. Д. — инспектор Высшего художественного училища. Преподавал во Втором кадетском корпусе, сослуживец А. Х. Преображенского.

19 Благовещенский Н. Д. — преподавал в Екатерининском, Еленинском, Патриотическом институтах и в Коломенской женской гимназии. Рекомендовался директором 12-й гимназии К. А. Ивановым как отличный художник и педагог.

20 Кардовский Дмитрий Николаевич (1866–1943) — русский и советский график и педагог, профессор и действительный член Императорской академии художеств, заслуженный деятель искусств РСФСР (1929).

21 Дневник Шнейдер Александры Петровны с выдержками из ее писем к сестре Варваре Петровне // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 2212. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

22 Там же. Л. 31.

О таланте Марии Николаевны писала баронесса С. К. Буксгевден: «Мария Николаевна единственная из сестер обладала бесспорным талантом к рисованию и делала довольно хорошие рисунки, всегда левой рукой»²³. Ч. С. Гиббс вспоминал: «Она имела большой талант к рисованию и всегда рисовала»²⁴.

После второго занятия Александра Петровна записала в дневнике: «Сегодня рисование с великими княжнами доставило мне удовольствие. Я им много говорила про живопись и про знание цветов и красок, и о том влиянии, которое они будут иметь и пр. Как они должны развивать свой глаз и умение смотреть — не знаю, что поняли (обдумывала все ночью), и сказала, что очень счастлива, что вижу их вторично <...> и вообще надо сказать, прикладывая к ним масштаб обыкновенных смертных, очень миленькие девочки, умненькие и хорошо себя держат — просто, весело и спокойно»²⁵.

Помимо рисования, девочки обучались игре на фортепиано. Учителем музыки был приглашен А. А. Конрад²⁶, преподававший с апреля 1902 г. великой княжне Ольге, с конца 1902 г. — Татьяне, с 1904 г. — Марии, с 1905 г. — Анастасии. Также он давал уроки детям великого князя Павла Александровича — Марии и Дмитрию.

Особыми музыкальными способностями обладала великая княжна Ольга Николаевна, что отмечено у многих мемуаристов, включая С. К. Буксгевден: «Она <...> была самой умной из всех сестер, а также самой музыкальной. Учителя говорили, что она „обладает абсолютным слухом“»²⁷.

Великие княжны также обучались верховой езде у господина Коржавина. Судя по тому, что, по случаю окончания занятий великой княжной Ольгой в 1914 г., ему были пожалованы запонки, выполненные в фирме «Фаберже», императрица осталась им довольна. Великая княгиня Ольга Александровна вспоминала: «Девочки любили лошадей, не боялись их, но ездить верхом не желали. Они уверенно сидели в седле, трусихами не были, но я весьма скоро убедилась, что они садятся на лошадей только потому, что мне этого хотелось. Никакого удовольствия от езды верхом они не испытывали. Лишь одна Анастасия пристрастилась к верховой езде»²⁸.

Особое внимание уделялось изучению русского языка, который преподавал П. В. Петров.

Интересны характеристики великих княжон, сохранившиеся в отчетах Петра Васильевича. Так, в отчете за 1904 г. он записал об Ольге Николаевне: «Способности великой княжны заметно развиваются и крепнут. Явился интерес к чтению. Приятно отметить проявление самостоятельности в работе, желание сделать самой, без помощи учителя. Особенно обнаруживается цепкость и твердость памяти в усвоении стихов и географических названий. Находчивость нередко соединяется с остроумием. Бывали случаи рассеянности, приводившие к курьезам»²⁹.

В этом же отчете о Татьяне Николаевне он записал: «При отличных способностях наблюдательности, хорошей памяти, вдумчивости, охоте к чтению и к занятиям <...> великая княжна Татьяна Николаевна не обладала той выносливостью и теми физическими силами, которые содействовали более успешному и быстрому прохождению курса великой княжной Ольгой Николаевной. Часто наблюдаемая на уроках вялость вызывала

23 Буксгевден С. К. Жизнь и трагедия Александры Федоровны... С. 169.

24 Наставник. Учитель цесаревича Алексея Романова: Дневники и воспоминания. М., 2013. С. 104–105.

25 Дневник Шнейдер Александры Петровны с выдержками из ее писем к сестре Варваре Петровне. Л. 31.

26 Конрад Адольф Адольфович (1865–?) окончил курс в музыкальной консерватории в Женеве. Отставной коллежский асессор (секретарь). В 1899 г. принял присягу на верность службы в России. С 1898 по 1902 гг. преподавал в Императорском воспитательном обществе благородных девиц, уволился по семейным обстоятельствам. После 1902 г. преподавал в Санкт-Петербургском Александровском институте.

27 Буксгевден С. К. Жизнь и трагедия Александры Федоровны... С. 167.

28 Мемуары великой княгини Ольги Александровны / Запись Я. Ворреса. М., 2003. С. 117.

29 Отчеты Петрова П. В. о занятиях по русскому языку с великой княжной Ольгой Николаевной и великой княжной Татьяной Николаевной // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 611. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

необходимость короткого перерыва занятий, во время которого великая княжна занималась взвешиванием, измерением, счетом монет, рассматриванием коллекций, или же сокращению занятий, как по чтению, так и по письму. В перемены между уроками проводились подвижные игры (гуси-лебеди, хромая лиса³⁰), что призывало оживление и возвращало необходимую бодрость»³¹.

Петров был сторонником воспитывающего обучения, направленного на то, чтобы «развивать умственные способности не в ущерб сердечной деятельности и наоборот», и нашедшего отклик в сердцах августейших учениц: «Сострадание к страдающему, помочь больному, уход и ласка, в которых нуждается раненый, настолько увлекли юное сердце великой княжны, что вопрос о сестрах милосердия и их работе занимали неоднократно значительную часть времени при объяснительном чтении. Стихотворение гр. Голенищева-Кутузова „Родная“ — одно из любимейших у великих княжон»³². Неудивительно, что, повзрослев, в годы Первой мировой войны, великие княжны так самоотверженно ухаживали за ранеными в госпитале.

В старших классах по программе великие княжны изучали творчество И. И. Лажечникова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, С. Т. Аксакова, И. А. Гончарова, А. Н. Островского, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Д. В. Григоровича, Л. Н. Толстого и др.

Судя по переписке П. В. Петрова с великими княжнами, между ними сложились доверительные, почти родственные отношения. Петр Васильевич был человеком бессемейным, и всю нерастратенную любовь он отдавал августейшим ученикам. Имея огромный педагогический опыт, он смог найти индивидуальный подход к девочкам, имевшим непростые характеры и не всегда желавшим учиться. Так, 1 октября 1909 г. в письме к Анастасии он писал: «По мостику идет злой П. В. с сачком на плечах. Он очень спешит, чтобы сестра скорее за письменный [стол] и написать ответ милой, хорошей Анастасии Николаевне. Благодарствуйте, родненькая за письмоце. И первое было интересное, а второе еще интереснее. Третье, четвертое, пятое еще будут лучше. Только не торопитесь, я ведь терпелив <...> Зато я могу теперь с Вами разговаривать в письмах, а раньше не мог, потому что Вы не умели писать, а теперь одна прелесть. Пишите, что угодно. Скоро научитесь писать также ровно, как Ольга и Татьяна Николаевна. Душевно любящий П. В. П.»³³.

По состоянию здоровья и из-за сестры, страдавшей психическим расстройством, П. В. Петров не поехал с царской семьей в ссылку, но вел активную переписку с великими княжнами и цесаревичем Алексеем.

Особое внимание, в силу набожности членов императорской семьи, уделялось изучению Закона Божия. В январе 1902 г. учителем великой княжны Ольги был назначен протопресвитер Иоанн Янышев — духовник царской семьи и преподаватель детей Александра III. По рекомендации Янышева, с 1 апреля 1904 г. его сменил профессор Ветхого Завета Санкт-Петербургской Духовной академии, священник церкви Мариинского дворца Александр Рождественский, преподававший до 1910 г., о котором С. И. Тютчева написала: «Законоучителем в первые годы был настоятель церкви Государственного совета протоиерей Александр Рождественский. Он был профессором, читал лекции в университете, но, по-видимому, не эта ученая степень требовалась для занятий с маленькими девочками. Его ученицы, особенно живая и умненькая Ольга, постоянно вступали с ним в прения, а он терялся и не находил достаточно убедительных ответов. Впоследствии он был заменен протоиереем Александром Васильевым, и тогда дело пошло совсем иначе»³⁴.

30 Русские народные игры.

31 Отчеты Петрова П. В. о занятиях по русскому языку с великой княжной Ольгой Николаевной и великой княжной Татьяной Николаевной. Л. 6 об.

32 Там же. Л. 13.

33 Письма Петрова П. В. великой княжне Анастасии Николаевне // ГА РФ. Ф. 683. Оп. 1. Д. 54. Л. 13–14

34 Тютчева С. И. За несколько лет до катастрофы. С. 67.

Однако, помимо вышесказанного, возможно, смена Рождественского была связана со слухами о его принадлежности к левому направлению, о чем свидетельствует записка Б. Ордина³⁵, направленная в Канцелярию Александры Федоровны после встречи с протоиреем В. И. Перетерским: «Отец Перетерский сообщил мне, что он знает отца А. П. Рождественского с его детских лет, т. к. он был воспитанником Псковской семинарии <...> Тогда Рождественский считался очень хорошим мальчиком. Затем о. Перетерский потерял его из виду и вновь обратил на него внимание, когда он был уже профессором Духовной академии и редактором „Церковного вестника“. Среда, естественно, повлияла на молодого священника, и в „Вестниках“ во время его редакторств, может быть, под влиянием событий, стало сказываться „прогрессивно модное“, как выразился о. Перетерский, направление. Дух рационализма и ученого мудрствования, впрочем, овладел умом почти всех нынешних духовных ученых. Совершенно не зная политических взглядов о. Рождественского, о. Перетерский счел своим долгом совести заявить, что он его всегда считал человеком скромным, добрых нравов, верующим и вообще по своим душевным и умственным качествам стоящим высоко над толпою нынешних молодых священников»³⁶.

В 1908 г. Рождественский был назначен учителем и к великой княжне Анастасии, но уже в январе 1910 г. был освобожден от занимаемой должности, с передачей его уроков протирею Александру Васильеву.

Из иностранных языков великим княжнам преподавались французский, английский и немецкий. Ближе всех для детей был английский, на котором они говорили с матерью.

Многие современники, общавшиеся с царской семьей, упоминали о нелюбви ее членов к немецкому языку, включая императрицу. Полковник Е. С. Кобылинский³⁷ оставил следующие воспоминания: «Никогда не слышал от нее (императрицы. — В. Э.) немецкого слова. Она говорила по-русски, по-английски, по-французски»³⁸. В семье не приветствовалось общение на немецком языке, за исключением встреч с германской родней, однако изучение предмета входило в общеобразовательную программу великих княжон наравне с другими языками.

Подбор преподавателей французского, английского и немецкого языков для старших великих княжон Ольги и Татьяны начался в 1905 г. Информация о возможных кандидатах на место учителя немецкого языка была получена от М. К. Прейса, в свое время преподававшего детям Александра III. Были рассмотрены кандидатуры 18 учителей немецкого языка, преподававших в женских и мужских учебных заведениях Санкт-Петербурга, после чего остановились на следующих соискателях: преподаватель Реформаторской школы Эггерс, преподаватель училища Святой Анны (Аннешуле) П. П. Кюгельген, преподаватель Павловского института Э. Г. Штидт, преподаватель женской гимназии Е. В. Ставиской А. А. Гюббенет, преподаватель Ксенинского института Ф. Е. Беттак.

При личной встрече, в разговоре с графом Я. Н. Ростовцевым, маститый педагог, директор Аннинской школы И. И. Кениг рекомендовал А. А. Гюббенета, характеризуя его так: «Около 35 лет, бывший воспитанник Аннинской школы, учился на филологическом факультете Дерптского университета, избрав специальностью немецкую литературу, происходит из хорошей остзейской дворянской семьи, вполне порядочный и благовоспитанный человек»³⁹. Но, так как великая княгиня Елизавета Маврикиевна, обучавшая у г. Гюббенета

35 Ордин Борис Кесаревич (1866 — после 1935); с 1895 г. служил в Министерстве императорского двора и уделов. В 1902 г. включен в штат Канцелярии императрицы Александры Федоровны; помощник заведующего Канцелярии, секретарь Александры Федоровны и управляющий делами августейших детей в должности гофмейстера.

36 О вознаграждении священнику Рождественскому за уроки великим княжнам // РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (Вн. оп. 205/2693). Д. 49. Л. 8.

37 Кобылинский Евгений Степанович (1875–1927) — полковник, начальник Царскосельского караула и особого отряда по охране царской семьи в Тобольске.

38 Наставник... С. 97.

39 Об учителе немецкого языка А. А. Гюббенет // РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (Вн. оп. 208/2706). Д. 172. Л. 1.

своих детей, осталась им не вполне довольна, выбор остановили на Эггерсе и Беттаке, после чего П. В. Петров имел с каждым из них личную беседу.

После беседы Петров написал Я. Н. Ростовцеву: «Познакомился с обоими кандидатами <...> г. Эггерс отказался от чести быть преподавателем августейших учениц исключительно по той причине, что никогда элементарным преподаванием не занимался. Г. Беттак согласен, так как знаком с приемами элементарного преподавания и методом наглядного обучения. Ему 27–28 лет. Окончил курс в Митавской гимназии, три года учился за границей (Тюбинген) и окончил курс в Санкт-Петербургском университете по историко-филологическому факультету в 1903 г. По-русски говорит довольно хорошо. Преподает в Ксенинском университете⁴⁰. По внешности очень представительный молодой человек, высокого роста⁴¹, с хорошими манерами. Речь свободная, дефектов речи не замечено»⁴².

Проведя пробный урок, 17 ноября 1905 г. Ф. Е. Беттак был назначен преподавателем великих княжон Ольги и Татьяны. В 1910 г. его сменил помощник заведующего учебной частью Санкт-Петербургского Сиротского института Николая I Э. К. Клейненберг⁴³, о котором неслестно отзывалась С. И. Тютчева: «Немецкий язык преподавал малосимпатичный немец Клейненберг, которого девочки не любили, что и отразилось на их знании этого языка. Впрочем, немецкий язык вообще не был в чести при дворе»⁴⁴.

Английский язык с 1905 по 1908 гг. великим княжнам преподавал воспитатель Императорского Александровского лицея, подданный Великобритании И. Е. Эппс. Судя по переписке Канцелярии императрицы с П. В. Петровым, Александра Федоровна осталась им недовольна и просила подыскать нового преподавателя. Одним из ее пожеланий было, «чтобы новый учитель был помоложе г. Эппса и посерьезнее относился к делу»⁴⁵.

Так, в письме к графу Я. Н. Ростовцеву воспитательница великих княжон С. И. Тютчева написала: «На нашу долю выпадает и очень неприятная миссия — объявить г. Эппсу, что он больше продолжать давать уроки не будет. Мне кажется, для него это будет неожиданностью, очень огорчит старика, но лучше это сделать теперь, чем когда уроки начнутся. Какую бы только причину менее обидную выдумать и мотивировать отказ ему в уроках. Вот это очень трудно и неприсойно»⁴⁶.

При увольнении императрица лично не встречалась с учителями, и они могли быть освобождены от занимаемой должности посередине учебного года, в отличие от учебных заведений, где было принято «додерживать учителей до конца учебного года». Это было связано, прежде всего, с финансовой стороной вопроса, т. к. в середине учебного года педагог мог не найти вакансии и остаться без средств к существованию.

После увольнения И. Е. Эппса, просмотрев всех кандидатов, выбор Петрова, не без участия С. И. Тютчевой, пал на Ч. Гиббса — учителя английского языка в учебном заведении С. М. Бобрисевой-Пушкиной, которая дала молодому педагогу исключительные рекомендации.

Первым учителем французского языка в январе 1905 г. был приглашен Э. А. Тернизьен, на тот момент преподававший в Императорском театральном училище. Но уже в августе Александра Федоровна повелела сотрудникам собственной Канцелярии начать поиски нового педагога, в связи с чем была предложена кандидатура учителя детей великого князя Константина Константиновича — преподавателя Императорского воспитательного общества

40 Имеется в виду Ксенинский институт благородных девиц в Санкт-Петербурге.

41 «Очень представительный молодой человек высокого роста» подчеркнуто красным карандашом.

42 Беттак, преподаватель немецкого языка Их Императорских Высочеств великих княжон Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны // РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (Вн. оп. 208/2706). Д. 253. Л. 3.

43 Клейненберг Эрих Карлович (1878–1939), помимо Николаевского Сиротского института, преподавал немецкий язык на Высших женских (Бестужевских) курсах. С 1915 по 1928 гг. занимал пост директора Петришуле.

44 Тютчева С. И. За несколько лет до катастрофы. С. 67.

45 О приискании преподавателя английского языка для августейших дочерей Их Императорских Высочеств // РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (Вн. оп. 211/2709). Д. 268. Л. 1.

46 Там же. Л. 1.

благородных девиц Ю. Балльи-Конта, получившего следующую характеристику от воспитателя сыновей великого князя М. И. Бородина: «Высокого роста, сутуловатый. 32–33 лет, кажущийся старше, солидный, благовоспитанный, но немного мешковатый. Семь лет назад окончил Сорбоннский университет в Париже и пожелал остаться при университете профессором французской литературы. Ему предложили заниматься изучением другого языка, и он выбрал русский. Занимался, в том числе, преподаванием французского в лицее Святой Варвары во Франции в старших классах один год»⁴⁷.

Судя по отзыву полковника Бородина, несмотря на отсутствие опыта в преподавании маленьким детям, обучение проходило успешно. Однако графа Я. Н. Ростовцева смутил тот факт, что после приезда в Россию Балльи-Конт занимался изучением масонства. Несмотря, на то, что «<...> масонством г. Bailly-Conte занимался, по его собственным словам, с целями исключительно научными. Личных же отношений к современному масонству у него никакого нет»⁴⁸, ему было отказано, и начались поиски нового кандидата.

На этот раз учителем французского языка был рекомендован швейцарец П. Жильяр, преподававший детям герцога Георгия Лейхтенбергского, а также состоявший воспитателем его сына Сергея. Жильяр понравился Александре Федоровне и приступил к обучению великих княжон. Впоследствии он так отзывался о своих ученицах: «Исключая Ольгу Николаевну, великие княжны были довольно посредственными ученицами. Это отчасти происходило оттого, что, несмотря на мои непосредственные просьбы, Императрица не захотела взять французскую гувернантку, не желая, очевидно, видеть кого-нибудь между собой и дочерьми. В итоге получилось то, что, читая по-французски и любя французский язык, они никогда не научились на нем свободно говорить»⁴⁹.

Французской гувернантки у девочек действительно никогда не было, и лишь единожды, на время отпуска П. Жильяра, в 1913 г. для великих княжон Анастасии и Марии для занятий практическим французским языком была приглашена госпожа Бувье⁵⁰. Занятия приходили в свободной, доверительной обстановке, как правило, на прогулке; с Анастасией Николаевной — пять раз в неделю, с Марией Николаевной — два раза в неделю.

Видимо, тонкости французского языка были заметны только самому Жильяру. Например, об Ольге Николаевне Е. С. Кобылинский писал: «Ольга Николаевна — недурная блондинка — в русском духе. Она любила читать. Была способная, развитая девушка. Хорошо говорила по-французски, по-английски и плохо по-немецки»⁵¹.

Помимо преподавания французского языка, в 1913 г. Жильяр был назначен гувернером цесаревича, отношения с которым сложились не сразу. В конце сентября 1913 г. он писал брату в Швейцарию: «Прибыв сюда, я с трудом принялся за свои дела. Затем начались большие трудности, связанные с моими новыми обязанностями <...> удастся ли мне одолеть враждебность ребенка, который, по большому счету, настроен против должности, которую я занимаю, а не против меня самого? Может быть — удастся ли мне преодолеть трудности, которых в моей работе стало еще больше, чем я предполагал?.. удастся ли мне, наконец, привыкнуть к ужасной ответственности, которая возложена на меня?»⁵².

О первоначальном неприятии цесаревичем своего гувернера говорит и письмо, написанное Алексеем сестрам: «Настя, ты пойдти к сестрам и скажи им, чтобы все с тобой

47 О преподавателе французского языка августейших детей великого князя Константина Константиновича г. Балльи-Конте // РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (Вн. оп. 208/2706). Д. 149. Л. 1.

48 Там же. Л. 2.

49 Жильяр П. Император Николай II и его семья. По личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника цесаревича Алексея Николаевича // Рядом с царской семьей : [сборник]. М., 2013. С. 145–146.

50 Супруга учителя А. Конрада.

51 Наставник... С. 98.

52 Письмо П. Жильяра брату Федерику от 15/28 сентября 1913 г. [Письма, написанные Пьером Жильяром брату Фредерику. 1906–1954. Перевод с франц. яз. 2013 г.] // ГМЗ «Царское Село». Рукописный и исторический архив. Инв. № 2163. Л. 5.

пришли сюда, напали на Ж. месье и бросили его в ширму и на пол»⁵³.

К счастью, отношения Алексея с наставником стали налаживаться, и 30 октября того же года Жильяр написал брату: «Новости, которые я хочу тебе сообщить, к счастью, хорошие. Кажется, что мне удалось укротить сопротивление ребенка. Кризиса, о котором я тебе говорил и который казался неминуемым, удалось избежать»⁵⁴.

Замечая все недостатки образования августейших детей, Жильяр был очарован атмосферой любви и взаимоуважения, царившей в семье Николая II.

Несмотря на рекомендации, выбор учителей не всегда был удачен, особенно среди преподавателей точных наук. Например, с 1904 по 1910 г. учителем математики состоял М. В. Соболев⁵⁵ — преподаватель императора Александра II Кадетского корпуса, в разные годы дававший уроки сыновьям великого князя Константина Константиновича — Иоанну, Гавриилу, Константину, Олегу, Игорю, а также детям великого князя Павла Александровича — Марии и Дмитрию. Однако на поверку выяснилось, что успехи великих княжон неудовлетворительны и необходимо подыскать нового специалиста.

Из отчета Соболева о занятиях с великой княжной Ольгой Николаевной за 1907 г. складывается впечатление, что педагогу не удалось найти нужный подход и заработать авторитет у августейших воспитанниц: «Уроки шли неровно, что обуславливалось настроением ученицы: то нервно-раздражительное, то болтлива, то находчива и сообразительна, то апатична и рассеяна; иногда приходилось откладывать намеченную тему урока <...>»⁵⁶.

9 июня 1910 г. Петров написал графу Ростовцеву конфиденциальную записку, где говорилось следующее: «Результаты обучения Великой Княжны Ольги Николаевны арифметике, по наблюдениям последнего года, оказались значительно ниже удовлетворительных, а попытка преподавателя дать необходимые сведения из геометрии совершенно не увенчались успехом. Главную тому причину следует признать совершенную несостоятельность преподавателя, никогда в классах геометрии не преподававшего. Принимая во внимание, что курс арифметики, несмотря на 6,5 лет его прохождения, оказался незаконченным, что геометрические сведения весьма слабы, наблюдавшая за преподаванием воспитательница великих княжон С. И. Тютчева считает необходимым, пока еще не поздно, принять меры и вручить преподавание другим лицам»⁵⁷.

Сам М. В. Соболев, видимо, остался собой доволен, о чем свидетельствует записка в Канцелярию императрицы, о получении подарка при увольнении: «Не знаю, — какой именно подарок мне предназначен, но хотелось бы такой, который можно носить постоянно при себе и показывать лицам, знавшим о моих учебных занятиях с Великими Княжнами и таким путем убеждать их в Милостивом освобождении меня от вышеупомянутых занятий. Не имеете ли Вы кого-либо знакомых в Камеральной части Кабинета, чтобы похлопотать о предоставлении мне права выбора»⁵⁸.

53 Письма к великой княжне Анастасии Николаевне наследника цесаревича Алексея Николаевича, брата // ГА РФ. Ф. 683. Оп. 1. Д. 7. Л. 7 об.

54 Письмо П. Жильера брату Фредерику. 17/30 октября 1913 г. [Письма, написанные Пьером Жильером брату Фредерику...]. Л. 7.

55 Соболев Михаил Викторович (1851–?) — сын землемерного ученика, воспитывался в учительской семинарии Военного ведомства. По окончании курса семинарии в 1870 г. Приказом Главного начальника военно-учебных заведений за № 31 назначен учителем в Санкт-Петербургскую военную прогимназию. Преподавал в Александровском кадетском корпусе. В 1906 г. был произведен в статские советники с увольнением, по прошению, от службы с мундиром и пенсией из Государственного казначейства и эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства.

56 Отчеты Соболева о занятиях по арифметике с великой княжной Ольгой Николаевной, великой княжной Марией Николаевной и великой княжной Татьяной Николаевной // ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 8. Л. 11 об., 12

57 О вознаграждении преподавателя великой княжны Ольги Николаевны колл. сов. Соболева // РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (Вн. оп. 205/2693). Д. 25. Л. 13.

58 О вознаграждении преподавателя великой княжны Ольги Николаевны колл. сов. Соболева // РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (Вн. оп. 205/2693). Д. 25. Л. 35–36.

На место Соболева стали подыскивать кандидата, который смог бы «подтянуть» арифметику и начать преподавать курс физики старшим княжнам. Среди кандидатов значились преподаватели вузов Я. И. Ковальский, Дрептельн, Ковленко, Сазонов, Яковлев и Э. П. Цытович. 9 июня 1910 г. П. В. Петров писал: «С осени настоящего года предложено начать занятия физикой с великой княжной Ольгой Николаевной. За невозможностью, по недостатку времени и по другим причинам, пройти полный курс этого предмета в объеме даже женских учебных заведений, где предмет этот изучается в течение трех лет, предполагается ограничиться преподавательским курсом при непременно условии занятий на приборах в физическом кабинете <...> Очевидно, что известный в педагогических кружках очень талантливый преподаватель математики и физики, располагающий богатым физическим кабинетом и проживающий в Царском Селе г. Цытович может с успехом пройти требуемый курс, устраняя собою всех кандидатов. Сверх опыта в преподавании физики, г. Цытович имеет не меньший опыт в преподавании арифметики и других отделов математики»⁵⁹.

Приступив к обучению великих княжон, Эраст Платонович «сумел заинтересовать своих учениц, и они полюбили его уроки»⁶⁰, с особым увлечением посещая физический класс.

Еще одним «неудачным» учителем оказался преподаватель истории и географии Б. И. Бируков⁶¹, на смену которому в 1908 г. пришел университетский товарищ П. В. Петрова — директор Санкт-Петербургской 12-й гимназии К. А. Иванов.

Петр Васильевич и Константин Алексеевич были одногодками, окончили Санкт-Петербургский университет, оба состояли членами Санкт-Петербургского Педагогического совета. О добрых приятельских отношениях говорит их переписка. Так, в одном из писем от 19 ноября 1909 г. Иванов писал Петрову: «Дражайший Петр Васильевич! Что написать тебе [?] К. А. слегка поморщится, слегка покряхтит <...> и согласится, что иначе поступить нельзя. О подробностях по поводу географии собираюсь поговорить с тобою, напад на тебя в одно из воскресений. Расписание принимаю к сведению. Что ты болеешь, это мне не нравится и даже очень. Еще что? Больше ничего. Целую тебя крепко. Твой К. Иванов»⁶².

Иванов к 1908 г. прошел путь от штатного преподавателя истории и географии при Санкт-Петербургской 5-й гимназии до директора Санкт-Петербургской 12-й гимназии, а в 1914 г., не без участия Петрова, был назначен директором Николаевской Царскосельской гимназии.

26 февраля 1913 г. тайный советник П. В. Петров обратился к графу Ростовцеву: «Не будет ли признано своевременным возбудить ходатайство о перемещении директора 12-й гимназии д. с. с. К. А. Иванова на ту же должность в Царскосельскую гимназию, ввиду предстоящего ухода в отставку нынешнего директора д. с. с. Мора. Такое перемещение, помимо некоторого облегчения бюджета, я считаю чрезвычайно важным для дела, т. к. К. А. Иванов мог бы уделять Августейшим детям любые дни и часы в течение всего дня. В течение Великого поста я лично мог бы подготовить почву, путем переговоров в Департаменте Министерства народного просвещения, если буду уверен, что встречу поддержку с Вашей стороны»⁶³.

Кандидатура была одобрена, и 15 февраля 1914 г. К. А. Иванов вступил в должность директора Николаевской Царскосельской гимназии⁶⁴.

59 Там же. Л. 11.

60 Тютчева С. И. За несколько лет до катастрофы. С. 67.

61 Бируков Борис Иванович (1873–?) — выпускник Императорского Санкт-Петербургского университета. С 1896 г. — профессорский стипендиат Императорского Московского университета. В 1909–1922 гг. — экстраординарный, затем ординарный профессор Императорского Николаевского (Саратовского) университета.

62 Письма П. В. Петрову Иванова К. // ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

63 О вознаграждении преподавателя истории Их Императорских Высочеств великих княжон — К. Иванова // РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (Вн. оп. 211/2709). Д. 228. Л. 8

64 По документам гимназии, он вступил в должность 1 января; Мор умер 9 января. Видимо, Иванов начал фактическую службу в январе 1914 г., а не в феврале, а 15 февраля — это дата документального начала (информация предоставлена Т. Ю. Бровкиной — заведующей музея Николаевской гимназии).

Высоко оценила преподавательские способности Константина Алексеевича С. И. Тютчева: «Историю преподавал директор Петербургской 12-й гимназии Константин Алексеевич Иванов. Его уроки проходили живо и увлекательно, я с удовольствием их слушала. Вообще он был приятный и незаурядный человек, только, к сожалению, мнил себя поэтом и засыпал меня своими весьма слабыми стихами»⁶⁵.

Курс истории делился на два раздела: всеобщая история и история России. Составлялись курсовые программы по каждому предмету на год вперед, с указанием содержания объема, методов преподавания и числа еженедельных часов. Руководства и классные пособия отвечали современным научным и учебным требованиям того времени. Августейшие ученицы изучали географию Америки, Европы, Азии, Африки и наиболее подробно — России.

Константин Алексеевич не прекратил общения с великими князьями и после отречения императора Николая II и особо выделял великую княжну Марию, которой в июле 1917 г. он написал: «Мария Николаевна! Сердечно приветствую Вас с днем Вашего Ангела и задушевно желаю Вам от имени своих и своего всего наилучшего. Никогда не забуду наши милые уроки дома, усердия, сердечного внимания и желания не только знать, но и понимать, всегда восхищали меня. Да хранит Вас Господь! Ваш бывший учитель Иванов»⁶⁶.

В заключение хочется отметить особую роль состоявшей при великих князьях с 1907 по 1912 гг. С. И. Тютчевой, которая желала, «чтобы воспитание детей приняло более серьезный характер, чем предполагали сами августейшие родители»⁶⁷. Судя по датам, именно с ее приходом началась смена преподавательского состава. Из ведомственной переписки видно, что Тютчева детально вникала в обучение великих княжон, стараясь вместе с П. В. Петровым пригласить лучших преподавателей, а при необходимости увольнения всегда находила нужные слова, чтобы никого не обидеть. Бесценны ее воспоминания об учителях, в них видна острота ее ума, способность трезво оценивать события и людей.

Система, методы и характер преподавания, изложенные в данной статье на основе изученных архивных документов и мемуаров, не претендуют на полноту и завершенность в изучении данного вопроса.

REFERENCES

- Buksgevden S. K. *Zhizn' i tragediya Aleksandry Fedorovny, imperatritsy Rossii* [Life and tragedy of Alexandra Feodorovna, Empress of Russia. Memories in three books]. In 3 books. Book 3: Before the storm. Moscow, Lepta book, Veche, Grif, 2012. 800 p. (In Russian)
- Den Y. A. *Podlinnaya tsaritsa. Vospominaniya blizkoi podrugii gosudaryni imp. Aleksandry Fedorovny* [The true queen: Memoirs of a close friend of the empress imp. Alexandra Fedorovna]. Vorres J. *Poslednjaja velikaja knjaginja: Vospominaniya velikoj knjagini Ol'gi Aleksandrovny* [The last Grand Duchess: Memoirs led. Princess Olga Alexandrovna]. Moscow, Terra-Kn. club, 1998. 414 p. (In Russian)
- Girardin D., Gilliard P. *Ryadom s Tsarskoi sem'ei* [Next to the Royal family]. Moscow, Veche, 2013. 304 p. (In Russian)
- Nastavnik. Uchitel' tsesarevicha Alekseya Romanova: Dnevnik i vospominaniya* [Mentor. Teacher of Tsarevich Alexei Romanov: Diaries and Memoirs]. Moscow, Patriarchal courtyard of the temple of the brownie mts. Tatiana at Moscow State University, 2013. 704 p. (In Russian)
- Sablin N. V. *Desyat' let na imperatorskoi yakhte «Shtandart»* [Ten years on the imperial yacht Shtandart]. St. Petersburg, Petroniy publishing house, 2008. 384 p. (In Russian)

65 Тютчева С. И. За несколько лет до катастрофы. С. 67.

66 Письмо, адресованное великой княжне Марии Николаевне от К. А. Иванова. Июль 1917 // ГМЗ «Царское Село». Музейная коллекция «Рукописные материалы». Инв. № ЕД-403/29-ХV. Л. 195.

67 Саблин Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008. С. 326.

ВОСПИТАНИЕ НАСЛЕДНИКОВ

► МЕТОДИКА ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В. НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННЫХ КНИГ

СПАЩАНСКИЙ АНДРЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

Хранитель музейных предметов,
Государственный музей-заповедник
«Петергоф»

198516, Россия, Санкт-Петербург, Петергоф,
ул. Разводная, д. 2

strelna@peterhofmuseum.ru

В статье рассматриваются два сочинения французских сочинителей-педагогов второй половины XVIII века Ж.-М. Лепренс де Бомон и А.-Ф.-Ж. Фревиля, предназначенные для воспитания детей. Лепренс де Бомон была автором книг для разных классов общества, от дворян до разночинцев, но вошла в историю благодаря «Детскому училищу», в котором воспитательная теория изложена в диалогах учительницы с ее малолетними ученицами, а хорошее или дурное поведение представлено примером героев нравоучительных сказок или Священного Писания. Фревиль в «Истории славных собак», впервые изданной в период Французской революции, обращался к ребенку независимо от его происхождения и предложил другой способ воспитания — на примере животных, а именно собак, ибо полагал, что они наиболее «сообразны» малышам и поэтому окажут на них наибольшее действие. Лепренс де Бомон и Фревиль были педагогами-практиками и на страницах своих сочинений изложили передовые учебные теории, которые могли найти применение не только в Европе, но и в России.

Ключевые слова: Лепренс де Бомон, Фревиль, детское училище, детская литература, воспитание

► METHODOLOGY OF EDUCATION OF CHILDREN IN THE SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY ON THE EXAMPLE OF FOREIGN BOOKS

SPASHHANSKIJ ANDREJ
NIKOLAEVICH

Curator of museum items, The Peterhof State
Museum Reserve

2, Razvodnaya st., Peterhof, St. Petersburg,
198516, Russia

strelna@peterhofmuseum.ru

The article deals with two works by French writers-teachers of the second half of the eighteenth century, J.-M. Leprince de Beaumont and A.-F.-J. Freville, intended for the upbringing of children. Leprince de Beaumont was the author of books for different classes of society, from nobles to commoners, but went down in history thanks to the “Magasin des enfants”, in which the educational theory is set out in the dialogues of the teacher with her young students, and good or bad behavior is represented by the example of the heroes of moralizing tales or Holy Scripture. Freville, in his “Histoire des chiens célèbres”, first published during the French Revolution, addressed the child, regardless of his origin, and proposed another method of education — the example of animals, namely dogs, because he believed that they were the most “consistent” with babies, and therefore will have the greatest effect on them. Leprince de Beaumont and Freville were practicing teachers, and in the pages of their writings they set out advanced educational theories that could be applied not only in Europe, but also in Russia.

Keywords: Leprince de Beaumont, Freville, magasin des enfants, books for children, education

Тема «Детство во дворце», заявленная в названии конференции, предполагает изучение не только материального окружения малолетних обитателей дворцов, их взаимоотношений друг с другом и со взрослыми, но и их воспитания. Кто и как это делал? На примере каких изданий? Детская литература не слишком часто привлекает внимание исследователей. Ее изучение осложняет плохая сохранность детских книг, ибо, как писал еще в 1927 г. Н. В. Чехов, многие из них известны только по названиям¹, а сохранившиеся даже сейчас далеко не все введены в научный оборот. По этой причине мы не имеем полного представления о распространившихся в разное время идеях и методах обучения.

Считается, что детская литература зародилась на рубеже XVII–XVIII вв. Среди ранних книг были азбуки и наставления, подобные отечественному «Юности честному зерцалу» 1717 г., дававшие первоначальные знания или рекомендации, как следует поступать в той

1 Чехов Н. В. Очерки истории русской детской литературы (1750–1855) // Материалы по истории русской детской литературы. М., 1927. Вып. 1. С. 22.

или иной ситуации. Некоторые сочинения давно стали классикой и не воспринимаются нами в качестве назидательно-воспитательных пособий для подрастающего поколения. Например, сказки Шарля Перро, впервые опубликованные в сборнике «Истории, или Сказки былых времен» в 1697 г., в наше время чаще всего выходят в адаптированном переводе и без нравоучительных стихов, помещенных после каждой из них и объясняющих их мораль, поэтому кажутся нам всего лишь занимательными рассказами о волшебницах, принцах и принцессах и разных превращениях². «История Телемака» Франсуа Фенелона 1699 г. вообще исполняла роль энциклопедии, ибо содержала множество разнообразных знаний. А. Т. Болотов, будучи уже взрослым, вспоминал свои детские годы и восторгался этой книгой: «Не могу довольно изобразить, сколь великую произвела она мне пользу!.. Сладкий пиитический слог пленил мое сердце и влил в меня вкус к сочинениям сего рода и вперил любопытство к чтению и узнанию дальнейшего. Я получил чрез нее понятие о митологии, о древних войнах и обыкновениях, о Троянской войне, и мне она так любила, что у меня старинные брони, латы, шлемы, щиты и прочее мечтались беспрерывно в голове, к чему много помогали и картинки, в книге находившиеся»³. Для русского юношества она имела еще большее значение, ибо отечественных книг, по замечанию мемуариста, в середине XVIII в. было крайне мало и ребенку «нигде получить книг для чтения» было невозможно⁴.

Но в мире все подвержено переоценке, и спустя столетие и «Телемак», и «Жиль Блас» Ален-Рене Лессаж — еще одно сочинение для детского чтения в XVIII в. — уже казались «бестолковыми», вызывавшими в юных читателях одну зевоту и навсегда внушавшими к себе отвращение только потому, что те в силу своего возраста не могли понять всей их прелести⁵. А что могли бы сказать в середине XIX в. о других источниках знания минувшего столетия — историях древних полководцев, речах Цицерона, житиях святых и даже о торжественных речах, зачитываемых на погребении великих людей!

Важный шаг был сделан в 1756 г., когда в Лондоне на французском языке вышел четырехтомник «Детский магазин, или Разговоры мудрой воспитательницы с ее ученицами знатного рождения» (“Magasin des enfants, ou Dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses Élèves de la première distinction”)⁶. В России он стал известен под названием «Детское училище, или Нравоучительные разговоры между учительницею и ученицами», и так мы его будем называть далее.

Это сочинение не относится к числу забытых, но вспоминают о нем преимущественно в связи со «Сказкой о Красавице и Звере» (у нас она известна под названием «Красавица и Чудовище»), опубликованной в первом томе. Она настолько известна, что погружает в глубокую тень и другие назидательные рассказы, опубликованные в «Детском училище», и сам этот большой и небезынтересный даже в наше время труд. Его автор — **Жанна-Мария Лепренс де Бомон (1711–1780)**, француженка, в молодые годы служившая учительницей пения при детях герцога Лотарингского в Люневиле. В 1748 г., после развода с супругом,

2 Именно из этих нравоучений мы узнаем, что сказка о Синей Бороде рассказывала о неудобстве брака по расчету, о дурных последствиях любопытства и о неотвратимом наказании обмана. Сказка о Красной Шапочке заставляла молодежь, особенно «прекрасных, ладных и прелестных девушек», остерегаться ласковых и льстивых слов; о Коте в сапогах — внушала мысль о необходимости труда, невзирая на наследство и богатство и т. д. Подробнее: [Перро Ш.] Повести волшебные на российском и французском языках с нравоучениями, сочиненные Господином Перольтом для детей. М., 1805.

3 Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: 1738–1757. СПб., 2021. Книга первая. С. 117.

4 Там же.

5 *Le prince de Beaumont. Le Magasin des Enfants. Paris, 1865. P. VI.*

6 В описываемое время французское слово «magasin» имело значение «склад, хранилище», поэтому в контексте книги его стоит понимать как «хранилище знаний». Во французских изданиях название немного варьировалось и различалось написание имени автора.

она переехала в Англию и посвятила себя воспитанию благородных англичанок, а позднее вернулась на родину. Свои знания и применявшиеся методы она изложила в сочинениях, позже получив лестное, но заслуженное прозвище «бабушки всех европейских детей».

Вслед за «Детским училищем» в 1760 г. из печати вышел, теперь уже во Франции, «Юношеский магазин» (“Le Magasin des adolescents”), который в России издавался под названием «Юношеское училище», «Наставление юным господам, вступающим в свет и в замужество, их должности в сем состоянии и в отношении к их детям» (“Instructions pour les jeunes dames qui entrent dans le monde et se marient, leurs devoirs dans cet état et envers leurs enfants”), в 1768 г.— единственное в своем роде воспитательное пособие для представителей среднего класса «Магазин для бедных, ремесленников, прислуги и крестьян» (“Magasin des pauvres, artisans, domestiques et gens de campagne”) и др. Некоторые из них были переведены на английский, польский, русский, а в 1792 г. даже на греческий язык. Через столетие, когда в 1860-х гг. во Франции готовилось очередное переиздание главного сочинения Лепренс де Бомон, публикатор восторженно писал: «Детское училище, сколь волшебное название! Сколь счастливые воспоминания оно побуждает в нас! Оно озаряет наше детство ярким светом; в его благотворном сиянии показываются видения, в прошлые годы чаровавшие нас»⁷.

Между тем сама писательница не надеялась на успех своего труда и долго не верила, что книга будет принята «образованными людьми», тем более напечатана. «Когда я отважилась предьявить „Магазин“ публике,— признавалась она,— я не предвидела всех тягот своего дела. Это сочинение в своем существе, каковым я вознамерилась его написать, таково, говорила я сама себе, что образованным не полюбится <...> Наконец, в прошлое лето я окончила возложенный на себя тягостный труд и, в страхе за неуспех, передала рукопись многим разным особам. Каково же было мое изумление! Многие, коих испытанный вкус мог стать мерилом, заверили меня, что книга до того их позабавила, что не смогли оставить ее, покуда не прочли до конца. Сей нечаянный успех привел меня в уныние. Я желала трудиться для детей, но не преуспела, ибо образованных мой труд позабавил. В моей голове утвердился страх, мне понадобились другие судьи, и таковых я сыскала между воспитанниками разных возрастов. Дитя возрастом шести лет увлеклось этим сочинением столь же много, как и дети десяти и пятнадцати лет. Многие между них, в которых я даже не чаяла вселить вкус к учению, с жадностью слушали чтение, а мне о ином и не оставалось мечтать, и сие убедило меня в успехе»⁸.

Ободрила писательницу и неожиданная денежная помощь русского двора⁹, благодаря которой был напечатан первый том. Три других появились по подписке. Среди первых и важнейших подписчиков оказались императрица Елизавета Петровна и все члены ее высочайшей семьи, К. Г. Разумовский, И. И. Шувалов, Б. А. Куракин и др. Правда, к малолетнему Павлу Петровичу книга попала только 18 января 1765 г. В дневнике его воспитателя С. А. Порошина в тот день записано: «Принесли купленные по моему совету для его высочества две книги: Magazine des enfans и Magazine des adolescents. Переплетены они были а ла грек чрезвычайно хорошо. Его высочество очень любоваться ими изволил»¹⁰.

7 *Leprince de Beaumont. Le Magasin des Enfants...* P. X.

8 *Leprince de Beaumont. Magasin des enfans, ou Dialogues d'une sage gouvernante et plusieurs de ses élèves de la première distinction.* Lyon, 1780. Т. 1. P. III–V.

9 *Ibid.* P. XXII.

10 Русский Гамлет / Сост. А. Скоробогатова. М., 2004. С. 163. В свое время исследователь Н. А. Копанев предположил, что экземпляры именно этого издания сейчас хранятся в собрании Российской национальной библиотеки (современный шифр: 36.27.10.36) и запись нетвердой рукой по-французски на авантитуле второго тома («Я начинаю изучать сахар») сделана рукой малолетнего наследника престола). Но не все с этим согласны, в частности, С. В. Королев, который считает, что экземпляры, упомянутые С. А. Порошиным, не сохранились. Переплет находящихся в библиотеке томов, по его словам, обычный для своего времени, тогда как переплет «а ла грек» должен был иметь особенности, которые бросались в глаза. Выражаю благодарность С. В. Королеву за исчерпывающую информацию об экземпляре «Magasin des enfans» из собрания РНБ.

Первое русское издание не заставило себя долго ждать. В типографии Сухопутного кадетского корпуса в Петербурге два первых тома в переводе Петра Свистунова были напечатаны в 1761 г., спустя два года вышел третий, а последний — в 1767 г. И каждое следующее десятилетие вплоть до конца 1810-х гг., если не дольше, из российских типографий выходили новые книги — иногда в новых переводах, с некоторыми изменениями в тексте и даже двуязычные, о чем свидетельствует петербургское издание 1794 г. из собрания ГМЗ «Петергоф»¹¹. ❶

Чем «Детское училище» было необычно и какой способ образования оно представляло? Главным его достоинством стало обращение к женщинам, из которых, как правило, готовили «добрых жен» (т. е. способных вести разговор, танцевать и играть на музыкальных инструментах) и хозяйек (управляющих прислугой). Лепренс де Бомон предложила развернутую программу развития ума и сердца, которую можно было освоить самостоятельно, без помощи учителя. С этой целью весь материал был разделен на «Разговоры» (dialogues) воспитательницы госпожи Добронравовой (madame Bonne) с ее воспитанницами, как и она, имеющими говорящие имена: госпожи Благоразумова (Sensée), Остроумова (Spirituelle), Вертопрахова (Babiole), Неугомонова (Tempête, в некоторых более поздних русских переводах — Буянова), а вместе с ними госпожи Молли, Шарлотта и Мэри (в русском переводе эти имена указаны одной заглавной буквой), каждая от пяти до тринадцати лет.

Подача учебного материала построена следующим образом. Воспитательница рассказывает сказочную или библейскую историю, а затем со своими ученицами обсуждает заложенную в ней мораль и поступки героев. Именно такой способ позволял читателю лучше понять мысль, усвоить знание и даже пройти обучение самостоятельно, без помощи домашнего учителя, тем более что и некоторые сказочные персонажи приобретали нужные знания и становились грамотными, знающими свое дело через самостоятельное чтение книг. Это лишний раз подтверждало пользу самообразования.

Каждая сказка имела свое нравоучение. Например, «Сказка о принцах Злосчастном и Счастливом» давала понять, что людей любят не за знатный род и достаток, а за добродетель. «Сказка о Вдове и двух ее дочерях» внушала мысль, что для счастья нужно иметь только самое необходимое и не стоит желать лишнего. Наконец, «Сказка о Красавице и Звере» несла еще одну важную для благородных женщин той эпохи мысль: брак не всегда совершается по склонности сердца, а муж не всегда будет молод и красив, чем сперва даже вызовет к себе неприязнь; однако, прожив с ним и привыкнув к нему, девушка полюбит его не за внешность, а за доброе сердце.

Известно, что источником этого повествования послужило одноименное сочинение французской писательницы **Габриель-Сюзанны де Вильнёв** (1685–1755), впервые опубликованное в 1740 г. в сборнике «Юная американка и морские сказки». В посмертном издании 1765 г. «Сказки госпожи де Вильнёв» (“Contes de Madame de Villeneuve”) она занимает целых полтора тома карманного формата и имеет продолжение — историю Зверя¹². В ней множество обстоятельных описаний, длинных размышлений и диалогов.

11 Лепренс де Бомон. Детское училище или Разговоры благоразумной наставницы с благородными воспитанницами. СПб., 1794. Ч. I. // ГМЗ «Петергоф». Фонд редкой книги. ПДМП 2560-рк (получено в 2015 г. из библиотеки Академии художеств). Судя по данным электронной базы «Госкаталог», книга имела огромное распространение в России, ибо ее французские и русские экземпляры разных лет хранятся в музеях и библиотеках не только Москвы и С.-Петербурга, но также Вытегры, Великого Новгорода, Ростова Великого, Ярославля, Екатеринбурга, Енисейска и др.

12 Тексты XVIII и XIX вв. представляют Зверя в непривычном для нас образе, хотя обстоятельного описания его нигде нет. У госпожи де Вильнёв это «чудовищный исполин», «ужасный зверь», который при первой встрече с купцом охватил его шею «хоботом наподобие слоньего». Лепренс де Бомон дает еще меньше подробностей. У нее это просто «ужасный зверь». Французские иллюстраторы XIX в. изображают либо огромного льва, либо химеру. Только в XX в. он приобретает знакомый нам вид. Поведение его тоже отличается от привычного нам. Он постоянно видится с Красавицей, гуляет с ней и ведет долгие беседы, а у госпожи де Вильнёв несколько раз даже просит Красавицу позволить ему спать с ней, но всегда получает отказ.

Можно сказать, что Лепренс де Бомон избавила ее от ненужных подробностей, максимально сжала и превратила в настоящий шедевр.

Гораздо больше пользы, по мнению автора, мог принести пример героев Священного Писания, ибо они были взяты из жизни, пусть и древней, тогда как сказочные персонажи были придуманы и годились только детям. Так, история Авраама и Сарры внушала девушке мысль о необходимости труда, невзирая на свое знатное происхождение. «Госпожи того времени, свет мой, не были столь ленивы, как времени нынешнего. Сарра была подобна прочим принцессам, и, однако же, она смотрела за домом своего супруга и сама приготавливала кушанье, юные же девицы водили быков на водопой; все трудились <...> Ежели же нынче господам не пристало заниматься приготовлением кушаньев, то им должно стараться о домашней экономии и о прислуге; должно также помнить, что благовоспитанной госпоже надлежит быть управительницею в доме своего супруга», — так роль жены благородного происхождения представляла воспитательница. Этому одна из юных учениц возразила: «Но, сударыня, сие невозможно, ибо госпожа не имеет на то времени; ей надобно идти к друзьям, в комедию или в оперу». Тогда мудрая наставница объяснила: «Помни, свет мой, что я тебе рассказала. Бог послал вас на землю не для игры или бегания по друзьям и по театрам. В театр можно ходить ради отдохновения, но весьма дурно опречь сего ничего не делать. Таковых Господь наказывает, ибо они забывают о своем долге, и сие есть великий грех»¹³.

Некоторые наставления — например, об употреблении малолетними дворянками вина — сейчас могут показаться совсем не детскими, но, очевидно, они были необходимы в Англии описываемого времени: «Для женщины оскорбительно слышать, что она пьет изрядную меру вина, пунша и крепких наливок. Через сие вы видите, что надлежит беречься дурных привычек; впрочем, вы можете пить вино, когда вам дают оно, хоть я и полагаю, что вам дадут самую малость, но весьма дурно требовать вина, тем более пить без чьего-нибудь дозволения»¹⁴.

В книге немало других сведений, полезных для представителей обоих полов: об удовольствиях сельской жизни, о семи чудесах света, о происхождении слов, факты из истории и географии и др. Часть необходимых знаний о Великобритании автор зарифмовала для удобства детей, превратив их в запоминающийся стишок, и воспитанницы охотно его рассказывают:

L'Angleterre, l'Irland et le peuple Ecossois
Ne sont qu'un seul etat, jadis en faisoient trois.
Gouverné par different princes
Dans le premier on voit quarante-deux provinces...¹⁵
(Англия, Ирландия и Шотландцев сторона
Когда-то были разные, но ныне одна страна.
В первой видят две и сорок областей,
Все под управлением могущественных князей...).

Переводчики описываемого времени с оригиналом обращались очень вольно, позволяя себе не только вставки и изъятия, но иногда полную редактуру текста. В результате получалось почти самостоятельное произведение. Первый переводчик «Детского училища» П. Свистунов не был столь радикален. Дав довольно точный перевод, он всего лишь приспособил книгу для отечественного читателя. Так, вместо большого авторского введения, в котором Лепренс де Бомон излагала историю написания и издания книги и объясняла ее задачи, русский читатель смог прочитать пространное рассуждение о проблемах женского воспитания. В третьем томе вместо рассказа о Шотландии переводчик поместил обстоятельный рассказ о России, ее губерниях и примечательных городах, чем восполнил недостаток

13 *Leprince de Beaumont. Magasin des enfants...* 1780. Т. 1. P. 153–154.

14 *Ibid.* P. 122.

15 *Leprince de Beaumont. Magasin des enfans, ou Dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses Élèves de la première distinction. Londres, 1756.* Т. 3. P. 526–527.

специальной отечественной литературы. «Это, сударыня, — сокрушался он, — очень удивительно, что иностранные люди землю нашу описывают, а мы, в ней живучи, ничего не знаем или, по крайней мере, обстоятельного описания не имеем»¹⁶. Там же он посчитал нужным рассказать о «госпожах», которые, «будучи сами бедны, не могли давать нищим денег, однако вместо того работали для нищих, починивали их платье и им отдавали»¹⁷, чем представил читателям еще один образец добродетели и человеколюбия. А в конце первого тома он продолжил рассказ французского автора о трудолюбивых королях, не жалеющих сил ради счастья своего государства, развив мысль о том, что добрый король — отец своим подданным. «Государь великий ни на одну минуту не имеет себе покоя», — утверждала Лепренс де Бомон устами воспитательницы¹⁸. В подтверждение слов переводчик привел в пример Петра Великого, его супругу Екатерину Алексеевну и еще царствовавшую в 1761 г. их «дщерь вселюбезнейшую Государыню Императрицу Елизавет Великую». «Благодетяния их народу неизреченные, щедроты неисчислимы, труды неудобопонятные! Им одним должны мы просвещением, славою, спокойствием, изобилием; словом сказать, Им одним должны мы нашим благополучием, которым мы теперь наслаждаемся. Из сего заключайте вы, сколь много может произвести Государь трудолюбивой!» — таким панегириком, отсутствующим в оригинале, завершается первый том русского издания «Детского училища»¹⁹.

Во Франции книга издавалась очень часто, даже в период Французской революции, которая отменила многие правила, освященные временем, и христианскую мораль, которая легла в основу сочинения. Последние известные нам публикации датируются 1880-ми гг. Долгое время она оставалась образцом для других авторов. Например, в форме разговора «одной госпожи с ее детьми» А. Т. Болотов составил учебное пособие в 1770-х гг.²⁰, а в форме «наставления отца своим детям» о религиозном воспитании в те же годы рассказал А. Трембли²¹.

Лепренс де Бомон «Детским училищем» открыла удобный путь для воспитания, по которому можно было идти дальше, однако следующее поколение сочинителей-педагогов показало, что он был не единственным.

Среди авторов 1790-х и начала 1800-х гг. следует назвать забытого в наше время, но известного при жизни плодovitого французского писателя **Анн-Франсуа-Жоакена Фревиля** (1749–1839). Подробные биографические данные нам почти не известны, и судить о нем мы можем по названиям его произведений и анонсам его трудов во французских альманахах. Литературную деятельность он начал в 1760-х гг. с перевода английских текстов. Первые оригинальные его сочинения датируются 1790-ми гг. — это разнообразные очерки об образовании, домашнем воспитании и орфографии французского языка. Интерес именно к этой теме связан, вероятно, с его должностью профессора изящной словесности в центральной школе Сены и Уазы, которую он занимал в конце XVIII в.²²

Самое известное среди его многочисленных произведений — «Жизнь славных детей» («*Vie des enfants célèbres*»), впервые изданное в середине 1790-х гг. и в последующие 50 лет выдержавшее во Франции более восьми переизданий. Оно подавало детям образец добродетелей на примере их сверстников. Это было очень удобно, тем более что такие примеры можно было тиражировать и даже объединять в темы. Например, в 1840 г. там же, во Франции, появилась небольшая книжечка Евгении Фoa «Маленькие музыканты» («*Les Petits musiciens*»), напечатанная большими буквами и с литографическими иллюстрациями,

16 Лепренс де Бомон. Детское училище или Нравоучительные разговоры между учительницей и ученицами. СПб., 1763. Ч. 3. С. 35.

17 Там же. С. 32.

18 *Leprince de Beaumont*. *Magasin des enfants*... 1780. Т. 1. P. 203.

19 Лепренс де Бомон. Детское училище... СПб., 1761. Ч. 1. С. 321.

20 Современное издание: Болотов А. Т. Детская философия. СПб., 2012.

21 *Thrembley A*. *Instruction d'un père à ses enfants sur la religion naturelle et revêlée*. Genève, MDCCCLXXIX. Т. 1–4.

22 *La decade philosophique, littéraire et politique*. Paris. an XI [1804]. P. 232.

которая рассказывала малолетним читателям об их сверстниках, впоследствии ставших знаменитыми музыкантами: Палестрине, Тартини, Гайдне, Моцарте и др. Таким же способом при желании можно было рассказать о будущих архитекторах, писателях и др.

Русский читатель познакомился с «Жизнью славных детей» в 1800 г., когда в Москве вышел ее русский перевод, но вряд ли нашел для себя полезной, ибо история юных Франческо Микели, Амвросия де Буфлера, Людовика Бургундского и множества им подобных вряд ли была ему знакома и близка, как и нам сейчас. Универсальным оказалось сочинение Фревиля «Прекрасные черты юного возраста» (“*Beaux traits du jeune âge*”, изд. 2, 1818), посвященное известным и безвестным, но не менее добродетельным и героическим детям, которые могли побороть дикую собаку и спасти от нее младенца, достать провалившихся в полыню сверстников и т. п.

Нечто новое и совершенно оригинальное Фревилль предложил в своем сочинении «История славных собак» (“*Histoire des chiens célèbres*”), впервые вышедшем из печати в 1796 г. в двух томах. В чем его особенность? Взяв за основу басни, где действующими героями являются звери и насекомые, пример добродетелей он дал в образе друга человека — собаки. Он объяснял, что «звери, как говаривал философ Плотин, суть копия человека, как и мы суть копия Творца, но, к стыду человеческого, чаще надобного эта копия сто́ит много менее оригинала. Это до того верно, что часто нечувствительному человеку предпочитают верную собаку, неблагодарному — признательность льва, производительность же пчелы праздною особе <...> Пример героев и даже самых людей, способных быть образцом через великие добродетели, весьма несообразен с детьми и не всегда будет понят их слабым умом. Но звери, с коими они свыкаются с первых своих дней, и есть самое с ними сообразное, отчего и происходит так, что они всегда оказывают на них великое действие. От того, несомненно, и происходит так, что Эзоп, Федр, Лафонтен и проч. сочли удобным побудить к разговору зверей, что и сделалось полезно для формирования сердца и души юношества. Не быть героем не есть великий позор; стыдно быть ниже зверья в рассуждении чувствования»²³. Такой метод воспитания нам очень хорошо известен по советским мультфильмам, где главных героев исполняли лесные обитатели, собаки, коты и мыши, объяснявшие важность дружбы, взаимопомощи или призывавшие к терпению и взаимоуважению. Очевидно, что Фревилль на этом пути был первопроходцем. **2**

Два первых издания (1796 и 1808), помимо историй собак, содержали множество других знаний: о народностях земли, живых организмах, растениях и пр. А на примере знаменитого Ледяного дворца в Петербурге ребенок узнавал о силе мороза. Не все рассказы соответствовали правде и могли, скорее, внушить неверные представления — как сведения о калмыках, которые, по мнению автора, совершенно не имели носа, а только одно отверстие на лице; их колени были вывернуты наружу, а ступни внутрь²⁴.

Наконец, в 1819 г. из печати вышло последнее издание книги в одном томе под названием «Славные собаки» (“*Les chiens célèbres*”), посвященное исключительно этому виду зверей. Автор провел серьезную работу по поиску соответствующих заявленной теме рассказов в древней истории, средневековых хрониках и повествованиях новейшего времени. Поэтому перед юным читателем предстала целая галерея верных и добродетельных псов: Аргус Одиссея, который прождал хозяина два десятилетия и испустил дух, когда увидел его вновь **3**; Дельта, чей скелет был найден под пеплом Помпей поверх тела своего погибшего хозяина; Генгиск прусского короля Фридриха Великого, который во время войны спас его от плена, в нужный час предупредив о приближении неприятельского войска; Фисбея французской королевы Марии-Антуанетты, которую после революции разлучили с владелицей, но она сохранила ей верность, отказалась есть, перестала подпускать к себе людей и от тоски бросилась в воду. Немало слез ребенок мог пролить над рассказом о понятливой и храброй

23 Freville A.-F.-J. Histoire des chiens célèbres. À Paris, 1808. Т. 1. P. 6.

24 Ibid. P. 200.

Туту, которая по примеру своей хозяйки решила отгонять от ее спящего ребенка-младенца мух, но очень неудачно поймала шершня и умерла от последствий укуса.

Есть в книге рассказы, которые в наше время никак не попали бы в детскую книгу. Например, о кровожадном цирюльнике Оливье Галипо, жившем в Париже XIII в. Он убивал клиентов, разделял их и продавал внутренности своему подельнику — «итальянскому чудовищу» Гримальди, который изготавливал из них паштеты, а оставшееся от тела сбрасывал в ров, выкопанный позади цирюльни. Их преступления были раскрыты верным псом одной из жертв — молодого звонаря соседней церкви: не дождавшись хозяина и почуяв запах крови, зверь начал лаять.

Эта история подсказывает, что в наше время книга может иметь самостоятельное историко-культурное значение, ибо в ней немало повествований о нравах и привычках людей минувших веков. Например, рассказ о собаке Обри де Мондидье, страже короля Карла V, повествует об одном из старинных французских обычаев, когда преступника, чье деяние было очевидно, но бездоказательно, принуждали сражаться с обвинителем на особой арене в центре города и суд решался исходом сражения. В случае с Обри де Мондидье, которого убил некий Макарий из мести за обиду, обвинителем стала борзая собака жертвы: животное вцепилось в горло преступнику, чем и решила сомнения. Удовлетворенный король в память о бесстрашном судье поставил памятник с надписью, призывавшей преступников вовремя опомниться и не совершать греховного деяния. **4**

Переводы этой интереснейшей книги на русский язык нам не известны, но для многих отечественных читателей, тем более для аристократов — главных потребителей французской литературы — чужой язык не был непреодолимым барьером. Приобретение иностранных книг и их чтение не составляло труда, а во многих случаях оказывалось даже предпочтительным, ибо в этом случае читатель получал знания из первых рук, а не в неточном переводе или в пересказе.

Во второй половине XVIII в. европейский и российский рынок стал насыщаться специальной детской литературой. Достаточно сказать, что в нашей стране с 1747 до 1780 г. было издано всего 54 детских книги, в 1780-е гг. — уже 80, а в последнее десятилетие века — 93²⁵. Красноречивым свидетельством изобилия и разнообразия иностранных, переводных и отечественных учебных пособий служат объявления в газете «Санкт-Петербургские ведомости». В них мы находим сообщения о продаже комедии «Голубок», «сочиненной госпожою Жанлис для пользы и забавы детей», и «Детского месяцеслова с историей, географией и хронологией»²⁶, «нового детского училища нравственного воспитания детей»²⁷, «детской физики или разговоров отца с детьми своими касательно до первых понятий Естественной науки с приложением гравированного чертежа»²⁸ и др. Обычно они продавались в книжных лавках, но изредка и у людей неторгового звания. Например, в сентябре 1792 г. швейцар Воспитательного дома распространял не известную в наше время «вновь вышедшую книгу правила благопристойности, кратко и ясно обучающую детей, где и как себя вести и обращаться», причем на нее объявлялась, говоря современным языком, «акция»: цена экземпляра составляла 20 коп., но «кто возьмет 500 экземпляров, тому 100 экземпляров дается даром»²⁹.

25 Чехов Н. В. Очерки истории русской детской литературы (1750–1855)... С. 27.

26 Санкт-Петербургские ведомости. № 98. 1789. 7 декабря. С. 1562. Первое: *Жанлис С.-Ф. де. Голубок.* СПб., 1789 (пер. с фр.). Второе, возможно: *Туманский Ф. В. Детский месяцеслов с краткой историей, географией и хронологией, всеобщей и российской, и примечаниями из астрономии.* СПб., 1787.

27 Санкт-Петербургские ведомости. № 98. 1792. 7 декабря. С. 1920. Новое детское училище нравственного воспитания детей. СПб., 1792 (пер. с фр.).

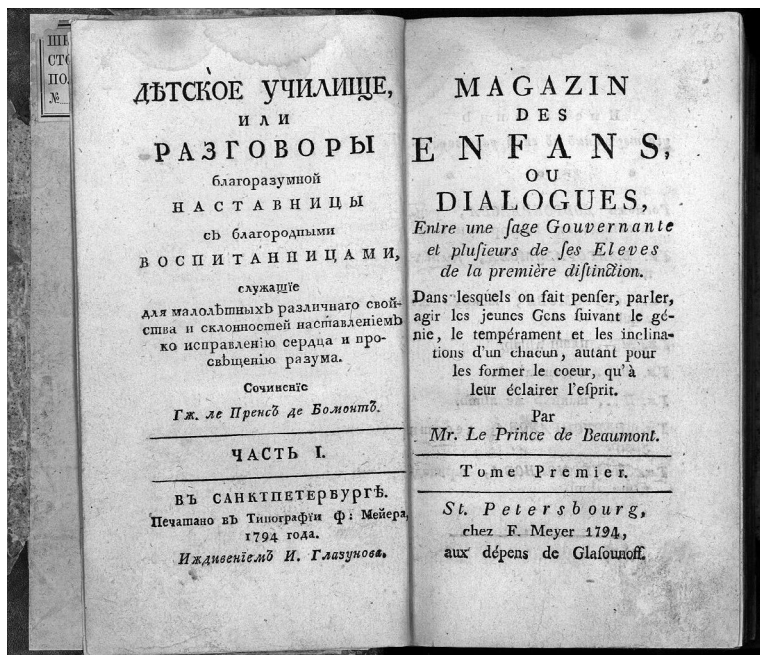
28 Санкт-Петербургские ведомости. № 104. 1792. 28 декабря. С. 2048. Возможно: *Шиц Ф. Б. Детская физика или Разговоры отца с детьми своими касательно до первых понятий естественной науки.* СПб., 1793 (пер. с нем.).

29 Санкт-Петербургские ведомости. № 73. 1792. 10 сентября. С. 1413.

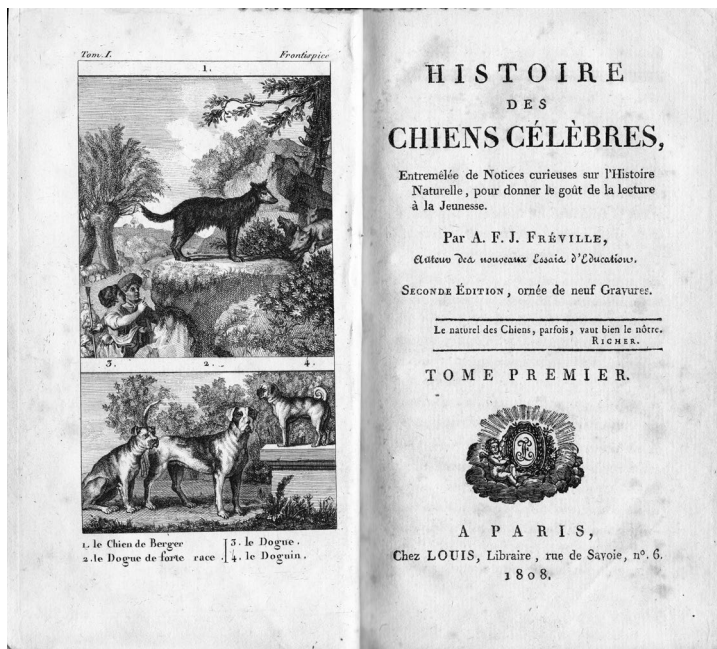
Большинство отечественных учебных книг были переводными либо представляли собой тексты, подражавшие иностранным. Только в 1829 г. в России появилось первое оригинальное сочинение — «Черная курица» Антония Погорельского, которое открыло путь другим авторам, и в стране постепенно стала формироваться своя детская литература и воспитательная система. Русский же восемнадцатый век прошел под эгидой европейской культуры, благодаря чему в страну проникли передовые знания, в том числе и в сфере образования. В их основание были положены теории Ж.-М. Лепренс де Бомон, А.-Ф.-Ж. Фревиля и других просветителей и педагогов.

REFERENCES

- Chekhov N. V. *Ocherki istorii russkoi detskoj literatury* [Essays on the history of Russian children's literature] (1750–1855). Materials on the history of Russian children's literature. M., Issue 1, IMVR, 1927, pp. 19–87. (In Russian)
- Freville A.-F.-J. *Histoire des chiens célèbres* [History of famous dogs]. Paris, 1808. T. 1. [6]. 332 p. (In French)
- La decade philosophique, littéraire et politique* [The philosophical, literary and political decade]. Paris. Year XI. 576 p. (In French)
- Leprince de Beaumont. *Detskoe uchilishche ili Nravouchitel'nye razgovory mezhdou uchitel'nitseyu i uchenitsami* [Children's school or moralizing conversations between a teacher and students]. St. Petersburg, Print. Imperial Land Gentry Corps, 1763. Vol. 1. 323 p. Vol. 3. 300 p. (In Russian)
- Leprince de Beaumont. *Le Magasin des Enfants* [The Children's Magazine]. Paris, 1865. 428 p. (In French)
- Leprince de Beaumont. *Magasin des enfans, ou Dialogues entre une sage gouvernante et plusieurs de ses Élèves de la première distinction* [Children's Magazine, or Dialogues between a wise governess and several of her pupils of the first distinction]. London, 1756. T. 3. 569 p. (In French)
- Leprince de Beaumont. *Magasin des enfans, ou Dialogues d'une sage gouvernante et plusieurs de ses élèves de la première distinction* [Children's Magazine, or Dialogues of a wise governess and several of her pupils of the first distinction]. Lyon, 1780. T. 1. [XXXV], 204 p. (In French)
- Russkii Gamlet* [Russian Hamlet]: collection / Comp. A. Skorobogatov. M., Sergey Dubov Foundation, 2004. 602 p. (In Russian)

1 Лепренс де Бомон
Детское училище, или Разговоры благоразумной наставницы
с благородными воспитанницами. Ч. I
СПб., 1794
Фотограф Д. Г. Яковлев
ГМЗ «Петергоф»

2 Fréville A.-F.-G.
Histoire des chiens célèbres. T. I. Фронтиспис и титульный лист
Paris, 1808
Библиотека А. Н. Спащанского

- 3 **Аргус, пес Улисса, признает своего хозяина после 20 лет по его отъезде и умирает от радости, что увидел его вновь**
Из книги: Fréville A.-F.-G. Histoire des chiens célèbres. T.I.
Paris, 1808
Библиотека А. Н. Спащанского

- 4 **Борзая собака Обри де Мондидье принуждает убийцу своего хозяина сознаться в вине**
Из книги: Fréville A.-F.-G. Histoire des chiens célèbres. T.I.
Paris, 1808
Библиотека А. Н. Спащанского

► ВЛИЯНИЕ ДЕТСТВА НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ПРИМЕРЕ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА III

ШТАНГЕ ЙОРК УЛЬРИХ

Государственный эксперт, Кильский университет; президент, Общество императора Петра III Российского и графа Гольштейн-Готторпского

D-24363, Германия, Хольтзе, Мюльэнганг, д.10

J.Ulrich.Stange@gmail.de

Карл Петер Ульрих родился 21 февраля 1728 года в Кильском замке и был единственным внуком императора Петра I, матерью которого была старшая дочь Анна Петровна. Таким образом, он был претендентом на российский престол. Через семью своего отца, Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, он также имел права на шведский престол. Ему было три месяца, когда умерла его мать. После смерти отца в 1739 году принц оказался под влиянием своего наставника Брюммера, воспитательные методы которого казались недостаточными для княжеского образования. Большая часть обучения, данного в Киле, не соответствовала стандартам образования будущего европейского монарха. После того как императрица Елизавета привезла племянника в Петербург, Якоб фон Штелин был назначен его учителем и воспитателем. Болезни и длительные путешествия привели к дальнейшему дефициту образования у великого князя. После шестимесячного правления, отмеченного серьезными политическими ошибками, император Петр III был свергнут. Исследование во многом основано на записях преподавательского состава принца и других свидетелей из Государственного архива земли Шлезвиг-Гольштейн. Источники убедительно свидетельствуют о том, что причины личных и политических неудач Петра III кроются в неправильном образовании.

Ключевые слова: Петр III, Брюммер, Штелин, Елизавета, Гольштейн-Готторп, Российская империя.

In historical treatises in which, among other things, personality traits of the Russian Emperor Peter III are discussed, authors rarely ask which external influences in his childhood and youth might have shaped the character of the failed monarch. Records of his educators and teachers could provide us with information on this, which are available as archival documents and also in already published form, but have received little attention so far or, at best, have been interpreted inappropriately.

Peter III was born Prince of Holstein-Gottorp on 21 February 1728 in Kiel Castle, the residence of the dukes of the same name. He was baptised a Lutheran with the name Carl Peter Ulrich. Peter III became Emperor of the Russian Empire on 5 January 1762 as heir to the throne of Tsarina

1 There is the shorter and modified variant of an essay on this topic: Eine Kindheit im Schloss. Kindheit und Jugend des Prinzen Carl Peter Ulrich von Holstein-Gottorf im Spiegel der Quellen [A Childhood in the Castle. Judging childhood and youth of Prince Carl Peter Ulrich von Holstein-Gottorf by the sources]. Kieler Zarenbriefe No. 5, Kiel 2022, (Hg.) Der Kieler Zarenverein, pp. 21–39 (In German).

► THE IMPACT OF CHILDHOOD EXPERIENCES ON GOVERNMENT ACTION USING THE EXAMPLE OF EMPEROR PETER III¹

STANGE JOERG ULRICH

State Examination, Kiel University, President of the Society for Emperor Peter III of Russia also Duke of Holstein-Gottorp

Muehlengang 10, D-24363 Holtsee, Germany

J.Ulrich.Stange@gmail.de

Born on 21 February 1728 in Kiel Castle, Carl Peter Ulrich was the only grandson of Emperor Peter I, whose eldest daughter Anna Petrovna was his mother. Thus he was a pretender to the Russian throne. Through the family of his father, Carl Friedrich of Holstein-Gottorp, he also had rights to the Swedish throne. He was three months old when his mother died. After his father died in 1739, the prince saw himself predominantly at the mercy of his educator, Bruemmer, whose pedagogical methods seemed unworthy of a princely education. Much of the instruction given in Kiel did not meet the standards of an education for a future European monarch. After Tsarina Elisabeth had brought her nephew to St. Petersburg, Jacob von Staehlin was appointed his teacher and educator. Illness and long journeys led to further deficits in the Grand Duke's education. After a six-month reign marked by serious political mistakes, Emperor Peter III was overthrown.

The study is largely based on records from the Schleswig-Holstein State Archive of the prince's teaching staff and other contemporary witnesses. The sources provide strong evidence that the causes of Peter III's personal and political failure are to be found in a misplaced education.

Keywords: Peter III, Bruemmer, Staehlin, Elisabeth, Holstein-Gottorp, Russian Empire

Elisabeth (1709–1762). He died a violent death in Ropsha on 17 July 1762 after a reign lasting only six months. His mother, the Duchess of Holstein-Gottorp, Anna Petrovna, was born in 1708 as the eldest daughter of Peter I. Anna was married to Duke Carl Friedrich of Holstein-Gottorf in 1725 at her father's request. Carl Friedrich, a nephew of the Swedish King Charles XII, was a candidate for the royal throne in Stockholm. According to the ideas of Peter I, this union of Anna was intended to pacify the rival relationship between the Russian Empire and Sweden, but also to allow Russian merchants access to the North Sea and the Atlantic via Schleswig-Holstein. As the grandson of the childless King Charles XII, Carl Peter Ulrich of Holstein-Gottorp also had legitimate and realistic claims to the Swedish royal throne. The prince from Kiel was thus considered a candidate for two European thrones.

Anna Petrovna died shortly after giving birth to her child, the only grandson of Peter I, on 15 May 1728 in Kiel. His father Carl Friedrich died on 18 June 1739, also at a relatively young age. Prince Carl Peter Ulrich of Holstein-Gottorp had thus become an orphan at the age of 11. The Duchy of Holstein-Gottorf, which had been severely decimated territorially at Denmark's expense in the peace treaty of Frederiksborg in 1720 was barely able to exist financially. The reign of the duchy was taken over by the cousin of the late Carl Friedrich, the Prince-Bishop of Luebeck, Adolf Friedrich (1710–1771) from the younger line of the House of Holstein-Gottorp. Adolf Friedrich was accepted by the Swedes as heir to the throne in 1751 at the instigation of the Russian Empress Elisabeth in the peace treaty of Abo 1743. As the eldest cousin of the deceased duke, he deprived his brother Friedrich August of his power as guardian of the orphaned prince, thus gaining extensive power over the duchy. In doing so, he did not shy away from taking Carl Friedrich's will without authorization and suppressing it before it was opened². In it, the duke had stipulated, among other things, that the relatively small guard of Holstein officers and soldiers should not be disbanded after his death for reasons of cost, for the guard's parade at the palace was one of the few childhood joys of the orphaned prince. Nevertheless, one of Adolf Friedrich's first acts was to dismiss the guard³. With further measures of purposeful ruthlessness, Adolf Friedrich instrumentalized the guardianship of the prince for himself in order to establish and realize his personal ideas of power.

In November 1742, Elisabeth had officially declared her nephew, Duke Carl Peter Ulrich of Kiel, who was not yet of age, to be the heir to the throne of the Russian Empire, not without the influence of Adolf Friedrich, for whom the succession to the Swedish royal throne thus became free⁴. In this way, the ducal house of Holstein-Gottorp achieved considerable political influence on the policies of two major North European powers.

The first fourteen years of the later Russian Emperor Peter III's life he spent as a half-orphan or full orphan in the ducal castle on the Kiel Fjord. According to the marriage contract between the parents of the Prince of Holstein-Gottorp, Carl Peter Ulrich was brought up as a Lutheran, but was nevertheless granted a possible claim to the Russian Tsar's throne by contract. After the early death of Catherine I, Empress Anna and Ivan VI and his mother, the regent Anna Leopoldovna gained power at the Russian throne from 1730 onwards. This constellation made it seem hopeless that Peter I's only grandson could have a realistic chance of winning the Tsar's crown. It was under these premises that the later Russian Emperor Peter III was finally educated in Kiel Castle exclusively for the Swedish throne.

How far did the interest of the duke, the early widowed Carl Friedrich, in the education of his son and successor extend? His Swedish family excluded the nephew of King Charles XII from the succession to the throne in Stockholm at an early stage. It was only through an intervention by the Emperor in Vienna that the title "Royal Highness" had to be returned to him. Burdened with hopelessness and driven by restlessness, the duke wandered around his rugged

2 Pro memoria. Supplement. Ad. No. 54 // Schleswig-Holstein State Archive (LASH). Abt. 8.1. Nr. 1483. P. 1.

3 Ibid

4 Ibid P. 8.

and insolvent duchy seeking diversion on his estates. During these periods, Carl Peter Ulrich remained behind with the court staff⁵.

From Voltaire's correspondence we learn that in 1734 and 1736 he declined invitations from the Duke of Holstein-Gottorp to come to the modest court in Kiel for a salary of 10,000 francs⁶. Carl Friedrich's requests may have been related to Voltaire's role as an educator for the Kiel prince. It is also said, however, that the Swede Otto Friedrich von Bruemmer was given responsibility for the education of Carl Peter Ulrich after the death of his mother⁷. Bruemmer certainly did not receive this high task due to special qualifications in the education of princes, but as a close confidant of the duke, whom he had already served as chamberlain during the latter's stay in St. Petersburg between 1721 and 1727. Friedrich Wilhelm von Bergholz, also a chamberlain of the duke, who accompanied him to Russia in 1721, had to support Bruemmer in educational matters of the Prince.

Another influential personality who had a considerable impact on the education and upbringing of the child Carl Peter Ulrich was the Kiel theologian and court preacher Gustav Christoph Hosmann. He taught the prince "catechetical theology" one hour a day, six days a week, from the age of four. At the age of six, the prince took an examination in theology before the High Consistory in Kiel. During the entire period until the young duke's departure for St. Petersburg, he was his teacher⁸. Hosmann's educational assistance was so positively remembered by the later Duke that he always protected the theologian during his career at Kiel University.

A sergeant named Jakob Ehrhard Randahl taught the boy Carl Peter Ulrich how to write German from 1733⁹. No pedagogical or didactic experience is known of this sergeant. The prince's learning success was therefore modest. After two years of instruction, the prince had only a moderate command of writing in German¹⁰.

Much too late, namely at the age of eleven, Randahl began lessons in basic arithmetic. However, the boy made more progress in this area than in writing, for he mastered these basics completely within a year¹¹. Since his achievements in this area were quite remarkable, it must be critically noted that valuable time was lost in which the prince's cognitive abilities could have been promoted much earlier through mathematics instruction.

When Carl Peter Ulrich was already twelve years old, Randahl only began lessons in Swedish history. Here the teaching method was a monotonous copying of texts, which hardly contributed to learning success¹². Thus, a child of this age was probably not taught much, especially not the political context. Finally, in April 1740, Randahl suggested to the prince's guardian, Adolf Friedrich, that he would also teach his pupil geometry and the drawing of military and civilian buildings¹³.

At the age of ten, the prince received lessons in history and political science from Gustav Adlerfeldt, who also had no previous teaching experience. He instructed the ten-year-old prince in political science through monotonous, simple copying of texts from "Schatzens Chronica der Historie", a teaching method associated with little knowledge transfer.

From 1736, the Prince of Holstein received Latin lessons from Georg Juhl, the headmaster of the Kiel Latin School. He was distinguished by his pedantic approach and his teaching methods

5 Witt R. "A contemporary source: 'Memories of Duke Carl Frederik of Holstein-Gottorp'. Rolfshagen 1739." // The Gottorps on the Way to the Tsar's Throne. Russian-Gottorp connections in the 18th century. Schleswig, 1997, pp. 55–70.

6 Voltaire's Correspondence edited by Theodore Besterman. Geneva, 1953. Vol. III. 1733–1734. Letter 755; Geneva, 1954. Vol. IV. 1735. Letters 871 and 1157.

7 Huebner E. "Prince's education in the 18th century: Karl Peter Ulrich of Holstein-Gottorp" // Journal of the Society for Schleswig-Holstein History. Neumuenster, 1990. Vol. 115. P. 75.

8 Ibid P. 76.

9 The parentage of Randahl. URL: <http://www.haduloha.de/fiches/fiche303.htm> (accessed:18.10.2022).

10 Huebner E. "Prince's education in the 18th century..." P. 76.

11 Most obedient message by J. E. Randahl // LASH. Abt. 8.1 Nr. 1357.

12 Ibid

13 Ibid

were so monotonous, as Jacob von Staehlin tells us, that the prince developed a deep aversion to all Latin. Even as Grand Duke and Emperor, he forbade Staehlin, who was also the librarian of Peter's considerable book collection in Oranienbaum, to include Latin books in this collection¹⁴. Juhl also instructed the prince in geography, genealogy and heraldry. In addition, Juhl read the newspapers with him weekly and instructed him in morals.

From the age of nine, Carl Peter Ulrich received French lessons from J. F. Millet, who also taught the duke's two illegitimate daughters this language in Kiel¹⁵.

For Carl Peter Ulrich, learning the Swedish language had to be considered indispensable for a possible aspirant to the Swedish royal throne. Swedish lessons took place only twice a week for one hour each afternoon with the Swedish poet, Holstein councilor of justice and member of the Swedish Royal Academy of Sciences, Samuel von Triewald from the end of September 1739, when the prince was already more than eleven years old. The learning of the Swedish language for the potential heir to the throne in Stockholm thus took place much too late, after the death of his father Carl Friedrich in June 1739. Carl Peter Ulrich's learning progress and Swedish language acquisition were at a good level. Triewald discussed Pufendorf's "Introduction to Swedish History" with the prince and intended to make Fénelon's "Télémaque", the "Principles of Princely Virtue", an early Enlightenment text, the focus of his lessons¹⁶.

The teachers of the modern languages were obviously so experienced in imparting their lessons that the pupil achieved average to good learning results¹⁷. Finally, the Prince of Holstein-Gottorp also received lessons in "Historical Sciences" from the theologian and historian Prof. Philip Friderich Hane for one hour on each of four days from September 1739. He taught the boy world history and discussed the latest news from newspapers with him¹⁸.

In a weekly timetable from April 1740, the subjects are listed by court marshal Bruemmer, the young duke's responsible educator, with the respective number of hours and the teachers who taught them. In the mornings, French, religious education and Latin were taught for one hour each from 9 am to 12 pm. In the afternoon, lessons were held from 3 to 7 o'clock. On Wednesday and Saturday there were no classes in the afternoon. In the afternoon hours of the other days, dancing, historical sciences, writing and arithmetic as well as fencing were taught for one hour each. It is noticeable that the basic skills of writing and arithmetic are less important in Bruemmer's timetable than dancing and fencing¹⁹.

As several of his teachers reported without giving reasons, there were no school lessons for Carl Peter Ulrich for over two months between autumn 1739 and spring 1740²⁰. The lack of lessons indicates either a longer journey or illness on the part of the prince, which could possibly also be connected with the sudden death of his father in that year.

Contrary to what is often stated in the literature, there is no evidence of Russian language or Orthodox religious education being taught. This is a possible indication that until the end of 1741 no one at the Kiel court gave the prince a realistic chance of ascending to the throne in St. Petersburg. Nevertheless, Carl Peter Ulrich will already have had passive and active experience of the Russian language in Kiel through his Russian nurse, maid Alinius, also known as Alyona, whom Anna Petrovna had brought with her to Holstein from St. Petersburg in 1727²¹. She was

14 *Staehlin K.* From the papers of Jacob von Staehlin. 1926. P. 104.

15 Report by the Master of Languages J. F. Millet. 26.04.1740 // LASH. Abt. 8.1 Nr. 1357; D. Huebnerin's letter to Grand Duke Peter. 01.07.1745 // LASH. Abt. 399.301 Nr. 15.

16 Most obedient relation by Triewald. 22.04.1740 // LASH. Abt. 8.1 Nr. 1357.

17 Ibid

18 Most obedient notice and report by Hane. 22.04.1740 // LASH. Abt. 8.1 Nr. 1357.

19 Designation of timetable by Bruemmer // LASH. Abt. 8.1 Nr. 1357.

20 Notice and report by Hane // LASH. Abt. 8.1 Nr. 1357.

21 *Dallmann S.* Kiel Castle in the sphere of influence of European Great Power Politics. Seven decades of dynastic connections // Kiel Castle. Residence in the heart of the city. Kiel, Hamburg, 2017, P. 104.

responsible for the education of the little prince in his early years. She later lived in Oranienbaum and he, as Grand Duke, called her “my mother”²².

After Anna’s death, Carl Friedrich maintained several relationships with bourgeois women, from which at least three children were born in Holstein²³. Since the duke often travelled around the country, his son was mainly under the care of the prince educator Bruemmer. The complete lack of maternal affection, the weak example of a depressed father who, in his restlessness, paid too little attention to his son, and the highly questionable educational methods of his tutor may have caused behavioural problems in Carl Peter Ulrich, or at least aggravated existing ones²⁴. After his father’s death, Carl Peter Ulrich was under his guardian, the Luebeck Prince-Bishop Adolf Friedrich, who relied on Bruemmer as much as possible in matters of education from his residence in Eutin Castle. There was no supervisory authority for the prince educator Bruemmer, who accompanied or even questioned his dubious educational methods. Bruemmer, like a number of the prince’s important teachers, also had no pedagogical experience. Rather, he bred horses. Independent contemporary witnesses in the sources have recorded a large number of sadistic and sometimes brutal attacks by Bruemmer on the prince, which extended into his time as Grand Duke in St. Petersburg²⁵. Bruemmer cleverly secured himself against the guardian by requesting a stricter catalogue of rules and prohibitions for his educational measures²⁶. Adolf Friedrich rarely met his ward in person and was consequently not very familiar with the customs of the daily educational issues, so that he had to rely on the suggestions of the prince’s governor when drawing up the order catalogue. Bruemmer thus had a relatively free hand with the boy. The child was kept largely isolated in the palace until his departure for St. Petersburg in January 1742. During lessons, i.e. except for Sundays, the windows were covered so that the prince was not disturbed in his lessons by outside distractions.

Bruemmer used extremely violent methods of chastisement on the prince. He beat him, whipped him and, in case of unwilling behaviour, made him kneel on dried peas for half an hour with his legs unclothed until his joints were swollen red. In front of the court staff, Bruemmer humiliated the young duke by publicly mocking him, ridiculing him and exposing him to shame. Even during the parties at the palace, scenes of humiliation and violence by Bruemmer towards the young duke occurred²⁷. The educator even ordered the court servants to whip the prince, but they usually refused to lay a hand on their young duke. Bruemmer’s extreme brutality is described in detail in the sources in its cruelty towards the defenceless Carl Peter Ulrich and would be described as sadism according to today’s terminology²⁸.

It can be assumed that the injuries practised by Bruemmer over the years, which penetrated deeply into the prince’s psyche, would have led to trauma in him. It was not uncommon for Bruemmer’s assaults to cause severe vomiting in the prince, so that the personal physician had to be called. The child also suffered from frequent headaches²⁹. The ban on leaving the palace building unaccompanied meant that the prince hardly saw the outside world, even on warm summer days. The result was his often described strikingly pale complexion. In addition, there was deprivation of food as punishment for lack of learning or behaviour contrary to the rules, whereby Bruemmer had the prince himself whipped for events that were not his fault³⁰.

22 *Helbig G. A. W.* Biography of Peter the Third. 1809. Vol. 2. P. 183–184.

23 LASH. Abt. 399.301 Nr. 15; D. Huebnerin’s letter to Grand Duke Peter. 01.07.1745 // LASH. Abt. 8.1 Nr. 1356. Letter no. 1 to Grand Duke Peter.

24 *Witt R.* A contemporary source: ‘Memories of Duke Carl Frederik of Holstein-Gottorp’... P. 68–70.

25 *Staehlin K.* From the papers of Jacob von Staehlin. P. 116–118.

26 Most obedient pro memoria by Bruemmer. 12.10.1741 // LASH. Abt. 8.1 Nr. 1357.

27 Supplement ad No 76 // LASH. Abt. 8.1 Nr. 1483. p. 5.

28 *Ibid* P. 1–7.

29 *Ibid* P. 1–3.

30 *Ibid* P. 5.

Bruemmer also insisted that Carl Peter Ulrich accompanied him regularly in the evenings after school to social evenings at Countess Brockdorff's, as they played quadrille there and needed a fourth player. He vainly flaunted his function as governor of the prince at parties. In doing so, he showed no consideration for the child's tiredness or state of health, so that in one case the personal physician had to veto the prince's participation in a visit to the Brockdorffs on the grounds that Bruemmer was endangering the child's life. After such soirées, Bruemmer expected the child to be at full performance the next morning and punished him again if he suffered from concentration problems³¹. Understandably, this vicious circle could not remain without consequences for the child's health and especially his psychological development. The Grand Duke's lack of concentration, which was later detected by his teachers in St. Petersburg, can be attributed to these causes, among others. Today, children who show behavioural problems like Grand Duke Peter, are examined for the internationally recognised clinical picture of "attention deficit hyperactivity disorder", ADHD, the causes of which reflect precisely those realities of life that occurred during the prince's childhood and adolescence: among other things, family instability, frequent criticism and constant punishment³².

In order to secure her succession to the throne with a direct descendant of Peter I, the new Tsarina Elisabeth Petrovna, who had come to the throne in a coup on 25 November / 6 December 1741, had her nephew Carl Peter Ulrich brought to St. Petersburg in January 1742. His responsible educator, court marshal Bruemmer, and his subordinate, chamberlain Bergholz, accompanied Carl Peter Ulrich to the Russian Tsar's court. Bruemmer was thus able to continue to exert his malicious influence on the boy. In St. Petersburg, the Empress and those in positions of responsibility at court were astonished and concerned about the prince's physical and mental condition. Clear educational deficits and also physical and developmental psychological immaturity were noted in the future heir to the throne. His constitution did not correspond to the age of a fourteen-year-old boy. "Apart from a little French, he knew nothing at all"³³. This is how Jacob von Staehlin, appointed by the Empress on 1 June 1742, described the educational status of the Prince from Holstein. Staehlin, professor of rhetoric at the Russian Academy of Sciences, born in Memmingen, Germany, was appointed by Elisabeth as the prince's first responsible educator. Bruemmer, however, still performed the function of teacher or "informer". Staehlin remained in this responsibility for three years until the Grand Duke came of age in June 1745. In his notes, Staehlin regretted that the empress had not immediately dismissed Bruemmer and Bergholz after discovering the prince's disastrous educational deficits that had already developed in Holstein³⁴.

Staehlin then created a new curriculum. Apparently in order to make learning easier for the fourteen-year-old, who always had problems concentrating, Staehlin integrated the theoretical subject matter into practical activities, giving the prince material to work with as often as possible. This apparently modern didactic and methodological approach led to greater learning success for the prince³⁵. The subjects and topics selected and arranged by Staehlin did not necessarily deviate from those already taught in Kiel, with the exception of instruction in the Russian language and the Orthodox religion, as well as Swedish, which was no longer required in Russia. The boy received lessons in topographical and political geography, universal history, political science and constitutional law, genealogy and heraldry, Latin and mathematics. By order of the empress, the Vice-Chancellor Bestushev had to constantly provide Staehlin with information on current state

31 Supplement ad No 76 // LASH. Abt. 8.1 Nr. 1483. P. 3.

32 Attention deficit hyperactivity disorder // Kinder- & Jugendärzte im Netz. URL: <https://www.kinderarztzeim-netz.de/krankheiten/adhs-aufmerksamkeits-defizit-hyperaktivitaets-stoerung/ursachen/> (accessed 30.08.2022).

33 *Staehlin K.* From the papers of Jacob von Staehlin. P. 104–105.

34 *Ibid* P. 105.

35 *Ibid* P. 107–113.

affairs so that he could include the latest political developments in his lessons for Peter. In addition, at the explicit request of the Elisabeth, he was instructed in dancing four times a week³⁶.

At his own request, the prince had already received violin lessons in Kiel from Pedro Pieri, the Kiel court concertmaster. In the meantime, he possessed considerable skills in playing the violin. Pieri was also one of the Holsteiners who accompanied the prince to St. Petersburg in January 1742. Later, the Grand Duke played the violin in his own orchestras. A strong interest in music and an existing musical talent were always credited to the heir to the throne by contemporary witnesses, including Staehlin³⁷. His interest in paintings and books is also known, as is the fact that he loved reading³⁸.

Unfortunately, Bruemmer's malicious influence on Peter continued in St. Petersburg, where the Holstein court marshal completely embezzled, among other things, Elisabeth's gift of 300,000 roubles to the Grand Duke on the occasion of his Russian Orthodox baptism, without any consequences for him. Bruemmer did not shy away from physically attacking the heir to the throne at the Tsar's court either, so that Peter's personal physician had to come to his aid on several occasions³⁹. Shortly before his coming of age, which was issued by the Imperial Vicar Friedrich August, Elector of Saxony and King of Poland, on the occasion of the forthcoming wedding on 17 June 1745, and with which Peter was also simultaneously granted full dukedom over Holstein, there was another violent attack by Bruemmer against the now seventeen-year-old, documented by Staehlin, so that the Grand Duke felt compelled to point his rapier threateningly at Bruemmer, who was attacking him with his fist⁴⁰.

If one takes into account that the Grand Duke could have received far more than three years of systematic instruction in preparation for his later government duties from his arrival in St. Petersburg in February 1742 until his declaration of majority in June 1745, this period was by no means fully used for this purpose. It was not until June 1742 that Staehlin had taken up his duties as the responsible teacher and educator. But even before that, the Court had embarked on a journey to Moscow, where, on the occasion of the coronation celebrations for Elisabeth, months of festivities and courtly obligations did not permit concentrated study. It was only after the empress returned from Moscow to St. Petersburg with her nephew at the beginning of 1743 that Peter received his lessons according to a fixed weekly timetable⁴¹. But even this phase of systematic teaching ended in October 1743 when the Grand Duke fell seriously ill. After a lengthy convalescence, lessons were resumed in full in February 1744. Due to the cancelled lessons and the lack of practice hours, longer periods of repetition had to be prescribed during the first period after Peter's recovery⁴². But in the following periods, he again did not receive any scheduled lessons. Once again, festivities, courtly obligations and travel led to interruptions or fatigue from nightly engagements. Once again the Grand Duke fell seriously ill in October 1744, first with varicella and pleurisy and in December also with variola. Peter did not fully recover from the illness until the end of January 1745. By the time he had reached the age of majority and the end of compulsory education in June 1745, only a maximum of five months of education remained. This meant that more than 50% of the lessons to be taught were lost.

In his notes, Staehlin recorded both the strengths and limitations of the Grand Duke. He attested Peter a "natural and good power of judgement" and an "excellent memory down to the smallest detail"⁴³. His good mathematical comprehension was already attested to him in Kiel by his teacher

36 *Staehlin K.* From the papers of Jacob von Staehlin. P. 108.

37 *Staehlin J.* Theatre, dance and music in Russia. 1982. P. 108.

38 *Staehlin K.* From the papers of Jacob von Staehlin. p. 108.

39 *Ibid* P. 116–118.

40 *Ibid*

41 *Helbig G. A. W.* Biography of Peter the Third. Vol. 1, P. 34–45.

42 *Staehlin K.* From the papers of Jacob von Staehlin. P. 119.

43 *Ibid* P. 108.

Randahl. Staehlin also reported that the Grand Duke preferred mathematics lessons to other subjects⁴⁴. Peter was particularly interested in the theoretical principles and practical methods of fortress construction. His skill in argumentation was remarkably strong, which, according to Staehlin, he had developed over the years through constant discussions with the quarrelsome Bruemmer⁴⁵. In addition, the Grand Duke possessed a pronounced piety, which could be traced back to his early lessons with the theologian Hosmann in Kiel, whom he held in high esteem. Peter did not tolerate any derogatory remarks in his surroundings “about religion or God’s word”, by which he meant the Bible, as Staehlin described⁴⁶. On the other hand, Staehlin deplored the Grand Duke’s aversion to concentrated thought and work, and frequently lamented his unacceptable behaviour⁴⁷.

As can be seen without doubt from this account, Peter received neither during his childhood in Holstein nor in the early phase of his adolescence in Russia adequate and qualified instruction to prepare him educationally and cognitively for his tasks and duties as the future potentate of a great European power. In addition to this poorly organised and highly inadequately executed instructional planning in both Kiel and St. Petersburg, there were the physical and psychological uses of violence by his educator Bruemmer, who was able to exert his harmful, possibly also sadistically motivated influence on the prince and grand prince unimpeded until he was 17 years old. It is the latter negative influences of a single educator that prevented a normal childlike and youthful development of the boy and which, together with the traumas he experienced, inevitably had to lead to displays of behavioural problems that could obviously no longer be corrected even by the highly prudent polymath Jacob von Staehlin, who had been in charge since 1742.

Above all, the corporal punishments inflicted by his tutor Bruemmer and the humiliations the Holstein prince had to suffer in Kiel until the end of his 14th year probably explain the Grand Duke’s sometimes bizarre behaviour. If the successor of Tsarina Elisabeth uttered out-of-place threats to his wife Catherine at the official tables at court or, as documented several times, made highly undiplomatic statements at receptions for the foreign legations, such insensitive behaviour was probably a result of Bruemmer’s educational methods, who offered the boy a highly negative role model in this respect through quarrels and bickering with his protégé. When Peter later as emperor acted in a similarly inappropriate manner towards his subordinates, he did not behave any differently than he had learned from his omnipresent educator Bruemmer until he was 17 years old.

Bruemmer’s physical and psychological violence towards the prince and later grand prince could be seen as the cause of the Attention-Hyperactivity-Deficit Disorder syndrome described above. In this disorder, which is now internationally recognised, impatience and unfocused hyperactivity often occur even in adulthood. In the first months of his short reign of only 186 days, Emperor Peter III issued some 220 laws, decrees and regulations, partly due to extended working hours deep into the night⁴⁸. In historiography, this achievement is often regarded as an almost unbelievable workload, but it can probably be seen as a symptom of that ADHD disease.

Already in Holstein, as explained above, his Swedish teacher Samuel von Triewald introduced him to the thoughts and ideas of the Enlightenment. At his court in Oranienbaum, Peter sought long conversations with the leading head of the Enlightenment in Russia, Mikhail V. Lomonosov (1711–1765). The great work of reform initiated by Tsar Peter III was in fact a legislative implementation of the progressive ideas of the Enlightenment. The germ of the emperor’s thinking was probably planted in Kiel.

A previously neglected aspect of Tsar Peter III’s psychology is his deep religiosity. Peter’s piety or “fear of God”, as the subject was called in Holstein, was largely suppressed by unproven accusations of alleged blasphemous behaviour on the part of the Tsar, which was falsely spread by Catherine II

44 LASH Abt. 8.1 Nr. 1357.

45 *Staehlin K.* From the papers of Jacob von Staehlin. P. 108.

46 *Ibid* P. 109.

47 *Ibid* P. 108.

48 *Mylnikov A. S.* The False Tsars. Peter III and his doubles in Russia and Eastern Europe. 1994. P. 62.

in her accession manifestos and thus found its way into historical literature unchecked as well as uncritically. Peter's lifelong affection for his first teacher Hosmann, the theologian in Kiel, who also taught him the longest of all his teachers, as well as the religiosity documented by Staehlin, but also the appreciation of his Evangelical Lutheran Bible and his Kiel hymnbook even in Russia, prove the piety of this emperor⁴⁹.

His "fear of God" probably also played a certain role during the coup d'état of his wife Catherine on 9 July 1762. Not only historiography, but also contemporaries and later generations repeatedly asked themselves why the Emperor allowed himself to be overthrown from the throne by his wife without resistance and not even by the attempt to do so. In answering this question, too, the causes are to be sought in his childhood. Certainly, Peter III's passivity in those hours can be explained by a surrender to fate, so that in this emergency situation the emperor placed his life "in God's hands" and consequently allowed the further course of tragic events to take place as "God's will".

On the other hand, the physical and psychological pressures constantly exerted by Bruemmer since his childhood must have implanted in the adult man despondency and feelings of fear in difficult life situations, so that the emperor was unable to develop a strategy of escape from the situation of overthrow of which he had been repeatedly warned. In this respect, for the Russian Emperor Peter III, the traumas of his childhood, caused mainly by his Holstein educator Bruemmer through years of violence and humiliation, ultimately led to a fatally dangerous situation.

REFERENCES

Dallmann S. *Das Kieler Schloss im Wirkungskreis europäischer Großmachtpolitik. Sieben Jahrzehnte dynastischer Verbindungen* [Kiel Castle in the sphere of influence of European Great Power Politics. Seven decades of dynastic connections]. Kiel Castle. Residence in the heart of the city. Kiel/Hamburg, 2017, pp. 54–317. (In German)

Dassow J. *Friedrich II von Preussen und Peter III von Russland* [Friedrich II of Prussia and Peter III of Russia]. Berlin, 1908. 77 p. (In German)

Helbig G. A. W. *Biographie Peter des Dritten 1. Band* [Biography of Peter the Third. Vol. 1]. Tuebingen, 1808. 211 p. (In German)

Helbig G. A. W. *Biographie Peter des Dritten 2. Band* [Biography of Peter the Third. Vol. 2]. Tuebingen, 1809. 268 p. (In German)

Huebner E. *Fuerstenerziehung im 18. Jahrhundert: Karl Peter Ulrich von Holstein-Gottorf*. Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holsteinische Geschichte, Bd. 115 [Prince's education in the 18th century: Karl Peter Ulrich of Holstein-Gottorf]. Journal of the Society for Schleswig-Holstein History, Vol. 115. Neumuenster, 1990, pp. 73–85. (In German)

Mylnikov A. S. *Die falschen Zaren. Peter III. und seine Doppelgänger in Rußland und Osteuropa* [The False Tsars. Peter III and his doubles in Russia and Eastern Europe]. Eutin, 1994. 276 p. (In German)

Staehlin J. *Theater, Tanz und Musik in Rußland* [Theatre, dance and music in Russia]. Leipzig, 1982. 192 p. (In German)

Staehlin K. *Aus den Papieren Jacob von Staehlins* [From the papers of Jacob von Staehlin]. Koenigsberg i. Pr. and Berlin, 1926. 457 p. (In German)

Witt R. *Eine zeitgenössische Quelle: Die „Denkwürdigkeiten des Herzogs Carl Friederich zu Holstein-Gottorf“, Rolfshagen 1739. Die Gottorfer auf dem Weg zum Zarenthron. Russisch-gottorfische Verbindungen im 18. Jahrhundert* [A contemporary source: 'Memories of Duke Carl Frederik of Holstein-Gottorf'. Rolfshagen 1739. The Gottorps on the Way to the Tsar's Throne. Russian-Gottorp connections in the 18th century]. Schleswig, 1997, pp. 55–70. (In German)

49 Dassow J. Friedrich II of Prussia and Peter III of Russia. 1908. P.72. Peter III insisted to the Prussian king in the Russian-Prussian Treaty of Alliance in June 1762 that Frederick II guaranteed the existence of the Orthodox church in Koenigsberg established for Russian soldiers and officers during the Seven Years' War. This is a little-known detail in Peter's ever-doubted respect for the Russian Orthodox faith. The example illustrates the ecumenical religiosity of Emperor Peter III. The treaty was not ratified by Catherine II after the palace revolt.

► ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В ПРИДВОРНОМ МИРЕ: НАСЛЕДНИК ПРЕСТОЛА ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ И Ф.-С. ЛАГАРП

БОРИСОВА АЛИНА
ВЛАДИМИРОВНА

Кандидат исторических наук, доцент,
Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова

150000, Россия, Ярославль, Советская ул., д. 14

avb_hist@mail.ru

Статья посвящена изучению влияния системы воспитания и образования на формирование мировоззрения наследника российского престола, его личности. Внешние проявления личности являются во многом результатом целого комплекса обстоятельств, сформировавших характер человека. Интерес для науки представляет изучение сущности воспитательного процесса, возможностей, которые он дает. Автор исследует такие проблемы, как круг дисциплин, методические приемы преподавателя, особенности личности ученика, цель и задачи обучения, их результаты. В ходе изучения сделаны выводы о важнейшем аспекте воспитательного процесса Лагарпа — выработке в наследнике престола осознанного отношения к власти. Выявлена результативность воспитательного и образовательного процессов применительно к будущей внешнеполитической деятельности императора Александра I. Передовой, европейский образ мыслей Ф.-С. Лагарпа придал Александру Павловичу качества, ставшие важным фактором для успешной дипломатической деятельности российского императора, что позволило ему добиться внушительных успехов и войти в историю как Александр Благословенный — освободитель Европы.

Ключевые слова: император Александр I, Ф.-С. Лагарп, система обучения, формирование системы ценностей и личности правителя

Царствование любого императора — череда событий, распоряжений, указов, преобразований. Именно их результативность, своевременность становятся определяющими факторами для выставления «оценки» тому или иному государю. Внешние проявления личности, в то же время, являются во многом результатом целого комплекса обстоятельств, сформировавших характер человека. Особого внимания заслуживает система обучения и воспитания личности представителей царской фамилии, прежде всего, наследников престола. Интерес для науки представляет изучение влияния воспитательного процесса на формирование личности и системы мировоззрения будущего правителя.

В силу сложившихся традиций и взглядов дети при дворе были дистанцированы от собственных родителей в той или иной мере. Основная забота и ответственность за формирование необходимых компетенций ложилась на воспитателей и учителей. Личностные

► EDUCATION AND UPBRINGING IN THE COURT WORLD: THE HEIR TO THE THRONE WAS LED BY PRINCE ALEXANDER PAVLOVICH AND F.-C. LA HARPE

BORISOVA ALINA
VLADIMIROVNA

PhD in History, Associate Professor, Yaroslavl
State University named after P. G. Demidov

14 Sovetskaya st., Yaroslavl, 150000, Russia

avb_hist@mail.ru

The article is devoted to the study of the influence of the upbringing and education system on the formation of the worldview of the heir to the Russian throne, his personality. The external manifestations of personality are largely the result of a whole set of circumstances that have shaped a person's character. Of interest to science is the study of the essence of the educational process, the opportunities that it provides. The author explores such problems as the choice of a mentor, the range of disciplines, the stages of studying individual subjects and the methodological techniques of the teacher. Lagarp's system of pedagogical ideas was based on the ideas of Enlightenment. During the study, conclusions were drawn about the most important aspect of Lagarp's educational process — the development of a conscious attitude to power in the heir to the throne. The effectiveness of education processes in relation to the future foreign policy activities of Emperor Alexander I is revealed. The advanced, European way of thinking of F.-C. La Harpe gave Alexander Pavlovich qualities that became an important factor for the successful diplomatic activity of the Russian emperor, which allowed him to achieve impressive success and go down in history as Alexander the Blessed — the liberator of Europe.

Keywords: Emperor Alexander I, F.-C. La Harpe, the system of education, the ideas of Enlightenment and personality of Emperor

и педагогические таланты наставника имели особое значение в формировании мировоззрения ученика и зачастую превышали влияние родителей.

Жизнь при дворе во все эпохи и в различных частях света представляла сложный процесс усвоения системы бытовых и нравственных норм, умения своевременно и адекватно применять эти навыки. Они менялись в зависимости от прихода к власти нового государя, возраста правителя, влияния ближайших лиц (фаворитов и сподвижников). Особое место при дворе всегда занимал так называемый «детский мир».

Предметом нашего исследования является влияние системы воспитания и образования на формирование личности наследника российского престола великого князя Александра Павловича и его мировоззрение. Мы знаем из свидетельств современников о сложном и противоречивом характере императора Александра I¹. Базовые черты личности и их формирование являются предметом дискуссий педагогов, психологов, социологов и представителей других наук. Нас интересует проблема влияния системы воспитания наследника престола на характер и личность будущего императора. Данная система включает выбор наставника, круга дисциплин, этапов изучения отдельных предметов и, конечно, методические приемы преподавателя.

О взаимоотношениях Фредерика Сезара Лагарпа и будущего императора написано немало. Факты и оценки жизни российского двора на основании «Записок»² Лагарпа, его воспитательная концепция, взаимоотношения наследника и учителя уже исследованы А. Ю. Андреевым³. Нас же интересуют процессы, которые привели к формированию личности императора Александра I и к той системе взглядов и принципов, что определила направления и методы государственного курса.

Наследник престола Александр родился в 1777 г. Его царственная бабушка имела намерение вырастить будущего императора как личность эпохи Просвещения. По мере взросления внука Екатерина II все более стремилась «лепить» из него тот образ, который соответствовал этому изначальному идеалу.

В марте 1784 г. Екатерина передала план образования великих князей, составленный ею лично, главному наставнику Н. Салтыкову. Для изучения французского языка к старшему внуку был приглашен Ф.-С. Лагарп. В изучаемый период при императорских дворах не существовало оформленной системы подготовки педагогических кадров для наследников престола. Учителями и воспитателями становились, как правило, доверенные лица из числа придворных. Их наставнические способности были сомнительного качества. Александру Павловичу очень повезло по сравнению с другими царственными особами.

В 1782 г. швейцарский республиканец оказался в Петербурге. Для него было важно не «сделать из будущего самодержца ученого, специалиста <...> но <...> вырастить из него „честного человека“ и „просвещенного гражданина“»⁴. Своей главной задачей наставник видел воспитание в наследнике личностных качеств. Необходимо отметить, что при российском

1 *Меттерних К.-В. фон.* Император Александр I. Портрет, писанный Меттернихом в 1829 году // Исторический вестник. 1880. Т. I. № 1. С. 168–180; *Шуазель-Гуфье С.* Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Софии Шуазель-Гуфье, урожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе. М., 2007. С. 8.

2 Ф.-Ц. Лагарп в России (из его записок) // Русский архив. 1866. Вып. 1. С. 76–94; Записки Лагарпа о воспитании великих князей Александра и Константина Павловичей 1786–1789 гг. // Русская старина. 1870. Т. I. С. 34–44, 103–132, 407–419; Записки Лагарпа гр. Н. И. Салтыкову о воспитании в. кн. Александра и Константина Павловичей // Русская старина. 1870. Т. II. С. 161–174, 253–266.

3 *Андреев А. Ю.* Император и его учитель: личные и политические аспекты взаимоотношений Александра I и Ф.-С. Лагарпа // Филаретовский альманах. № 8. 2012. С. 76–97; *Он же.* Воспитание великих князей Александра и Константина Павловичей глазами Ф.-С. Лагарпа // Филаретовский альманах. 2013. № 9. С. 90–122; *Он же.* Формирование воспитательной концепции Ф.-С. Лагарпа: европейские идеалы и русская практика // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. Т. 71. 2016. № 4. С. 58–73.

4 Цит. по: *Рэй М.-П.* Александр I. М., 2013. С. 50.

дворе в этот период еще не сформировалась система воспитания и образования царственных детей. Мы не можем смоделировать образ, к которому должны были стремиться как учителя, так и воспитанники. Какие качества были необходимы правителю начала XIX в. — вопрос дискуссионный. Они зависели от многих факторов, в том числе от политической культуры и политических традиций страны, в которой правил монарх.

Система педагогических идей Лагарпа основывалась на идеях Просвещения. В это время в Европе началось осознание того, что детство — особый мир и период в жизни человека, со своими законами. Применяя на практике идеи Ж.-Ж. Руссо, наставник Александра Павловича не навязывал ученику свои взгляды, а раскрывал внутренние способности ребенка, терпеливо и постоянно наблюдая за его деятельностью. Лагарп явился наставником совершенно иного качества: его задача состояла не в передаче знаний, а в воспитании нравственных качеств. Он явил собой учителя эпохи Просвещения, который стремился дать мальчику представления о разных областях знания, что получалось довольно поверхностно. Главным же в процессе воспитания для Ф.-С. Лагарпа было сформировать человека, способного заботиться об общем благе.

Мы видим по письмам Александра и Лагарпа, что это время было очень насыщено внутренней работой наследника. В этот период он старался под воздействием наставника заниматься самоанализом. Однако, в отличие от Ж.-Ж. Руссо, Лагарп не имел возможности отказаться от урочной системы и учебников. Система обучения при дворе требовала выполнения определенной программы и реализации идей императрицы Екатерины II. Главное, на наш взгляд, что было воспринято и реализовано Лагарпом из идей просветителей, — это воплощение любви к своему ученику, внимание к его личности. Безусловно, столь деликатный подход был возможен только благодаря внутренним талантам самого Лагарпа.

Имея стройную систему взглядов на вопросы морали и общественно-политические проблемы, швейцарец не располагал какой-либо наработанной педагогической методикой. Изучение истории было неразрывно связано с чтением произведений известных авторов древности и современных просветителей. Девятилетний Александр был знаком с такими мастерами, как Плутарх, Лафонтен, Фергюссон. Античные писатели были для Лагарпа учителями мудрости. Он писал: «<...> когда я видал в отчаянном положении людей, достойных имени человека, я им говорил: „Загляните в древних, посоветуйтесь с Тацитом и с добрым Плутархом“»⁵.

Лагарп начал читать с учениками сочинения, в которых вопрос о свободе человечества защищали замечательные люди: Демосфен, Плутарх, Тацит, Локк, Мабли, Руссо, Гиббон. Обучение дворян в исследуемый период основывалось на чтении обширного числа книг. По мнению российских современников, практически во всех дворянских домах была книга «Плутарх для детей». Образ римского республиканца был не только известен, но и воспринимался как образец поведения. Герои античности были отлично знакомы Александру, чего нельзя сказать о деятелях XVII-XVIII вв. Современные наследнику политические процессы остались как будто за пределами его осмысления.

Известны размышления юного Александра о том, что, вступив на престол, он хотел бы даровать Отечеству Конституцию, правильные законы, а затем удалиться на берега Рейна. Его рассуждения практически повторяют строки сочинения Ж.-Ж. Руссо: «Я желал бы родиться в стране, где у суверена и у народа могли бы быть только одни и те же интересы <...> я желал бы родиться при Правлении демократическом <...>»⁶.

Отражением способностей царственных детей были разнообразные навыки, в том числе и в арифметике. Старший воспитанник мог безошибочно решать сложные примеры из четырех действий. При наличии природных способностей Александр проявлял склонность

5 Ф.-Ц. Лагарп в России (из его записок) // Русский архив. 1866. Вып. 1. С. 81.

6 Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 54.

к лени и вялость. Лагарп отмечал, что наследник «часто понуждает подсказывать то, что знает, единственно из боязни умственного труда <...>»⁷. В своих наставлениях о воспитании Екатерина II рекомендовала не заставлять детей много учить наизусть. Лагарп не требовал заучивания текстов учебников, но считал полезным учить наизусть художественную прозу и стихи. Александр успешно справлялся с этим видом учебной нагрузки. С двенадцати лет великий князь вел журнал, где записывал предметы, которые изучал в течение каждой недели. Кроме того, были заведены тетради, куда Александр вносил свои проступки.

В процессе обучения наставник и наследник постоянно обменивались записками. Их текст позволяет судить о тематике учебных занятий и системе взаимоотношений взрослого и ребенка. Так, девятилетний Александр писал Лагарпу, что сознает «как сильно виноват и просит прощения... Прошу вас, позвольте мне учение продолжать»⁸. Во время болезни учителя великий князь получал домашние задания — например, написать царствование Домициана по истории, а по географии — изучить Индию. Лагарп писал: «Постарайтесь запомнить названия областей, провинций, народов и городов Индии <...> Чем больше Вы узнаете, тем лучше почувствуете, сколь приятно знания иметь. Нет другого способа сделаться полезным гражданином <...>»⁹.

Обучение каждого ребенка — дело трудное, а наследника престола — в особенности. Характер Александра мог проявляться как в выражении большой лобзности, так и в категорическом нежелании заниматься. В возрасте одиннадцати лет он написал Лагарпу: «Я ни современательного духа, ни желания учиться не имею никакого <...> Принцы, как я, знают все, не учась ничему»¹⁰. К сожалению, не сохранилось ответное письмо наставника. Зная, что обучение продолжалось еще несколько лет, и весьма успешно, можем предположить, что мягкое, но настойчивое увещание со стороны Лагарпа дало свои результаты. На наш взгляд, важнейший аспект воспитательного процесса Лагарпа — выработка в наследнике престола осознанного отношения к власти. В то же время, воспитатель учил, что сильный правитель обязан проявлять силу воли и характер. Лагарп наставлял 17-летнего Александра так: «<...> не позволяйте, чтобы приказ, однажды данный, нарушали намеренно. Главное, Ваше Высочество, слабости не выказывать. <...> необходимо нужно избегать решений и деяний чересчур поспешных, а равно и уверить каждого, что Вы в намерениях своих тверды и от них не отступите»¹¹. Александр Павлович, безусловно, воспринял важность и ответственность будущего положения. В традициях той страны, в которой правил, Александр I в будущем умел быть настойчивым и властным самодержцем и «отцом» для подданных.

Охраняя и укрепляя личную власть, император никогда не выглядел жестоким — наоборот, вызывал сочувствие, как «Гамлет», вынужденный бороться с обстоятельствами. Мы знаем о решениях, принятых императором вопреки собственным убеждениям и не идущим на благо им же провозглашенных целей. Стремясь выглядеть пострадавшей стороной, он всегда находил «объективные» причины, вынудившие к таким поступкам. Еще в 13-летнем возрасте в одном из писем Лагарпу наследник откровенно писал: «<...> тяжело мне признаваться во лжи»¹².

Вопрос о соотношении в каждом человеке качеств, заложенных природой, и тех, что сформировались под влиянием общества, остается открытым. Историк может наблюдать развитие личности и точно знать, какие свойства характера будущего императора проявлялись уже в детские годы и были, очевидно, глубоко личностными. Мы знаем из свидетельств современников, что император Александр I часто бросал начатое, не имел терпения к долгой

7 Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы: в 3 т. М., 2015. Т. 1. С. 164.

8 Там же. С. 114.

9 Там же. С. 115.

10 Там же. С. 116.

11 Там же. С. 131.

12 Там же. С. 113.

работе, увлекался какими-либо идеями и довольно быстро разочаровывался. Портрет такого правителя был нарисован Лагарпом, когда наследнику было еще двенадцать лет: «Прошу Вас не забывать, что дело начатое не есть еще дело конченное <...> учитесь работать самостоятельно. Только совершая усилия, становясь человеком, только преодолевая трудности, научаешься <...> той драгоценной способности выбирать время действовать, которая необходима человеку, призванному служить Отечеству <...> Вы родились принцем, докажите же, что эта милость судьбы Вам досталась недаром <...> Тогда будут Вас уважать, любить <...>»¹³.

Здесь мы видим практически повторение идеи Руссо: «Человек и гражданин, кто был он ни был, не может предложить обществу иного имущества, кроме самого себя <...>»¹⁴. В ответ Александр замечал, что в нем «много самолюбия <...> Я эгоист <...> тщеславен я и желал бы блистать за счет ближних, а сам не имею сил собственные достоинства приобрести. Что из меня выйдет?»¹⁵

Подобный самоанализ и самокритика вызывают определенное уважение к автору. Безусловно, мудрость и педагогические таланты Лагарпа позволили ему направить обучение и воспитание наследника в русло формирования достойной личности. Одним из педагогических приемов был «моральный урок» самохарактеристики. Прирожденный статус великого князя воспринимался наставником как фактор дополнительной ответственности за нравственный облик подопечного. Он считал, что несовершенства частного лица не принесут столь вреда, сколько несовершенства самодержца. Самоанализ Александра оказался достаточно точным. Лагарпу удалось смягчить в воспитатнике наиболее резкие черты, присущие Павлу I и Константину Павловичу: упрямство, своеволие, жестокость. В то же время, способность к упорному труду и настойчивость в достижении цели привить, на наш взгляд, не удалось. Здесь возникает ключевой вопрос: где пределы влияния педагога на своего ученика? Они всегда имеются и обусловлены комплексом причин. В изучаемой ситуации эти пределы влияния были обусловлены, в первую очередь, не личностными качествами Александра и Лагарпа, а системой иерархии рангов и должностей при императорском дворе. Персона наставника не была уважаема и не пользовалась поддержкой ни самой императрицы, ни ее окружения.

Сомнения юного наследника престола и путь, начерченный Ф.-С. Лагарпом, пересекаясь и отдаляясь, привели к вызреванию того характера, о котором писали позже многие видные государственные деятели. Так, в 1805 г. Наполеон Бонапарт замечал: «Император Александр — привлекательная личность, обладающая особым даром очаровывать людей, приходящих в соприкосновение с ним. Будь я человеком, способным подчиняться непосредственным впечатлениям, я мог бы предаться ему всей душой»¹⁶. Менее восторженное впечатление оставил австрийский дипломат, министр иностранных дел К. В. Меттерних: «Император Александр был несомненно умен, но ум его, тонкий и пронизательный, был лишен глубины. При его впечатлительности и необычайной подвижности мысли, системы, которые он схватывал, не сплочивались между собою, а вытесняли одна другую»¹⁷.

Надо отдать должное смелости Лагарпа, который мог сказать: «<...> если желаете быть ничтожеством, вы в своем праве»¹⁸. «Ребенком нужно несколько руководить, но руководить очень мало, незаметным для него образом. Если он ошибается, оставьте его в покое, не исправляйте ошибок, ждите молча, пока он сам не будет в состоянии увидеть их и исправить <...>»¹⁹.

13 Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. Письма. Документы: в 3 т. М., 2015. Т. 1. С. 118.

14 Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1. Кн. 3. М., 1981. С. 203.

15 Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп... С. 119.

16 Цит. по: Меттерних К.-В. фон. Император Александр I... С. 168.

17 Там же. С. 169.

18 Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп... С. 120.

19 Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 176.

Авторитет и сила характера учителя делали свое дело. Вспышки недовольства и упрямства Александра подлежали разбору и наказанию. Систематические требования совершать над собой усилия демонстрировали силу характера и определенную смелость Лагарпа. В ответ на письмо Александра, в котором он признается в безделии, Фредерик-Сезар замечает: «Эта работа вам по силам, а потому я небрежностей прощать не стану и то, что будет сделано плохо, почитать буду несделанным»²⁰.

Следует изучить как отдельный аспект педагогического процесса практику наказания и поощрения в системе Лагарпа. Он брал во внимание рекомендации императрицы Екатерины II, которая за проступки предлагала лишать сладостей или возможности заниматься любимым досугом. Физические наказания сменились различными методами психологического воздействия. Эпоха Просвещения уходила от наказания с целью причинить боль к наказанию с целью исправления и наставления. Сам Фредерик-Сезар акцентировал внимание на систему личностных связей «наставник — ученик». Как нам представляется, он стремился к тому, чтобы для Александра Павловича худшим наказанием было неудовольствие Лагарпа. Мы видим в переписке постоянное упоминание понятия «стыда», «раскаяния», сожаления от того, что огорчил воспитателя. Безусловно, для появления подобных состояний требовалась большая внутренняя работа юного наследника.

Мы можем заметить, что комплекс дисциплин и выбранная Лагарпом тематика занятий соответствовали передовым идеям своего времени. Насколько эти сведения могли помочь будущему монарху Российской империи царствовать успешно и на благо Отечества — вопрос дискуссионный. На наш взгляд, более важной составляющей процесса было именно воспитание. Смягчение дурных наклонностей или заблуждений подростка — сложнейшая педагогическая задача. Тем более масштабна она при общении с наследником престола. Из записок современников, как иностранцев, так и соотечественников, мы знаем, что в обхождении Александр I был мягок с людьми даже низкого звания, обходителен и вежлив. В то же время, концентрированное внимание к личности, античного героя или своей собственной, не позволило Александру выработать должные навыки коммуникации. Современники отмечали его любезность и обходительность, а сам император жаловался на отсутствие единомышленников и близких по духу людей. Как мы знаем, такие особы были в окружении царя, но он не сумел их разглядеть или не захотел приблизить.

Такие замечательные качества были врожденным даром или приобретенными навыками? Мы не можем дать однозначный ответ, но есть ряд свидетельств, которые склоняют нас ко второму варианту. Тон целого ряда писем наследника престола своему учителю достаточно дерзкий. Юноша очевидно бравирует своим положением, своей ленью, считает высокий статус индальгенцией на все случаи жизни. Лагарп все это прекрасно видит и противодействует формированию мнения, что социальное превосходство дает право быть невежественным, грубым и жестоким. Примечательно письмо 1791 г.: «<...> весьма важно с самого раннего времени привыкнуть с другими людьми обходиться почтительно <...> В Вашем возрасте Вы никого обидеть не можете, но было бы мне весьма огорчительно полагать, что Вы такое желание возьмете с годами. Кто любезен, тот любим <...>»²¹. Как будет непохож новый государь на своих отца и деда! Большое личное обаяние имело большое значение для политики не только внутренней, но и внешней. Полагаем, что без влияния Лагарпа Александр I не вошел бы в историю как «благословенный», «прелестный», «ангел».

Сложный комплекс обстоятельств внутри двора вызвал решение императрицы Екатерины II завершить обучение наследника престола после его вступления в брак. Известный мыслитель Локк считал, что, когда наступает момент жениться, продолжение обучения уже не актуально. Воспитатель должен удалиться. Сложно судить о том, насколько эффективным было бы продолжение образования в новых условиях. При этом, на наш взгляд,

20 Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп... С. 121.

21 Там же. С. 122.

очевидно, что, неспособный к систематическому самообразованию, Александр Павлович, таким образом, был лишен возможности развивать свои знания и навыки, необходимые не только как теория для будущих проектов, но и как некая нравственная опора для труднейшей задачи царствования. Великий князь, вероятно, на уровне ощущений сразу осознал трагизм ситуации: «<...> как тягостна для меня мысль о близком расставании с Вами, тем более что остаюсь я в одиночестве среди этого двора, который ненавижу, и в ожидании будущности, одно помышление о которой приводит меня в трепет <...>»²².

Оставление Александра без наставника в самый неподходящий период его жизни было замечено современниками. Меттерних впоследствии писал: «Его молодость совпала с эпохой, беспримерною в летописях России <...> Достаточно знать историю России в эти два царствования, чтобы понять, что такой ум, как у Александра, не мог найти в окружающей среде ни образцов, достойных подражания, ни людей способных стать его руководителями <...> Александр существенно нуждался в опоре, его ум и сердце требовали совета и направления»²³.

Следует также отметить, что в силу различных факторов Александр Павлович был лишен одного из важных аспектов обучения — путешествий. Дети российской аристократии в исследуемый период отправлялись со своими наставниками в длительные поездки как в Европу, так и по Российской империи. Программа таких путешествий включала посещение музеев, театров, промышленных предприятий, знакомство с хозяйством и нравами иных территорий. Прекращение обучения в возрасте пятнадцати лет закрыло для наследника такую возможность. Отсутствие каких бы то ни было представлений о собственной стране было, безусловно, крайне вредным для будущего правителя. Полученные широкие, но не системные, более эмоциональные, чем практические представления об окружающем мире дополнили природой данные качества Александра — мечтательность, сильное воображение, склонность полагаться на первое впечатление. «Ежели справедливо, что характер человека слагается и изменяется, во все продолжение жизни, под влиянием окружающей среды, эта истина может примениться к необыкновенно впечатлительному Александру <...> Но при всех изменениях его характера господствующей чертой было <...> необыкновенное искусство обращения со всеми, умение привлекать к себе сердца всех <...>»²⁴.

Увы, будущие шесть лет до начала царствования Александр Павлович имел возможность только письменно общаться со своим наставником и другом. На наш взгляд, Лагарп сумел воспитать «достойного человека» и со своей задачей справился. Но для истории России важна личность правителя не только с точки зрения нравственных устоев, но и практических решений. Подготовить для империи правителя, способного решать внутривнутриполитические проблемы в сложное для нее время, — совершенно иная задача, которая не была поставлена и решена.

Первый, так называемый «либеральный», период царствования Александра I ознаменовался работой над российским законодательством. В то же время следует признать, что больших успехов в этом деле достигнуто не было. Прежде всего, проект конституции, о которой так мечтал государь, не сложился. На наш взгляд, Александр Павлович не видел в себе силы, способной преодолеть инерцию исторического момента и совершить некий прорыв. «Тот, кто берет на себя смелость дать установления какому-либо народу, должен чувствовать себя способным изменить <...> человеческую природу <...> Законодатель — во всех отношениях человек необыкновенный в Государстве»²⁵. Александр I не был по своим способностям «необыкновенным» человеком.

22 Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 129.

23 Меттерних К.-В. фон. Император Александр I... С. 170, 180.

24 Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время: в 6 т. СПб., 1869–1871. Т. I. С. 21, 23.

25 Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М, 1998. С. 230.

Передовой, европейский образ мыслей Ф.-С. Лагарпа придал и его ученику определенный внешний блеск. Пожалуй, Александр Павлович лучше всего усвоил наставление научиться быть обходительным и приятным. Эти навыки стали важным фактором для успешной дипломатической деятельности российского императора. Роль царя во внешней политике первой четверти XIX в. исключительна. Имидж просвещенного правителя, либерала, реформатора позволил ему добиться внушительных успехов в названном направлении и войти в историю как Александр Благословенный — освободитель Европы.

REFERENCES

Bogdanovich M. I. *Istoriya tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I i Rossii v ego vremya* [History of the reign of Emperor Alexander I and Russia in his time]. St. Petersburg., F. Sushinskogo Publ, 1869. 539 p. (In Russian)

Metternih K.-V. fon. *Imperator Aleksandr I. Portret, pisanij Metternihom v 1829 godu* [Emperor Alexander I. Portrait painted by Metternich in 1829]. *Istoricheskij vestnik* [Historical Bulletin], 1880, vol. I, no 1. pp. 168–180. (In Russian)

Rjej M.-P. *Aleksandr I* [Alexander I]. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 2013. 495 p. (In Russian)

Russo Zh. Zh. *Pedagogicheskie sochineniya* [Pedagogical essays]. Moscow, Pedagogy Publ., 1981, vol. 1, book 3. 656 p. (In Russian)

Russo Zh. Zh. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [About the social contract. Treatises.]. М., Kanon-press, Kuchkovo pole, 1998. 416 p. (In Russian)

► **НРАВСТВЕННОЕ
И ЭТИКЕТНОЕ ВОСПИТАНИЕ
ДЕТЕЙ НИКОЛАЯ I
(ПО ДНЕВНИКАМ ВЕЛИКИХ
КНЯЗЕЙ ИЗ ФОНДОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

СИДОРОВА АННА
НИКОЛАЕВНА

Кандидат исторических наук, главный
специалист, Государственный архив
Российской Федерации

119435, Россия, Москва, Большая Пироговская
ул., д.17

ansidorova.garf@yandex.ru

Статья посвящена проблемам организации нравственного и этикетного воспитания детей императора Николая I. Царские дети по своему рождению занимали высокое положение и были примером для общества. Условия придворной жизни, в которой им предстояло играть первостепенную роль, ставили задачи этикетного воспитания – усвоения необходимых правил поведения, самодисциплины, организованности, умения владеть собой. Одной из главных задач воспитания было развитие душевных качеств и формирование нравственности. Показательным в этом отношении является процесс воспитания детей в семье Николая I. Император не уставал повторять сыновьям о долге и обязанностях перед страной и народом, ежедневно вторили императору в своих наставлениях и воспитатели царских детей. Одним из важнейших воспитательных методов являлось ведение детьми личных дневников. Приучать к этому занятию детей начинали с 7–8 лет. Дневник был действенным средством самоанализа, развивал дисциплинированность, умение мыслить, способствовал сохранению в памяти важных моментов жизни. Сохранившиеся в Государственном архиве Российской Федерации дневники сыновей Николая I позволяют глубже проникнуть в детский мир и узнать множество интересных подробностей о механизме формирования нравственности великих князей, особенностях их этикетного воспитания и бытовой обстановке при царском дворе.

Ключевые слова: великие князья, Николай I, воспитание, дневники

Царские дети в силу своего происхождения не были обычными детьми, им со временем предназначено было занять высокое положение, быть примером для общества, влиять на ситуацию в стране. В связи с этим одной из главных задач их воспитания было развитие душевных качеств и формирование нравственности.

Показательным примером в плане организации процесса воспитания императорских детей является семья Николая I. Император на первое место ставил воспитание в сыновьях чувства долга перед государем и Отечеством. На протяжении всего периода взросления

► **MORAL AND ETIQUETTE
EDUCATION OF THE CHILDREN
OF NICHOLAS I (ACCORDING
TO THE DIARIES OF THE GRAND
DUKES FROM THE FUNDS
OF THE STATE ARCHIVE
OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

SIDOROVA ANNA NIKOLAEVNA

PhD in History, Chief Specialist, The State
archive of the Russian Federation

17, Bolshaja Pirogovskaja st., Moscow, 119435,
Russia

ansidorova.garf@yandex.ru

The article is devoted to the problems of organization moral and etiquette education of the children in the family of emperor Nicholas I. Imperial children by their origin occupied a high position and were an example for society. The conditions of court life set the tasks of etiquette education – mastering the necessary rules of behavior, the ability to control themselves and develop self-discipline and self-organization. One of the main tasks of education was the development of mental qualities and the formation of good morals. Indicative in this respect is the process of child education in the family of Nicholas I. The emperor never tired of repeating to his sons about the duty and duties to the country and the people, the emperor was daily echoed in his instructions by the educators of imperial children. One of the most important educational methods was the keeping of personal diaries by children. The children began to keep a diary from the age of 7–8. The diary was an effective means of introspection, developed discipline, the ability to think, contributed to the preservation of important moments of life in memory. The diaries of the sons of Nicholas I are kept in the State archive of the Russian Federation, it allow us to penetrate deeper into the children's world and learn a lot of interesting details about the mechanism of the formation of the morality of grand dukes, the peculiarities of their etiquette education and the household environment at the royal court.

Keywords: grand dukes, Nicholas I, upbringing, diaries

сыноией отец не уставал внушать им принципы чести, справедливости, покорности своему предназначению. Великого князя Константина в письме по случаю исполнения ему одиннадцати лет император просил «быть послушным, примерным и не терять времени в шалостях, помня свое будущее назначение»¹, а великого князя Михаила в 1845 г. наставлял: «Поздравляю тебя, милый мой Мишка, с твоими 13-ю годами и посылаю тебе мое благословение и поцелуй. Дай Боже, чтоб ты вышел таков, каким тебя желаю и ожидаю, т. е. усердным, верным и полезным слугой твоему брату, который тебе заменит отца, когда ты на службу поступишь. К сему готовься прилежно, не надейся все на легкость, с которою покуда учился, но умей и учись себя превозмочь в твоих слабостях»².

О долге и будущих обязанностях перед страной постоянно напоминали в своих наставлениях и воспитатели царских детей. Согласно «Плану учения», разработанному наставником цесаревича Александра Николаевича В. А. Жуковским, воспитание и образование должны были формировать единую систему, в которой обучение подчиняется задачам воспитания. «Воспитание должно образовать человека, гражданина, христианина»³, — отмечал поэт, считая, что великий князь обязан прийти к завершению воспитания с запасом из сильной воли, просвещенного ума и осознания своего предназначения. Влияние Жуковского в той или иной степени сказалось на воспитании всех детей Николая I. Поэт лично наблюдал за преподаванием наук у великих княжон и давал советы воспитателям младших великих князей Ф. П. Литке и А. И. Философову.

Особое участие он принял в нравоучительной переписке с юным великим князем Константином Николаевичем. С осени 1840 г. Ф. П. Литке установил правило, чтобы в конце каждой недели великий князь писал письмо к кому-нибудь из воспитателей по своему усмотрению, давая обзорные своим учебным успехам и поведению за истекшую неделю. Такие письма должны были научить великого князя умению письменно излагать свои мысли, отдавать себе отчет в своих поступках, размышлять, описывать окружающие события и явления. Постоянными корреспондентами Константина Николаевича стали инспектор классов А. Ф. Гримм и воспитатель Ф. П. Литке, несмотря на то что они целыми днями находились рядом с великим князем. Переписка с В. А. Жуковским имела цель научить Константина Николаевича красивому и правильному письменному слогу, но быстро стала для великого князя интересной и полезной письменной беседой. Он описывал поэту впечатления от своих учебных морских плаваний, рассказывал о городах и достопримечательностях, поразивших его воображение, отмечал семейные события, рассуждал о литературе и истории. В. А. Жуковский много места в письмах посвящал морально-этическим наставлениям, убеждая великого князя, что мелкие недостатки, если с ними сознательно не бороться, могут превратиться со временем в пороки, а добрые качества, напротив, если развивать их в себе, могут обратиться в добродетели. «Все мы на этой дороге равны: и царь, и последний нищий, ибо, кончив свою земную дорогу, мы ничего с собою не возьмем, кроме нашей души, а все прочее, царская ли корона или рубище нищего, останется в одинаковом прахе. Разница только та, что рожденный на степени высокой и при жизни состоит под судом всенародным, а по смерти, сверх Божия суда, предается еще и суду истории, которая на память его кладет или клеймо стыда, или венец славы», — наставлял Константина Николаевича В. А. Жуковский⁴.

- 1 Письмо императора Николая I великому князю Константину Николаевичу. 21 мая / 2 июня 1838 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 722. Оп. 1. Д. 804. Л. 4.
- 2 Письмо императора Николая I великому князю Михаилу Николаевичу. 9 / 21 февраля 1844 г. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1970 а. Л. 1.
- 3 Жуковский В. А. Записная книжка «Мысли и замечания». № 2. Воспитание // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 14: Дневники, письма-дневники, записные книжки. 1834–1847. М., 2004. С. 324.
- 4 Письма В. А. Жуковского к его императорскому высочеству великому князю Константину Николаевичу // Русский архив. 1867. Вып. 12. Стлб. 1392.

Обязательным условием воспитания детей императора Николая I было ведение личных дневников. Принцип, внедренный в российской императорской семье императрицей Марией Федоровной при воспитании младших сыновей — Николая и Михаила Павловичей, оказался в полной мере развит в семье Николая I. Приучать к ведению дневника детей начинали с 7–8 лет, император настаивал, чтобы записи дети делали на русском языке. «Журнал хоть и трудновато молодежи писать, но им оно здорово, ибо приучает к трудам и службе и очень пригодится вперед»⁵, — внушал государь цесаревичу Александру Николаевичу. Сохранившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) дневники сыновей Николая I позволяют глубже проникнуть в детский мир и узнать множество интересных подробностей о механизме формирования нравственности великих князей, особенностях их этикетного воспитания и бытовой обстановке детской половины.

Поначалу, чтобы у ребенка вошло в привычку писать дневник, воспитатели просили записывать информацию об учебных занятиях, полученных оценках, учителях и лично проверяли дневники, исправляя стилистические и грамматические ошибки. Первые дневниковые записи сыновей проверяла сама императрица Александра Федоровна. С приобретением навыка ведения дневника ребенок переставал описывать учебные занятия. Например, у Михаила Николаевича, начавшего вести дневник с 1 апреля 1840 г., такие записи прекращаются с июня 1844 г. Теперь он отмечал родительские наставления, семейные события, прогулки, игры с братьями и сестрами, с друзьями, походы в театры, подробности жизни своих любимых питомцев — собак и лошадей. Записи об уроках или учителях встречаются только в связи с их отсутствием или какими-то очень запоминающимися экскурсионными уроками. Константин Николаевич начал вести дневник с восьмилетнего возраста. **1** Его дневник с самого начала содержал перечисление разнообразных фактов и событий, описание морских плаваний, занятий и игр, фактов семейной жизни; сведения об учебных занятиях, напротив, встречаются нечасто. Записи в его ранних дневниках довольно сухие и краткие, в них нет описательности и размышлений, и только постепенно его дневник приобретает полноту и насыщенность фактами и подробностями. **2 3**

Дневник, помимо прямых функций — приучить детей к описанию своей жизни и к самоорганизации — использовался как средство воспитания. Он способствовал самоанализу, развивал дисциплинированность, умение мыслить, помогал сохранению в памяти важных моментов жизни. Воспитатели побуждали детей записывать в дневник свои проступки и родительские наставления. «Я отныне буду отмечать мои проступки. Сегодня 1) капризы за математикой, 2) бросился в воду не как надо, 3) спор с Гриммом»; «Сегодня у меня самый худой день, который только был с того времени, что я учусь <...> Мне жаль и страсть думать, что с того времени, как я учусь, когда мне было 6 лет, не было ни разу такого дурного дня как сегодня, а теперь мне 11 лет. Мне стыдно перед самим собой <...> Стыдно! Стыдно! Костя, будь умней, старайся, чтоб остальная часть недели была бы очень хороша»; «Я имею привычку очень грубо обращаться с братцами и сегодня два раза заставил Мишу плакать, и за то был оштрафован. Мне должно помнить, что они гораздо меньше и слабее меня, и обращаться с ними осторожно»⁶, — отмечал в дневнике великий князь Константин Николаевич. Великий князь Михаил тоже записывал свои проступки: «У Гос[подина] Кур[нанда] я был немножко рассеян, за что он мне сделал замечание, а я заплакал»⁷; «<...> у Кушакевича занимался геометрией и оттого, что я позже кончил, я заплакал и Папа мне не позволил завтра играть с гостями»⁸; «<...> у Мечина не знал стихи»; «<...> Зауервейда рисовал солдата нерадиво»⁹.

5 Цит. по: Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 г. М., 1999. С. 140.

6 Дневник великого князя Константина Николаевича за 1838–1839 гг.// ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 75. Л. 61, 63, 76.

7 Дневник великого князя Михаила Николаевича за 1840 г.// ГА РФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 10. Л. 21.

8 Дневник великого князя Михаила Николаевича за 1842 г.// Там же. Д. 12. Л. 2 об.

9 Дневник великого князя Михаила Николаевича за 1842–1843 гг.// Там же. Д. 13. Л. 7 об.–8.

Воспитатели побуждали детей заносить в дневник поучительные примеры из книг. Так, Ф. П. Литке однажды читал великому князю Константину записки о юношеских годах прусского короля: «Этот отрывок <...> содержит весьма любопытные вещи и вообще, особенно же по приложению их к нынешнему нашему состоянию. Я прочел его Константину Николаевичу, старался объяснить ему, что одним мышлением, <...> на которое молодой Фриц тут преимущественно налегает, можно сделаться человеком полезным, и предложил ему перевести этот отрывок в свой журнал, чтобы содержание его лучше вперить в душу»¹⁰. Интересно, что сами воспитатели иногда писали наставления в дневник своим подопечным: «Первые дни одиннадцатого года жизни дурны, беда, если такое начало года предвещает такое же и продолжение его! Жаль и грустно, что Константин Николаевич по временам так мало думает о том, что столь необходимо для счастья всей будущей его жизни; без чего не может он заслужить любви своих родителей, ни служить им утешением, ни сделаться полезным для других, а без всего этого не приобретет человек и благословение от Бога, ни счастья на земли. Пусть Константин Николаевич чаще об этом размышляет, и помнит, что через три, четыре года, так проведенных, может быть, уже и поздно будет исправиться, а как скоро пройдут они! Пусть прочтет он эти строки и в следующий день своего рождения и постарается дать самому себе отчет в том, как проведен год», — записал Ф. П. Литке в дневнике Константина Николаевича 11 сентября 1837 г.¹¹ Увидев запись воспитателя, великий князь сначала удивился, но прочел все с большим вниманием.

Анализ дневниковых записей царских детей позволяет узнать о методах воздействия на великих князей. С целью выровнять их сформировавшиеся характеры, искоренить недостатки, научить вести себя соответственно общественному положению, воспитатели великих князей использовали строгую дисциплину. Детей приучали к послушанию, развивали в них подчинение воле отца, воспитателей, учителей. Применялись разнообразные меры, во многом сходные с наказаниями, характерными для общественных учебных заведений того времени. Так, при мелких шалостях (ослушание воспитателя, капризы, дурное поведение за столом во время обеда, случайное увечье в игре) детей лишали блюд за обедом, не отпускали на прогулку, ставили в угол, наказывали плохой отметкой за поведение. В дневниках великого князя Михаила часто встречаются подобные записи: «Алексей Илларионович поставил нас в угол за то, что мы убежали»; «<...> я ударил Низи сухарем в лоб за то, что он взял тот сухарь, который я любил, и Василий Сергеевич отнял у меня чай»¹²; «<...> я ударил Давыда Егорьевича в лоб, за что меня Папа оставил без обеда и поставил меня в угол на колена»; «<...> Папа мне не позволил ходить гулять, потому что я нечаянно попал Федорову в бровь и не признался»¹³.

При более серьезных ослушаниях — грубости учителям или длительных неудачах в учебе (например, если следовала неделя неудовлетворительных оценок) — провинившегося изолировали от общества, отказывали в приглашении кадет, не позволяли вечером пойти к императрице или к сестрам, сажали одного на целый день в чулан или запирали в комнате. «Плохой день, математический урок дурной, и вообще много шалостей и непослушания. Должен был сказать об этом государю, который в подобных случаях приказал его запереть на день»¹⁴, — записывал воспитатель Константина Ф. П. Литке. Для усиления эффекта ребенок отбывал заключение в воскресный день, когда братья и сестры, свободные от уроков, выезжали куда-нибудь с родителями или играли с приглашенными во дворец гостями. Известен случай, когда Константин Николаевич отодвинул стул у И. М. Толстого, шталмейстера наследника, и тот упал на пол. Ф. П. Литке рассказывал, что это происшествие случилось

10 Дневник Ф. П. Литке за 1841–1843 гг. // ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 1113. Л. 120.

11 Дневник великого князя Константина Николаевича за 1837 г. // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 74 а. Л. 63 об. — 64 об.

12 Дневник великого князя Михаила Николаевича за 1840–1841 гг. // ГА РФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 11. Л. 23 об., 64.

13 Дневник великого князя Михаила Николаевича за 1842 г. Л. 22, 35.

14 Дневник Ф. П. Литке за 1837–1838 гг. // ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 1111. Л. 51.

на собрании у императрицы, и воспитатели заставили великого князя самому сознаться государю, не видевшему этой сцены. Отец повелел действовать на виновного стыдом. С ним не разговаривали и не выпускали из своих комнат, он обедал в одиночестве, как недостойный сообщества других, ему не прислуживал камердинер¹⁵. Другим тяжким наказанием, применявшимся в подобных случаях, было отнятие у великого князя всех мундиров.

Действенным методом, использовавшимся при нравственном воспитании, было взаимное сравнение великих князей между собой. Константин писал своим младшим братьям Николаю и Михаилу наставительные письма, когда они провинялись, а младших братьев при хорошем поведении ставили в пример Константину. В январе 1846 г. А. И. Философов писал Ф. П. Литке: «Поблагодарите его [Константина Николаевича] за память и за выговор, данный Николаю Николаевичу за небрежное писание — этот выговор мне по сердцу пришелся; попросите великого князя, погода немного — ежели мы не исправимся — опять нас ласково побранить, как бранят полузрелых братьев — т. е. представляя последствия небрежности и умственной лени, оную производящей. Его замечания, высказанные просто, подействуют более всех моих выговоров, но только попросите, чтобы не ставил в пример Николаю Николаевичу меньшего брата, а, как и ныне, указал бы на наследника»¹⁶.

Воспитатели великого князя Константина ввели оригинальный метод борьбы с плохим поведением и учебой. Подобно тому, как было устроено у цесаревича Александра Николаевича в годы его учения, воспитатели завели особую кружку, куда откладывались монетки: за отметку выше «4» — по одному пятаку; вычиталось: за каждую единицу ниже «4» — по десять пятачков (за плохой урок танцев или маршировки — три пятачка), по три пятачка за плохое приготовление уроков, десять — за ссору с братьями, двадцать — за непослушание или невежество, пятьдесят — за ложь. Когда кружка наполнялась, скопленные деньги отдавались законоучителю В. Б. Бажанову на благотворительность. Воспитатели и В. Б. Бажанов при любом удобном случае увещевали великого князя «не отнимать у бедных куска хлеба вычетами». Этот метод был одобрен императором и, как видно из документов, долго использовался, вызывая у великого князя неподдельную радость, когда благодаря его стараниям получалось скопить хорошую сумму для раздачи нуждающимся.

В отличие от общественных учебных заведений, в семье Николая I не признавали использование кардинальной воспитательной меры — телесного наказания. Не все воспитатели были согласны с императором, в частности Ф. П. Литке, который считал телесное наказание эффективным средством воздействия для «исправления телесного порока». Тем не менее, в дневниках великих князей и рапортах их воспитателей встречаются единичные упоминания о применении розог: в 1837 г. Литке применил розги для наказания Константина за участвовавшие случаи ночного энуреза, а в 1840 г. сам государь высек сына Николая за продолжительные капризы¹⁷. Император Николай I считал более действенным средством психологическое воздействие — наставительные беседы с великими князьями, разъяснение им правил поведения. В детских дневниках часто встречаются упоминания о том, что воспитатели делали им выговоры и замечания за проступки, апеллировали к чувству чести и долга. Во время прогулок великим князьям напоминали, что на них обращены народные взоры и каждый их шаг, каждая шалость могут быть отнесены на счет государя, создать впечатление, что он плохо воспитывает своих детей. В случае, когда наставления переставали воздействовать, воспитатели отмечали, сколько времени за день (поминутно) было потеряно в рассеянности, шалостях, беспрестанных напоминаниях. «Чтобы как-нибудь отучить Константина Николаевича от шалостей, рассеянности и проволочек во время работ, особенно утренних, избегая беспрестанных напоминаний, которые с другой стороны и надоедают, да и мешают,

15 Дневник Ф. П. Литке за 1841–1843 гг. Л. 144–144 об.

16 Письма А. И. Философова к Ф. П. Литке // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 30. Оп. 1. Д. 38. Л. 11.

17 Дневник Ф. П. Литке за 1837–1838 гг. // ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 1111. Л. 75 об., Д. 1112. Л. 207.

завел я сегодня, чтобы в субботу давать Константину Николаевичу записки о том, сколько он в течение недели за утренними работами потерял времени, и записывал это в свой журнал. Это ему не понравилось. Посмотрим результата»¹⁸, — записал в январе 1841 г. Ф. П. Литке. Такую же практику с тех пор активно использовал и его помощник Ф. С. Лутковский, который в конце недели подводил итог потерянному времени и представлял это великому князю, а для большей убедительности итоговую цифру (от 30 мин. до 1 ч.) иногда подводил и за месяц. Такие записки содержали напоминание о разнообразных бесполезных действиях: «играние руками и пальцековыряние», «хождение в шкаф», «делание чернильных озер», «зевание», «рассматривание ногтей и пера», «путешествие за чернильницей и происшествие во время вояжа», «играние перьями» и т. п.¹⁹ Согласно плану В. А. Жуковского, главным наказанием и главной наградой для великих князей служило мнение отца-императора: его одобрение или неодобрение их поступков. Так, довольно действенной мерой был отказ в целовании руки отца при вечернем рапорте о занятиях и поведении за прошедший день.

В качестве поощрения хорошего поведения и учебы великих князей применялись: представление родителям хороших отзывов и их похвальное слово, приглашение во дворец кадет, поездка с родителями в театр, сопровождение матери или сестер на прогулке в экипаже. Решение о поощрении всегда исходило от отца-императора. Наиболее радостным подарком для великих князей был новый мундир, связанный с очередным назначением, и продвижение по символической служебной лестнице в полку, где он числился. Такие поощрения приурочивали к какому-нибудь празднику — дню рождения, Пасхе, Рождеству, семейному радостному событию.

Воспитание великих князей, складывание их характеров и предпочтений осуществлялось не только путем нравственных наставлений и ежедневных увещаний воспитателей, но происходило также посредством этикетного воспитания. Условия придворной жизни ставили необходимость четкого понимания и усвоения правил общественного поведения, умения владеть собой и произвести должное впечатление.

Важной составляющей этикетного воспитания великих князей было приучение их к простой и рациональной обстановке комнат. В императорских резиденциях у мальчиков были собственные помещения, состоявшие из спальни, столовой и учебной комнаты. Интерьер спальных комнат, за исключением изысканного архитектурного декора на стенах и потолке, был обустроен просто и просторно. Комнаты хорошо проветривались, а кровати великих князей, как и у отца-императора, были приближены к условиям походной лагерной жизни. «Спят великие князья на тюфяках, туго набитых соломой, <...> а подушки так же туго набиты сеном», — отмечал Ф. С. Лутковский²⁰. Расположение учебных комнат великих князей (Константин Николаевич имел собственную классную комнату, Николай и Михаил Николаевичи — общую на двоих) и расстановка мебели в них точно соответствовали плану В. А. Жуковского: в них соблюдался методический порядок, и предметы, необходимые в учебном процессе, были расположены так, чтобы всегда находиться под рукой. Ф. П. Литке так описывал учебную комнату великого князя Константина в Зимнем дворце: «Я старался устроить как можно проще и удобнее. Шкапы с книгами составляют три стороны четырехугольника, по окнам низкий шкаф для портфелей, на нем модели кораблей, посреди большой учебный стол, против него черная доска, по флангам бюро и стол для меня, на шкапах полдюжины бюстов»²¹. Для гимнастических упражнений, мастерских и игр, по предложению В. А. Жуковского, были отведены отдельные помещения, которые были общими для всех

18 Дневник Ф. П. Литке за 1839–1841 гг. // ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 1112. Л. 302.

19 Записки Ф. С. Лутковского о воспитании великого князя Константина Николаевича. Т. 5. 1844 г. // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 31. Л. 93–93 об.

20 Цит. по: *Лумпанова Г. А.* Контр-адмирал Феопемпт Степанович Лутковский: Тверская слава Российского Флота. Тверь, 2010. С. 84.

21 Дневник Ф. П. Литке за 1839–1841 гг. Л. 165.

троих великих князей. Свои жилые дома и учебные комнаты, любимые места игр дети часто изображали на рисунках, которые дарили родителям на дни рождения или именины. **4 5**

Не менее важной воспитательной задачей было также развитие в детях умеренности в еде. Великая княжна Ольга Николаевна в своих воспоминаниях о детстве писала: «Папа распорядился, чтобы на наш стол употреблялись 25 серебряных рублей: одно блюдо на завтрак, четыре блюда в обед в три часа и два на ужин в восемь часов. По воскресеньям на одно блюдо больше, но ни конфет, ни мороженого»²². Согласно записям в детских дневниках, время приема пищи императорских детей было подчинено их распорядку дня, поэтому в большинстве случаев они завтракали и обедали в своих помещениях в обществе воспитателей. Ужинали в основном с родителями, но полдник в обязательном порядке проходил в обществе матери и был необыкновенно любим всеми членами семьи. На полдник у императрицы подавали чай, молочные продукты, печенье, бисквиты, ягоды и фрукты.

В остальное время детям давали самую простую пищу. Ф. П. Литке так описывал рацион своего подопечного в 1842 г.: «С самого детства старался я приучить Константина Николаевича к умеренности в пище. Обед наш состоит из четырех блюд самых простых; соусы, пряности безусловно изгнаны из нашей кухни. Завтрак в полдень состоит из чашки бульона, яйца всмятку, простокваши, какой-нибудь зелени. Поутру или ввечеру имеет он чашку молока с хлебом»²³. На обеденном столе у великих князей, по словам Ф. С. Лутковского, часто бывали «щи из рубленой кислой капусты и гречневая каша»²⁴. Любимыми, но редкими лакомствами великих князей Николая и Михаила, судя по записям в дневниках, были выборгские калачи, сухари, апельсины, вишни, арбуз, сладкое — бисквиты, шоколад, земляника с молоком и сахаром. Особенную радость доставляли рыба и раки, самостоятельно пойманные в царскосельских и петергофских прудах. «За ужином в Александрии подавались цельные раки, что причинило общую семейную радость!»²⁵ — отметил 30 июня 1846 г. великий князь Константин. А Михаил Николаевич во время пребывания в Царском Селе писал: «Пошли <...> на остров удить, и потом варили бобы, позвали повара, который зарезал щуки и несколько окуней и стал их жарить. Пошли обедать и ели свою рыбу. После обеда опять на острове, где во время дождя сварили чудесный кофе и выпили его»²⁶.

Воспитатели строго следили за детьми за столом, жестко ограничивая и напоминая, что «ежели положить в чай пол чашки сиропу, то будет уже лакомство и прихоть», что «нет никакой надобности» намазывать масло, «особенно кушая крендели, которые пекутся с маслом»²⁷ и т. п. Такое ограничение, преследовавшее воспитательные цели, порой приводило к обратным результатам. Великий князь Константин Николаевич иногда тайком брал с полдника у императрицы бисквиты и кусочки сахара, чтобы полакомиться ими во время вечерних игр, но потом всегда раскаивался в содеянном, записывая этот проступок в дневник и рассказывая о нем своему воспитателю. О том, как великие князья ведут себя за столом, неизменно докладывалось императору в общих рапортах о поведении детей. А. И. Философов в донесении от 29 августа 1843 г. писал: «Здоровье Их Высочеств постоянно было хорошо, несмотря на угощенья г-жи Плещеевой и на полную свободу им данную кушать у нее, что им вздумается. Я с удовольствием заметил, что ни разнообразие, ни количество блюд их не прельстили и что они перестали кушать, как скоро насытились»²⁸.

22 Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 243.

23 Дневник Ф. П. Литке за 1841–1843 гг. Л. 126.

24 Лумпанова Г. А. Контр-адмирал Феопопт Степанович Лутковский. С. 84.

25 Дневник великого князя Константина Николаевича за 1846–1847 гг. // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 86. Л. 2 об.

26 Дневник великого князя Михаила Николаевича за 1847–1848 гг. // ГА РФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 17. Л. 86 об.

27 Записки Ф. С. Лутковского о воспитании великого князя Константина Николаевича. Т. 1. 1839–1840 гг. // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 27. Л. 137 об., 342.

28 Рапорты генерал-адъютантов А. И. Философова и Ф. П. Литке Николаю I о занятиях великих князей. 1843–1844 гг. // ГА РФ. Ф. 728. Оп. 2. Д. 505. Л. 42 об.

По своему высокому положению великим князьям предстояло в будущем быть постоянно на виду, присутствовать на разнообразных придворных церемониях, находиться в «большом свете», знать правила придворного этикета. В связи с этим их с малых лет старались приучать к общению: приглашали во дворец кадет, с которыми великие князья играли, оставляли великих князей на вечерних собраниях у императрицы, где собиралось придворное общество. По мере взросления император брал великих князей на разводы и парады, где они занимали места среди офицеров своих полков, в которых числились проходящими военную службу.

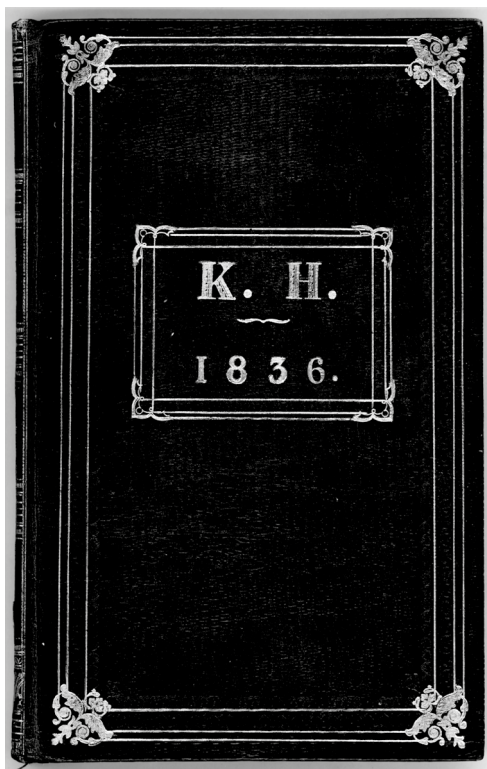
Множество мельчайших деталей детского быта, обстановки, принципов воспитания императорских детей зафиксированы не столько в официальных рапортах воспитателей, предназначенных для просмотра отцу-императору, сколько в ежедневных дневниковых записях самих детей, старавшихся сохранить для себя интересные события своей жизни и, внимая наставлениям воспитателей, оставить себе важные напоминания для будущей оценки своего поведения. Очень показательна в этом отношении запись в дневнике 15-летнего великого князя Константина Николаевича, сделанная им 7 марта 1843 г.: «Сегодня утром я откровенно говорил с Федором Петровичем <...> Он мне советовал, чтоб начать с чего-нибудь мое исправление, начать писать журнал как должно и сделать из него исповедь перед самим собою. Это трудно мне сделать, однако, как этого требует мой долг, я постараюсь это в самом деле исполнить»²⁹.

REFERENCES

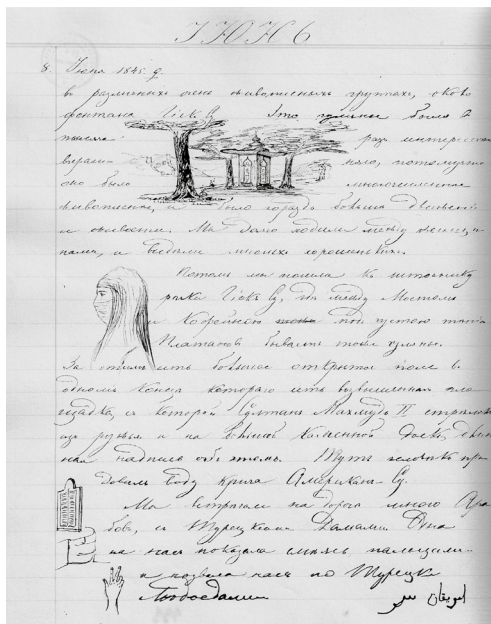
Lumpanova G. A. *Kontr-admiral Feopempt Stepanovich Lutkovskii: tverskaja slava Rossijskogo Flota* [Rear Admiral Feopempt Stepanovich Lutkovsky: Tver glory of the Russian Fleet]. Tver, 2010. 120 p. (In Russian)

Zhukovsky V. A. *Zapisnaya knizhka "Mysli i zamechaniya"*. [Notebook "Thoughts and remarks"]. No 2. *Vospitanie* [Education]. Zhukovsky V. A. The complete collection of works and letters: in 20 vols. Vol. 14: Diaries, letters-diaries, notebooks. 1834–1847. Moscow, Languages of Slavic culture, 2004, pp. 293–328. (In Russian)

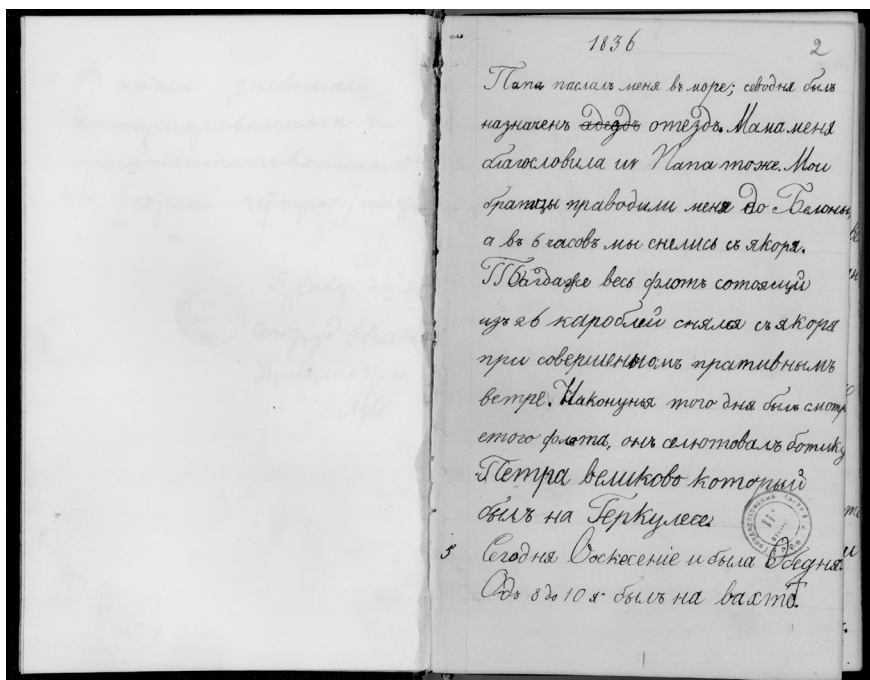
29 Дневник великого князя Константина Николаевича за 1842–1843 гг. // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 80. Л. 74.

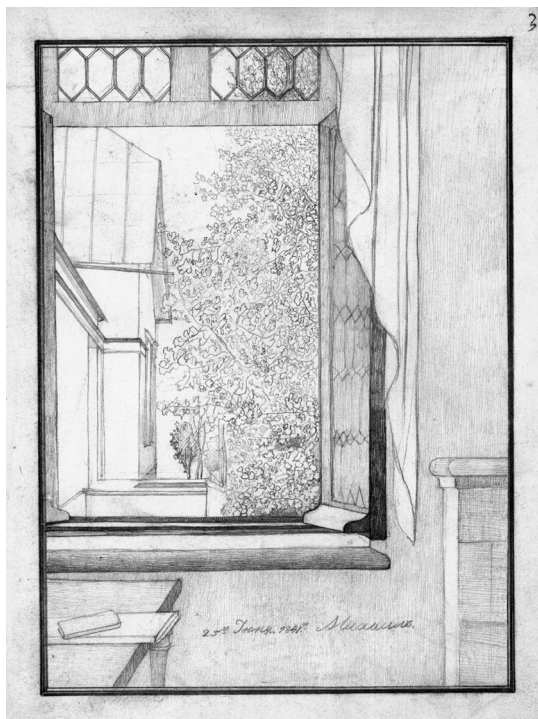
1 Обложка дневника великого князя Константина Николаевича за 1836 год
ГА РФ

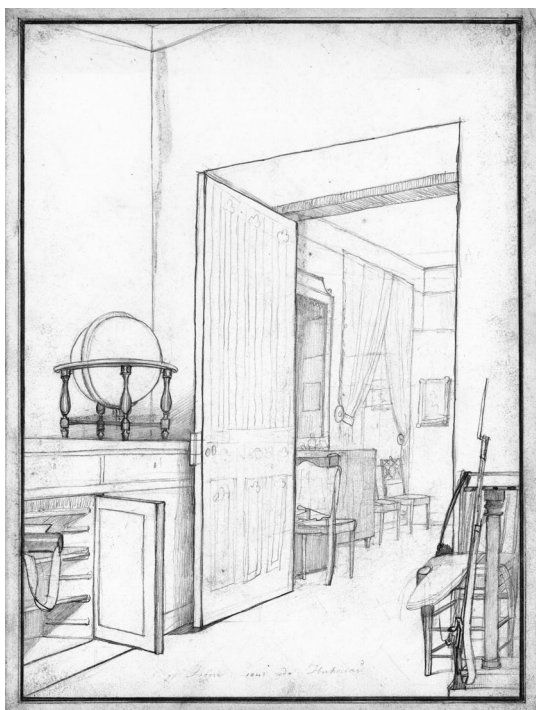
3 Дневник великого князя Константина Николаевича за время путешествия в Турцию в 1845 году
ГА РФ

2 Записи в дневнике великого князя Константина Николаевича за 1836 год
ГА РФ

4 Великий князь Михаил Николаевич
Вид из окна
великокняжеского домика в Петергофе
1841
ГА РФ

5 Великий князь Николай Николаевич
Учебная комната
1841
ГА РФ

► ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ И ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

САБЕНИНА АЛЛА ВАДИМОВНА

Начальник экспозиционно-выставочного
отдела, Московский государственный
объединенный музей-заповедник
«Коломенское – Измайлово»

115487, Россия, Москва, пр. Андропова, д. 39

kolomalla@yandex.ru

В семье последнего российского императора Николая II было пятеро детей: четыре дочери — Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия — и самый младший ребенок — цесаревич Алексей. Для воспитания дочерей императрица Александра Федоровна избрала английскую, «викторианскую» модель воспитания. Досуг царских детей постоянно заполнялся различными развивающими играми по принципу «обучать, играя». Царских детей обучал практически один и тот же штат преподавателей. Сведений об организации учебы великих княжон имеется довольно мало, однако по сохранившимся документам можно составить общую картину. Согласно расписаниям занятий, детям преподавали русский, английский, французский и немецкий языки, арифметику, историю и географию, Закон Божий, рисование и другое. Преподаватели готовили программы, соответствующие возрасту, уровню знаний и успеваемости. Обучение наследника было довольно сложным делом из-за его тяжелого заболевания — гемофилии. Несмотря на имевшуюся программу занятий, проходили они нерегулярно. В Государственном архиве Российской Федерации сохранились отчеты преподавателей «о проделанной работе», классные журналы и тетради детей за разные годы.

Ключевые слова: дети императора Николая II, «викторианская» модель воспитания, система образования, царские учителя, письма и воспоминания современников, отчеты учителей, расписание занятий

В семье последнего российского императора Николая II было пятеро детей: четыре дочери — Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия — и самый младший ребенок, долгожданный наследник престола цесаревич Алексей. Дети были главной радостью царской четы. Как и все родители, Николай и Александра старались укрепить их здоровье и дать им все самое

► EDUCATION OF CHILDREN OF EMPEROR NICHOLAS II ACCORDING TO THE MEMORIES OF CONTEMPORARIES AND DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE RUSSIAN FEDERATION²

SABENINA ALLA VADIMOVNA

Head of the exposition and exhibition
department, The Moscow State Integrated
Art and Historical Architectural and Natural
Landscape Museum-Reserve “Kolomenskoe –
Izmajlovo”

39, Andropova av., Moscow, 115487, Russia

kolomalla@yandex.ru

The family of the last Russian Emperor Nicholas II had five children: four daughters — Olga, Tatyana, Maria, Anastasia — and the youngest child, Tsarevich Alexei. For the education of her daughters, Empress Alexandra Feodorovna chose the English, “Victorian” model of education. The leisure of the royal children was constantly filled with various educational games according to the principle — “to teach while playing”. The royal children were taught by almost the same staff of teachers. There is quite a bit of information about the organization of the studies of the Grand Duchesses, however, according to the surviving documents, you can get a general picture. According to the schedule of classes, children were taught Russian, English, French and German, arithmetic, history and geography, the Law of God, drawing and more. Teachers prepared programs corresponding to age, level of knowledge and progress. The education of the heir was quite difficult because of a serious illness — hemophilia. Despite the existing program of classes, they were held irregularly. In the State Archives of the Russian Federation, teachers’ reports “on the work done”, class journals and children’s notebooks for different years have been preserved.

Keywords: children of Emperor Nicholas II, “victorian” model of education, education system, royal teachers, letters and memoirs of contemporaries, teachers’ reports, class schedule

1 Автор выражает благодарность сотрудникам ГА РФ С. П. Балану и И. Н. Засыпкиной за консультации и помощь в написании статьи.

2 The author expresses gratitude to the staff of the State Archive of the Russian Federation S. P. Balan and I. N. Zasyapkina for advices and assistance in writing of the paper.

лучшее, в первую очередь образование. Огромное значение придавалось также воспитательному процессу, духовному и нравственному развитию.

Для воспитания своих дочерей императрица Александра Федоровна избрала английскую, «викторианскую» модель воспитания, в соответствии с которой выросла сама. Девочек лишь несколько раз вывели на балы и танцевальные вечера, их жизнь не была наполнена светскими мероприятиями.

Как вспоминал начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал-лейтенант А. А. Мосолов, находившийся в близком окружении императора Николая II, «в период между 1911 и 1913 годами, если не ошибаюсь, императрица устроила бал для двух старших княжон. Кавалерами были все те же моряки со „Штандарта“ да несколько офицеров Крымского конного дивизиона. Гофмаршал Бенкендорф был в ту пору в Ливадии и лично взялся за устройство бала. Дети были в неопишемом возбуждении как в ожидании бала, так и на самом балу». Также Мосолов отмечает, что «ни у одной из великих княжон никогда не было и настоящей подруги-сверстницы. Кроме свиты в соприкосновение с детьми приходили только ближайшие родственники: дети великой княгини Ксении Александровны, Георгия Михайловича, Константина Константиновича, Анастасии и Милицы Николаевны, Александра Михайловича»³. Александра Федоровна была уверена, что подруги могут оказывать на ее дочерей плохое влияние, поэтому они росли в своем замкнутом мире — мире Александровского дворца.

Досуг царских детей постоянно заполнялся различными развивающими играми. В их основу закладывался принцип «обучать, играя». С детьми играли в домино, шашки, карты, лаун-теннис, мини-гольф, бадминтон, катались на велосипедах, коньках, санках, плавали на байдарках, ставили домашние театральные постановки, ездили на пикники, устраивали киносеансы. Из дневника великой княжны Татьяны Николаевны за 1909 г.: «Утром была в церкви. Завтракала и чай пила с Папа и Мама. После чая мы все пошли смотреть кинематограф»⁴. На Детском острове Александровского парка в Царском Селе располагались водоемы, ферма, сады и огороды; дети выращивали там цветы, злаковые культуры, овощи, ухаживали за животными. Помимо этого в парке Царского Села имелись зоопарк-зверинец и птичник, где содержались слоны, южноамериканские ламы, лошади, олени, кролики, черные лебеди, фазаны, куры, голуби и другие звери и птицы. Животные окружали детей и дома, среди них были комнатная собачка, канарейка, попугай⁵. В загородных резиденциях — Петергофе, Ливадии, Гатчине и Царском Селе — и во время отдыха в финских шхерах детям отводилась специальная территория, на которой размещались различные сооружения для игр: горки, качели, карусели «Гигантские шаги» и многие другие.

Так же, как и воспитанием, организацией образовательного процесса императорских детей заведовала сама Александра Федоровна. В обучении первой дочери, Ольги, императрица принимала участие лично, а кроме того, до 1908 г. она сама учила детей английской грамматике.

Всех царских детей обучал практически один и тот же штат преподавателей. Большинство из них начали педагогическую карьеру при дворе, занимаясь со старшими княжнами, и к началу обучения цесаревича доучивали младших сестер.

Старшим над всеми учителями был назначен статский советник профессор Петр Васильевич Петров. Он преподавал детям русский язык, а также заведовал образовательным процессом, назначал других наставников.

Закон Божий с марта 1904 до июня 1910 гг. преподавал протоиерей Александр Петрович Рождественский. Немецкий язык тогда же начала преподавать гофлектриса Е. А. Шнейдер.

3 Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 114.

4 Дневник великой княжны Татьяны Николаевны (1907) // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 651. Оп. 1. Д. 17. Л. 15. Здесь и далее орфография и пунктуация, кроме специально оговоренных случаев, приведена в соответствие с современными правилами русского языка.

5 Отчет П. В. Петрова о занятиях русским языком с великими княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной в 1905 г. // ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

С лета 1905 г. учителем французского языка к великим княжнам Ольге и Татьяне был приглашен Пьер Жильяр; по достижении девятилетнего возраста, с 1907 г., к сестрам присоединилась Мария, а с 1909 г. — Анастасия; в октябре 1912 г. состоялось первое занятие Жильяра с цесаревичем Алексеем.

В ноябре 1908 г. в штат приняли англичанина Сиднея Гиббса, выпускника Кембриджа, директора Высших курсов современных языков при Императорском училище правоведения. Он стал для царских детей учителем английского языка. Преподавателем арифметики был назначен Михаил Васильевич Соболев, работавший в Александровском кадетском корпусе⁶. Историю и географию с 1908 г. вел Константин Алексеевич Иванов, а рисование, с октября 1912 г., — график, профессор Императорской академии художеств Дмитрий Николаевич Кардовский.

В 1910 г. состав преподавателей незначительно изменился. Немецкий язык стал вести профессор немецкой филологии Эрих Карлович Клейненберг, физику и арифметику — директор Царскосельского реального училища императора Николая II Эраст Платонович Цытович, Закон Божий — протоиерей Александр Петрович Васильев⁷.

Известно, что для лучшего знакомства с новыми преподавателями Александра Федоровна часто присутствовала на их первых уроках с детьми. Пьер Жильяр так описал начало занятий с великими княжнами Ольгой и Татьяной, которым тогда было соответственно десять и восемь лет: «Императрица не пропускала ни одного из моих слов, и я чувствовал, что это не урок, который я даю, но экзамен, которому я подвергаюсь <...> В последующие недели императрица регулярно присутствовала на моих уроках и явно ими интересовалась. Ей нравилось в отсутствие детей рассуждать со мной о способах и методах изучения живых языков, и я постоянно поражался ее здравым и дальновидным рассуждениям»⁸. Жильяр также вспоминает, что императрица воспитывала в детях вежливость и чувство уважения к учителям: «Я, ко времени своего прихода, находил всегда книги и тетради заботливо разложенными на столе перед местом, занимаемым каждой из моих учениц, и никогда они не заставляли меня ждать ни одной минуты <...>»⁹.

Сведений об организации учебы великих княжон имеется довольно мало, однако по сохранившимся документам можно составить общую картину. Согласно архивным источникам, великие княжны начинали свое обучение в шестилетнем возрасте. Это подтверждают составленные П. В. Петровым отчеты за 1903–1906 гг. о занятиях Ольги и Татьяны, перечни прочитанных ими книг, выученных наизусть стихотворений и отрывков из произведений. Об этом свидетельствуют также письма-открытки и поздравления на русском и английском языках с Новым годом, Рождеством и Пасхой, написанные Ольгой, Татьяной и Марией в 1903, 1906, 1907 гг. родителям и друг другу¹⁰. В Государственном архиве Российской Федерации хранятся поздравительные открытки 1906 и 1907 гг. с переписанными стихами ко дню рождения Александры Федоровны¹¹.

Согласно расписанию занятий 1908–1909 учебного года, великим княжнам преподавали русский, английский и французский языки, арифметику, историю и географию¹².

6 Каменский В. А. Воспоминания об Александровском кадетском корпусе // Военная быль. 1973. № 9 (124). С. 22–23.

7 Списки преподавателей, дающих уроки императорским детям // ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.

8 Цесаревич Алексей в воспоминаниях его учителей. М., 2006. С. 9–10.

9 Там же. С. 11.

10 Поздравления и письма великих княжон Ольги, Татьяны и Марии отцу императору Николаю II и матери императрице Александре Федоровне // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 119. Л. 12, 13; Д. 335. Л. 21; Д. 116. Л. 17; Ф. 651. Оп. 1. Д. 67. Л. 8; Ф. 601. Оп. 1. Д. 1359. Л. 16; Д. 1291. Л. 6.

11 Басня и стихотворение, переписанные великими княжнами Татьяной и Марией для матери императрицы Александры Федоровны // ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 335. Л. 31–32, 59–60.

12 Зимин И. В. Повседневная жизнь Российского императорского двора. Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение. М., 2010. С. 311.

По данным расписаний на 1909–1910 и 1914–1915 учебные годы¹³, программа включала русский, английский, французский и немецкий языки, арифметику, историю, географию, Закон Божий, рисование, танцы и музыку. В личных дневниковых записях великой княжны Татьяны за 1907 г. имеется также упоминание об уроках естественной истории¹⁴. В отчете П. В. Петрова о занятиях по русскому языку великих княжон Ольги и Татьяны упоминаются пройденные сестрами курсы отчизноведения, родного языка и отечественной истории¹⁵. В отчете об уроках Закона Божьего, в частности, говорится, что в этот предмет входил систематический курс Священной истории¹⁶. Все иностранные языки, кроме немецкого, вводились в программу обучения с самого начала — немецкий стали преподавать, когда дети достигали десятилетнего возраста.

Уроки проходили с понедельника по субботу. Продолжительность одного урока составляла 55–60 мин.¹⁷, перерывы между уроками были по 10 мин. Во время перемен устраивались подвижные игры, для того чтобы дети могли отдохнуть и снять напряжение¹⁸.

Преподаватели готовили программы, соответствующие возрасту, уровню знаний и успеваемости каждой из учениц. Великие княжны посещали уроки по двое: Ольга с Татьяной, Мария с Анастасией. С одной стороны, это осложняло работу преподавателей: «Некоторым препятствием служило еще то обстоятельство, что на совместных с Татьяной Николаевной уроках нельзя было давать общей работы, а в отдельных работах требовалось постоянное наблюдение и частые разъяснения»¹⁹. «Отмеченные мною в отчете за прошлый год индивидуальные особенности в[еликой] кн[яжны] Татьяны Николаевны сохраняют силу и по настоящее время. Великая княжна физически слабее своей августейшей сестры, скорее утомляется, а потому ход преподавания продолжает быть замедленным. Намерение мое подогнать успешность великой княжны до такой степени, чтобы можно было соединить занятия обеих сестер, не может быть пока осуществлено»²⁰. С другой стороны, это способствовало соревнованию: младшая стремилась усвоить то, что знала старшая сестра.

С каждым годом учебная нагрузка значительно увеличивалась, и, в конце концов, количество уроков возросло с шести до десяти в день. Уроки проводились в первой половине дня, до завтрака, и продолжались после прогулки и обеда до вечера. Учебный курс начинался в январе и оканчивался в декабре. Занятия велись в течение всего года, с перерывом на Пасхальные и летние каникулы²¹. При этом в период летних каникул занятия по ряду предметов не прекращались. Как правило, несколько учителей сопровождали своих воспитанников в поездках и проводили занятия в местах их пребывания. Также на период летних каникул старшие и младшие княжны получали список книг для чтения,

- 13 Расписания учебных занятий на 1909–1910 и 1914–1915 учебные годы // ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 22. Л. 77, 105.
- 14 Дневник великой княжны Татьяны Николаевны (1907). Л. 26.
- 15 Краткий отчет о занятиях по русскому языку великих княжон Ольги и Татьяны, составленный учителем русского языка П. В. Петровым // ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 5. Л. 6, 7 об.
- 16 Отчет протоиерея А. Рождественского о занятиях по Закону Божьему великих княжон Ольги и Татьяны // Там же. Д. 9. Л. 1 об.
- 17 Отчет о занятиях русским языком великой княжны Ольги в 1903 г., составленный П. В. Петровым // Там же. Д. 5. Л. 1.
- 18 Краткий отчет о занятиях по русскому языку великих княжон Ольги и Татьяны, составленный учителем русского языка П. В. Петровым // Там же. Д. 5. Л. 7.
- 19 Отчет о занятиях арифметикой с великой княжной Марией Николаевной в 1909 г. // Там же. Д. 8. Л. 21.
- 20 Отчет о занятиях русским языком с великими княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной в 1905 г. // Там же. Д. 5. Л. 13 об.
- 21 Краткий отчет о занятиях по русскому языку великих княжон Ольги и Татьяны, составленный учителем русского языка П. В. Петровым; Письмо заведующего канцелярией императрицы Александры Федоровны графа Я. Н. Ростовцева П. В. Петрову // Там же. Д. 5. Л. 5; Д. 15. Л. 13.

который составлялся исходя из возраста сестер и их программы²². Пропустить занятия дети могли только по болезни, в связи с религиозными праздниками или по причине поездок в шхеры в летне-осенние месяцы²³.

Стоит отметить, что преподаватели избирали для каждой ученицы индивидуальный метод обучения, опираясь на их способности и успеваемость. В отчете о занятиях арифметикой за 1908 г. учитель М. В. Соболев сделал запись о пройденном материале и успехах великой княжны Анастасии: «Занятия начались 31 октября; на них уделялось два раза в неделю по полчаса, а всего 12 уроков; за этот короткий промежуток времени успели ознакомиться с простым и обратным устным счетом до 10, а также с числами 2, 3, 4, 5, 6 со стороны состава их из слагаемых <...> Работа велась попутно на наглядных пособиях, конкретных и отвлеченных числах»²⁴. Об уроках с великой княжной Марией в 1909 году М. В. Соболев сообщает: «В этом году предполагалось закончить изучение действий с целыми числами любой величины, но за краткостью курса и медленным усвоением ученицей некоторых частей проходимого не удалось выполнить намеченную программу по отношению к умножению и делению»²⁵.

Великих княжон обучали по гимназическому курсу. Отличие состояло в том, что в их программе отсутствовали некоторые точные науки, например геометрия и черчение, а также латинский и греческие языки, тогда как в гимназиях не преподавался английский язык.

Сидней Гиббс оставил описание занятий английским языком со своими ученицами. Урок начинался утром. Сначала учитель читал вслух, затем записывал прочитанный отрывок на доске, и они занимались разбором грамматических правил, рассматривали способы их употребления, называли части речи, разбирали предложения и составляли свои собственные. После перерыва на отдых и обед дети возвращались к уроку. Гиббс снова диктовал прочитанный отрывок и задавал вопросы по содержанию. Каждый раз учитель старался выбирать полезные и интересные отрывки для нового урока, например о планетах, о современных изобретениях, таких как фотоаппарат, телеграф, телефон. Попутно он объяснял принципы работы механизмов, рассказывал об их пользе. Он знакомил учениц с политическими понятиями: в доступной форме объяснял, что такое самодержавие, монархия, анархия, тирания, республика, демократия, олигархия, аристократия, парламент. Он читал и комментировал Библию, не посягая при этом на прерогативы учителя Закона Божия²⁶.

По гимназическому курсу детей обучали до семнадцати лет. Вероятно, в последующем учителя, как и программа обучения, должны были измениться в соответствии с университетским курсом. В расписаниях занятий на 1914–1915 учебный год²⁷ сведений про княжну Ольгу Николаевну уже нет, но появляется информация о занятиях цесаревича.

Организовать обучение наследника было довольно сложным делом. Обладавший самыми блестящими способностями, он был всесторонне развит, но отставал в занятиях из-за тяжелого заболевания — гемофилии. Несмотря на имевшуюся программу занятий, проходили они нерегулярно. Так, например, по желанию императрицы Александры Федоровны 2 октября 1912 года в Спале П. Жильяр провел с Алексеем первый урок французского языка, но занятие вскоре было прервано из-за недомогания ученика: «Мой коллега и я были

22 Список книг, составленный П. В. Петровым для чтения на летнее время старшему отделению (великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне) и младшему отделению (великим княжнам Марии Николаевне и Анастасии Николаевне) // Там же. Д. 12. Л. 9–10.

23 Отчет о занятиях русским языком с великими княжнами Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной в 1905 г. // Там же. Д. 5. Л. 10–10 об.

24 Отчет о занятиях арифметикой с великой княжной Анастасией, составленный учителем М. Соболевым // Там же. Д. 8. Л. 20.

25 Там же. Л. 21.

26 Цесаревич Алексей в воспоминаниях его учителей. С. 209.

27 Расписание учебных занятий на 1914–1915 учебный год // ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 22. Л. 105.

удивлены, приезде в Спалу, бледным видом ребенка и тем обстоятельством, что его носили на руках, так как он не был в состоянии ходить сам»²⁸.

Согласно расписаниям на 1914–1915²⁹ и 1915–1916³⁰ учебные годы, в программу цесаревича были включены русский, английский и французский языки, арифметика, география и Закон Божий. Уроки проходили шесть дней в неделю — с понедельника по субботу. Продолжительность одного урока составляла 40–50 мин. с перерывами между уроками по 10 мин. Первые два урока начинались в 9.20 и длились до 10.50, затем полагались часовая прогулка и отдых. Третий урок начинался в 12.10, после чего наследнику предоставляли свободное время — около трех часов. С 16.45 до 17.30 проходил последний урок. Время с 18.30 до 19.00 отводилось для приготовления уроков³¹. Количество уроков варьировалось от трех до четырех в день.

Немаловажную роль в образовательном процессе играли собственные библиотеки великих княжон и цесаревича. Вспоминая о занятиях с великой княжной Ольгой, П. Жильяр писал: «Она очень любила читать в часы, свободные от занятий. Когда она стала постарше, всякий раз, как я давал ей читать какую-нибудь взрослую книгу, я указывал на трудность текста или отсутствие для нее интереса, просил делать отметки на полях страниц, содержание которых я кратко передавал ей»³². В дневнике Татьяны читаем: «К нам на урок пришла Софья Ивановна Тютчева. Мы с ней читали „Малер де Софи“³³; «Мама мне дала английскую книгу „Morning Thoughts“, чтобы я читала каждый день»; «<...> читаю новую книгу „Тасино горе“³⁴.

В круг чтения великих княжон, а также в перечень текстов для заучивания входили русские народные сказки и сочинения самых разных авторов: В. П. Авенариуса, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, С. Т. Аксакова, Н. В. Гоголя, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова и других.

Так как великих княжон и цесаревича обучали по методике, принятой во всех учебных заведениях России, то и пособия, по которым они занимались, были едиными как для царских детей, так и для их российских сверстников: «Азбука в картинках» А. Н. Бенуа, «Элементарная грамматика русского языка» А. А. Пыльнева, «Сборник арифметических задач и численных примеров для приготовительного и систематического курса» В. А. Евтушевского, «Методический сборник арифметических задач для средних учебных заведений» С. Михельсона, «Начальный курс географии» Г. И. Иванова, «Практический курс французского языка» П. Шанселя и И. Глезера, «Новая практическая немецкая грамматика с грамматическими упражнениями на немецком языке» А. Шульца. В сохранившихся перечнях использованной литературы имеются книги «Родное слово» К. Д. Ушинского (часть 2-я), «Приключения двух кораблей, или Рассказы о царстве вечного холода» Н. А. Рубакина, «Сто рассказов из жизни животных» З. Н. Журавской, учебные географические карты М. И. Томасика и А. А. Ильина, «Альбом видов Петербурга» Бабикова, «Сборник песен с нотами» Артемьева, «Географическая хрестоматия» А. А. Крубер и многие другие³⁵. Следуя

28 Цесаревич Алексей в воспоминаниях его учителей. С. 15.

29 Расписание учебных занятий на 1914–1915 учебный год // ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 22. Л. 105.

30 Распорядок дня и расписание учебных занятий наследника цесаревича Алексея Николаевича на 1914–1915 годы // Там же. Л. 104.

31 Там же. Л. 103а.

32 Цесаревич Алексей в воспоминаниях его учителей. С. 44.

33 Дневник великой княжны Татьяны Николаевны (1907). Л. 22 об. Речь идет о романе «Проделки Софи» (1864) французской детской писательницы русского происхождения графини де Сегюр, урожденной Софьи Федоровны Ростопчиной.

34 Дневник великой княжны Татьяны Николаевны (1910) // ГА РФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 20. Л. 12–13. Имеются в виду книга английской писательницы Ф. Р. Хавергал "Morning Thoughts for the King's Servants" и повесть для детей «Тасино горе» русской писательницы Л. А. Чарской.

35 Краткий отчет о занятиях по русскому языку великих княжон Ольги и Татьяны, составленный учителем русского языка П. В. Петровым // ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

утвержденной Святейшим Синодом программе по Закону Божию для женских гимназий, великая княжна Ольга Николаевна читала «Рассказы о важнейших событиях Священной Истории Ветхого и Нового Завета» по учебнику протоиерея Григория Чельцова. По субботам проходило чтение воскресных Евангелий по-русски и по-славянски с объяснением прочитанного³⁶.

То, что царские дети получали всестороннее образование, подтверждают и многочисленные сохранившиеся рисунки, выполненные великими княжнами и цесаревичем. Небольшие по размеру пейзажи, натюрморты, сюжетные композиции, нарисованные карандашом, маслом, акварелью, свидетельствуют об уровне их художественных способностей³⁷.

В заключение важно отметить, что преподаватели регулярно писали отчеты «о проделанной работе», вели классные журналы, куда записывали домашние задания и выставляли оценки по пятибалльной шкале. Сохранились классные тетради княжон и цесаревича за разные годы с выполненными грамматическими упражнениями по русскому, немецкому и английскому языкам, по истории русской словесности, по внеклассному чтению, а также тетради с переписанными стихотворениями, отрывками текстов художественных произведений, с выписками из сочинений духовно-религиозного содержания.

REFERENCES

Zimin I. V. *Povsednevnaia zhizn' Rossijskogo imperatorskogo dvora. Detskij mir imperatorskih rezidencij. Byt monarhov i ih okruzenie* [Everyday life of the Russian Imperial Court. The children's world of imperial residences. The life of monarchs and their environment]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2010. 571 p. (In Russian)

Cesarevich Aleksej v vospominanijah ego uchitelej / P'er Zhil'jar, Sidnej Gibbs [Tsarevich Alexey in the memoirs of his teachers / Pierre Gilard, Sidney Gibbs]. Moscow, Zakharov, 2006. 272 p.

36 Отчет о занятиях по Закону Божию их императорских высочеств великих княжон Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны // ГА РФ. Ф. 611. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–1 об.

37 Рисунки великих княжон Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии и цесаревича Алексея // ГА РФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 313. Л. 4, 5; Ф. 611. Оп. 1. Д. 87. Л. 76, 110; Ф. 601. Оп. 1. Д. 1156. Л. 63; Ф. 682. Оп. 1. Д. 22. Л. 16.

ДВОРЦЫ В ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ДЕТЕЙ

► **ВОСПИТАННЫЕ
В ОСОБНЯКЕ: ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ В ДОШКОЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЯХ ПЕТРОГРАДА
И ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ
В 1918–1921 ГГ.**

ЩЕРБАКОВА МАРИНА
СЕРГЕЕВНА

Ведущий архивист, хранитель фонда
«Архив», Государственный музей-заповедник
«Петергоф»

198516, Россия, Санкт-Петербург, Петергоф,
Разводная ул., д. 2

shcherbakova@peterhofmuseum.ru

В первые годы советской власти строительство учреждений дошкольного воспитания не велось, поэтому зачастую их размещали на предприятиях, в общественных клубах, жилых квартирах и бараках. В Петрограде и Петроградской губернии для этих нужд была выделена часть национализированных особняков. Жилые дома и дачи «бывших» обретали новое функциональное назначение, становясь местом воспитания детей рабочих, крестьян и интеллигенции. В статье на основе сохранившихся архивных материалов по обследованию учреждений дошкольного возраста рассмотрена организация повседневности в детских садах, очагах и домах ребенка Петрограда и Петроградской губернии в 1918–1921 гг. Собранные сведения позволили выявить, как на практике реализовывались и применялись дореволюционные педагогические идеи и методы дошкольного воспитания, а также реконструировать один из вариантов детства времен Гражданской войны.

Ключевые слова: дошкольные воспитательные учреждения, Гражданская война, история повседневности, М. Монтессори, Ф. Фребель, Е. И. Тихеева

Военные и революционные потрясения первых десятилетий XX в. породили беспрецедентный для того времени рост детской смертности, а также беспризорности, безнадзорности и преступности среди малолетних. Перед руководством советского государства в условиях Гражданской войны и всеобщей разрухи встала острая необходимость решения «детской» проблемы. Требовалась постановка контроля над численностью, состоянием здоровья, физическим и нравственным развитием детей в общегосударственном масштабе. «Положение о единой трудовой школе РСФСР» от 16 октября 1918 г. закрепляло создание единой системы народного образования, частью которой становился и детский сад¹.

Создание сети учреждений дошкольного возраста, решение вопросов, связанных с гигиеной и питанием детей в них, а также организация и контроль над содержанием воспитательного процесса были возложены на образованный в Петрограде еще в ноябре 1917 г.

► **BROUGHT IN A MANSION:
EVERYDAY LIFE IN PRESCHOOL
INSTITUTIONS IN PETROGRAD
AND PETROGRAD PROVINCE
IN 1918–1921**

SHCHERBAKOVA MARINA
SERGEEVNA

Leading archivist, curator of the Archive,
The Peterhof State Museum Reserve

2, Razvodnaya st., Peterhof, St. Petersburg,
198516, Russia

shcherbakova@peterhofmuseum.ru

In the early years of Soviet power, the construction of preschool education institutions was not carried out, so they were often placed at enterprises, in public clubs, residential apartments and barracks. In Petrograd and the Petrograd province, a part of nationalized mansions was allocated for these needs. Residential houses and cottages of the “former” acquired a new functional purpose, becoming a place of upbringing of the children of workers, peasants and intellectuals. In the article, on the basis of the preserved archival materials on the survey of preschool institutions, the organization of everyday life in kindergartens, hearths and children’s homes of Petrograd and Petrograd province in 1918–1921 is considered. The collected information made it possible to identify how pre-revolutionary pedagogical ideas and methods of preschool education were implemented and applied in practice, as well as to reconstruct one of the variants of childhood during the Civil War.

Keywords: preschool educational institutions, Civil War, history of everyday life, M. Montessori, F. Froebel, E. I. Tikheeva

1 Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 375.

Отдел дошкольного воспитания и помощи детям². Данный орган являлся частью Народного комиссариата по просвещению, и в его ведение были переданы все «казенные, общественные и частные» воспитательные учреждения, функционировавшие в дореволюционный период³.

После переезда Совета народных комиссаров РСФСР в Москву в марте 1918 г., в Петрограде был создан Народный комиссариат по просвещению Союза коммун Северных областей (далее — Наркомпрос СКСО). Организованный при нем Дошкольный отдел контролировал развитие дошкольного воспитания в Петрограде, Петроградской, Псковской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерниях. Отдел делился на четыре секции: 1) дошкольных учреждений; 2) колоний; 3) клубов; 4) медицинскую секцию⁴; включал двух эмиссаров и шесть инструкторов, занимавшихся пропагандой дошкольного воспитания, руководством педагогической части в учреждениях дошкольного возраста и их обследованием, а также установлением связи центра с районами⁵.

Наряду с Дошкольным отделом Наркомпроса СКСО существовал Петроградский губернский отдел народного образования (далее — Губоно), включавший в свой состав Дошкольный подотдел, выполнявший схожие функции⁶ и занимавшийся организацией курсов для подготовки дошкольных работников. По учебному плану одногодичных курсов предполагалось прохождение практики в дошкольных учреждениях в объеме 8,5 ч.⁷ Кроме того, слушательницы Педагогического института дошкольного образования (далее — ПИДО), Государственного института физического образования, руководительницы со стажем и штатные разъездные инструкторы⁸ привлекались Губоно к обследованию дошкольных учреждений Петрограда и Петроградской губернии. ❶ В разработанную отделом анкету вносились подробные сведения о помещении (площадь, количество занимаемых комнат, их размер, назначение, состояние водопровода, канализации, уборных, вентиляции), уровне обустроенности и оборудованности учреждения. Фиксировались данные об организации наблюдения за физическим развитием детей, их психологическом состоянии, осуществлении ухода за ними, о постановке физического и педагогического воспитания.

Данные материалы сохранились в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. В советский период они были использованы историком Л. К. Савиновой при написании кандидатской диссертации⁹ в качестве источника для изучения изменений, произошедших в теории и практике дошкольного воспитания с 1917 по 1931 гг. Содержащиеся в анкетах обследований сведения об условиях проживания детей в учреждениях, ежедневном рационе, соблюдении норм личной гигиены, устройстве досуга и образовательного процесса позволяют реконструировать один из вариантов детства времен Гражданской войны. Однако потенциал этих документов как источника по истории повседневной жизни детей дошкольного возраста до сих пор не использован. В данной

- 2 Декрет ВЦИК и СНК «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению». 9 ноября 1917 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сборник документов 1917–1973 гг. М., 1974. С. 9–10.
- 3 Декрет СНК «О передаче в ведение Народного комиссариата по просвещению учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств». 5 июня 1917 г. // Народное образование в СССР... С. 13–14.
- 4 Структура и возникновение дошкольного отдела Наркомпроса. 1919 // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2551. Оп. 1. Д. 628. Л. 1–1 об.
- 5 Инструкции, правила, программы и уставы Дошкольного отдела. 1919 // Там же. Д. 643. Л. 13; Отчет о деятельности дошкольного отдела. 1919 // Там же. Оп. 15. Д. 230. Л. 1–17.
- 6 Циркуляры, распоряжения и другие материалы об организации работы Губоно и подведомственных ему учреждений. 1918 // ЦГА СПб. Ф. Р-2552. Оп. 1. Д. 3; Протоколы заседаний комиссий при Дошкольном подотделе. 1918–1919 // Там же. Д. 30; Протоколы заседаний Коллегии Губоно. 1919–1920 // Там же. Д. 45.
- 7 Дело по руководству и контролю за деятельностью одногодичных курсов для работниц по дошкольному образованию при Институте дошкольного образования. 29 ноября 1919 – 28 мая 1921 // Там же. Д. 107. Л. 20.
- 8 Протоколы заседаний, штаты Губоно и его подотделов. 1919–1920 // Там же. Д. 49. Л. 59.
- 9 Савинова Л. К. Становление и развитие советской системы общественного дошкольного воспитания в Петрограде-Ленинграде (XI. 1917–1931 гг.): дис. ... канд. пед. наук. Л., 1969.

статье приводятся сведения, зафиксированные в 32 анкетах обследований дошкольных учреждений Петроградской губернии¹⁰ и в 165 анкетах Нарвско-Петергофского¹¹, Петроградского¹², Василеостровского¹³, Смольнинского¹⁴, Выборгского¹⁵, Московского¹⁶, первого¹⁷ и второго Городских районов¹⁸ Петрограда.

Исходя из исследованного материала, основными типами учреждений дошкольного возраста в рассматриваемый период являлись детские сады, очаги и дома ребенка. Как правило, в них принимали детей с трех до семи, иногда до восьми лет. Во главе каждого учреждения стояли заведующие, занимавшиеся управлением хозяйственной частью и организацией педагогического процесса. Непосредственное воспитание детей осуществлялось руководительницами, на каждую из которых приходилась группа от 15 до 25, а иногда, вследствие нехватки кадров, до 60 человек. Группы формировались в зависимости от возраста и умственного развития ребенка. Состав технического персонала зависел от типа учреждения, его размеров, необходимости выполнения тех или иных работ и мог включать уборщиц, кухарок, нянь, дворников, швей, прачек, делопроизводителей и кастелянш.

Отличались учреждения главным образом временем пребывания в них детей, режимом питания и объемом предоставляемых вещей. Детские сады работали по 4–7 ч., обеспечивали детей двух- или трехразовым питанием, причем ужин отдавался на дом. В очагах пребывание ребенка варьировалось от 8 до 12 ч. и преобладало четырехразовое питание. В редких случаях, если очаг был прикреплен к определенной организации и ориентировался на график работы родителей, детей оставляли ночевать. Примером может служить детский очаг № 7 при Экспедиции заготовления государственных бумаг, куда можно было привести ребенка в 7:30, забрать в 20–21 ч., а при необходимости оставить на ночь¹⁹. Наиболее нуждающимся сады и очаги старались выдать верхнюю одежду, валенки, калоши, тряпичные сандалики, ситцевые платья, чулки, а на период пребывания в учреждении — белые переднички. В домах ребенка дети находились на постоянной основе, питались четыре раза в день и полностью обеспечивались всем необходимым: комплектами сменного верхнего, нижнего, спального белья. Однако теплая верхняя одежда и сапоги были в дефиците, поэтому зачастую их носили по очереди.

Начиная с 1918 г. учреждения дошкольного возраста размещали по большей части в особняках, домах-усадебках и квартирах доходных домов. Исходя из содержащейся в анкетах информации, можно установить, что 62 учреждения занимали целый особняк

- 10 Анкеты по обследованию учреждений дошкольного возраста. 1-я часть. Петроградская губерния. 1918–1921 // ЦГА СПб. Ф. Р-2551. Оп. 1. Д. 646; Анкеты по обследованию учреждений дошкольного возраста. Петроградской губернии. II часть. 1918–1921 // Там же. Д. 647.
- 11 Анкеты по обследованию учреждений дошкольного возраста. Нарвско-Петергофский район. 1918–1921 // Там же. Д. 653.
- 12 Анкеты по обследованию учреждений дошкольного возраста Петроградского района. 1918–1921 // Там же. Д. 654.
- 13 Анкеты по обследованию учреждений дошкольного возраста Василеостровского района. 1918–1921 // Там же. Д. 655.
- 14 Анкеты по обследованию учреждений дошкольного возраста. Смольнинский район. 1918–1921 // Там же. Д. 650.
- 15 Анкеты по обследованию учреждений дошкольного возраста. Выборгский район. 1918–1921 // Там же. Д. 651.
- 16 Анкеты по обследованию учреждений дошкольного возраста Московского района. 1918–1921 // Там же. Д. 652.
- 17 Анкеты обследований учреждений, подведомственных дошкольному педагогическому отделу 1-го Городского района. 1918–1921 // Там же. Д. 648.
- 18 Анкеты обследований учреждений, подведомственных дошкольному педагогическому отделу. 2-й Городской район. 1918–1921 // Там же. Д. 649.
- 19 Анкета обследования детского очага № 7 и яслей при нем на Рижском пр., 7. Не ранее 1919 // Там же. Д. 653. Л. 28.

или его часть. В Петрограде для нужд детей были отданы трехэтажный особняк Н. П. Камарина, дача Г. Г. Бертлинга, деревянный особняк К. К. Эквала, особняки Е. Г. Гюнцбурга, Н. Н. Башкирова, Е. Ф. Паль, А. И. Труسوнова, А. А. Фадеева, А. С. Юревича, флигель особняка графини М. Э. Клейнмихель и проч. В Петергофе первый детский сад был открыт в 1919 г. и занял второй этаж усадьбы И. А. Хрущева²⁰.

Бывшие жилые пространства дворянства и буржуазии обретали новое функциональное назначение и участвовали в конструировании предметной наполненности повседневной жизни детей. ❷ Стены некоторых особняков, украшенные портретами, пейзажами, батальными полотнами, картинами «в шикарных золоченых рамах»²¹, гравюрами и шпалерами, не были предназначены для детского возраста. В залах от прежних хозяев оставались художественные тарелки, статуэтки, чучела животных, вазы, вазоны с цветами. Комнаты отапливались голландскими печами, каминами и были заставлены массивной мебелью. Дети попадали в обстановку, обустроенную главным образом для мира взрослых. Ее приходилось менять. Ножки высоких стульев, скамеек и столов спиливали, в столовых комнатах вешали на низком уровне умывальники, под которые ставили табуреты с тазами. Дети зачастую спали по двое на больших кроватях либо на кожаных диванах. В некоторых учреждениях для сна сдвигали кресла; при нехватке мест дети отдыхали на полу на коврах или тюфячках, а в летом — во дворе на ковриках или в гамаках. В детском очаге № 8 Петроградского района, за неимением спальни комнаты для дневного отдыха, после обеда дети оставались спокойно сидеть в продолжении 2–5 мин. за столом, положив на него голову и руки²².

К специализированной маленькой мебели дети относились как к особой ценности. По сведениям руководительницы детского дома, расположившегося в августе 1919 г. в здании бывшей богадельни П. И. Чубыкина, первоначально мебели в нем было очень мало, столов и стульев не было совсем. Когда в доме появились маленькие белые стулья, это произвело сильное впечатление на детей: «<...> это была большая радость, большой праздник <...> дети сидели на полу и занимались, сидя на полу; даже и теперь замечается интересное явление: ребенок положит игрушки на стул, а сам сядет на пол перед стулом»²³.

Помимо детской мебели, почти во всех учреждениях в дефиците была и посуда. В некоторых очаги и сады дети, а также руководительницы приносили свои тарелки, чашки и ложки. В домах ребенка дела обстояли хуже. Так как посуды не хватало, питание детей организовывалось по группам. За неимением тарелок, за обедом в чайные кружки и наливали суп, и накладывали вторые блюда. Кроме того, посуда часто была совсем не предназначена для детского пользования: слишком громоздкие железные кружки, которые ребенок еле мог держать в руках; стеклянные стаканы, о которые дети обжигали руки и в итоге разливали содержимое. Проблемы возникали и с уборными. Дети 6–7 лет, как правило, пользовались стульчаками, младшие — горшками. По большей части применяли бумагу, в том числе газетную. При засорении уборных или за неимением горшков пользовались ведрами. Но дети часто в них проваливались, опрокидывали и проливали²⁴. В некоторых губернских учреждениях, размещенных на дачах, вместо уборных использовали простые ямы, вырытые в земле²⁵.

Необходимо отметить что наряду с неприспособленностью большинства помещений под детский возраст, многие здания нуждались в ремонте. С декабря 1918 г. в Петрограде сложилось катастрофическое положение с топливом. На одном из заседаний по учреждениям

20 Анкета обследования детского сада на Красном пр., 40. Не ранее 1919 // Там же. Д. 647. Л. 1.

21 Анкета обследования детского очага на Малом пр., 3. 1921 // Там же. Д. 654. Л. 65 об.

22 Анкета обследования детского очага № 8 на Большой Дворянской ул., 32. Не ранее 1919 // Там же. Л. 45.

23 Анкета обследования детского дома на Забалканском пр., 100. Не ранее 1919 // Там же. Д. 652. Л. 1 об.

24 Анкета обследования детского дома на Озерной ул., 1. 1921 // Там же. Д. 648. Л. 56.

25 Анкета обследования Сиверской колонии, дача Дернова на Мишуткиной ул. Не ранее 1919 // Там же. Д. 646. Л. 23.

дошкольного возраста в ходе обсуждения этой проблемы выяснилось, что отдельной организации по топливу нет и «каждый район заботится о себе самом»²⁶. Отмечалось, что во всем городе «только в Пороховском районе есть комиссия, которая снабжает сады дровами, и в этом районе сады обеспечены топливом»²⁷. Из-за сильных морозов водопровод во многих учреждениях замерз и трубы лопнули²⁸. Также в помещениях наблюдалась сырость, отвалившаяся штукатурка, отклеившиеся обои и т. п. В анкетах обследований учреждений встречаются записи о том, что возможно пользоваться «только частью особняка», на нижнем этаже все испорчено, требуется капитальный ремонт²⁹, «со стен течет»³⁰ и проч.

Распорядок дня в учреждениях имел схожую структуру. **3** В садах и очагах утро начиналось с общего осмотра детей (голова, шея, руки), мытья рук и лица. При необходимости ребенка купали. В детских домах после подъема умывали лицо, уши, шею водой комнатной температуры. Затем шли гимнастика или маршировка, завтрак, занятия и игры. В середине дня обед, после которого в домах ребенка был обязательный дневной отдых. В садах, из-за меньшей продолжительности пребывания детей, дневной отдых, как правило, не предполагался. Дети продолжали занятия и игры. В очагах организация дневного сна зависела от наличия специально приспособленной для этого комнаты. Затем в очагах и домах ребенка был полдник, а в садах детей отправляли домой. После полдника — игры, пение, беседы, ужин, по прошествии которого детей из очагов забирали домой. В домах ребенка же шли непродолжительные свободные занятия и после гигиенических процедур все ложились спать.

Большое внимание уделялось вопросу личной гигиены. Детей приучали к уходу за полостью рта, но во многих учреждениях он осуществлялся по-разному: полоскание кипяченой водой или водно-солевым раствором, чистка зубов щеткой/пальцем/тряпочкой/полотенцем (с порошком или мелом), чистка зубов щеткой одной водой³¹. Во всех домах ребенка и некоторых очагах детей стригли коротко или обривали голову машинкой. Медицинская сестра следила за чистотой ушей, обрезала ногти. Волосы иногда прочесывали гребешком с сулемой³² — ядовитым раствором хлористой ртути, используемым как сильнодействующее дезинфицирующее средство, либо промоченной керосином щеткой³³. Также была введена система медицинского осмотра: профилактический — раз в неделю, полный — раз в 1–2 месяца и при приеме.

Гимнастика, как правило, была непродолжительной и состояла из элементарных движений рук и ног. В некоторых учреждениях давали профессионально поставленные упражнения. К примеру, в детском доме № 5 Выборгского района одна из руководительниц обучала детей

26 Протоколы заседаний по учреждениям дошкольного возраста. 1918–1919 // Там же. Д. 767. Л. 2.

27 Там же.

28 Анкета обследования детского очага на Колтовской наб., 10/18. 1921 // Там же. Д. 654. Л. 82; Анкета обследования детского дома на 5-й линии Васильевского острова, 62. 1921 // Там же. Д. 655. Л. 43.

29 Анкета обследования детского очага на Геслеровском пер., 25. 1921 // Там же. Д. 654. Л. 103; Анкета обследования детского очага на Большой Пушкарской ул., 63. 1920 // Там же. Л. 202.

30 Анкета обследования детского дома на Песочной ул., 10. Не ранее 1919 // Там же. Л. 144.

31 Анкета обследования детского сада на Московской ул., 15 (г. Луга). Не ранее 1919 // Там же. Д. 646. Л. 14; Анкета обследования детского очага на ул. Труда, 5 (г. Колпино). 1921 // Там же. Л. 56; Анкета обследования детского дома в имении Трутнево Гдовского уезда. 1921 // Там же. Л. 76; Анкета обследования детского очага на Надеждинской ул., 11а. 1921 // Там же. Д. 648. Л. 16; Анкета обследования детского дома № 38 на Сергиевской ул., 24. 1921 // Там же. Л. 30 об; Анкета обследования детского дома на Почтамтском пер., 8. Не ранее 1919 // Там же. Д. 649. Л. 23; Анкета обследования детского дома № 13 на Суворовской ул., 1/2. Не ранее 1919 // Там же. Д. 650. Л. 27; Анкета обследования детского очага № 17 на Выборгской наб., 53. Не ранее 1919 // Там же. Д. 651. Л. 21; Анкета обследования детского дома на Лесном пр., 20. Не ранее 1920 // Там же. Л. 191; Анкета обследования детского дома на Дворянской ул., 30. Не ранее 1919 // Там же. Д. 654. Л. 125.

32 Анкета обследования детского дома на Сергиевской ул., 24. Не ранее 1920 // Там же. Д. 648. Л. 3.

33 Анкета обследования детского дома на Дворянской ул. 30. Л. 125.

делать гимнастику для развития дыхания, мышц и сердца лежа на постели после пробуждения и перед обедом³⁴. В другом заведении приучали делать самомассаж утром и перед сном³⁵.

Воспитательный процесс в некоторых учреждениях строился по системе зарубежных педагогов: Ф. Фребеля и М. Монтессори, а также основывался на методике, разработанной опытным дореволюционным, а затем и советским педагогом Е. И. Тихеевой. Этому обстоятельству способствовало два фактора: во-первых, Дошкольный отдел Наркомпроса СКСО старался привлечь к работе дореволюционных специалистов³⁶, во-вторых, на Первом Всероссийском съезде по дошкольному воспитанию, проходившем в Москве весной 1919 г., было принято решение не отказываться от прежних передовых педагогических идей³⁷ и взять курс на воспитание свободной, гармонической личности.

В соответствии с вышеуказанными методами, основное внимание уделялось развитию внешних чувств ребенка: зрения — путем распознавания цвета и форм с помощью цветных пластинок, мозаики, кубиков; слуха — посредством определения шума, металлофона и уроков тишины; осязания — через изучение понятий «тяжелый—легкий», «гладкий—шероховатый», при этом использовали наждачные буквы, кусочки материй разной фактуры, геометрические вкладки, деревянные контурные игрушки; обоняния и вкуса — путем определения понятий. В детском очаге № 11 Петроградского района для развития зрения дети разбирали цветные бумажки и лоскуты, для развития слуха руководительница давала звонок и дети должны были с завязанными глазами узнать, откуда слышен звук³⁸. Моторику рук развивали с помощью рамок, обтянутых полотном, с крючками и петлями³⁹, а также занятием сортировкой палочек⁴⁰. Речь совершенствовали путем разучивания стихотворений, бесед, декламаций, ответов на вопросы по поводу прочитанного или рассказанного⁴¹, при помощи отчетов о своих действиях за день⁴². В некоторых учреждениях были кубики с буквами⁴³, зоологическое лото⁴⁴, подвижной алфавит, с помощью которого можно было складывать слова. Дети читали и обводили подписи на вешалках и полотенцах⁴⁵. Некоторые руководительницы сохраняли детские работы **4**, создавали музеи и библиотеки. Также воспитанники могли участвовать в районных выставках⁴⁶.

Необходимо отметить, что далеко не во всех учреждениях педагогическая постановка дела находилась на высоком уровне. В ходе обследований зачастую выявлялось отсутствие определенной системы в ведении занятий, либо наблюдалась жесткая дисциплина: «Дети выглядят ужасно, бледные, худые, без жизни в глазах, подавленные, но дрессированные

34 Анкета обследования детского дома № 5 на Новосильцевской ул., 13. 1921 // Там же. Д. 651. Л. 50.

35 Анкета обследования детского дома на Осиповском проезде, 105/106. 1921 // Там же. Л. 180.

36 Дореволюционным специалистам отправляли приглашительные листы следующего содержания: «Дошкольный отдел приглашает Вас, если Вы еще не имеете постоянной работы, явиться для переговоров в Комиссариат». См.: Прошения и опросные листы. 28 июля 1918 — 1 марта 1919 // Там же. Д. 3215. Л. 55.

37 «В школьной политике мы отказались от всего старого наследства, но в области дошкольного воспитания нам нет нужды этого делать <...> не нужно отказываться совсем от старых идеологов, от Фребеля, от Песталоцци, от Монтессори, за идеи которых боролись лучшие поколения педагогов». См.: Первый Всероссийский съезд по дошкольному воспитанию: доклады, протоколы, резолюции. М., 1921. С. 17.

38 Анкета обследования детского очага № 11 на Петроградском пр., 6. 1921 // ЦГА СПб. Ф. Р-2551. Оп. 1. Д. 654. Л. 7.

39 Анкета обследования детского сада и яслей на Гатчинской ул., 26. Не ранее 1919 // Там же. Л. 17.

40 Анкета обследования детского сада № 8 на Большой Обьездной ул., 5. Не ранее 1920 // Там же. Д. 651. Л. 134.

41 Анкета обследования... 1921 // Там же. Д. 654. Л. 108.

42 Анкета обследования детского сада на Шпалерной ул., 7. Не ранее 1919 // Там же. Д. 648. Л. 96.

43 Анкета обследования детского очага на Грязной ул., 14. Не ранее 1920 // Там же. Д. 654. Л. 78.

44 Анкета обследования детского дома с. Деревянное. 1921 // Там же. Д. 647. Л. 146.

45 Анкета обследования... 1921 // Там же. Д. 654. Л. 88.

46 Анкета обследования... Не ранее 1919 // Там же. Д. 646. Л. 20.

в смысле вежливости»⁴⁷. В анкете обследования детского дома Смольнинского района зафиксировано: «Полная беспризорность детей в духовном, нравственном и индивидуальном смысле. Никаких занятий нет, дети занимают себя как могут. <...> Отношение к еде жадное — к столу на обед кинулись с диким криком»⁴⁸. Такое положение дел обуславливалось, в первую очередь, нехваткой опытных педагогических кадров. Сами руководительницы зачастую не получали жалованья в течение нескольких месяцев, что ставило их в невозможные условия существования. Не хватало средств и на текущие расходы⁴⁹.

В большинстве учреждений не было учебных пособий, ощущался острый недостаток бумаги, красок, карандашей и проч. В воспитательном процессе использовали любые подручные материалы: собранные летом детьми кору, мох, сучья, шишки⁵⁰, папиросную бумагу⁵¹, а также найденную на чердаке дома бумагу, испсанную с одной стороны⁵². Из тряпок делали кукол, зверей, домики, плели корзинки; из спичечных коробок, катушек — вагоны и мебель. По замечанию проводившей обследование одного из очагов Петроградского района слушательницы I курса основного факультета ПИДО М. Бродецкой, «руководительницам, как Плюшкину, приходится тащить в сад все попадающееся под руку, благодаря чему в саду имеется все-таки несколько обрезков карандашей, немного бумаги и еще кой-чего»⁵³. Исходя из наличия материала, дети могли заниматься лепкой из глины, песка, рисованием, вырезыванием, картонажем, наклеиванием, плетением или из шнурков ковриков, корзиночек, изготовлением бонбоньерок; старшие дети — шитьем кукол. 5 Любимыми занятиями детей были игры: подражательные хороводные, «море волнуется», «жмурки», «гуси-лебеди», «земледелец», «птичка», «поезд», «кошка и мышка», «трое много, а двух мало», фанты. Некоторые руководительницы самостоятельно изготавливали игрушки для детей⁵⁴, а также шили одежду, которую они носили по очереди⁵⁵.

Иногда игрушки в сады и очаги могли предоставлять предприятия, к которым они были прикреплены. К примеру, в четырехэтажном здании на наб. р. Таракановки, 14 располагалось учреждение, включавшее в себя ясли, очаг, школу первой ступени и технические (ремесленные) классы. Там воспитывались и обучались дети рабочих фабрики «Красный треугольник». Предприятие активно содействовало внутреннему обустройству учреждения, предоставляло разнообразные виды игрушек, в первую очередь из резины, а также строительный материал⁵⁶. Также в некоторые учреждения игрушки приносили в качестве пожертвования. Однако бывали случаи, что их уничтожали вместе с детскими работами в ходе дезинфекции после вирусных инфекций, к примеру, скарлатины⁵⁷. Нехватка игрушек зачастую вызывала ссоры между детьми. Они могли спорить из-за козел, которые использовали как лошадей, из-за цветных кубиков, потому что «все хотят красные»⁵⁸.

47 Анкета обследования... Не ранее 1919 // Там же. Д. 654. Л. 144.

48 Анкета обследования детского дома на Большеохтинском пр., 2/4. Не ранее 1919 // Там же. Д. 650. Л. 181, 185.

49 Материалы по обследованию детских садов и сметы на содержание детских садов 1-го Городского района. 27 января 1919 — 22 ноября 1919 // Там же. Д. 803. Л. 6.

50 Анкета обследования... 1921 // Там же. Д. 654. Л. 7.

51 Анкета обследования очага на ул. 3-й роты, 18. Не ранее 1919 // Там же. Д. 652. Л. 50.

52 Анкета обследования... 1921 // Там же. Д. 648. Л. 60.

53 Анкета обследования... 1921 // Там же. Д. 654. Л. 69.

54 «Интересно отметить работы, игрушки, лото, куклы, выполненные одной из руководительниц с очень художественным вкусом в почти достаточном для детей количестве». См.: Анкета обследования очага на Симбирской ул., 1/3. Не ранее 1920 // Там же. Д. 651. Л. 156.

55 «Есть сшитые руководительницей гетры и пальто, которые даются детям во временное пользование». См.: Анкета обследования... Не ранее 1919 // Там же. Д. 652. Л. 45 об.

56 Анкета обследования детского очага № 6 и яслей при нем на наб. р. Таракановки, 14. Не ранее 1919 // Там же. Д. 653. Л. 44.

57 Анкета обследования детского очага на Объездном шоссе, 4. Не ранее 1919 // Там же. Д. 650. Л. 202.

58 Анкета обследования детского очага № 17 на Марининской ул., 27. Не ранее 1919 // Там же. Л. 67.

Большое значение придавалось воспитанию трудового начала в детях, что выражалось в дежурствах по классу (подметание пола, вытирание пыли, приведение в порядок пособий и игрушек), за обедом (накрывание и уборка стола), в уходе за грядками летом, а зимой — за площадкой перед домом. Зачастую старшие укладывали младших спать, водили в уборную, помогали им одеться и раздеться⁵⁹. Детей обучали самостоятельно пришивать себе пуговицы, вешалки и петли⁶⁰. В некоторых учреждениях имелся «живой инвентарь»: кошки, комнатные собачки, кролики, поросята, козы, рыбки в аквариуме и даже черепахи. В детский очаг № 2 Смольнинского района руководительница приносила котят, собак и мышек специально для знакомства детей с миром животных⁶¹. Детей приучали ухаживать за подобным «инвентарем», а также поливать комнатные растения.

Внимание уделялось и музыкальному воспитанию детей. В некоторых учреждениях имелся рояль. К детям раз или два раза в неделю приходил музыкальный инструктор, учителя танцев, пластики, изобразительных искусств, ритмичной гимнастики. Учреждения посещали также медико-санитарные инструкторы, ревизоры-организаторы, делегаты от местного населения, инструкторы-кулинары, рабоче-крестьянская инспекция, государственный контроль⁶² и инструкторы по питанию⁶³.

Питание детей, как правило, готовилось в самом учреждении на кухне. В 1919 г. Наркомпросом для детских садов, где продолжительность пребывания детей должна была составлять 6 ч., устанавливался рацион в размере $\frac{3}{4}$ от суточного. Для очагов, где дети должны были проводить по 10 ч. в день, вводился полный рацион⁶⁴ или т. н. «интернатский паек», как и для домов ребенка. Пример полного рациона: на завтрак подавался сладкий чай или кофе с хлебом, иногда масло; обед состоял из двух блюд (суп с мясом или рыбой, каша с подливкой, жаркое, котлеты, мясные ватрушки), на полдник — чай/кофе с хлебом, ужин из двух блюд. Больным детям обед и ужин отпускался домой. Обед служащих был более простым, чем у детей. Изредка детям выдавали молоко, масло, яйца, шоколад и «конфеты».

В летнее время все игры и занятия проводились на улице. **6** В воспитательных учреждениях Петрограда дети принимали солнечные ванны во дворах, городских парках. Их водили на экскурсии в Зоологический музей, Ботанический, Летний и Таврический сады. По зафиксированному в одной из анкет сведениям, «летом каждый день от 12 до 15 с ковриками, едой, питьем все дети отправляются на Крестовский остров, иногда на Елагин, для маленьких есть тележка»⁶⁵. Также была возможность посещения детских театров, кинематографии, либо совершения экскурсий на пароходе. Детей со слабым здоровьем, наиболее остро нуждающихся в воздухе и солнечном свете, а также посещающих учреждения без близлежащих островков зелени, на один месяц по очереди вывозили за город — на дачи и в летние колонии⁶⁶. Основные занятия были направлены на знакомство с природой: собирание ягод, грибов, листьев, прогулки по лесу.

Зимой, ввиду недостатка теплой одежды и обуви у большинства детей, как в домах, так и в садах/очагах, прогулок не было. Дефицит теплых вещей был всеобщей проблемой.

59 Анкета обследования детского сада при школе на Новгородской ул., 8 (г. Луга). 1921 // Там же. Д. 646. Л. 6; Анкета обследования детского дома № 36 на Сергиевской ул., 24. 1921 // Там же. Д. 648. Л. 48; Анкета обследования... 1921 // Там же. Д. 654. Л. 87.

60 Там же. Д. 654. Л. 88.

61 Анкета обследования детского очага на Кирилловской ул., 4. 1921 // Там же. Д. 650. Л. 92 об.

62 Анкета обследования... Не ранее 1919 // Там же. Д. 654. Л. 131.

63 Анкета обследования... Не ранее 1919 // Там же. Д. 653. Л. 31.

64 Приложение № 2 к протоколу заседания № 153 Коллегии Народного комиссариата по просвещению РСФСР. Объяснительная записка. 1919 // Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XII. Культура, наука и образование. М., 2016. С. 910.

65 Анкета обследования... 1921 // ЦГА СПб. Ф. Р-2551. Оп. 1. Д. 654. Л. 84.

66 Протоколы заседаний... 1918–1919 // Там же. Д. 767. Л. 10.

Некоторых маленьких детей приносили в сады и очаги зимой закутанными в одеяла, у многих были рваные пальто, другие приходили в кофтах и платках матерей⁶⁷, в веревочных вязаных или парусиновых⁶⁸ туфельках, а маленьких мальчиков иногда одевали в платья старших сестер⁶⁹.

Несмотря на тяжелую и трудную обстановку, перебои с питанием, эпидемии, сырость и холод в помещениях, многие дети проявляли активность, любознательность и инициативу. Они могли самостоятельно устроить из подручных средств подмости и играть в театр⁷⁰, либо строить из ящиков, скамеек и стульчиков автомобили, корабли, паровозы и даже избушку с русской печкой⁷¹. Одна из слушательниц ПИДО, проводившая обследование детского дома № 33 Смольнинского района, отмечала, что во время ее второго посещения «в учреждении дров не было, топили мало, было холодно и дети в большинстве не хотели играть и даже не пели (их любимое занятие), а ежились на диване, рассматривали мои часы и просили рассказывать им сказки»⁷². В анкете обследования детского дома Выборгского района зафиксировано следующее: «Детишки очень милые, мило стали объяснять, как их зовут и как они сегодня гуляли. Угрюмых мордочек не видела, наоборот веселенькие и все в ожидании предстоящей прогулки в саду»⁷³.

Необходимо отметить, что воспитательный процесс в период с 1918 по 1921 гг. не был нацелен на формирование атеистической картины мира у детей. В учреждениях одинаково шла подготовка к Рождеству, Пасхе, новым политическим и социальным праздникам. Руководительница одного из очагов замечала, что «политические праздники не отмечают, так как они непонятны детям»⁷⁴. Однако педагогический персонал старался не объяснять суть религиозных праздников и по возможности игнорировать возникающие у детей вопросы о Боге, ангелах, а также о том, почему в детском саду нет икон, почему их не водят в церкви и не причащают. Некоторые родители высказывали недовольство по поводу отсутствия религиозного воспитания детей⁷⁵. Сами же дети, не увидев у кого-нибудь на шее крестика, могли назвать его «нехристом»⁷⁶, а также часто употребляли в межличностном общении слово «боженька»⁷⁷.

Весной 1919 г. пасхальные торжества были санкционированы государственной властью. Праздничное время было ознаменовано угощениями, подарками и развлечениями. Один раз в день дети получали усиленное питание. Было постановлено обращаться в Отдел общественного питания за получением праздничного угощения (муки, патоки, яиц, творога и молока). Детям раздавали «игрушки, цветные и красные яички»⁷⁸. На период пасхальных каникул занятия в детских садах полностью прекращались на четыре дня. Также было решено устроить для детей кинематографические сеансы, музыкальные концерты и театральные представления⁷⁹.

Несмотря на определенные преимущества пребывания детей в воспитательных учреждениях над перспективой оставления их на весь день без родительского надзора,

67 Анкета обследования... 1920 // Там же. Д. 654. Л. 202.

68 Анкета обследования... Не ранее 1919 // Там же. Д. 646. Л. 26.

69 Анкета обследования... Не ранее 1919 // Там же. Д. 650. Л. 178.

70 Анкета обследования... Не ранее 1920 // Там же. Д. 654. Л. 77.

71 Анкета обследования детского очага на Старорусской ул., 5. Не ранее 1919 // Там же. Д. 650. Л. 112.

72 Анкета обследования детского дома № 33 на Таврической ул., 17. Не ранее 1920 // Там же. Л. 57.

73 Анкета обследования детского дома на Арсенальной ул., 1/3. Не ранее 1919 // Там же. Д. 651. Л. 9.

74 Анкета обследования детского очага на ул. 9-я рота, 7. Не ранее 1920 // Там же. Д. 653. Л. 19.

75 Анкета обследования детского очага на Александровском пр., 10. 1921 // Там же. Д. 654. Л. 252.

76 Анкета обследования... Не ранее 1919 // Там же. Д. 650. Л. 65.

77 Анкета обследования... Не ранее 1919 // Там же. Д. 649. Л. 28.

78 Протоколы заседаний... 1918–1919 // Там же. Д. 767. Л. 10.

79 Там же. Л. 10–11.

посещаемость садов и очагов в течение Гражданской войны была крайне низкой. Это обуславливалось в первую очередь необходимостью сдачи продовольственных карточек ребенка в дошкольное учреждение при поступлении⁸⁰. Многие родители относились с недоверием к добросовестной выдаче всей нормы продуктов детям, вследствие чего возникали различные споры и пререкания. Также не все благополучно складывалось и с представителями местного населения, осуществлявшими контроль за распределением продуктов в воспитательных учреждениях. Одна из руководительниц очага Нарвско-Петергофского района вспоминала, что к ним как-то раз пришли три женщины и «набросились на детей с расспросами: не бьют ли их, хорошо ли кормят, не голодают ли, получили ли они шоколад и т. д.»⁸¹

Из собранных сведений видно, что, несмотря на разрушения и кризисы, приносимые Гражданской войной, часть детей дошкольного возраста проводила свое детство в небольших уголках стабильности и в обстановке, способствующей развитию творческих качеств и потенциала ребенка. Использовались передовые методы и идеи, актуальные и при организации современного дошкольного воспитательного процесса. Однако на состоявшемся в ноябре — декабре 1921 г. Втором Всероссийском съезде по дошкольному воспитанию реализация принципов свободной педагогики была подвергнута критике. Системы Ф. Фребеля и М. Монтессори признавались несовместимыми с природой детей «революционной эпохи». Было принято решение приступить к разработке марксистско-ленинской системы дошкольного воспитания с целью взращивания будущих борцов за идеалы пролетариата⁸².

REFERENCES

Arhiv novejshej istorii Rossii. Seriya «Publikacii». [Archive of the latest history of Russia. Series "Publications"]. Vol. XII. Culture, science and education. October 1917–1920. Protocols and resolutions of the People's Commissariat of Education of the RSFSR. In 3 bks. Bk. 2. January – December 1919. Moscow, The Communication of Epochs Foundation, Kuchkovo field, 2016. 1040 p. (In Russian)

Dekrety Sovetskoj vlasti. [Decrees of the Soviet power]. Vol. III. July 11 – November 9, 1918. Moscow, Publishing House of Political Literature of the Central Committee of the CPSU, 1964. 676 p. (In Russian)

Istoriya sovetskoj doshkol'noj pedagogiki: Khrestomatiya. [History of Soviet preschool pedagogy: Reader]. Moscow, Education Publ., 1988. 447 p. (In Russian)

Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola. Sbornik dokumentov 1917–1973 gg. [Public education in the USSR. Comprehensive school. Collection of documents 1917–1973]. Moscow, Pedagogy Publ., 1974. 560 p. (In Russian)

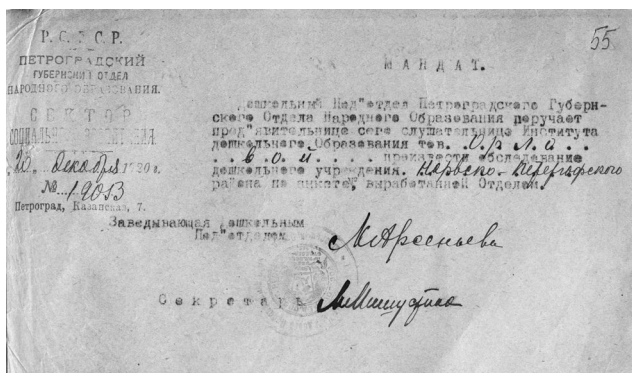
Pervyj Vserossijskij S'ezd po doshkol'nomu vospitaniyu. Doklady, protokoly, rezolyucii. [First All-Russian Congress on preschool education. Reports, protocols, resolutions]. Moscow, State publishing house, 1921. 224 p. (In Russian)

Savinova L. K. *Stanovlenie i razvitie sovetskoj sistemy obshchestvennogo doshkol'nogo vospitaniya v Petrograde-Leningrade (XI. 1917–1931 gg.): dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk.* [Formation and development of the Soviet system of public preschool education in Petrograd-Leningrad (XI. 1917–1931): dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences]. Leningrad, 1969. 392 p. (In Russian)

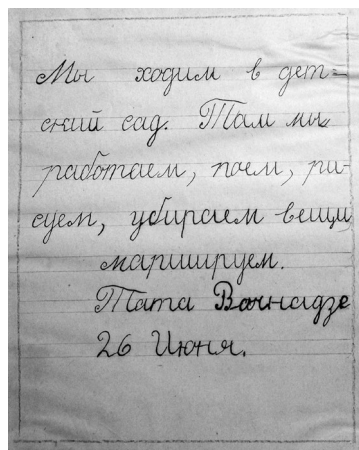
80 Там же. Л. 2; «Состав детей зависит от сдачи карточек. Если родителям кажется выгодным иметь карточки дома, они не помещают детей в очаг» (Анкета обследования... Не ранее 1919 // Там же. Д. 652. Л. 47).

81 Анкета обследования... Не ранее 1920 // Там же. Д. 653. Л. 22 об.

82 История советской дошкольной педагогики: хрестоматия. М., 1988. С. 136.

1 Мандат слушательницы ПИДО на обследование дошкольного учреждения Нарвско-Петергофского района
20.12.1920
ЦГА СПб

3 Самостоятельная работа воспитательницы детского сада
1919
ОР РНБ

2 Бесплатное питание детей во время празднования 1-й годовщины Октябрьской революции
1918
ЦГАКФД СПб

4 Рисунок воспитанницы детского сада.
Раскрашивание готовых контуров
1919
ОР РНБ

5 Воспитанники детского сада 1-го Городского района
с руководительницей в комнате для занятий
1919
ЦГАКФФД СПб

6 Воспитанники детского очага фабрики им. Желябова
на прогулке
Нач. 1920-х гг.
ЦГАКФФД СПб

► «МУЗЕЙ НЕ УДОВЛЕТВОРЕН ЭТОЙ РАБОТОЙ И СОМНЕВАЕТСЯ...»: ДИАЛОГ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ В ПЕТЕРГОФСКИХ ДВОРЦАХ-МУЗЕЯХ 1920–1930-Х ГГ.

ЮШМАНОВА МАРИЯ
ИЛЬДУСОВНА

Ведущий специалист, отдел музейных исследований, Государственный музей-заповедник «Петергоф»

198516, Россия, Санкт-Петербург, Петергоф, Разводная ул., д. 2.

maria.uszmanova@gmail.com

Статья посвящена работе Петергофских дворцов-музеев с детской аудиторией в 1920-е – 1930-е гг. На материалах архивов ГМЗ «Петергоф», Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга и др. рассматривается динамика взаимодействия научных сотрудников и школьников. Несмотря на то что дети присутствовали в музее постоянно, сотрудники на протяжении долгих лет не воспринимали их как самостоятельную аудиторию, с отдельными задачами и методиками их реализации. Дошкольники за более чем двадцать межвоенных лет так и не стали объектом интереса методистов музея. Первые специальные разработки экспозиций и экскурсий для школьников появились в музее лишь к середине 1930-х гг. Автор статьи предлагает рассматривать эти данные не только как фрагмент истории конкретного музея, но как один из источников для изучения восприятия ребенка в указанный период.

Ключевые слова: история детства, советское детство, советская повседневность, Петергофские дворцы-музеи.

В первые годы советской власти Петергофский дворцовый комплекс проходил сложный процесс преобразования в музей. Весной 1918 г. в бывшей резиденции работала художественно-историческая комиссия¹ — небольшая группа людей, обязанности которых на первых порах включали сверку описей всего имущества дворцово-паркового комплекса и налаживание экскурсионного процесса. Первые полтора года деятельность художественно-исторической комиссии подробно фиксировалась в дневнике. Запись от 28 мая 1918 г. гласит: «Утром В. К. Макаров приехал с экскурсией гимназии Хитрово и показывал Большой дворец. В 2 ½ часа Измайлов, Силин и Кондаков сопровождали экскурсии Нарвской смешанной с 15 классами школы (около 60 ч.) по Большому дворцу. Измайлов давал объяснения»².

1 Петергофская художественно-историческая комиссия была образована 27 мая 1917 г. для «приемки и охраны имущества Петергофского дворцового управления» и проработала до сентября 1917 г. В декабре 1917 г. состав комиссии был обновлен, новый этап ее работы начался в мае 1918 г.

2 Дневник художественно-исторической комиссии // Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 67 а. л. 1 об.

► “MUSEUM IS NOT SATISFIED WITH THE RESULT AND HAS DOUBTS...”: THE DIALOGUE BETWEEN ADULTS AND CHILDREN IN PETERHOF PALACES-MUSEUMS IN 1920s–1930s.

YUSHMANOVA MARIA
ILDUSOVNA

Senior researcher, the museum research department, The Peterhof State Museum Reserve

2, Razvodnaya str., Peterhof, St. Petersburg, 198516, Russia

maria.uszmanova@gmail.com

The article is devoted to the interaction between Peterhof palace-museums and young visitors in the 1920s–1930s. The work is based on the archival sources (the Peterhof State Museum-Reserve Archive, the Central State Archive of St. Petersburg, The Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg, etc.). The focus of research is on the dynamics of interaction between researchers and schoolchildren. Despite the fact that children were constantly present in the museum, the employees for many years did not perceive them as a full-fledged audience. For more than twenty interwar years, pre-schoolers have not become an object of interest for the museum's methodologists. The first exhibitions and excursions designed for schoolchildren appeared in the museum only by the mid-1930s. The author of the article proposes to consider these data not only as a fragment of the history of a particular museum, but as one of the sources for studying the perception of a child in this period.

Keywords: childhood history, Soviet childhood, Soviet everyday life, Peterhof palaces-museums.

Эта запись позволяет нам заключить, что именно подростки стали первыми посетителями Большого Петергофского дворца, еще до его полного открытия для прочей публики, которое состоялось 2 июня того же года. По поводу же детей помладше в правилах посещения было строго указано: «Дети дошкольного возраста, даже в сопровождении взрослых, до осмотра дворца не допускаются»³. На школьников запрет, естественно, не распространялся, так как, согласно декрету 1918 г. «О единой трудовой школе», раз в неделю учащиеся вместо занятий должны были посещать музеи или спектакли⁴. Чтобы принимать эти группы, в осенне-зимние сезоны начала 1920-х гг. Большой дворец работал дополнительно два дня (четверг и субботу)⁵.

Вообще школьные экскурсии расценивались с начала XX в. как особый вид творческой образовательной работы⁶, противопоставленный закоснелым текстам учебников. Преподаваться в этой форме могли естествознание и история, однако это было задачей педагогов, а не музейщиков.

Интересное противоречие мы можем увидеть и в том, что, хотя на конференции 1919 г. образовательная функция музеев была признана одной из важнейших⁷, до самого конца 1920-х гг. школьники фигурируют в отчетах Петергофских музеев лишь в таблицах, отражающих состав посетителей. Так, в отчете Управления Петергофскими дворцами-музеями за период с 1 октября 1922 по 1 октября 1923 г. указано, что дворцы-музеи посетили 4528 человек — учащихся школ разных типов⁸. В отчете за 1926–1927 гг. фигурирует уже более впечатляющая цифра — 8902 человека, для которых проведено 227 экскурсий⁹.

Таким образом, дети совершенно точно присутствовали в музеях и парках Петергофа постоянно, присутствовали с самого их открытия, однако долгое время оставались в некотором смысле «невидимыми» для сотрудников. Для них не разрабатывалось отдельных экспозиций, не планировалось специальных экскурсий. До 1929 г. никаких вопросов, связанных с детьми, на совещаниях не поднималось. Такое молчаливое сосуществование крупного музея и детской аудитории, несмотря на неоднократно отмеченный исследователями интерес большевиков к детям и детству на дискурсивном уровне, ставит перед нами несколько вопросов.

Объект этого небольшого исследования — работа с детьми в Петергофских дворцах-музеях в 1920–1930-х гг. Задача-минимум работы носит вполне позитивистский характер: наметить кратчайшую историю работы дворца-музея с детьми, которая пока не находила отражения в публикациях. Задача-максимум — с помощью имеющихся материалов артикулировать направление исследований, которое, как представляется, заслуживает большего внимания, чем получало до настоящего времени.

Еще в начале 2000-х гг. статьи, посвященные различным аспектам истории и антропологии российского детства, начинались с упоминания в том или ином виде Филиппа Арьеса и молодости этого направления, в особенности — на отечественном материале. К 2023 г. необходимо, кажется, признать, что юность истории детства миновала. За прошедшие

3 См., напр.: «Правила для посетителей Петергофских дворцов и павильонов» // Петергоф. Век музея. К 100-летию ГМЗ «Петергоф». СПб., 2018. С. 44.

4 Декрет ВЦИК о Единой трудовой школе РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1026–1030.

5 Листовка с информацией о режиме работы Петергофского Большого дворца в зимние месяцы (с 15 октября 1920) // Петергоф. Век музея. С. 45.

6 См., напр.: Гревс И. И. Монументальный город и исторические экскурсии (основная идея образовательных экскурсий по крупным центрам культуры) // Экскурсионное дело. № 1. 1921. С. 21–35.

7 Стенограмма Первой Всероссийской конференции по делам музеев // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ ОПИ). Ф. 54. Д. 228.

8 Петергофские дворцы (список служащих на 30.07.1924) // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 1193. Л. 74–84.

9 Годовые отчеты музеев за 1926–1927 гг. Управления Петергофскими дворцами-музеями // ЦГА СПб. Ф. Р-2556. Оп. 7. Д. 6. Л. 3–55 об.

десятилетия лавина публикаций разного качества, объема и тематики заставляет исследователя уже не просто предъявлять найденные архивные находки, а предварительно определить свое место в этом корпусе текстов, дабы избежать повторов и трюизмов. Рамки журнальной статьи исключают написание полноценной историографии, поэтому мне придется обойтись минимумом, позволяющим поддержать академический диалог, хотя бы и в виде короткой реплики.

Еще во введении к «Детскому сборнику» 2003 г. авторы отмечали, что «особую остроту и драматизм она [проблема. — М. Ю.] приобретает при обращении к <...> феномену советского детства»¹⁰. Действительно, как показали два последующих десятилетия, изучение советского детства вообще и межвоенного периода в частности наиболее популярно среди авторов. Можно согласиться с Галиной Зелениной в том, что причины такой популярности в сравнительной доступности источников и наличии «соблазнительного для ученого зора между оптимистической официальной риторикой и мрачной „реальностью“»¹¹. Несмотря на довольно разнообразные объекты исследования¹², мотив развенчания мифа о счастливым советском детстве является едва ли не ведущим в рамках этого периода. Широко известная фраза «За наше счастливое детство...» — воплощение этого мифа — в разных вариациях использовалась как самостоятельное название, как наименование разделов; плакатом с этим лозунгом может быть проиллюстрирован весь период (или даже весь XX век, как в масштабной работе Катрионы Келли¹³, где плакат украшает обложку). В музее-квартире С. М. Кирова именно такое название носит часть экспозиции, посвященная советскому детству 1920–1930-х гг.¹⁴

Иногда можно наблюдать любопытную петлю исторического повествования, когда автор отмечает, что не собирается поддаваться «пафосу разоблачительства», и осуждает «подмену научно-исторического анализа эмоционально-публицистическим „плачем о детстве“»¹⁵, но в следующей же главе оперирует замечаниями вроде: «<...> на практике забота о детях нередко ограничивалась декларацией красивых лозунгов»¹⁶.

В этом контексте важным представляется если не найти прямые ответы, то хотя бы четко задать вопросы: когда и каким образом этот миф сформировался? кто был (есть?) его носитель? как он функционировал?

Катриона Келли, авторитет которой в данной области исключительно высок¹⁷, в чрезвычайно содержательной статье «Об изучении истории детства в России XIX–XX вв.»¹⁸ утверждает, что «оппозиция „миф — реальность“ является сущностной характеристикой

10 Кулешов Е. В. Предисловие // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003. С. 11.

11 Зеленина Г. От скудости эмоций к скудости источников: полувековой путь детских исследований // Теория моды: Одежда. Тело. Культура: международный журнал. Вып. 8. М., 2008. С. 19–36.

12 См., напр.: труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики» URL: <http://childcult.rshu.ru/section.html?id=4973> (дата обращения: 17.04.2023); сборники: Советское детство: между заботой и наказанием (тематический номер журнала «Неприкосновенный запас», 2008, № 2 (58)); Веселые человечки: культурные герои советского детства. М., 2009; и др.

13 Kelly C. Children's world: growing up in Russia, 1890–1991. New Haven, 2007.

14 См.: Экспозиция «За детство счастливое наше...». URL: <https://kirovmuseum.ru/node/23> (дата обращения: 25.05.2023).

15 Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М., СПб., 2015. С. 21.

16 Там же. С. 48.

17 Так, например, в рецензии Светланы Ерпылевой на работу Т. М. Смирновой позиция К. Келли подается автором как сама собой разумеющаяся. См.: Ерпылева С. Что не так с советским детством? // The Journal of Social Policy Studies. 2017, no. 15 (1), p. 164–172. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/4463> (дата обращения: 21.04.2023).

18 Келли К. Об изучении истории детства в России XIX–XX вв. // Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. статей и материалов. М., Тверь, 2008. С. 8–46.

советской системы». Она ведет генеалогию мифа о советском детстве от статьи в журнале «Советская юстиция»: «Ни в одной стране мира не найти столь огромной, охватывающей столь широкие слои трудящихся повседневной заботы о детях». По замечанию автора, «статья ввела в оборот то, что станет вскоре господствующим мифом в советском обществе»¹⁹. В еще более масштабном труде Келли утверждает, что миф был запущен практически сразу после 1917 года²⁰, однако спустя пятнадцать лет его содержание изменилось.

Иллюстрацией к содержанию мифа, как правило, служат законодательные акты и постановления, газетные передовицы и официальные плакаты. Однако остается непроясненным, как он преломлялся в повседневности, насколько ходовыми были эти лозунги на низовом уровне. Интересно, что в докладе «Советский союз — рай для детей?» К. Келли вскользь и коротко проговаривает, на чем еще строится противопоставление «миф — реальность»: «Как известно, многие данные из архивов прямо противоречат официальным лозунгам о „счастлимом детстве“. Детские учреждения были изображены в детской литературе и в советской журналистике как утопии рационального воспитания. А в отчетах не только 1920-х и 1930-х гг., но также конца 1940-х и начала 1950-х фиксируются бесчисленные случаи недооказания, драк между воспитанниками и даже убийств, „полного отсутствия идеологического воспитания“ (пользуясь выражением этой эпохи)»²¹. Однако детская литература и работы журналистов не проясняют, как функционировал этот миф, жил ли он за пределами этих текстов. Воспринимал ли кто-нибудь пресловутый плакат, служащий точкой отсчета для противопоставления реальности и мифа, как отражение действительности? И не являемся ли мы, жители конца XX — начала XXI вв., единственными носителями этого мифа о послушных и счастливых советских детях?

Интересным представляется еще одно замечание, упомянутое в статье «Об изучении истории детства в России XIX-XX вв.». Среди прочего, Келли утверждает, что «серьезная причина, по которой установить взвешенность рассуждений в контексте истории детства особенно трудно, заключается в том, что этот сюжет затрагивает слишком глубокие чувства»²². Критики этой позиции в статье нет — очевидно, она воспринимается как неизбежная и, предположу, разделяется автором. Это наблюдение частично подтверждается тем, что в двух важных для историографии темы монографиях авторы неожиданно ссылаются на свой материнский опыт²³.

В связи с этим возникает вопрос: можно ли, находясь в парадигме одного мифа, пытаться деконструировать другой миф? Потому что как еще можно объяснить, что именно дети вызывают глубокие чувства, если не нашим современным убеждением в их особом положении в культуре? В статье об изучении детства с точки зрения междисциплинарности А. Б. Лярский замечает, что исследователи «часто находятся в плену наших собственных представлений о гуманности и месте ребенка»²⁴. В тексте речь идет о конкретных нюансах истории детского труда, однако представляется, что тезис можно отнести и к истории детства в целом. И также можно согласиться с тем, что «мы нуждаемся в неморальной истории детства»²⁵. В ином случае несколько искаженная интерпретация исторических свидетельств и выбор наиболее «болезненных» объектов для исследования кажутся весьма вероятными.

19 Келли К. Об изучении истории детства ... С. 10.

20 Kelly C. Children's World... P. 61

21 Келли К. Советский союз — рай для детей? // Развитие личности. 2007. № 4. С. 71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-soyuz-ray-dlya-detey> (дата обращения: 21.04.2023).

22 Келли К. Об изучении истории детства... С. 14.

23 См.: Смирнова Т. М. Дети страны Советов; Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007.

24 Лярский А. Б. История детства с точки зрения междисциплинарности: из практики исследования // «Стены и мосты» — III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности: сборник материалов III ежегодной Международной конференции (Москва, РГГУ, 25–26.04.2014). М., 2015. С. 309.

25 Там же.

Пропасть между провозглашаемыми намерениями, пропагандистскими лозунгами и реальным положением вещей, естественно, была огромна. Однако эвристическая значимость этого утверждения будет намного выше, если кто-нибудь сможет привести реальный исторический пример иного положения дел.

Более богатой перспективой, на мой взгляд, обладает короткое введение к уже упомянутому выше «Детскому сборнику» (2003), в котором автор называет основной проблематикой статей сборника «исследование диалога между взрослым и ребенком, протекающего непрерывно и осуществляющегося в бесконечно разнообразных формах»²⁶. Фрагмент этого диалога я представлю и кратко проанализирую в этом тексте.

В моем распоряжении — внутренние документы научной и политпросветительской частей²⁷ Петергофских дворцов-музеев. Ценность этой группы источников для меня в том, что данные документы не являются ни «детскими текстами», ни «текстами для детей», ни «текстами о детях». Через эти материалы я попытаюсь представить взаимодействие взрослых как с транслируемым мифом (если мы допускаем, что это взаимодействие имело место), так и с самими детьми. Насколько глубоко проникал этот миф, если проникал вообще, как использовался, если использовался, на низовом уровне?

Отдельную ценность для меня составляет то, что среди сотрудников Петергофских дворцов не было ни педологов, ни профессиональных педагогов как минимум до середины 1930-х гг. У одного из научных сотрудников, М. М. Измайлова, педагогический опыт был, однако по специальности он был прежде всего историком. При этом в 1920-х — первой половине 1930-х гг. состав сотрудников, несмотря на малочисленность, был примечательно разнообразен: члены партии и беспартийные, вчерашние студенты и заслуженные историки. Таким образом, эти документы могут помочь нам понять, как взрослые, не включенные в систематическую работу с детьми, то есть не являющиеся творцами условного мифа, воспринимали их, как представляли себе это взаимодействие.

Документы позволяют заключить, что это взаимодействие можно условно разделить на три этапа: 1) 1918–1929, 2) 1929–1933 и 3) 1934–1935 гг.

Что происходит в музее 1920-х гг., когда, согласно исследователям, миф уже запущен, а дети уже определены как основной объект идеологического воздействия? Как уже было отмечено выше, данных о какой бы то ни было активности со стороны сотрудников музея не зафиксировано, помимо полного исключения детей-дошкольников из музейного контекста. В 1923 г. в музеях Петрограда была введена плата за вход. Согласно инструкции, дети до девяти лет были от нее освобождены²⁸. Интересны возможности интерпретации этого освобождения. Можно предположить, что детям, не достигшим этого возраста, музей ничего не мог предложить. Скорее всего, это действительно было так: до 1924 г. петергофские дворцы функционировали в режиме выживания, полноценная научная работа началась лишь с 1926 г., а первая экспозиция была спроектирована в 1927 г. В первой половине 1920-х гг. посетителей, как правило, просто сопровождали с пояснениями по дворцовым интерьерам, причем, если посетителей было чрезмерно много, пояснения давали даже не экскурсоводы, а бывшие служители дворца²⁹.

Среди резолюций Межсоюзной экскурсионной конференции 17–18 ноября 1928 г., значительная часть которых призывала сделать экспозиции музеев более популярными и более понятными всем категориям населения, есть раздел, призывающий «взять более решительный курс на переход от общих обзоров и типовых экскурсий по музеям к тематической

26 Кулешов Е. В. Предисловие. С. 12

27 «Частями» в Петергофских дворцах-музеях называлось в конце 1920-х — начале 1930-х гг. то, что мы сейчас назвали бы отделами.

28 Главнаука // ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 417. Л. 125, 127–127 об.

29 См.: Разрешение служителям показывать дворец // Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 66 а. Л. 1–2. Впрочем, необходимо отметить, что уже с середины 1920-х гг. эта практика жестоко порицалась.

работе, подходя к интересам каждой отдельной группы. В связи с этим организаторам на местах следует заботиться о подборе группы на основе общего интереса или одинакового культурного уровня (групп экскурсантов, впервые идущих в этот музей, групп кружковцев, групп женщин, сезонных рабочих, цеховых групп и т. п.)»³⁰. Как мы видим, дети как отдельная группа пока что не представлены вовсе. Их сопровождение, очевидно, полностью отдано на откуп педагогам. Единственный раз появляются они в тексте резолюций следующим образом: «Необходимы организация в музеях комнат отдыха, детских комнат, буфетов <...>»³¹.

Интересно, что исключали детей на этом этапе не только работники музея. С 1 января 1920 г. в Петрограде действовала Центральная станция гуманитарных экскурсий, размещенная в Аничковом дворце³². Для загородных гуманитарных экскурсий были организованы опорные экскурсионные пункты при дворцах-музеях в Детском Селе, Петергофе и Павловске. Заведовал экскурсионным опорным пунктом Петергофа Федор Густавович Беренштам, его первый хранитель (впрочем, уже в следующем номере «Экскурсионного дела» отмечается, что станция при Петергофе закрыта).

Однако экскурсии сотрудники станции разрабатывают в лучшем случае для старших школьников, то есть экскурсии не были специфичны для детей. А в статье Ивана Ивановича Полянского в первом номере «Экскурсионного дела» за 1921 г. отдельно поясняется, что задачи работать с младшими детьми не ставится — это задача педагогов³³. Работа Центральной станции гуманитарных экскурсий, собственно, и заключалась в том, чтобы проводить семинары с педагогами. Таким образом, диалог взрослого и ребенка в 1920-х гг. требовал профессионального посредника, вне рамок семьи эти два мира, видимо, не пересекались.

Несмотря на то что постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа 1928 г. содержало прямое указание углубить работу «<...> в направлении наибольшего приближения музеев к запросам школьного и профтехнического образования и массового просвещения»³⁴, петергофские дворцы по-прежнему продолжали игнорировать их, вернее, отказывались воспринимать их как сущностно отдельную категорию. Любопытно, что, как упоминалось выше, экскурсионная конференция в ноябре того же года также не выделила детей в отдельную категорию.

Дети появляются в документах Петергофских дворцов и парков лишь в 1929 г. В проекте предложений к общегородскому совещанию по летней экскурсионной работе 20 апреля 1929 г. отмечается «недостаточное обслуживание детей на загородных экскурсиях-прогулках». Речь, однако, шла лишь о бытовом обслуживании: о детских комнатах, об улучшении перевозки детей, о проведении игр с ними и организации питания³⁵. С осени того же 1929 г. был поднят вопрос превращения петергофских парков в парки культуры и отдыха, по примеру открывшегося в августе 1928 г. Парка культуры и отдыха (будущего им. Горького) в Москве. Одним из важных пунктов, который включал образцовый парк культуры и отдыха, была работа с детьми. В петергофских музеях была запланирована летняя детская площадка с песочницей, навесом и «учебными пособиями и игрушками», в которые входили набор строительного материала, лейки, лопаты железные, грабли и пр.³⁶ Перечисленные пособия и игрушки, очевидно, были избраны по тому же принципу, что

30 Бюро просветительной работы государственных петергофских музеев // Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 133 а. Л. 19–20.

31 Там же.

32 Полянский Н. И. Опыт новой организации экскурсионного дела в школах. Экскурсионная секция и экскурсионные станции // Экскурсионное дело. № 1. 1921. С. 12–13.

33 Там же.

34 О музейном строительстве в РСФСР (постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20.08.1928) // Известия ЦИК и ВЦИК. № 230 (3.10.1928). С. 453–456.

35 Бюро просветительной работы Государственных Петергофских музеев // Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 133 а. Л. 75–76.

36 Список оборудования для летней детской площадки // Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 192 а. Л. 53.

и в московском парке³⁷, и никакого отношения к дворцово-парковому комплексу тематически не имели.

Были открыты также детская комната, в которой, помимо заведующей, должны были дежурить врач и медсестра. Однако даже по плану, то есть в идеальной ситуации, комната могла принять в день лишь до 25 детей (не более 15 от экскурсантов и не более 10 от служащих Петергофских музеев)³⁸. Важным условием было членство родителей-экскурсантов в профсоюзе. В правилах пользования детской комнатой за июнь 1930 г. разрешается принимать уже не более 15 человек (видимо, одновременно)³⁹. Необходимо было предварительно показать подопечного врачу в медпункте музея, предъявить документ (например, профсоюзный билет) и заплатить за обед. После этого взрослые могли спокойно гулять по дворцам, павильонам и паркам, а специальный сотрудник кормил и развлекал детей до конца экскурсионного дня (с 11:00 до 18:30). Если верить отчетам, эта услуга была весьма востребована, в отличие, например, от устроенной тогда же пионерской базы, которая «по прямому назначению была использована лишь в двух случаях, когда там укрылись от дождя пионеры из лагеря в Старом Петергофе»⁴⁰.

Этот вид работы можно обозначить, скорее, как еще один способ исключения ребенка, а не включения его в музейный контекст: взрослым давали возможность спокойно пройти по музеям, а ребенок оставался в особом, отделенном от всего музейного комплекса помещении, за ним приглядывали и вполне неидеологически развлекали. Сотрудники Петергофских дворцов и парков старались следовать спускаемым сверху директивам, однако, видимо, никак не могли воспринять детей как свою аудиторию, поэтому на протяжении периода 1929–1933 гг. их основным ответом на вызовы были детские комнаты и детские площадки. Этот период можно охарактеризовать как переходный в отношениях с детской аудиторией, когда запрос сверху на уделение повышенного внимания детям уже поступил, но язык коммуникации налажен еще не был.

Тем временем в жизни музеев назревал глобальный поворот, эпоха «великого перелома» не обошла и очаги культуры. С 1 по 6 декабря 1930 г. в Москве прошел Первый Всероссийский музейный съезд, инициированный народным комиссариатом просвещения РСФСР. Подготовка к нему началась еще летом того же года⁴¹, поэтому выводы и постановления съезда ни для кого не стали сюрпризом. Во время открытия была зачитана речь наркома просвещения А. С. Бубнова, в которой он заявил, что «музейная сеть и музейная работа в большей степени, чем какая-либо иная отрасль советского строительства, сохранила в себе значительные пережитки отсталости, отрыва от актуальных задач борьбы и строительства сегодняшнего дня»⁴². Одной из важнейших резолюций съезда было «установить форму музея как части политпросвет комбината»⁴³.

Практически параллельно, в 1930–1936 гг., советское правительство взялось за организацию и централизацию начальной и средней школы⁴⁴, которая до того момента была относительно вольной и зависела лишь от решений местных отделов образования.

37 См.: Детский городок Парка культуры и отдыха. Путеводитель для пионера и школьника. М., 1930.

38 Правила пользования детской комнатой при Управлении Петергофских гос. музеев // Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 192 а. Л. 58.

39 Правила пользования детской комнатой // Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 192 а. Л. 60.

40 Проект культурно-бытового обслуживания посетителей Петергофских музеев // Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 208а. Л. 6 об.

41 Дмитриенко Н. М., Лозовая Л. А. Первый музейный съезд как фактор эволюции музейного дела в России // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 193–198.

42 Бубнов А. С. О музеях: Приветствие и речь на 1-м музейном съезде. (1–6 дек. 1930 г.). М., Л., 1931.

43 Материалы Первого Всероссийского музейного съезда // Музееведческая мысль в России XVIII–XX вв.: сб. докл. и материалов. М., 2010. С. 641–670.

44 См.: Постановление ЦК ВКП (б) о начальной и средней школе (25.08.1931), постановление «О преподавании гражданской истории в школах СССР» (15.05.1934) и др.

Разрабатывались единые программы обучения, учебники, указывалось, на какие предметы и каким образом необходимо сделать акцент. Особо отмечалось, что для качественного преподавания необходима наглядность, которую и должны обеспечить музеи.

Два этих импульса — официальное обозначение музея как части политпросвет комбината и повышенное внимание к школьному обучению — привели к возникновению того, что иногда определяют как школоцентристскую концепцию музейного дела⁴⁵. Как и все прочие, Петергофские дворцы должны были стать идеальной иллюстрацией к утвержденной школьной программе. При этом сотрудники удивительным образом демонстрировали неспособность к коммуникации с детьми, будь то с идеологической точки зрения или с любой другой.

Курьезный момент рубежа 1920-х — 1930-х гг., иллюстрирующий этот дефект коммуникации, — попытка издания детского путеводителя по Петергофским дворцам. В январе 1930 г. двоим научным сотрудникам Петергофа, Кире Александровне Большевой и Михаилу Михайловичу Измайлову, было поручено в порядке конкурса написать детские путеводители по Петергофу. Из установок, данных им на совещании, были следующие: «1) средний возраст читателя 10–12 лет, 2) размер: 1 печатный лист, 3) путеводитель не должен выходить из рамок памятников XVIII века, 4) путеводитель должен быть маршрутным, 5) в путеводителе должны быть использованы фото и иллюстрации»⁴⁶.

У М. М. Измайлова был педагогический опыт: он преподавал историю в Петергофской классической гимназии им. Александра II (с 1920 г. — Петергофской школе им. Веденева). У К. А. Большевой, художника-искусствоведа по образованию, насколько известно, подобного опыта не было.

Уже к 23 февраля 1930 г. путеводители были написаны обоими авторами и вынесены на обсуждение коллектива сотрудников. Помимо прочего, было признано, что путеводитель Большевой рассчитан на детей помладше и в силу этого является в данный момент наиболее нужным, поэтому выбрали его. Текст был направлен на согласование в Экскурсионную базу Ленинградского областного отдела народного образования (ЛООНО), а в начале апреля была получена рецензия на него, и довольно жесткая. Автору было рекомендовано «ознакомиться с печатными работами тов. Савельева»⁴⁷. Рецензент заключал, что текст «написан фальшивым тоном, каким часто взрослые говорят с ребятами и который автор искренне считает „детским“, все обращение и употребление „пионеров“ пришиты искусственно. Само содержание вполне аполитично, отсутствует связка с современностью, не использованы моменты заострения внимания на классовом»⁴⁸.

Несмотря на явно критический отзыв, путеводитель остался в издательском плане, и лишь в мае 1930 г. Экскурсионная база ЛООНО дает окончательный ответ: «<...> просмотренные методчастью базы рукописи 1) путеводителя по Петергофу для детей <...> не одобрены к печати, и переделка на их основе указанных работ признана нецелесообразной»⁴⁹.

Таким образом, попытка сотрудников дворца-музея «выйти к детям» в методическом смысле провалилась, встреча не состоялась. Советский детский «миф» и школьники продолжали существовать как бы отдельно от музейной жизни Петергофских дворцов. Однако официальное внимание к школе набирало обороты, к середине 1930-х гг. уже невозможно было лишь исключать детей.

45 Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: учебное пособие по музейной педагогике. М., 2001. С. 70–73.

46 Журнал 12-го совещания научной части Петергофских государственных музеев, 22 января 1930 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 165а. Л. 33.

47 Очевидно, имелся в виду Леонид Савельевич Липавский — писатель, философ и поэт, участник и один из организаторов ОБЭРИУ. Под псевдонимом «Леонид Савельев» Липавский написал несколько детских книг.

48 Журнал 27-го совещания научной части Петергофских государственных музеев, 4 апреля 1930 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 181а. Л. 26.

49 Обращение от экскурсионно-лекторской базы отдела народного образования Ленсовета Управлению Петергофских музеев // Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 181а. Л. 140.

В июне 1934 г. Наркомпрос РСФСР объявил конкурс на лучший музей, работающий со школой (он также иногда назывался конкурсом «на лучшее обслуживание школы»⁵⁰). В Петергофских государственных музеях была создана школьная комиссия под председательством Семена Степановича Гейченко. Состав комиссии, однако, был нетривиален. По случаю лета все профессиональные педагоги находились в отпуске, поэтому «вопросы работы с детьми разрешались совместно всеми научными сотрудниками музея»⁵¹. Подобные комиссии были образованы во всех музеях, участвовавших в конкурсе.

На первом этапе конкурса Петергофские дворцы и парки могли предложить в основном традиционные детские развлечения. В галерее Большого дворца организовали театр марионеток, который, судя по всему, пользовался большой популярностью. В Верхнем саду была сооружена специальная детская эстрада, где в выходные дни устраивались бесплатные концерты для детей. На пляже выделили отдельный участок, где дети находились под присмотром врача. Школьники могли заниматься на спортивной площадке и там же сдавать нормы по стрельбе.

Самым значительным событием, видимо, стало приглашение московского Музея детской книги и рисунка для работы в летний сезон. Детище Якова Петровича Мексина — энтузиаста и специалиста по детской книге — оформилось окончательно в том же 1934 г., до того пребывая в статусе «Базы пропаганды детской книги»⁵². Это был действительно новый тип музея, где детям разрешалось все: играть, брать в руки экспонаты, желающие могли даже научиться некоторым элементам книжного производства. Петергофский филиал работал в разгар сезона, с 1 июля по 15 августа. Помимо образовательных отделов, при нем функционировала детская типография для оттисков и приготовления клише с детских работ с видами Петергофа. Перед закрытием организаторы провели конкурс детского рисунка. Это была уже вполне профессионально налаженная работа с детьми, предполагающая активное сотрудничество, взаимодействие обеих сторон. Однако отметим, это был «музей в музее», работа эта велась не сотрудниками Петергофа, а профессионалом-энтузиастом.

С 1 ноября 1934 г. Управление Петергофских дворцов и парков взяло шефство над местной школой им. Веденева, где были организованы вполне серьезные фотокурсы и историко-искусствоведческий кружок «Дети петергофских музеев и парков». В зимние каникулы в январе 1935 г. Петергоф впервые открылся для проведения так называемых «зимних массовок». Массовка включала сокращенную экскурсию (рекомендованное время — 40 мин.) по Большому дворцу, после чего группы детей перебирались на базу спортивного инвентаря, устроенную во Втором Фрейлинском доме. Там они делили между собой финские санки, лыжи и коньки и «рассыпались кто куда». Потом возвращались, чтобы согреться чаем и поиграть, например, в шашки. На базе дежурил научный сотрудник, который мог как ответить на технические вопросы, так и уточнить что-то по проведенной экскурсии. Правда, иногда случались накладки: «Отсутствие физкультурника сказалось — дети стали скучать, занять было нечем, игр не было. Пришлось открыть пианино и устроить танцы в неотапленном танцевальном зале. <...> Звуки вальса вновь оживили учащихся»⁵³.

Мы вновь видим, что никакой идеологической задачи сотрудниками даже не ставилось. В списке мероприятий — просто детские развлечения. В одном из отчетов ответственный за экскурсию музейный работник откровенно отмечает: «Ребята приехали в Петергоф главным образом затем, чтобы кататься на лыжах и коньках»⁵⁴. При этом проверочная

50 Дело музейно-школьной комиссии // Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 264а. Л. 36.

51 Там же. Л. 54

52 Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей... С. 191–192.

53 Дело музейно-школьной комиссии. Л. 16

54 Дело музейно-школьной комиссии. Л. 15.

бригада конкурса «сочла возможным просить штаб конкурса отнести музей к группе лучших», отдельно было отмечено именно сочетание музейно-экскурсионных мероприятий с внешкольной работой на воздухе.

Структурные изменения в работе можно отметить лишь ближе к началу сезона 1935 г. На конференции педагогов петергофских школ 29 марта 1935 г. председатель школьной комиссии С. С. Гейченко перечислил основные задачи перед летним сезоном: «экскурсионно-методическая работа, изготовление специальной детской экспозиции, разработка новой экскурсии по дворцу и парку, подготовка детских экскурсоводов» и т. д. Вполне привычные для нас сегодня мероприятия в тот момент означали серьезные изменения в подходе к работе со школьниками. Если ранее детям вели практически те же экскурсии, что и взрослым, то теперь появилась идея о необходимости принципиально иного подхода к этой категории посетителей. Научные сотрудники приняли, наконец, необходимость взаимодействия с детьми.

Так, дополнительную экспозицию в Большом дворце «приспособили к детскому восприятию», некоторые из действовавших экскурсионных маршрутов дополнили аналогами для школьников. Интересно посмотреть, что подразумевалось под этой адаптацией. Сама дополнительная экспозиция не менялась никак, детский ее вариант был, как говорили, «портфельного» характера. Основой ее были «большие, по возможности многокрасочные рисунки или фотографии, размещаемые в портфеле экскурсовода»⁵⁵. В случае младшеклассников особое внимание должно было уделяться историко-бытовым вопросам, а политическая составляющая должна была даваться номинально. Учащимся 7–9 классов предлагалось делать акцент на историко-политических и искусствоведческих вопросах, в соответствии со школьными программами⁵⁶. Картинки для младших изображали бальные платья, парадные костюмы, прически и пр., для школьников постарше — наружную архитектуру дворцов, их внутреннюю отделку. И вновь в этом диалоге взрослого и ребенка не оказывается места артикулированной идеологической составляющей. При этом ни в коем случае нельзя сказать, чтобы Петергофские дворцы и парки сознательно сторонились политических тем. Вот, например, как в эти же годы выглядело обсуждение экскурсий для взрослых. Протицируем дискуссию о проекте экскурсионного показа столовой Большого Петергофского дворца: «Убрать совсем бытовой рассказ, дать интенсификацию крепостного права (нормы барщины, урок). Дать рост внутреннего рынка (ситценабивные фабрики), купцы и капиталисты. Значение денежного хозяйства. Снять матер. (битье посуды, прием герцога, штат придворного стола)»⁵⁷. Во всем, что не касалось работы с детьми, Петергофские дворцы-музеи с готовностью включали актуальную повестку в работу, устраивая выставки, посвященные первой пятилетке, ПВО и пр.

Интересно, что, видимо, эта экспозиционная и экскурсионная работа носила предварительный, интуитивный характер. Очевидно, сотрудники планировали в дальнейшем действовать уже на научных основаниях, так как на сезон 1935 г. для работы в музее был приглашен педолог и психолог Роман Иванович Черановский. Его задачей было «Исследование ребенка — музейного зрителя»⁵⁸. К огромному сожалению, архивы пока не дали ответа, было ли завершено это исследование, и если да, то с какими результатами, однако работа точно была начата.

Анкетирование детей самими сотрудниками велось с начала 1935 г. Данные опросов выглядят абсолютно комплиментарными: всем все было понятно, все понравилось и пр. Лишь в вопросе «Что хотели увидеть в Петергофе» мы можем услышать эхо живых детских

55 Дело музейно-школьной комиссии. Л. 90.

56 Там же. Л. 91.

57 Протоколы собраний, планы и отчеты экскурсоводов пригородных дворцов-музеев // ЦГА СПб. Ф. Р-4410. Оп. 1. Д. 1. Л. 59–62 об.

58 Дело музейно-школьной комиссии. Л. 119.

и подростковых голосов. Так, 23% честно ответили: «не знаю»; 35% — «дворец»; 26% — «как жили цари»; и по 1–1,5% — «Екатерину», «в чем ездил Петр», «покататься на лыжах»⁵⁹.

Отчет Петергофских дворцов и парков за 1935 г. отмечает, что работа со школьниками была развернута особенно широко: «Для местных школ были изготовлены выставки и наглядные пособия по истории и ИЗО, работали музейно-школьные кружки по истории литературы, ИЗО, фотокружок, юннатов и физкультурный кружок, которыми руководили научные сотрудники <...> К началу летнего сезона 1935 г. были построены и оборудованы инвентарем непредусмотренные планом дошкольная и школьная площадки, которые обслуживают как ленинградских, так и петергофских детей. В парке были организованы праздник октябрят на 700 чел. и два больших гулянья школьников, в которых участвовало около 25 000 чел. Всего было обслужено за год свыше 50 000 ребят. На Всесоюзном конкурсе музеев на лучшую работу со школой работа Петергофа признана Наркомпросом отличной и отмечена премией»⁶⁰.

С 1936 г., однако, работа с детьми уже не так артикулирована. Музей по-прежнему заботится о детских площадках и детских гуляниях, но речь о специальных разработках программ для детей затихает. То ли архивы не сохранили для нас эти документы, то ли они встраиваются в рутинные обязанности сотрудников и уже не привлекают отдельного внимания. В обсуждении планов на сезон 1938 г. звучит следующий список главных задач: «Мы решили, что в работе парков 1-е место должна занять организация агитационно-массовой и политической работы, проведение митингов, лекций, консультаций, бесед, направленных в первую очередь на величайший документ истории — Сталинскую конституцию, проведение массовых народных гуляний с привлечением широких масс трудящихся, организация физкультурно-оздоровительной работы, проведение физкультурных соревнований, физкультурных игр, широкой сдачи норм ГТО, ПВХО, ворошиловских стрелков, устройство наглядного показа спортивной и военной техники, обеспечение культурного отдыха трудящихся в читальнях, на пляже, в местах тихого отдыха, в музее, во всех уголках нашего парка и т. д. <...>»⁶¹. Я специально привела эту громоздкую цитату, чтобы показать, что в этом огромном списке опять, как и до 1929 г., места для детей не нашлось. В процитированном документе 74 страницы, детская работа упомянута в нем единственный раз и без пояснений, на последнем месте после «театрально-зрелищной» и «физкультурной».

Таким образом, мы можем наблюдать, как риторика идеального советского детства «скользила» мимо сотрудников крупной государственной организации, одной из задач которой (согласно той же риторике) было воспитание подрастающего поколения. Когда взрослые включились в работу, они либо изолировали детей, так как не знали, на каком языке говорить с самыми маленькими, либо предлагали совершенно нейтральные с точки зрения политического воспитания и специфики дворцов-музеев занятия: игры, рисование, фотокружок, кружок юннатов и пр. В то же время взрослым в этот период предоставлялся полный спектр политинформации: лекции, специализированные выставки, экскурсии, приуроченные к советским праздникам.

Документы научных сотрудников крупного музея, вынужденных взаимодействовать с детьми (возможно, вопреки своей воле), представляют материал для оценки глубины проникновения мифа в реальный мир и для оценки места ребенка в этом мире. По тому, какие решения принимали взрослые, какие занятия они считали подходящими для ребенка, как они пытались интерпретировать спущенную сверху необходимость работы со школьниками,

59 Дело музейно-школьной комиссии. Л. 63.

60 Объяснительная записка к годовому отчету за 1935 г. Дирекции Петергофских дворцов и парков // Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 282а. Л. 7.

61 Протокол общего собрания рабочих и служащих Петергофских дворцов и парков «О подготовке к летнему сезону». 10 апреля 1938 г. // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 295. Оп. 1. Д. 14. Л. 15.

мы можем делать выводы о том, как вообще взрослые воспринимали детей. Как равных, как «будущих строителей социализма»? Кажется, нет. Как маленькую помеху экскурсии, которой нужно скорее дать игрушку, чтобы не мешала? Похоже на то. Мы можем видеть, менялось ли их восприятие ребенка, — если и да, то не настолько, чтобы влиять на действия. Дошкольники так и не были выделены в индивидуумов до конца рассматриваемого периода. На их долю приходились лишь детские комнаты и детские площадки с песочницами. И потребовалось несколько лет, чтобы для детей постарше музейщики предложили что-то, кроме качелей.

Тектонический сдвиг в понимании детства, скорее всего, действительно был запланирован. Советы попытались дать детству новое определение, новое место (как это неоднократно было показано в работах исследователей), постарались включить всех в работу с детьми, но изменения происходили очень медленно.

Видимо, в 1920-х – 1930-х гг. миру взрослых все еще нужен был посредник для диалога с миром детей — педагог, профессионал. Отчасти об этом свидетельствует продолжение истории с неудачным путеводителем по Петергофу, упомянутой выше. В разгар конкурса на лучшую работу со школой Петергофским дворцам и паркам, естественно, было предложено написать путеводитель для школьников, что было выполнено в срок. Однако передаваемая работа была сопровождена следующим комментарием: «Музей не удовлетворен этой работой и сомневается в целесообразности ее издания. Петергоф располагает значительным опытом в путеводительской литературе для взрослых и не впервые заботится о литературе для детей <...> Живая и увлекательная книжка для детей о любом из исторических и художественных музеев должна быть создана в результате совместной работы музейных работников и крупных мастеров детской художественной литературы. Необходимо отойти в этом ответственном деле от кустарных методов работы. Необходимо созвать специальное совещание в Ленинграде и Москве по этому вопросу и включить музейную литературу в издательский план ДЕТГИЗА»⁶². Сотрудники музея этого времени — прекрасные историки, некоторые из них отлично владели словом, но они практически буквально просили «переводчика». Детский путеводитель по Петергофу так и не был издан.

REFERENCES

Dmitrienko N. M., Lozovaya L. A. *Pervyi muzeinyi s'ezd kak faktor ehvolyutsii muzeinogo dela v Rossii* [The first museum congress as a factor in the evolution of museum work in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History]. 2013, no 6 (26), pp. 193–198. (In Russian)

Erpyleva S. *Что не так с советским детством?* [What is wrong with Soviet childhood?] *The Journal of Social Policy Studies*, 2017, no 15 (1), pp. 164–172. (In Russian)

Kelly C. *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. New Haven, CT: Yale University Press, 2007. Pp. XXII+714.

Kelly C. *Ob izuchenii istorii detstva v Rossii XIX–XX vv.* [About the study of the history of childhood in Russia of the XIX–XX centuries]. *Kakoreya. Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh. Sbornik statei i materialov* [Kakoreya. From the history of childhood in Russia and other countries]. Moscow, Tver, Scientific book, 2008, 384 p. (In Russian)

Kuleshov E. V. *Predislovie* [Preface]. *Detskii sbornik: stat'i po detskoj literature i antropologii detstva* [Children's Journal: articles on children's literature and anthropology of childhood]. Moscow, United state publ. house, 2003, pp. 8–13. (In Russian)

Lyarskii A. B. *Istoriya detstva s tochki zreniya mezhdistsiplinarnosti: iz praktiki issledovaniya* [History of Childhood from the point of view of interdisciplinarity: from the research experience]. «*Steny i mosty*» — III: *istoriya vozniknoveniya i razvitiya idei mezhdistsiplinarnosti: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [“Walls and Bridges” — III: the history of the emergence and development of the idea of interdisciplinarity: a collection of materials of the III Annual International Conference (Moscow, RSUH, 25–26.04.2014)]. M., Academic Project; Gaudeamus, 2015, pp. 307–315. (In Russian)

Sal'nikova A. A. *Rossiiskoe detstvo v XX veke: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya* [Russian childhood in the 20th century: history, theory, and practice of research]. Kazan, KSU, 2007, 256 p. (In Russian)

62 Дело музейно-школьной комиссии. Л. 86.

Smirnova T. M. *Deti strany Sovetov: ot gosudarstvennoi politiki k realiyam povsednevnoi zhizni, 1917–1940 gg.* [Children of the country of Soviets: from state policy to real everyday life, 1917–1940]. Moscow, St. Petersburg, IRI RAN, Center for Humanitarian Initiatives, 2015. 384 p. (In Russian)

Yukhnovich M. Y. *Ya povedu tebya v muzei* [I'll take you to the museum: museum pedagogy textbook]. Moscow, RIK, 2001. 224 p. (In Russian)

Zelenina G. *Ot skudosti ehmitsii k skudosti istochnikov: poluvekovoi put' detskikh issledovaniy* [From the paucity of emotions to the paucity of sources: half a century of children's research]. *Teoriya mody: Odezhda. Telo. Kul'tura* [Fashion Theory: Clothes, Body, Culture]. M., NLR, 2008, vol. 8, pp. 19–36. (In Russian)

► СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО НА ФОНЕ ЦАРИЦЫНСКИХ ДВОРЦОВ: 1918 – КОНЕЦ 1940-Х ГГ.

ОФИЦЕРОВА ЕЛЕНА
ВИКТОРОВНА

Старший научный сотрудник, Государственный историко-архитектурный, художественный и ландшафтный музей-заповедник «Царицыно»

115569, Россия, Москва, ул. Дольская, д.1

123960@mail.ru

Октябрьская революция 1917 г привела к коренным изменениям в жизни страны. Они нашли свое яркое выражение в судьбе Царицынского архитектурно-паркового ансамбля и людей, живших на территории подмосковной усадьбы Царицыно. Перемены коснулись всех сторон жизни, изменив привычный уклад. Дачные поселки, «рассыпанные» вокруг ансамбля, утрачивали свой характер, переходя в статус «рабочих». Менялся социальный состав населения, его занятия и интересы. Новая идеология активно внедрялась в сознание, ломала привычные представления, требовала новых кадров и подходов. Это нашло отражение в судьбах людей всех поколений. В статье показано, как жили дети и подростки, ставшие (по разным причинам) обитателями бывшей царицынской усадьбы, каковы были особенности повседневной и духовной жизни в этих условиях, как влияла сама среда на формирование их внутреннего мира. Основное внимание уделено населению Хлебного дома — одного из главных зданий царицынского ансамбля.

Ключевые слова: Царицыно, архитектурный ансамбль, коммунальная квартира, мемуары, школьный театр, борьба с религией, детские увлечения

► SOVIET CHILDHOOD ON THE BACKDROP OF TSARITSYN PALACES: 1918 – LATE 1940s.

OFITSEROVA ELENA
VIKTOROVNA

Senior Researcher, Tsaritsyno State Historical, Architectural, Art and Landscape Museum Reserve

1, Dolskaya St., Moscow, 115569, Russia

123960@mail.ru

The October Revolution of 1917 led to fundamental changes in the life of the country. They found their vivid expression in the fate of the Tsaritsyn architectural and Park ensemble and the people who lived on the territory of the Tsaritsyno estate near Moscow. Changes have affected all aspects of life, changing the usual way of life. The country villages “scattered” around the ensemble lost their character, passing into the status of “workers”. The social composition of the population, its occupations and interests were changing. The new ideology was actively introduced into consciousness, broke the usual ideas, required new personnel and approaches. The new demands of life were reflected in the lives of people of all generations. The article shows how the life of children and adolescents who turned out to be (for various reasons) residents of the former Tsaritsyn estate passed, what were the features of everyday and spiritual life in these conditions, how the environment itself influenced the formation of their inner world. The main attention will be paid to the population of the Bread House, one of the main buildings of the Tsaritsyn ensemble.

Keywords: Tsaritsyno, architectural ensemble, communal apartment, memoirs, school theater, struggle with religion, children's hobbies

*Ничего не боялся я столько <...>, как жить
в городе без истории, преданий и памятников.*

Аполлон Григорьев
1861

Судьба подмосковной усадьбы Царицыно неординарна и складывалась драматически, в ней присутствовали таинственные события, суть которых не разгадана до сих пор. Вскоре после смерти Екатерины II несостоявшаяся императорская резиденция перестала финансироваться, денег на архитектурный ансамбль и парк не отпускалось. Краткий период расцвета усадьбы приходится на первую четверть XIX в., когда управляющим Московской удельной конторой стал влиятельный чиновник П. С. Валуев. Благодаря его усилиям в парке были выстроены павильоны, проложены романтические дорожки, оборудованы пристани, почищены пруды. По общему мнению, Царицыно превратилось в одно из лучших мест для загородных гуляний москвичей. Можно сказать, это был золотой век в его истории. Но уже во второй четверти XIX в. Царицыно вступает в период разрухи и запустения.

Новый импульс для развития усадьба получает в конце 1860-х гг. уже как дачная местность. В острой конкуренции с другими дачными поселками она быстро завоевала славу престижного и удобного места для летнего отдыха, одного из лучших в Подмосковье. Однако с началом Первой мировой войны постепенно наступает закат «дачного бума». И хотя привычное течение жизни еще сохранялось, но благополучная спокойная жизнь постепенно уходила в прошлое. Многие мужчины были призваны в армию, в семьях с тревогой ждали вестей с фронта, обострились экономические и социальные проблемы, в обществе нарастало напряжение.

Царицыно, однако, продолжало оставаться местом тихим. Никакой классовой борьбы не наблюдалось, политических партий не было. Февральская революция 1917 г. стала первым потрясением основ. Власть перешла к волостному земству гласных, избранному совет, большинство в котором составляли левые эсеры; пост комиссара милиции получил кадет И. И. Куликов, сын владельца местного кирпичного завода. В волостном совете занимались решением хозяйственных вопросов — закупкой топлива, распределением продовольствия — и много спорили о политике.

Кардинальные изменения в Царицыне начались в марте 1918 г., с приездом из Москвы С. П. Кошкина и В. А. Данилина — типографских рабочих, участников первой русской революции, членов РСДРП(б) с 1904 г. В их задачу входило создание партийной ячейки и установление здесь власти большевиков¹. Процесс «большевизации» совета проходил в ожесточенной борьбе, но задача была решена: уже к июлю эсеров вытеснили практически из всех местных советских органов. Во главе волостного совета был поставлен Ф. С. Шкулев — большевик и пламенный пролетарский поэт, автор известной песни «Мы кузнецы, и дух наш молод...».

Для Царицына начались новые времена. В результате административно-территориальной реформы Царицынская волость была преобразована в Ленинскую²; поселок переименован в Ленино³, Летний театр — в театр им. Ленина, даже Царицынский пруд получил название Советского, а позже — Ленинского. Главным органом местной власти стал Ленинский поселковый Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Ежедневными делами ведал исполком Совета.

Задача статьи состоит в том, чтобы показать, как в это переломное время жили дети и подростки, каковы были особенности их повседневной и духовной жизни, как влияла сама среда на формирование их внутреннего мира. Основное внимание будет уделено жителям Хлебного дома — одного из главных зданий Царицынского ансамбля, плотно заселенного и живущего, можно сказать, автономно и более сплоченно, чем жители индивидуальных домов.

Источниками при подготовке статьи послужили материалы Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО), а именно фонды Ленинского районного исполкома (РИК), Ленинского поселкового совета депутатов и Московского губернского Совета. Это протоколы заседаний исполкома или его отделов (земельного, коммунального, жилищного, школьного), постановления, акты конфискации и изъятий дач и другой собственности, предписания вышестоящих организаций, протоколы заседаний школьных советов⁴.

1 Гибер Б. В. Пять лет; Кошкин С. П. К коммунизму // Пять лет борьбы. Юбилейная газета Ленинской ячейки РКП(б). 1923. 1 мая. С. 1.

2 Вновь образованная Ленинская волость включала в себя 56 селений Царицынской, Зюзинской, Нагатинской волостей. См.: Зубков И. В., Офицера Е. В. Ленинская волость // Царицынская иллюстрированная энциклопедия. Т. 2. М., 2020. С. 13–14.

3 Поселок был образован в результате слияния дачных местностей бывшего Царицынского удельного имения (Старое Царицыно, Воздушный Сад, Поповка, Покровская сторона, Воробьевка, Новое Царицыно), села Царицыно и поселка при станции «Царицыно».

4 Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 674. Оп. 1. Д. 10, 25, 39, 44; Там же. Ф. 744. Оп. 1. Д. 25, 85.

В совокупности они представляют довольно полную и всестороннюю картину жизни. Основная часть архивных документов не публиковалась, но была частично использована при написании научных статей и популярных изданий по истории Ленино⁵.

Ценные сведения содержатся в архивах БТИ Южного округа и Моспроекта 2 — в частности, поэтажные планы Хлебного дома. Важным источником являются воспоминания бывших жителей Царицыно: Анатолия Дмитриевича Шеламова, завуча и педагога Ленинской средней школы № 2; Екатерины Сергеевны Смирновой-Стеценко, доктора медицинских наук, профессора Университета Дружбы народов, известного хирурга⁶. Свои воспоминания оставили и другие жители Ленино⁷.

Особенное место в царицынской мемуаристике принадлежит Андрею Леопольдовичу Гришунину (Виссору)⁸. Будущий литературовед, профессор, доктор филологических наук, он более тридцати лет (1923–1954) прожил в Хлебном доме. Его мемуарная книга «Царицыно. Записки старожила» — бесценный источник по истории усадьбы. С 12 лет он вел дневники, и это обеспечило документальную точность повествования, сохранило множество интереснейших подробностей о детстве и отрочестве автора, о каждодневной жизни поселка, о людях, живших по соседству. Будучи взрослым, он тщательно собирал рассказы и воспоминания друзей своего детства и юности.

Важной группой источников является так называемая «изустная история» — материалы, полученные сотрудниками ГМЗ «Царицыно» в ходе проекта «Старожилы. Частная история Царицыно». Это записи рассказов жителей поселка Ленино об их семье, родителях, друзьях. Проект продолжался пять лет, видеоролики отсняты и выложены на сайте⁹.

К 1918 г. из всего ансамбля только три здания были обитаемыми и использовались. Все они принадлежат авторству В. И. Баженова. Первый и Третий Кавалерские корпуса арендовались под дачи. Хлебный дом использовался частично, здесь находились «тридцать три меблированных комнаты с двумя кухнями, самоварней и коридорами»¹⁰, которые сдавались на лето небогатым дачникам. Здесь же находились квартиры лесного смотрителя и сторожей. **1**

Большой дворец представлял собой руину, не имевшую даже кровли. Такой же вид имели Оперный дом, Малый дворец, Второй Кавалерский корпус. В свое время они не нашли своих арендаторов и, лишенные «даже мелочного присмотра», неуклонно разрушались.

С первых лет Советской власти и до начала Великой Отечественной войны в поселке отмечался большой приток разнородного населения. Так, к началу 1917 г. в Царицыне постоянно проживали около 1,5 тысяч человек, это были люди спокойные и основательные:

- 5 Офицерова Е. В. «Срочно произвести конфискацию»: Царицыно в первые годы советской власти // Московский журнал. 2010. № 11; Она же. «Красная школа» в Царицыне // Московский журнал. 2015. № 2; Она же. Ленино-Дачное. 1918–1940-е. Москва, ГМЗ «Царицыно», 2016; Она же. Усадьба Царицыно после Октябрьской революции (1918 — конец 1930-х годов) // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. Вып. 23. Москва, 2018 и др.
- 6 Шеламов А. Д. 40 лет, отданные школе. Воспоминания заслуженного учителя первой средней школы в Царицыне. М., 2002; Смирнова-Стеценко Е. С. Хочу собирать бусы. Кн. 1–2. М., 2008.
- 7 Родионова Р. А. Красная школа от постройки до руин. М., 2005; Царицыно в дневниках и воспоминаниях / Авт.-сост. Л. Г. Еремина. М., 2018.
- 8 Гришунин А. Л. (Андрей Виссор). Царицыно. Записки старожила. М., 2000. А. Л. Виссор происходил из прибалтийских немцев. Прошел всю войну, воевал на Ленинградском и 2-м Дальневосточном фронтах. В 1951 г., в ходе кампании по борьбе с космополитизмом, по доносу был исключен из кандидатов в члены ВКП(б), отчислен из Московского Полиграфического института (позже восстановлен, окончил его с отличием). В 1954 г., женившись на В. А. Гришунинной, сменил немецкую фамилию на фамилию жены.
- 9 Спецпроект «Старожилы. Частная история Царицыно» // ГМЗ «Царицыно». URL: <https://tsaritsynomuseum.ru/events/special/p/starozhily> (дата обращения: 15.01.2023).
- 10 Цит. по: Баранова А. А., Докучаева О. В., Ермолов П. Б., Офицерова Е. В. Хлебный дом // Царицынская иллюстрированная энциклопедия. Т. 2. М., 2020. С. 213.

купцы, мещане, разбогатевшие крестьяне. В 1920 г. постоянных жителей было уже 5 тысяч, а к 1939 г. — 16,5 тысяч. Это были и беженцы из районов, охваченных Гражданской войной и голодом — из Поволжья, с Украины; и крестьяне, приехавшие в столицу в поисках лучшей доли. В то же время в Царицыне, ближнем пригороде Москвы, надеялись укрыться и переждать лихие времена семьи бывших привилегированных классов. Так оказались здесь представители старинных дворянских родов: Оболенские, Шереметьевы, Сабуровы. В 1918–1927 гг. здесь жил И. Н. Прохоров — последний владелец Трехгорной мануфактуры, одного из крупнейших текстильных предприятий России. Были здесь и семьи репрессированных либо участников Белого движения, стремившиеся затеряться, уехать подальше от родных мест. Они представляли разные социальные группы, но были объединены общей трагической судьбой. Такова история Смирновых, Драновских, Полтевых. Список можно продолжать. В условиях острого жилищного кризиса самой трудной задачей для прибывших было найти жилье. Все более или менее подходящие помещения были заняты: дачи максимально уплотнены, в каждой — по три-четыре семьи; перестроены и заселены сараи, летние кухни, террасы, пристройки.

Особая судьба ждала Кухонный корпус, который справедливо считается одним из лучших творений В. И. Баженова. Кубическое здание со скругленными углами, напоминающее итальянское палаццо, своей мощью, по задумке архитектора, должно было противостоять изяществу не только Кавалерских корпусов, но и главных дворцов императрицы и наследника¹¹. В конце XIX века Кухонный корпус получил название «Хлебный дом» — по белокаменному символу на фасаде: каравай с солонкой. 2

Планировка корпуса анфиладная, лестницы находятся в углах зданий. Для меблированных комнат анфилада была перестроена и заменена коридорной системой, каждая квартира имела отдельный вход. В начале XX в. использовалась примерно треть здания — комнаты на втором и третьем этажах с северной стороны. Остальная часть не была отделана и представляла собой голые кирпичные стены, лишенные кровли. В 1908 г. ее арендовали для размещения отряда конной стражи уездного полицейского управления. Позже жители, сменившие дачников, устраивали в «развалинах» деревянные сараи, ледники, держали кур, кроликов и даже коров.

После революции меблированные комнаты были превращены в коммунальные квартиры. Ордера на их заселение выдавались в поселковом совете, в доме был комендант, но все вопросы — по закупке дров, ремонту печей и др. — решались жильцами самостоятельно.

Жители называли свой дом «дворцом», а себя — «дворцовыми обитателями». Главный, Большой дворец, назывался «Белый дворец», т. к. в 1883 г., к коронации Александра III, он был побелен, и, хотя к 1920-м гг. побелка уже мало где осталась, память об этом факте сохранялась в названии.

Быт дворцовых обитателей был суров. Из всех благ цивилизации в Хлебном доме было только электричество. Печь топили дровами, летом — примус или керосинка. Коридоры и лестницы не отапливались, зимой в них был ледяной холод и сквозняки. За водой ходили к общественному колодцу, почти в километре от Хлебного дома, а потом тяжелые ведра приходилось нести на второй или третий этаж. Колодец работал строго по часам, к нему стояли немалые очереди: насос плохо подавал воду. Причем вода была нормированная и отпускалась по талонам, которые получали в поселковом Совете. Сверх нормы ведро стоило 2 коп. (а после войны уже 5 коп.). Поэтому полоскать белье жители ходили на соседний Оранжевый пруд. Мыться ездили в Москву, в баню.

Уборные сначала находились в дальнем отсеке коридора, но с ростом числа жителей пришлось устанавливать будки во дворе, а потом и вовсе переносить их на край парка,

11 Увы, дворцы, выстроенные Баженовым, не понравились Екатерине II и были снесены, а на их месте по проекту М. Ф. Казакова возведен монументальный Большой дворец.

ближе к оврагу. Никаких очистных сооружений, разумеется, не имелось, и, как пишет А. Л. Гришунин, «дворец стал пользоваться недоброй славой, на весь околоток расплывалась специфическая дворцовая вонь, с которой невозможно было ничего поделывать <...>»¹².

В 1920-е гг. Хлебный дом в основном населяли семьи служащих «дореволюционной формации»: инженеры, бухгалтеры, мастера, чертежники; по утрам они уезжали на работу в Москву. Небольшие предприятия были и в Ленино: два кирпичных завода, депо на станции, стекольный и молочный заводы.

С 1931 г. число жителей быстро росло, социальный состав менялся. Теперь это были в основном крестьяне, бежавшие от раскулачивания и колхозов. Семьи селились большие, зачастую многодетные. «Люди были состоятельные и инициативные, отстраивались и устраивались быстро»¹³. Рабочие руки были нужны: в Москве началась индустриализация и строительство метро. Хлебный дом, занятый ранее только на одну треть, «подвергся удивительно быстрому заселению. На поляне перед Дворцом появились ручные лесопильные устройства; безжалостно в толще стен прорубались не предусмотренные Баженовым „окна“. Люкарны между этажами, ограниченные кругами из белого камня, „для удобства“ и света растесывались в прямоугольные формы. В устроенных таким образом „антресолях“ поселились семьи»¹⁴. Заселение происходило методом «самостроя». По воспоминаниям Н. Ф. Барановой, родившейся в Царицыне и прожившей в Хлебном доме 35 лет, «каждый обустроивал квартиры как мог — ставил двери, перегородки, устраивал печное отопление и дымоход. Благодаря хаотической внутренней застройке, Хлебный дом изнутри представлял собой настоящий „Шанхай“ — бесчисленные лабиринты, извилистые темные коридоры <...>»¹⁵. Так были обустроены и заселены помещения на южной стороне здания и цокольный этаж.

В результате Хлебный дом стал представлять собой невероятный по плотности заселения человеческий «муравейник»: на трех этажах — 150 квартир, в них проживала почти тысяча человек. Кухня в каждой квартире была собственная, так что это не были коммуналки в классическом варианте; общим был только коридор. Большинство квартир состояли из одной комнаты, мало кто имел две; кухонный угол с печью отгораживался невысокой перегородкой или ширмой. Некоторые предприимчивые жильцы, благодаря высоким 6-метровым сводчатым потолкам, сооружали антресоли, получая, таким образом, дополнительную площадь.

Последствием столь активного заселения было дальнейшее разрушение царицынского ансамбля — тех бесхозных зданий, которые практически не охранялись: на кирпич были разобраны внутренние перегородки Второго Кавалерского корпуса, Галерея — ворота с аркой. Особенно сильно пострадал белокаменный декор зданий. Вот пример: «Милиционер Масейкин, поселившийся во дворце, себе на печку снес четверть баженовской галереи между дворцами <...>»¹⁶.

Сложности повседневной жизни оказывали значительное влияние на жизнь детей и подростков. Они рано приучались к труду, к домашнему хозяйству. Напилить и наколоть дров, принести воды, развесить белье на чердаке — все это были привычные каждодневные обязанности. Так было для многих в Советской стране. И все же жизнь в усадьбе, в окружении царицынского ансамбля, имела свои отличительные черты. Сочетание красоты природы и мрачное величелие руин способно было потрясти молодые души, склонные к сильному романтическим чувствам.

А. Л. Гришунин прямо утверждал это: «Сколько я себя помню, — я помню себя только в Царицыне, среди дворцов Баженова и Казакова, даже — в самих этих дворцах, в превос-

12 Гришунин А. Л. (Андрей Виссор). Царицыно. Записки старожилы. С. 13.

13 Там же. С. 56.

14 Там же.

15 Баранова Н. Ф. Мы жили в Хлебном доме // Царицыно в дневниках и воспоминаниях. С. 212.

16 Гришунин А. Л. (Андрей Виссор). Царицыно. Записки старожилы. С. 56.

ходном английском парке. Там прошла моя молодость. И я знаю, что это — важно; что без Царицынского дворца и парка я был бы совсем другим человеком. Я эти дворцы помню и знаю во всякое время»¹⁷. Осознание особенности, уникальности места присутствует и в других воспоминаниях. Так, В. И. Прохорова, детские годы которой прошли в Царицыне, вспоминала: «Нет, друзья мои, вы не знаете того Царицына! Этот парк с дворцами, прелестная деревушка, наш дом на пригорке <...> в Царицыне любое время года было радостью, а настоящее счастье ощущалось, когда расцветала сиреневая аллея, сбегавшая к пруду, когда накрывался белой скатертью стол на террасе, кипел самовар и пахло няинными булочками...»¹⁸. И далее: «Какой там парк царицынский был <...> таинственные руины. Было действительное ощущение русского замка <...> Мне Царицыно, где мы жили, казалось раем земным. Никогда не забыть вишневые сады, которые каждую весну стояли, как молоко облитые, в цвету»¹⁹.

Большинство зданий ансамбля так или иначе «участвовали» в детской жизни. Свое предназначение было и у главного дворца, представлявшего «громадную руину», — забравшись на карнизы или толстые стены, можно было обрести долгожданную возможность побыть в одиночестве — почитать или просто подумать, что было очень актуально в условиях тесноты и перенаселения. «Мощный каменный парапет создавал ощущение уюта и безопасности — как у Бога в кармане. Вид же на окружающее был божественный...»²⁰.

На других зданиях ансамбля — Оперном доме, Малом дворце — крыш также не было, и их широкие, в полтора метра толщиной стены и сводчатые перекрытия поросли настоящим высоким лесом, в котором в изобилии водились грибы и земляника. Залезать на них было непросто, но среди местных мальчишек считалось, что лучшая земляника росла именно там.

На жителей Хлебного дома влияла сама архитектура здания: например, в квартирах на третьем этаже комнаты имели узкие «мавританские» окна «с белокаменной колонкой посередине». Такое окно не пропускало большого света, «но зато по утрам вбрасывало в помещение резкий солнечный луч. Движущиеся пылинки в солнечном луче по утрам — одно из первых моих зрительных впечатлений жизни»²¹. По воспоминаниям Н. Ф. Барановой, «<...> темные, таинственные коридоры Хлебного дома служили идеальным местом для детских, особенно мальчишеских игр»²².

В Третьем Кавалерском корпусе, который находился в довольно хорошем состоянии, поскольку в нем почти пятьдесят лет была дача семьи Давидовых, первоначально располагался Народный дом, потом клуб²³. В 1927 г. в здании открылся первый Царицынский историко-художественный музей. В экспозиции были представлены живописные и графические портреты владельцев, чертежи и планы зданий Баженова и Казакова, фарфор, зеркала, предметы быта XVIII–XIX вв. Общее число экспонатов достигало трехсот. Музей действовал десять лет и был очень популярен. Местные школьники часто его посещали, для них проводили экскурсии.

После закрытия музея здание было перепланировано, и до 1970-х гг. в нем размещался Дом культуры со зрительным залом на 350 мест, библиотекой, читальней, помещением

17 Там же. С. 3.

18 Цит. по: *Кокорева Е. Д.* И. Н. Прохоров // Царицынская иллюстрированная энциклопедия. Т. 2. М., 2020. С. 127.

19 *Прохорова В. И.* Четыре друга на фоне столетия. М., 2012. С. 21, 295.

20 *Гришунин А. Л. (Андрей Виссор).* Царицыно. Записки старожила. С. 11.

21 Там же. С. 35.

22 *Баранова Н. Ф.* Мы жили в Хлебном доме. С. 213.

23 Ленинский волостной совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Дело Царицынского волостного земельного комиссариата о занятии политическо-спортивным союзом царицынской молодежи дачи Давыдовой. 29 января 1918 — 4 октября 1918 // ЦГАМО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 25. Л. 159–167.

для кружков и занятий художественной самодеятельностью. Другим «очагом культуры» была библиотека, открытая в октябре 1919 г.²⁴ Книжный фонд собирали из реквизированных частных библиотек, так что с самого начала он был весьма представительным (встречались и ценные издания), но и новой литературой регулярно пополнялся. Даже в годы Гражданской войны «на покупку книг для районной библиотеки» было отпущено 25 тыс. руб.²⁵, и это не был единичный случай.

Большая поляна перед дворцом получила название «Площадь 1 мая, бывш. Дворцовая». На ней 7 ноября и 1 мая проходили демонстрации, звучали торжественные речи и общее пение «Интернационала». В программу входило также «древонасаждение» и концерт-митинг в бывшем Увеселительном саду Диппмана²⁶. **3**

«Дворцовские» составляли особый «клан» в Царицыне. «Романтика двора», воспетая Булатом Окуджавой и Владимиром Высоцким, присутствовала и здесь. Хотя во дворце жили разные ребята, с разными интересами и наклонностями, в противостоянии с мальчишками с других улиц они должны были держаться вместе.

Но «дворцовских» спланивало и общее дело, и это было большим преимуществом. У них была своя спортивная площадка. Располагалась она между Хлебным домом и Большим дворцом, была уютной, защищенной от всех ветров. В голодные годы Гражданской войны на этом месте был огород. В конце 1920-х гг. силами общественности была здесь устроена игровая зона. Появились площадки для волейбола, тенниса, крокета, городков; был приобретен необходимый инвентарь. Из всех игр только старомодный крокет не пользовался популярностью, остальные активно практиковались. С этого времени жизнь детей стала проходить на площадке либо на Круглой поляне, где играли в лапту. Было во дворце и свое спортивное общество. Оно называлось «Хлеб-соль» — по белокаменному символу на фасаде здания. Под этим именем играли против других команд в волейбол, футбол. **4**

Дети вообще много занимались спортом. Зимой все каталось на санках или лыжах в парке, а когда на прудах устанавливался лед — на коньках. **5**

Летом вся жизнь проходила на прудах. «Купанье для мальчишек начиналось рано: в первые числа мая <...> в иные годы — в конце апреля, едва сойдет снег. Пруд — наше море, которого мы, по общей бедности тогдашней жизни, знать не могли»²⁷.

Жизнь в Хлебном доме была «на виду», все тесно общались и все обо всех знали. Население пестрое, но практически все в той или иной степени были «пострадавшими» от советской власти. Уехав в ближнее Подмосковье, люди пытались обеспечить сносное существование своим семьям, дать детям образование.

Несмотря на тесноту и сложности быта, жизнь во дворце имела свои плюсы. Среди соседей были люди разных занятий. Например, еще задолго до открытия в поселке музыкальной школы «дворцовские» дети могли учиться музыке. В квартире № 7 жила преподавательница Анна Яковлевна Смирнова; огромный черный рояль занимал у нее полкомнаты. Так же обстояло дело с немецким языком. За небольшую плату домашняя учительница Ядвига Теофиловна Петрова давала уроки всем желающим. В одной из квартир жил изобретатель стереокино Семен Павлович Иванов, лауреат Сталинской премии. Он был еще молодой, сам часто играл в волейбол на площадке и много рассказывал ребятам о стереокино и даже приглашал их в свою лабораторию в Москве.

В некоторых семьях имелись хорошие библиотеки, в них были собрания сочинений писателей, которых тогда власть не жаловала. Например, Достоевского, или сборники Есенина. Книги давали читать всем желающим, но, конечно, с условием возврата.

24 Ленинский волостной совет... Протокол заседаний № 29 от 4 октября 1919 г. // ЦГАМО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 44. Л. 47 об. Под библиотеку выделили дачу К. И. Кржижановского, суфлера Императорских театров.

25 Ленинский волостной совет... Протокол № 18 от 28 июня 1919 // Там же. Л. 33 об.

26 Ленинский волостной совет... Протокол № 12 от 23 апреля 1919 // Там же. Л. 22.

27 Гришунин А. Л. (Андрей Виссор). Царицыно. Записки старожила. С. 105.

До войны во дворце была своя «общественность», и она играла активную роль. Это еще не была казенная структура, действовавшая для отчета, «для галочки». Благодаря ей была оборудована спортивная площадка. По воспоминаниям Гришунина, в местном «Красном уголке» «энтузиасты из числа интеллигентов старого призыва могли устроить для простых жителей вполне вразумительную лекцию» по физике, литературе, фотографии. Все это вместе способствовало не только хорошему образованию, но и воспитанию детей.

В сентябре 1918 г. в поселке Ленино была открыта средняя школа. Она размещалась в одной из лучших царицынских дач — даче Н. П. Бахрушина²⁸. Дом, выстроенный в «русском стиле», выглядел как сказочный терем. Украшенный затейливой резьбой, с балкончиками, наличниками, этот ценный архитектурный объект сам по себе играл важную роль в воспитании вкуса. Дети любили свою школу и ласково называли ее «Бахрушинка». Немалая заслуга в этом учителей, среди которых много было людей из «бывших». Они давали не только отличные знания по своим предметам, но были хорошими воспитателями.

Царицынская школа славилась своим театральным кружком. До войны все поголовно были увлечены театром, это была «страсть», буквально охватившая советскую молодежь. В поселке Ленино организатором и «душой» театрального кружка был учитель физики Анатолий Дмитриевич Шеламов, безумно влюбленный в театр и сам имевший незаурядные актерские и режиссерские способности. Открытая им в 1929 г. в «Бахрушинке» драматическая студия действовала под его руководством 25 лет! Предпочтение отдавали классике — ставили Гоголя, Чехова, Грибоедова, иногда и советских авторов. К спектаклям готовились серьезно. За костюмами ездили в театральную костюмерную в Москву, в Зарядье; мебель и другой реквизит брали напрокат в местном Доме культуры. Спектакли имели успех. Кроме школы, их показывали в сельских клубах и в Ленинском доме культуры. Многие участники кружка А. Д. Шеламова вышли на профессиональную сцену, работали в театре, снимались в кино, двое стали режиссерами.

Кроме того, дети активно участвовали в концертах на местном радио. По воспоминаниям Ю. В. Казанцева, он и его брат играли популярные классические произведения (марши Шуберта, «Рондо» Мендельсона, «Турецкий марш» Моцарта), другие участники исполняли романсы, декламировали стихи²⁹.

Однако далеко не все было гладко. В условиях коренного перелома от советской власти требовалось решение многих сложных и зачастую противоречивых задач. Действия ее представителей не всегда были правильными и эффективными. Одним из самых сложных был вопрос об отношении к религии. Несмотря на атеистическую пропаганду, многие жители посещали храм, отмечали религиозные праздники. Игнорируя требования советских органов власти, «население продолжало регистрировать браки и рождения детей в церкви», а не в ЗАГСе, как предписывалось декретом СНК от 18 декабря 1917 г. В ответ решением Ленинского исполкома были изъяты церковные печати³⁰. Таким же непродуманным было постановление «о воспреещении зажигать лампы»³¹. Оба постановления Ленинского районного совета были отменены вышестоящим органом — Московским уездным советом.

Другим острым моментом было взаимодействие с учительскими кадрами, к которым власть относилась недоверчиво, считая их носителями старой идеологии. Свообразным камнем преткновения тоже был вопрос об отношении к религии: большинство учителей не желали считать себя атеистами. В Царицыне учебным отделом ведал Борис Гибер, один из наиболее рьяных борцов за новые порядки, отличавшийся нетерпимостью, жесткостью и крайней прямолинейностью. В 1919 г. он стал инициатором увольнения 70-летнего Ивана

28 Ленинский волостной совет... Акт № 3 от 21 сентября 1918 г. // ЦГАМО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 39. Л. 16.

29 Казанцев Ю. В. Внестудийная передача // Царицыно в дневниках и воспоминаниях. С. 178–179.

30 Протокол заседания президиума Ленинского райсовета от 23 ноября 1920 г. // ЦГАМО. Ф. 744. Оп. 1. Д. 25. Л. 97.

31 Протокол заседания президиума Ленинского райсовета от 11 июля 1921 г. // Там же. Д. 85. Л. 51.

Федоровича Шухвастова, уникального человека и уважаемого учителя, проработавшего в царицынской школе более сорока лет. Причина увольнения: в доме у Шухвастовых висела икона, за что его сочли «политически неблагонадежным»³². Уволена была и его дочь, тоже учительница Ленинской школы. Справедливость была восстановлена только после вмешательства Московского уездного исполкома, в который поступило обращение участников районной учительской конференции с требованием восстановить их коллег в должности³³.

Подобные конфликтные ситуации возникали не только с учителями, но и с детьми. За присутствие на литургии в Царицынском храме могли публично порицать на общешкольной линейке. Это неоднократно происходило с сестрами Екатериной и Ниной Смирновыми и их одноклассниками³⁴. А внук настоятеля царицынского храма Юрий Казанцев «перед всем строем под барабанный бой» был исключен из пионеров за то, что прислуживал в алтаре церкви³⁵. Однако, соблюдая традиции, многие жители продолжали отмечать и запрещенный Новый год, и Рождество Христово: «У окна на террасу ставили елку до потолка и украшали ее самодельными игрушками, золотили на нее орехи, вешали конфеты и мандарины <...> Праздновали Рождество со множеством соседских детей»³⁶.

Не обошли Царицыно и политические репрессии. Дети Оболенских потеряли мать и отца; жили с теткой, очень нуждались. У Смирновых погибли в заключении отец, дед, дядя. Арестам подвергались некоторые учителя и даже старшеклассники³⁷. Е. С. Смирнова-Стеценко писала: «Помню бесконечные аресты и гибель соседей, а потом и разорение нашей семьи...»³⁸

За два послереволюционных десятилетия дачная местность Царицыно коренным образом переменялась. Из спокойного, уютного и тихого места она превратилась в густонаселенный рабочий поселок. Изменился социальный состав населения, образ жизни, происходила переоценка ценностей. Но жизнь в усадьбе не позволяла забывать прошлое, жить только сегодняшним днем. Даже новое название поселка приживалось плохо, и в официальных документах чаще использовали двойное: «Ленино (Царицыно)», встречалось и «Ленино-Дачное». А жители, конечно, говорили «Царицыно»³⁹.

«Магия» места, красота руинированных дворцов, знаменитых прудов и парка облагораживали внутренний облик и мироощущение людей, здесь живущих — и местных жителей, и вновь прибывающих.

«Царицыно нас формировало, нас делало теми, что мы есть, всем своим содержанием, всей обстановкой своих дворцов, прудов, парков. Оно для нас — как для пушкинских лицейцев Царское Село», — с этими словами А. Л. Гришунина могли бы согласиться сотни людей, чье детство прошло в Царицыне. Многие из них стали знаменитыми — лауреатами, народными артистами, изобретателями, учеными, писателями. Но даже и спустя сорок-пятьдесят лет они назначали в Царицыно встречи и вспоминали прекрасные дни своего детства и юности.

32 Ленинский волостной совет... Протокол заседаний № 6 от 20 февраля 1919 г. // ЦГАМО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.

33 Ленинский волостной совет... Протокол заседаний № 27 от 13 сентября 1919 г.; № 29 от 4 октября 1919 г. // Там же. Л. 44, 50.

34 Смирнова-Стеценко Е. С. Хочу собирать бусы. Кн. 1. С. 55.

35 Казанцев А. Ю. Скворода картошки // Спецпроект «Старожилы. Частная история Царицыно». URL: <http://starozhily.tsaritsyno-museum.ru/kazantsev1> (дата обращения: 15.01.2023).

36 Смирнова-Стеценко Е. С. Хочу собирать бусы. Кн. 1. С. 67.

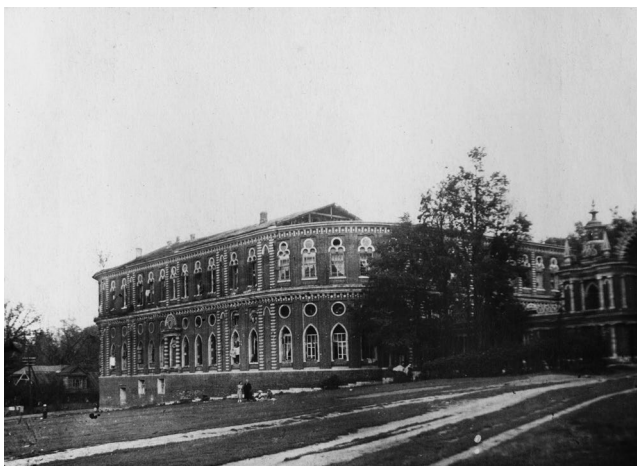
37 Там же. С. 16.

38 Там же. С. 18.

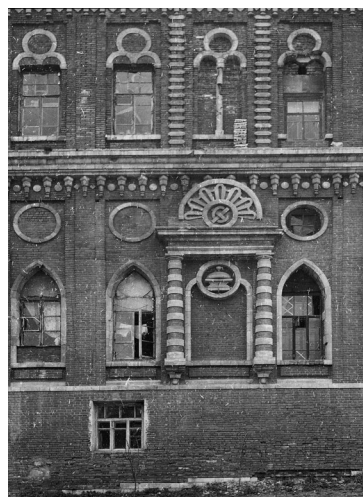
39 Отметим, что и железнодорожная станция по-прежнему называлась «Царицыно».

REFERENCES

- Baranova A. A., Dokuchaeva O. V., Ermolov P. B., Ofitserova E. V. *Khlebnyi dom* [Bread house]. *Tsaritsynskaya illyustrirovannaya ehntsiklopediya. Gosudarstvennyimuzei-zapovednik «Tsaritsyno»* [Tsaritsyn illustrated Encyclopedia. The State Museum-Reserve "Tsaritsyno"]. Moscow, CODEX Publ., 2020, vol. 2, pp. 211–216. (In Russian)
- Baranova N. F. *My zhili v Khlebnom dome* [We lived in a Bread house]. *Tsaritsyno v dnevnikh i vospominaniyakh* [Tsaritsyno in diaries and memoirs]. Moscow, Kuchkovo Field Publ., 2018, pp. 212–215. (In Russian)
- Grishunin A. L. (A. Vissor). *Tsaritsyno. Zapiski starozhila* [Tsaritsyno. Notes of an old-timer]. Moscow, IITS "DS" Publ., 2000. 263 p. (In Russian)
- Zubkov I. V., Ofitserova E. V. *Leninskaya volost'* [Leninskaya volost]. *Tsaritsynskaya illyustrirovannaya ehntsiklopediya. Gosudarstvennyimuzei-zapovednik "Tsaritsyno"* [Tsaritsyn illustrated Encyclopedia. The State Museum-Reserve "Tsaritsyno"]. Moscow, CODEX Publ., 2020, vol. 2, pp. 13–14. (In Russian)
- Kazantsev Y. V. *Vnestudiinaya peredacha* [Extra-studio transmission]. *Tsaritsyno v dnevnikh i vospominaniyakh*. [Tsaritsyno in diaries and memoirs]. Moscow, Kuchkovo Field Publ., 2018, pp. 178–180. (In Russian)
- Kokoreva E. D. *Prokhorov I. N.* [Prokhorov I. N.]. *Tsaritsynskaya illyustrirovannaya ehntsiklopediya. Gosudarstvennyimuzei-zapovednik "Tsaritsyno"* [Tsaritsyn Illustrated Encyclopedia. The State Museum-Reserve "Tsaritsyno"]. Moscow, CODEX Publ., 2020, vol. 2, pp. 126–127. (In Russian)
- Ofitserova E. V. «*Srochno proizvesti konfiskatsiyu*» ["Urgently confiscate"]. *Tsaritsyno v pervye gody sovetskoi vlasti* [Tsaritsyno in the early years of Soviet power]. Moscow Journal, 2010, no 11, pp. 64–71. (In Russian)
- Ofitserova E. V. «*Krasnaya shkola*» v *Tsaritsyne* ["Red School" in Tsaritsyn]. Moscow Journal, 2015, no 2, pp. 68–78. (In Russian)
- Ofitserova E. V. *Lenino-Dachnoe. 1918–1940-e.* [Lenino-Dacha. 1918–1940]. Moscow, GMZ "Tsaritsyno", 2016. 39 p. (In Russian)
- Ofitserova E. V. *Usad'ba Tsaritsyno posle Oktyabr'skoi revolyutsii (1918 – konets 1930-kh)* [Tsaritsyno manor after the October Revolution (1918 – late 1930s)]. Russian manor. Collection of Society for the Study of the Russian Estate. St.-Peterburg, Kolo, 2018, vol. 24, pp. 67–79. (In Russian)
- Prokhorova V. I. *Chetyre druga na fone stoletiya* [Four friends against the background of the century]. Moscow, Astrel Publ., 2012. 316 p. (In Russian)
- Rodionova R. A. *Krasnaya shkola ot postroiki do ruin* [The Red School from the building to the ruins]. Moscow, Jupiter-InterPubl., 2005. 175 p. (In Russian)
- Smirnova-Stetsenko E. S. *Khochu sobirat' busy* [I want to collect beads]. Moscow, APARTPubl., 2008, book 1. 271 p. (In Russian)
- Tsaritsyno v dnevnikh i vospominaniyakh / Avtor-sostavitel' L. G. Eremina.* [Tsaritsyno in diaries and memoirs /Author-compiler L. G. Eremina]. Moscow, Kuchkovo Field Publ., 2018. 303 p. (In Russian)
- Shelamov A. D. *40 let, otdannye shkole. Vospominaniya zasluzhennogo uchitelya pervoi srednei shkoly v Tsaritsyne* [40 years, given to school. Memoirs of the honored teacher of the first secondary school in Tsaritsyn]. Moscow, [s.n.], 2002, 240 p. (In Russian)

1 Хлебный дом
1940
Архив А. Л. Гришунина

2 Декоративный элемент
«Хлеб-соль»
на северном фасаде
Хлебного дома
Конец 1930-х.
Архив А. Л. Гришунина

3 Демонстрация в Царицыне 1 мая 1938 года
Архив А. Л. Гришунина

4 Игра в волейбол на площадке возле Хлебного дома
1938
Архив А. Л. Гришунина

5 Катание на санках от павильона Нерастанкино
в Царицынском парке
1939
Архив А. Ю. Казанцева

► КИТАЙСКИЙ ДВОРЕЦ-МУЗЕЙ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х ГГ.

ПЛОТНИКОВА ОЛЬГА
ВЛАДИМИРОВНА

Специалист отдела музейных исследований,
Государственный музей-заповедник
«Петергоф»

198516, Россия, Санкт-Петербург, Петергоф,
ул. Разводная, д. 2

olgaoraniienbaum@yandex.ru

Послевоенное возобновление деятельности Китайского дворца-музея, частично открытого для посещения после продолжительного периода консервации, способствовало массовому привлечению экскурсантов в Ораниенбаум – единственный пригород Ленинграда, не оккупированный в годы Великой Отечественной войны и сохранивший уникальные памятники архитектуры XVIII в. Стараниями немногочисленного научного отдела под руководством главного хранителя Зинаиды Михайловны Скобликовой планомерно налаживалась фондовая, экскурсионно-выставочная, методическая работа.

В исследовании, построенном на документальных свидетельствах из фондов архива Государственного музея-заповедника «Петергоф», впервые рассматривается деятельность научного отдела дворцов-музеев и парков Ораниенбаума (Ломоносова) в сфере музейной педагогики, ориентированной на детей школьного возраста. Отмеченные достижения в области этого важнейшего направления просветительской работы, проходившей становление в стенах Китайского дворца-музея во второй половине 1940-х гг., стали основой для плодотворной практики в последующие десятилетия и остаются методической базой для организации современной работы с детьми в музее.

Ключевые слова: Ораниенбаум, Китайский дворец-музей, экскурсии, методические разработки, музейная педагогика

► THE CHINESE PALACE-MUSEUM FOR SCHOOLCHILDREN IN THE SECOND HALF OF THE 1940s

PLOTNIKOVA OLGA
VLADIMIROVNA

Specialist of museum studies of the Museum
Research Department, The Peterhof State
Museum Reserve

2, Razvodnaya st., Peterhof, St. Petersburg,
198516, Russia

olgaoraniienbaum@yandex.ru

The post-war resumption of the activities of the Chinese Palace Museum, partially open to the public after a long period of conservation, contributed to the mass attraction of tourists to Oranienbaum – the only suburb of Leningrad not desecrated by the fascist occupation during the Great Patriotic War, on the territory of which the architectural heritage of the XVIII century has been preserved. Thanks to the efforts of a small scientific department under the leadership of the curator Zinaida Mikhailovna Skoblikova, was systematically established work with museum funds, excursion and exhibition, methodical work.

This study, based on documentary evidence from the archives of the Peterhof State Museum-Reserve, for the first time examines the activities of the scientific department of the palaces-museums and parks of Oranienbaum (Lomonosov) in the field of museum pedagogy aimed at school-age children. The noted achievements in the field of this most important area of educational work, which was formed in the Chinese Palace in the second half of the 1940s, became the basis for successful practice in the following decades and remain the methodological basis for organizing modern work with children in the museum.

Keywords: Oranienbaum, The Chinese Palace Museum, excursions, methodological developments, museum pedagogy

Открытие Китайского дворца-музея через год после окончания Великой Отечественной войны — ключевое событие в послевоенной истории архитектурно-ландшафтного комплекса Ораниенбаума, ставшее одним из символов восстановления мирной жизни.

С сентября 1941 года и на протяжении всего времени блокады города Ораниенбаума, оказавшегося на территории неоккупированного врагом Приморского плацдарма, Китайский дворец находился в зоне регулярных артиллерийских обстрелов, однако разрушен не был. ❶ Сохранению памятника в значительной степени способствовала круглосуточная наружная охрана, осуществлявшаяся сторожами под руководством коменданта Китайского дворца Н. М. Михайлова и военнослужащими Краснознаменной 48-й стрелковой Ропшинской дивизии им. М. И. Калинина, дислоцированной на территории Верхнего парка. В условиях длительной консервации здания особенно пострадала его внутренняя

декоративная отделка, уверенность в сохранении которой появилась уже после снятия блокады Ленинграда.

Решением Ленгорисполкома Китайский дворец-музей надлежало открыть для посетителей без проведения капитальной реставрации уже в летнем сезоне 1946 года. Объем первоочередных работ в сжатые сроки провели квалифицированные мастера Архитектурно-реставрационных мастерских Управления архитектуры, подготовившие к открытию тринадцать из семнадцати интерьеров, в которых — несмотря на отсутствие значительной части экспонатов, все еще находившихся в реставрации, — сотрудники научного отдела под руководством главного хранителя Зинаиды Михайловны Скобликовой организовали экспозицию.

Седьмого июля 1946 года Китайский дворец-музей вновь стал доступен для массового посещения¹, в частности, для групп, организованных по заявкам через Городское экскурсионное бюро. **2** Помимо знакомства с декоративным убранством интерьеров, вниманию экскурсантов предлагалась временная выставка, посвященная истории города Ораниенбаума и дворцово-паркового комплекса на его территории.

Согласно «Тетради учета посетителей», первые коллективы школьников переступили порог Китайского дворца 11 июля 1946 года². Это были учащиеся из Москвы, посетившие в период летних каникул единственный не разоренный в годы войны пригород Ленинграда. В экскурсионном сопровождении групп принимали участие старшие научные сотрудники ораниенбаумских дворцов-музеев, в частности Зоя Леонидовна Эльзенгр — автор первой послевоенной методической разработки экскурсии по Китайскому дворцу-музею³. Целевой установкой этого пособия являлось разъяснение историко-художественной значимости памятника русской культуры XVIII века, созданного под руководством архитектора А. Ринальди при участии русских крепостных мастеров. Впоследствии эта задача определила тематический вектор экскурсии по Китайскому дворцу-музею, разработанной З. Л. Эльзенгр для школьников с учетом особенностей детского восприятия информации. «Установление и поддержание контакта» с группой основывалось на практике «вопросно-ответного метода» и подаче материала таким образом, «чтобы школьники принимали живейшее участие в экскурсии и могли бы ответить на вопросы экскурсовода»⁴. Существенное дополнение разработки, связанное с темой восстановления Китайского дворца-музея в период первой послевоенной пятилетки, появилось в 1949 г. по окончании его комплексной реставрации и открытии всех семнадцати интерьеров⁵.

Помимо организованных групп учащихся школ Ораниенбаума и Кронштадта, Ленинграда и Москвы, воспитанников летних пионерских лагерей, а также «школьников-кружковцев» Государственного Русского музея, во дворец прибывали дети в составе групп, сформированных Городским экскурсионным бюро, которое порой не придерживалось требования со стороны Дирекции дворцов-музеев и парков «о допуске школьников в музей не ниже 6-го класса»⁶. Это ограничение, вероятно, связывалось с особенностями содержания экскурсии, ориентированной — согласно методической разработке — на уровень знаний отечественной истории в определенных рамках школьной программы.

1 На основании Приказа Городского отдела культурно-просветительной работы Исполкома Ленгорсовета № 155 от 15 мая 1946 г.

2 Тетрадь учета посетителей по Китайскому дворцу-музею. 1946 // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 4. Д. 9. Л. 1 об.

3 *Эльзенгр З. Л.* Методическая разработка экскурсии «Китайский дворец — исторический и художественный памятник XVIII века». 1946 // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 4. Д. 7. Л. 1.

4 *Эльзенгр З. Л.* Экскурсионно-методические указания. 14 июня 1950 г. Рукопись // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 4. Д. 37. Л. 7.

5 В июле 1949 г., после завершения реставрационных работ в интерьерах Китайского дворца на половине великого князя Павла Петровича, продолжавшихся в период 1948–1949 гг., все интерьеры музея были открыты для посещения.

6 Отчеты о научно-музейной работе за 1949 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 97. Л. 16.

Вместе с тем культурно-массовая работа под эгидой Дирекции велась с детьми и младшего школьного возраста. Именно в это время в светлой, застекленной галерее Китайского дворца-музея появился своеобразный центр детского досуга и развития — читальня, где проводились беседы, литературные викторины, читки детских журналов и газет. ³

В 1948 г. коллективом сотрудников научного отдела, состоявшего вместе с главным хранителем из трех человек, был подготовлен «План работы детского кружка по изучению Китайского дворца-музея и парка»⁷. Зоя Леонидовна Эльзенгр назначалась ответственной за разработку и проведение первого занятия, посвященного истории города Ораниенбаума и расположенного на его территории дворцово-паркового комплекса, а также за ведение музейного урока в Стежлярусном кабинете с рассказом об особенностях вышивки XVIII века, изобретении смальт и техниках мозаичного искусства. Зинаиде Михайловне Скобликовой, в соответствии с «Планом», предписывалось чтение двух лекций на тему декоративного убранства Китайского дворца-музея, обобщающих сведения о дворцовой мебели, наборных паркетах, эмалях, тканях и художественных лаках. Занятие на тему истории производства фарфора в Западной Европе и России с показом подлинных образцов из фонда музея доверялось старшему научному сотруднику Вере Васильевне Елисейевой, ответственной также за завершающую курс лекцию о специфике, стилях и планировке Ораниенбаумских парков. К сожалению, в отчетах научного отдела за 1948 г. отсутствует информация о том, насколько успешно и был ли вообще реализован этот «План», однако появление столь интересной инициативы свидетельствует о деятельной позиции Дирекции дворцов-музеев и парков в вопросе культурного просвещения школьников.

Вскоре после переименования города Ораниенбаума в город Ломоносов (28 февраля 1948 г.)⁸ научный отдел вновь выступил с просветительской инициативой. В рамках культурно-массовой работы в читальне Китайского дворца-музея развернулась щитовая выставка «Ломоносов — знамя русской культуры». При этом музейные сотрудники не только подготовили содержание десяти экспозиционных щитов-стендов, но, «за неимением ассигнованных средств»⁹, самостоятельно их оформили. Новая временная выставка знакомила экскурсантов, в том числе юных, со сведениями о жизни и научной деятельности Михаила Васильевича Ломоносова и по сути служила разъяснением вопроса: почему имя этого русского ученого присвоено городу. ⁴

Привлечение школьников в музей являлось частью той обширной работы по его популяризации, которую во второй половине 1940-х гг. вел научный отдел Дирекции дворцов-музеев и парков. Сотрудники в буквальном смысле «шли в народ»: на заводы, фабрики, в учебные заведения. Для охвата массовой аудитории разрабатывались передвижные выставки, готовились статьи для радиотрансляций на предприятиях, выездные лекции с показом диапозитивов.

Важный сегмент просветительской работы составляла издательская деятельность научного отдела, готовившего тексты афиш, заметок для публикаций в периодической печати. Эффективным способом информирования детей о работе Китайского дворца-музея в это время становится распространение в школах города Ломоносова отпечатанных типографским способом листовок, над составлением текста которых работала старший научный сотрудник З. Л. Эльзенгр. Из «Отчета о научно-музейной работе за 1949 г.» известно о подготовке «нескольких вариантов листовок для школьников»¹⁰. Побудительная интонация их заголовков — «Надо любить и знать свой город!», «Надо изучать и знать историю своего

7 Скобликова З. М. План работы детского кружка по изучению Китайского дворца-музея и парка. 1948. Рукопись // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 4. Д. 24. Л. 7–7 об.

8 Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 февраля 1948 г.

9 Отчет главного хранителя З. М. Скобликовой о проведении выставки «Ломоносов — знамя русской культуры», организованной в читальне Китайского дворца-музея в связи с переименованием города Ораниенбаума в Ломоносов в феврале 1948 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 88. Л. 17.

10 Отчет о научно-музейной работе за 1949 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 97. Л. 8.

города!» — выражала четко сформулированную задачу активного освоения истории родного края и его культурного наследия. ⁵ Провозглашением той же идеи служила листовка-памятка «Город Ломоносов. Китайский дворец-музей и парк», в содержании которой упоминалось, что «памятники истории и культуры <...> привлекают тысячи трудящихся, школьников, студентов для их изучения»¹¹.

Оставаясь до начала 1950-х гг. единственным действующим музеем на территории дворцово-паркового комплекса города Ломоносова, Китайский дворец выполнял своеобразную роль проводника сведений об остальных, еще ожидающих открытия (а в отдельных случаях и музеефикации) достопримечательностях бывшей ораниенбаумской резиденции. Помимо информационно насыщенной вводной выставки, этому способствовала экскурсионная программа под названием «Пристань — Китайский дворец-музей», разработанная старшим научным сотрудником В. В. Елисеевой для групп, прибывающих из Ленинграда на пароме. Следуя в сопровождении экскурсовода от городской пристани до парка и далее — по его аллеям, экскурсанты получали возможность относительно цельного восприятия ансамбля Собственной дачи, средоточием которого являлась цель их маршрута — Китайский дворец-музей с его уникальным декоративным убранством.

В составе таких групп, организованных Городским экскурсионным бюро, прибывали и школьники, что подтверждает запись в «Книге отзывов и предложений», оставленная ученицей 5 класса школы № 209 г. Ленинграда Марией Понизовской: «Мне очень понравилась экскурсия на пароме и этот дворец. Я в нем увидела много интересного и вспомнила то, что мы проходили в школе по истории. Эта экскурсия надолго сохранится в моей памяти»¹². Выражение благодарности, искреннего восхищения — характерный признак и других откликов посетителей, чье военное детство осветила встреча с Китайским дворцом-музеем. Эти выведенные детским почерком строки — наряду с фотографиями и документами из архива Государственного музея-заповедника «Петергоф», отражающими экспозиционную и методическую работу научного отдела, — свидетельствуют о том, что привлечение школьников составляло одно из приоритетных направлений деятельности Дирекции дворцов-музеев и парков, возобновившейся во второй половине 1940-х гг.

11 Материал для листовки-памятки для школьников «Город Ломоносов. Китайский дворец-музей и парк» / Сост. З. Л. Эльзенгр. 1948. Рукопись // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 4. Д. 23. Л. 10.

12 Книга отзывов и пожеланий. Ораниенбаум. 13 июня 1947 г. — 25 сентября 1949 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». Ф. Р-23. Оп. 4. Д. 15. Л. 59 об.

1 Китайский дворец. Фрагмент южного фасада (западный ризалит)
1946
ГМЗ «Петергоф»

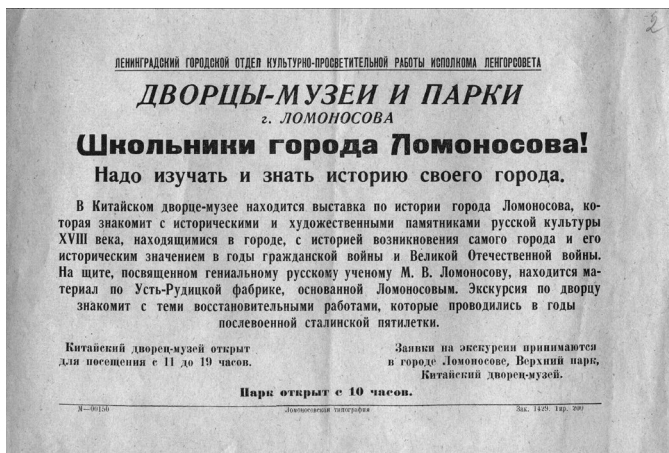
2 Афиша «Китайский дворец-музей»
7 июля 1946
ГМЗ «Петергоф»

3 Читальня в Вестибюле Китайского дворца-музея
1949
ГМЗ «Петергоф»

4 Выставка, посвященная Михаилу Васильевичу Ломоносову,
в Китайском дворце-музее
1948
ГМЗ «Петергоф»

5 Листовка «Школьники города Ломоносова!»
1948
ГМЗ «Петергоф»

ПРИЛОЖЕНИЕ.
СОХРАНЯЯ ПАМЯТЬ.
ОРАНИЕНБАУМ
В ДОКУМЕНТАХ
И ВОСПОМИНАНИЯХ

► ГЕРЦОГ ГЕОРГИЙ МЕКЛЕНБУРГ-СТРЕЛИЦКИЙ. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ДЕТСТВА

КОНОХОВА ЕЛЕНА
ВАСИЛЬЕВНА

Заведующая сектором «Мемориальная библиотека князя Г. В. Голицына»,
Центральная городская публичная библиотека
им. В. В. Маяковского

191025, Россия, Санкт-Петербург,
наб. реки Фонтанки, д. 46

galitzinelibrary@mail.ru

Впервые вводятся в научный оборот и осмысляются два документа из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), свидетельствующие о ранних годах жизни герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого (1859–1909): недавно обнаруженная записка неизвестного педагога, адресованная матери ученика — великой княгини Екатерине Михайловне, а также ранее не издававшаяся неоконченная автобиография Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого. Документы дают представление о детстве герцога, лицах, которые окружали его, а также о процессе и методиках воспитания и обучения, позволивших из заурядного ученика сформировать одного из влиятельных и образованных представителей дома Романовых. В приложении к статье публикуется перевод автобиографии с немецкого языка.

Ключевые слова: герцог Георгий Мекленбург-Стрелицкий, образование, воспитание, педагог, наставник, дом Романовых, двор великой княгини Екатерины Михайловны, дворцовое имение Ораниенбаум, Александр Матвеевич Васильев, автобиография

► GEORGE DUKE OF MECKLENBURG-STRELITZ. DOCUMENTAL EVIDENCE OF HIS CHILDHOOD

KONYUKHOVA ELENA
VASILIEVNA

The Head of the Department “The Prince George Golitzine Memorial Library”, The Vladimir Mayakovsky St. Petersburg Central City Public Library

46, emb. of Fontanka river, St. Petersburg,
191025, Russia

galitzinelibrary@mail.ru

For the first time, two documents from the State Archive of the Russian Federation (GA RF), referring to the early years of the life of Duke George of Mecklenburg-Strelitz (1859–1909), can be shared in academic circles and analysed: a recently discovered note from his teacher (name unknown) addressed to the student's mother, Grand Duchess Catherine Mikhailovna, and the previously unpublished, unfinished autobiography of George Mecklenburg-Strelitz. These documents give an idea of the Duke's childhood, the people who surrounded him, as well as the process and methods of upbringing and education that caused the transformation of an ordinary student into one of the influential and educated representatives of the Romanov dynasty. A translation from German of the autobiography is published in the appendix to the article.

Keywords: Duke George of Mecklenburg-Strelitz, education, upbringing, teacher, tutor, the Romanov dynasty, the court of the Grand Duchess Catherine Mikhailovna, the Oranienbaum palace estate, the tutor Alexander Vasiliev, autobiography of Duke of Mecklenburg-Strelitz

В 1894 г. герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий¹ (1859–1909) вместе с сестрой и братом² после смерти матери унаследовал дворцовое имение Ораниенбаум, которое в меньших границах входит теперь в состав Государственного музея-заповедника «Петергоф». Здесь же на территории парка герцог, согласно его воле, был похоронен в 1909 г. Любящий муж и отец, достойный помощник командира лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, командир лейб-гвардии Драгунского полка, создатель знаменитого струнного квартета, крупный благотворитель — к настоящему времени о жизни герцога

1 В XIX веке название одного из Мекленбургских герцогств произносилось и в Германии, и за ее пределами как «Стрелиц» — таким образом отдавалась дань славянской традиции (эти земли издавна были заселены славянами) в настоящее время все чаще звучит немецкое произношение: «Штрелиц». Мы же используем и сейчас характерное для России написание.

2 Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская (1857–1936), принцесса, урожд. герцогиня Мекленбург-Стрелицкая — старшая сестра герцога. Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий (1863–1934), герцог — младший брат герцога Георгия. Оба получили Ораниенбаум в вечное пользование. Герцог Георгий Георгиевич в связи с морганатическим браком унаследовал лишь в пожизненное владение. Официального раздела имения на части между братьями и сестрой не было.

Мекленбургского уже известно немало. Сведения о представителях великогерцогского дома Мекленбург-Стрелицких в России были получены благодаря усилиям отечественных историков, музейных работников, генеалогов, библиотекарей за последние 25 лет.

Единственной дореволюционной работой, посвященной герцогу Г. Г. Мекленбург-Стрелицкому, была книга Ц. А. Кюи³ о квартете герцога⁴. Она содержит сведения о его юных и студенческих годах. Первым трудом, посвященным «русским» герцогам Мекленбургским, стала публикация Р. Г. Красюкова⁵ «Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома»⁶. К биографическому очерку прилагалось генеалогическое древо — оно до сих пор помогает нам ориентироваться среди членов династии. Некоторые положения работы оказались поспешными, были уточнены впоследствии по мере изучения документов. В небольшой двуязычной статье автор впервые привел сведения о Мекленбургских герцогах в России и в эмиграции; нашел меткое название для публикации. Следует отметить, что генеалог Красюков лично встречался с тогдашним главой Мекленбург-Стрелицкого дома — герцогом Карлом Грегором⁷, который счел определение «русская ветвь» неудачным, не раскрывающим истинного положения герцогов Мекленбург-Стрелицких: они делили свою жизнь между Германией и Россией, поскольку жили и служили в России, но оставались при этом немецкими подданными вплоть до Первой мировой войны. Для российских же историков определение Красюкова оказалось столь образным, что легко вошло в оборот и упрочилось. Почти одновременно с публикацией генеалога вышла монография историка Г. А. Поповой⁸ «Особняк графини Карловой»⁹ — она явилась результатом усердной работы исследователя в архивах Петербурга и Москвы с личными фондами герцогов Мекленбург-Стрелицких и их родных. Книга принадлежит к научно-популярному жанру, написана доступным языком, впервые на печатных страницах появилась романтическая история любви герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого и его морганатической супруги графини Н. Ф. Карловой¹⁰. Неудивительно, что издание завоевало сердца петербуржцев и стало настоящим бестселлером. Вместе с тем при всей доступности изложения автор впервые ввела в научный оборот десятки неизвестных документов и фактов, воссоздала биографию герцога Мекленбургского и его семьи, что представляет большую ценность для исследователей и поныне. На сегодняшний день книга Поповой является самым полным источником.

Важным этапом изучения роли герцогов Мекленбург-Стрелицких в отечественной истории, музыке, искусстве, благотворительности, военном деле стала международная конференция «Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома», организованная

- 3 Кюи Цезарь Антонович (1835–1918) — инженер-генерал, профессор, заведующий одновременно кафедрами фортификации в трех военных академиях: Николаевской академии Генерального штаба, Николаевской инженерной и Михайловской артиллерийской; композитор и музыкальный критик, один из членов «Могучей кучки». Первый биограф и преподаватель фортификации герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого.
- 4 Кюи Ц. А. Герцог Георгий Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий и струнный квартет его имени. Петроград, 1915.
- 5 Красюков Ростислав Григорьевич (1935–2008) — российский генеалог, петербуржец, автор ряда статей на исторические темы.
- 6 Красюков Р. Г. Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома // Историческая генеалогия. 1994. № 3. С. 37–43.
- 7 Карл Грегор Мекленбургский, герцог (1933–2008) — ранее граф Карлов, глава Мекленбург-Стрелицкого дома, второй сын герцога Георга Мекленбургского (1899–1963).
- 8 Попова Галина Александровна (1952–2009) — многолетний сотрудник Музея истории Петербурга, первооткрыватель темы «Герцоги Мекленбург-Стрелицкие в России», автор публикаций.
- 9 Попова Г. А. Особняк графини Карловой. СПб., 1996.
- 10 Карлова Наталья Федоровна (1858–1921), графиня, урожд. Ванлярская — морганатическая супруга герцога Мекленбург-Стрелицкого, известная российская благотворительница.

Мемориальной библиотекой князя Г. В. Голицына¹¹, и изданный по ее материалам сборник¹². Конференция была приурочена к 300-летию создания великогерцогского дома. Авторитетное научное собрание объединило исследователей из разных российских городов и европейских стран; подобно мозаике, их доклады, освещающая отдельные вопросы, в сумме представили энциклопедию знаний о Мекленбургских герцогах в России к началу третьего тысячелетия, об их родных, ближайшем окружении. Благодаря участию в конференции генеалога из Германии Райко Липперта¹³ историки познакомились с его исследованием, посвященным великогерцогскому Мекленбургскому дому, где «русским» Мекленбургским было отведено особое место¹⁴. К этой конференции музей-заповедник «Ораниенбаум» подготовил выставку «Осколки зеркала», каталог которой дает полное описание предметов, представленных одиннадцатью музеями и библиотеками для экспозиции, а также включает ряд научных статей, развивающих тему конференции и выставки¹⁵.

Следует отметить роль Библиотеки Голицына в изучении жизни герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого. Библиотека была образована в 1994 г. в память о внучке герцога. Она расположена в городской резиденции семьи — особняке графини Н. Ф. Карловой на Фонтанке, 46. Библиотека Голицына выступила инициатором и организатором конференции, посвященной герцогам Мекленбург-Стрелицким, в 2001 г., создала в своих стенах постоянную экспозицию «Последние владельцы особняка на Фонтанке». Также ряд публикаций по истории «русской ветви» Мекленбургского дома были подготовлены исполнительным директором библиотеки Е. В. Конюховой¹⁶. В 2009 г. Библиотека организовала у себя выставку к 150-летию со дня рождения герцога Георгия Георгиевича, которая затем экспонировалась в Краеведческом музее г. Ломоносова¹⁷.

Особое внимание необходимо уделить биографии герцога, написанной в эмиграции в 1932 г. полковником К. Н. Скуратовым¹⁸ — однополчанином герцога по л.-гв. Конногренадерскому полку. В эмиграции Скуратов обратился к полковым товарищам с просьбой предоставить материалы по истории полка, над которой он начал работать¹⁹. Он получил

- 11 Мемориальная библиотека князя Георгия Владимировича Голицына — негосударственное учреждение культуры, созданное в 1994 г. Благотворительным фондом «Голицын — Петербургу» во главе с княгиней Джин и княжной Катериной Голицыной. С 2018 г. в составе Центральной государственной публичной библиотеки им. В. В. Маяковского, дар городу.
- 12 Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома: сборник трудов Международной научной конференции, 16–18 октября 2001 года: к 300-летию основания Мекленбург-Стрелицкого герцогства (Германия) и 150-летию возникновения «русской ветви» Мекленбург-Стрелицкого дома. СПб., 2005.
- 13 Липперт Райко (Lippert Rajko) (р. 1968) — современный немецкий генеалог Мекленбургского дома (Берлин), автор ряда публикаций на немецком языке о Мекленбург-Стрелицком герцогстве и его представителях.
- 14 *Lippert Rajko*. Das Grossherzogliche Haus Mecklenburg-Strelitz. Reutlingen, 1994.
- 15 Ораниенбаум. Век XIX... : по материалам выставки «Осколки зеркала»: к 150-летию Мекленбург-Стрелицкого дома в России. СПб., 2006.
- 16 См.: *Конюхова Е. В.* Семья герцога Мекленбург-Стрелицкого в Петергофе и Ораниенбауме // 300 лет Петергофской дороге и Ораниенбауму. История. Реставрация. Музеефикация. СПб., 2012. С. 172–188; *Конюхова Е. В.* Благотворительная деятельность герцогов Мекленбург-Стрелицких во время войн // Дворцы и война: к 100-летию начала Первой мировой войны. СПб., 2015. С. 32–48; *Конюхова Е. В.* Наталья Федоровна Ванлярская — графиня Карлова (На ком по любви женятся короли) // Фонтанка. 2021. № 29. С. 62–81; *Конюхова Е. В., Попова Г. А.* Продажа Михайловского дворца наследниками великой княгини Екатерины Михайловны: факты и домыслы // Исторические коллекции музеев: материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 30–47.
- 17 Каталог данной выставки не был издан.
- 18 Скуратов Константин Николаевич (1874–1948) — полковник, выпускник Николаевского кадетского корпуса, Николаевского кавалерийского училища, Офицерской кавалерийской школы, с 1896 г. корнет гвардии л.-гв. Конногренадерского полка. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. В эмиграции во Франции.
- 19 *Скуратов К. Н.* Мирное и боевое прошлое лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка: в 5 т. Париж — Нью-Йорк, 1938, 1940, 1941, 1951.

большое количество писем с воспоминаниями о помощнике командира герцога Мекленбург-Стрелицком. Скуратов не служил вместе с герцогом, но обаяние личности Георгия Георгиевича было столь велико, что историограф полка решил написать его биографию на основе присланных материалов. Рукопись десятилетия хранилась у потомков герцога, в настоящее время она опубликована в историческом альманахе «Российский архив» и в электронном виде в библиотеке Руниверс²⁰.

Еще одна публикация в значительной мере затрагивает персону герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого. Это подготовленная немецким благотворительным фондом «Гартов» к юбилею Петербургской консерватории монография «Музыканты и меценаты»²¹. Помимо статей, посвященных роли герцога Мекленбургского в развитии музыкальной культуры России и его особняку на Фонтанке как признанному музыкальному центру Петербурга, в издании представлены фрагменты из неопубликованных воспоминаний сына Георгия Георгиевича о месте музыки в жизни их семьи в России.

На протяжении двух последних десятилетий было издано несколько работ, в той или иной степени посвященных герцогу Георгию Георгиевичу Мекленбург-Стрелицкому. Преимущественно они публиковались в трудах музейных конференций: о продаже Михайловского дворца²², о жизни семьи в Петергофе и Ораниенбауме²³, о благотворительности в военные годы²⁴. Одной из последних работ, в которой можно почерпнуть сведения о личной жизни герцога Мекленбургского, является биографический очерк его супруги, графини Н. Ф. Карловой²⁵.

При кажущемся обилии публикаций, посвященных герцогу Мекленбург-Стрелицкому, информация о его детстве и отрочестве крайне скудна. Мы по крохам выявляем в архивных документах разрозненные сведения о его воспитании, обучении, образе жизни, о том, как складывалось и менялось его мировоззрение. Как счастливый случай можно расценивать обнаружение в Государственном архиве Российской Федерации двух источников, освещающих его юные годы, — записки неизвестного педагога герцога и его незавершенной автобиографии²⁶. В значительной мере на основании первого документа написана предлагаемая статья, а второй помещен в виде приложения.

С молодых лет герцог Г. Г. Мекленбург-Стрелицкий начал изучать основные предметы. Первыми его учителями были гувернантки, фрейлины и секретари великой княгини Елены Павловны²⁷. Бабушка герцога, великая княгиня Елена Павловна, много внимания уделяла женскому образованию в России, разрабатывала специальные курсы для преподавания старшей сестре герцога принцессе Елене Мекленбургской, подбирала для нее преподавателей, но нами пока не обнаружены документы, подтверждающие ее такой же интерес к обучению внуков²⁸.

20 Скуратов К. Н. Биография герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого // Российский архив. Т. 20. М., 2011. С. 678–722. В описании опущены инициалы автора; То же // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/rak/rak-678-htm> (дата обращения: 10.05.2023).

21 Музыканты и меценаты. Гамбург, 2012. С. 167–328.

22 Конюхова Е. В., Попова Г. А. Продажа Михайловского дворца наследниками Великой княгини Екатерины Михайловны: факты и домыслы // Исторические коллекции музеев: материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 30–47.

23 Конюхова Е. В. Семья герцога Мекленбург-Стрелицкого в Петергофе и Ораниенбауме // 300 лет Петергофской дороге и Ораниенбауму. История. Реставрация. Музеефикация. СПб., 2012. С. 172–188.

24 Конюхова Е. В. Благотворительная деятельность герцогов Мекленбург-Стрелицких во время войн // Дворцы и война: к 100-летию начала Первой мировой войны. СПб., 2015. С. 32–48.

25 Конюхова Е. В. Наталья Федоровна Ваняряская — графиня Карлова (На ком по любви женятся короли) // Фонтанка. 2021. № 29. С. 62–81.

26 Мекленбург-Стрелицкий Г. Г., герцог. [Автобиография]. [Б. м., 1905 — не позднее 1909] // ГА РФ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 569. 40 л. Машинопись. (На нем. яз.)

27 См. в прилагаемой автобиографии герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого.

28 У герцога Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого был брат Михаил (1863–1934) на четыре года младше его.

С раннего возраста мальчик начал заниматься музыкой. И снова среди его учителей мы видим в основном гувернанток и фрейлин. Заметив музыкальные способности сына, великая княгиня Екатерина Михайловна²⁹ обратилась за помощью к композитору и педагогу Адольфу Гензелю³⁰, который обучал игре на фортепиано еще самую великую княгиню Елену Павловну и ее дочерей и уже превратился в друга семьи, часто проводя со своей семьей лето то в Ораниенбауме, то в немецком имении Ремплин у высочайших патронесс. Гензелъ порекомендовал для юного герцога в качестве преподавателя своего ученика Лауэ (Лауе) — петербургского пианиста и педагога. Лауэ начал преподавать герцогу также теорию музыки. Вероятно, в это же время герцог приступил к занятиям на виолончели, которая стала его любимым музыкальным инструментом. С Георгом занимался прославленный музыкант Карл Юльевич Давыдов³¹. Любопытно, что не виолончелист приходил домой к ученику, а юного герцога привозили из Михайловского дворца на квартиру Давыдова два-три раза в неделю³². По прошествии ряда лет Георгий Георгиевич приобрел для себя виолончель работы знаменитого Гварнери, а к Давыдову любил приезжать на виолончельные собрания, где вместе с другими петербургскими музыкантами играл произведения для этого инструмента.

Также юного герцога с раннего детства, как это было принято в XIX веке, начали обучать искусству рисунка. Матушка герцога великая княгиня Екатерина Михайловна, для занятий с которой был выписан из заграницы художник Михай Зичи³³, уже в зрелом возрасте продолжала брать уроки живописи у русских художников Тимолеона Неффа³⁴ и Ивана Крамского³⁵.

Отцом ученика из Михайловского дворца был немецкий герцог Георг Август Мекленбург-Стрелицкий³⁶, выросший в Германии и получивший там прекрасное гимназическое и университетское образование. По его инициативе, по достижении старшим сыном 10-летнего возраста был приглашен специальный наставник, задачей которого было заменить преобладавшее женское обучение на мужское, воспитывать принца Георга в строгости, учить его храбрости, четкости, дисциплине, ответственности за сделанное, а кроме того познакомить с русской действительностью и улучшить его знания русского литературного языка. Таким педагогом стал Александр Матвеевич Васильев³⁷. Васильев нашел общий язык сперва с Георгием, затем с его младшим братом Михаилом и прослужил

- 29 Екатерина Михайловна, великая княжна (1827–1894), в замужестве герцогиня Мекленбург-Стрелицкая. В России после брака чаще употреблялся титул «великая княгиня».
- 30 Гензелъ Адольф (1814–1889) — немецкий композитор, пианист и педагог, повлиявший на музыкальную жизнь России. С 1838 г. придворный пианист императрицы Александры Федоровны, с 1857 г. генеральный инспектор царских воспитательных заведений для благородных девиц в Санкт-Петербурге (контакты с великой княгиней Еленой Павловной); в 1887–1888 гг. профессор Петербургской консерватории.
- 31 Давыдов Карл Юльевич (1838–1889) — выдающийся виолончелист, профессор по классу виолончели, директор Санкт-Петербургской консерватории в 1876–1887 гг.
- 32 *Куприна-Иорданская М. К.* Годы молодости. М., 1966. С. 74.
- 33 Зичи Михаил (Михай) Александрович (1827–1906) — венгерский художник, много лет работавший в России. Автор портретов, жанровых сцен, акварелей, иллюстратор книги. Академик, почетный член Императорской Академии художеств.
- 34 Нефф Тимофей (Тимoleon) Андреевич (1805–1876) — русский живописец немецкого происхождения, крупный представитель салонного академизма середины XIX в., автор портретов и исторических картин. Академик и профессор Императорской Академии художеств, друг семьи великой княгини Екатерины Михайловны, сопровождавший ее в поездках, автор ее чудесного портрета.
- 35 Крамской Иван Николаевич (1837–1887) — русский художник, академик Императорской Академии художеств, представитель реалистической школы второй половины XIX в., передвижник, автор посмертного портрета герцога Георга Августа Мекленбург-Стрелицкого.
- 36 Георг Август Мекленбург-Стрелицкий (1824–1876), герцог — второй сын великого герцога Георга, выпускник Ростокского университета, супруг великой княгини Екатерины Михайловны.
- 37 Васильев Александр Матвеевич (1845–1906) — выпускник физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета по естествоиспытательскому разряду со званием действительного студента в 1869 г.

при дворе великой княгини Екатерины Михайловны более десяти лет (с 1869 по 1880 г.). За эти годы он приобрел большой педагогический опыт, и к окончанию придворной работы с юными герцогами Васильев занял должность в знаменитом Петровском коммерческом училище Санкт-Петербургского Купеческого общества, начав там с поста наблюдателя и преподавателя естественной истории (1880–1893?) и закончив директором учебного заведения (1896–1901). Одновременно Васильев работал инспектором научных классов и преподавателем природоведения в Консерватории. Можно предположить, что Васильев занимался естественными науками и со своими подопечными — герцогами Мекленбургскими. Вероятно, родители высоко ценили воспитателя детей, но сам герцог Георгий Георгиевич спустя годы отзывался о нем противоречиво.

С приходом Васильева в 1869 г., у герцога Георгия появился наставник, который постарался привести преподавание ученика в систему. В Государственном архиве Российской Федерации хранится документ, озаглавленный нами, исходя из содержания, «докладная записка» (можно предположить, что она написана Васильевым). Она датирована лишь месяцем, анонимна, не озаглавлена и не содержит адресата³⁸. В записке подводятся некоторые итоги учебы герцога за предыдущие годы. Скорее всего, бумага была адресована великой княгине Екатерине Михайловне, а не отцу ученика, так как она написана на русском языке, а старший герцог Мекленбургский плохо владел им. К тому же в записке речь идет об успехах герцога в 1876–1877 учебном году, а, как известно, герцог Георг Август Мекленбург-Стрелицкий скончался в 1876 г. Можно предположить, что перед автором записки изначально не ставился анализ учебного плана и успехов герцога, поэтому тьютор только на четвертый год своего пребывания в этой роли ввел кардинальные изменения.

Записка начинается словами: «Первоначальное обучение и развитие Е<го> В<ысочества> принца Жоржа подвигалось так туго и медленно вперед, что возможность начать вполне систематические курсы явилась только тогда, когда Его Высочеству было уже 13 лет (в 1872–73 учебном году)»³⁹. Отчего же произошло такое отставание? Во-первых, причины замедленного обучения герцога крылись в совместном с братом воспитании. Герцог Георгий был на четыре года старше Михаила, и обучение братьев вместе не могло не выступать «тормозом». Судя по всему, преподавать продолжали фрейлины, исходя из своих представлений о педагогических методах, собственных знаний и способностей, поэтому, как пишет автор записки: «До этого времени все внимание преподавателей главным образом было сосредоточено на обучении Его Высочества чтению (на 4-х языках) письму и первым элементам арифметики и географии. Особенно трудно доставалось принцу чтение и арифметика»⁴⁰. Любопытно отметить, что подростка первые годы не обучали иностранным языкам как таковым, их структуре, правилам (фонетике, лексике, грамматике), а только чтению на немецком, английском и французском языках. Труднее всего из языков герцогу давалась латынь. Как заметил автор анонимной записки: «Латинский язык, начатый с 8-летнего возраста, тоже подвигался вперед так тихо, что на 13-м году своей жизни Е<го> В<ысочество> не вполне владел еще склонениями и спряжениями»⁴¹. Из точных наук герцогу преподавали основы алгебры, а из естественно-научных дисциплин — географию, и обе науки также вызывали проблемы у ученика.

Васильев изменил систему преподавания августейшему ученику. Герцог вышел на новый уровень, и к 17 годам юноша свободно сдал экзамены за гимназический курс. Анализируя перечень предметов, мы видим, что за учебный год Георгий Георгиевич изучал от 11 до 14 дисциплин, которые занимали в неделю 22–24 часа, т.е. у подростка было

38 [Докладная записка анонима к неизвестному лицу] // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 694. Оп. 1. Д. 578. Л. 1.

39 Там же. Л. 1 об.

40 Там же. Л. 1.

41 Там же.

четыре-пять уроков в день продолжительностью в академический час. И только в последний год обучения занятость ученика возросла до 28 часов. Предметы читались в основном два раза в неделю. Особое внимание было уделено латыни, с которой Георгий Георгиевич был не в ладах: четыре года из пяти герцог занимался ею по четыре часа в неделю. В дореволюционном образовании латынь была чрезвычайно важна: она закладывала основы освоения европейского искусства, литературы, облегчала изучение романских языков, помогала в дальнейшем при изучении наук, вся терминология которых построена на латинском языке. Античные языки были неотъемлемой частью гимназического курса, который на дому проходил герцог. Вместе с латынью половина времени в учебном плане отводилась русскому, немецкому, французскому и английскому языкам. Георгий Мекленбургский был билингвом: одинаково свободно говорил на немецком (языке отца) и русском (материнском) языках. Большую часть времени он проводил в России, но и в Германии он бывал часто: его дед не хотел, чтобы «русские» Мекленбургские теряли связь с Германией. Не случайно наставник герцога объединил курсы немецкого и русского языков с занятиями литературой.

Новый воспитатель добавил в учебный план необходимый для гимназического образования Закон Божий (лютеранского вероисповедания), который, вероятно, юноша изучал с пастором перед конфирмацией. На последних годах обучения появились новые предметы — физика и химия. Ниже мы приводим составленную нами таблицу учебного плана герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого за последние пять лет его домашнего обучения.

Учебный год	1872/1873	1873/1874	1874/1875	1875/1876	1876/1877
Возраст герцога	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет
Предметы	Количество часов в неделю				
Закон Божий	нет	1	1	1	1
Русский язык и история	2	нет	2	нет	
Русский язык и литература	нет	2	нет	2	2
Латинский язык	4	4	4	2	4
Немецкий язык	2	2	2	нет	нет
Немецкий язык и литература	нет	нет	нет	2	2
Французский язык	2	2	2	2	2
Английский язык	2	2	2	2	2
История всеобщая	2	2	2	3	3
География	2	2	2	2	2
Алгебра	2	2	2	2	2
Геометрия	1	2	2	1	1
Тригонометрия	нет	нет	нет	нет	1
Рисование	2	2	1	2	2
Естествоведение	1	1	1	нет	нет
Физика	нет	1	нет	2	3
Химия	нет	нет	нет	нет	1
Всего за неделю:	22 часа	24 часа	23 часа	23 часа	28 часов
	11 предм.	13 предм.	12 предм.	11 предм.	14 предм.

1 План обучения герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого за 1872–1877 учебные годы⁴²

42 Составлено по: [Докладная записка анонима к неизвестному лицу] // ГА РФ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 578. Л. 1.

В конце 1876–1877 учебного года его высочество с успехом выдержал испытания по латыни, немецкой литературе, алгебре, геометрии и тригонометрии, истории и географии в рамках гимназического курса. Помимо изменения методики и учебного плана, к преподаванию герцогу были привлечены замечательные педагоги. Например, алгебре и геометрии обучали два учителя — молодой математик и начинающий методист Вулих⁴³ и известный педагог и автор учебников Евтушевский⁴⁴ (позже по рекомендации великой княгини Екатерины Михайловны оба преподавали детям Александра III), а латыни учил некий Линдес.

По окончании гимназического курса герцог Георгий Мекленбург-Стрелицкий продолжил домашнее обучение уже для получения среднего военного образования. К преподаванию были привлечены лучшие военные теоретики и практики. Семья герцога была связана с артиллерией именем деда — великого князя Михаила Павловича, поэтому не случайно в обучении юноши большое место заняли артиллерийские дисциплины, а ряд преподавателей были сотрудниками Михайловской артиллерийской академии. Мы можем назвать некоторых педагогов герцога Мекленбургского: фортификацию преподавал адъюнкт-профессор⁴⁵ Цезарь Кюи, только что вернувшийся с полей русско-турецкой войны. Будущий инженер-генерал, композитор и первый биограф герцога впоследствии с удовольствием вспоминал разговоры со своим учеником отнюдь не о фортификации, а о музыке, но только в перерывах между занятиями! Генерал-майор Академии Генерального штаба (ставший вскоре ее начальником) Генрих Антонович Леер⁴⁶ читал тактику и стратегию, был автором блестящих военно-исторических работ. Генерал-майор и адъюнкт-профессор Николай Афанасьевич Демьяненко⁴⁷ обучал юного герцога артиллерийским наукам. Михаил Александрович Газенкампф⁴⁸ — старший адъютант штаба войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, писатель и публицист, профессор Николаевской академии Генерального штаба, участник русско-турецкой войны — занимался с герцогом вопросами военной администрации. Командир батареи юнкеров Михайловской академии Александр Трофимович Баумгартен⁴⁹ был наставником Георга Мекленбургского в артиллерийских уставах. Топографию (искусство читать и составлять военные карты, наносить на них расположение воинских частей и техники) юный герцог познавал с полковником Михаилом Николаевичем Андреевым⁵⁰, который заведовал чертежной мастерской в военно-топографическом отделе Главного штаба. Герцог Мекленбург-Стрелицкий интересовался военными науками, серьезно относился к занятиям, был настойчив, прилежен, трудолюбив и проявлял большие способности.

- 43 Вулих Захар Борисович (1844–1897) — русский педагог-математик, автор известного руководства «Краткий курс геометрии и собрание геометрических задач» и большого числа статей. Преподавал арифметику в Маринском институте, был постоянным членом Учебного комитета при Главном управлении военно-учебных заведений.
- 44 Евтушевский Василий Адрианович (1836–1888) — русский педагог, преподаватель математики, редактор и общественный деятель.
- 45 См. прим. 3.
- 46 Леер Генрих Антонович (1829–1904) — генерал-лейтенант, профессор стратегии в Академиях Генерального штаба, Артиллерийской и Инженерной, начальник первой из них в 1889–1898 гг., член-корреспондент Императорской Академии наук, военный писатель.
- 47 Демьяненко Николай Афанасьевич (1830–1907) — генерал от артиллерии, начальник Михайловской артиллерийской академии в 1881–1898 гг., член Военного совета.
- 48 Газенкампф Михаил Александрович (1843–1913) — генерал от инфантерии, писатель и публицист, профессор Николаевской академии Генерального штаба по кафедре военной администрации (1874–1891), участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1905 г. помощник главнокомандующего войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, член Высшей аттестационной комиссии и Военного совета.
- 49 Баумгартен Александр Трофимович (1843–1901) — генерал-лейтенант, профессор Михайловской артиллерийской академии, член Главного артиллерийского комитета. С 1873 г. — командир батареи юнкеров Михайловского артиллерийского училища.
- 50 Вероятно, Андреев Михаил Николаевич (1828–?) — полковник. С 1867 г. заведовал чертежной мастерской в военно-топографическом отделе Главного штаба.

По достижении совершеннолетия, имея за спиной гимназическое и среднее военное образование, герцог Мекленбургский направился в Германию, чтобы, согласно завещанию отца, получить высшее гуманитарное образование, а затем, вернувшись в Россию, поступить на военную службу. За пять гимназических лет под руководством Александра Матвеевича Васильева герцог Георгий Мекленбург-Стрелицкий превратился из посредственного ученика в развитого молодого человека, с широким кругозором, с увлечением изучающего науки, подготовленного к сложной университетской программе, а также к самостоятельным занятиям. В Россию он вернулся с ученой степенью доктора изящных искусств и философии — уникальный случай в Доме Романовых.

REFERENCES:

- Cui C. A. *Gertsog Georgii Georgievich Meklenburg-Strelitskii i strunnyi kvartet ego imeni*. [Duke George of Mecklenburg-Strelitz and String Quartet named after him]. Petrograd, Sirius Typography, 1915. 16 p. (In Russian)
- Konyukhova E. V. *Blagotvoritel'naya deyatel'nost' gertsogov Meklenburg-Strelitskikh vo vremya vojn* [Charity activities of Dukes of Mecklenburg-Strelitz during the wars]. Palaces and wars: to the 100th anniversary of the outbreak of the First World War. St. Petersburg, The European House Publishing House, 2015, pp. 32–48. (In Russian)
- Konyukhova E. V. *Natal'ya Fedorovna Vanlyarskaya – grafinya Karlova (Na kom po lyubvi zhenyatsya koroli)* [Natalia Fiodorovna Wanlyarskaya (Who do kings marry for love)]. Fontanka, 2021. no 29. pp. 62–81. (In Russian)
- Konyukhova E. V. *Sem'ya gertsoga Meklenburg-Strelitskogo v Petergofo i Oranienbaume* [The Duke of Mecklenburg-Strelitz' Family in Petershof and Oranienbaum]. 300 years of the Peterhof road and Oranienbaum. Story. Restoration. Museumification. St. Petersburg, The European House Publishing House, 2012, pp. 172–188. (In Russian)
- Konyukhova E. V., Popova G. A. *Prodazha Mikhailovskogo dvortsa naslednikami Velikoi knyagini Ekateriny Mikhailovny: fakty i domysly* [Sale of the Michael Palace by the heirs of the Grand Duchess Catherine Mikhailovna: facts and conjectures]. Historical collections of museums: materials of a conference. St. Petersburg, Alina, 2007, pp. 30–47. (In Russian)
- Krasyukov R. G. *Russkaya vetv' Meklenburg-Strelitskogo doma* [The Russian branch of the Mecklenburg-Strelitz House]. Historical Genealogy, 1994, no 3, pp. 37–43.
- Lippert Rajko. Das Grossherzogliche Haus Mecklenburg-Strelitz. Reutlingen, Suum Cuique, 1994. 122 p. (In German).
- Musiker und Mazene. Hamburg, Gartow Stiftung, 2012. 164 p. (In German).
- Oranienbaum. Vek XIX...: po materialam vystavki «Oskolki zerkala»: k 150-letiyu Meklenburg-Strelitskogo doma v Rossii*. [Oranienbaum. XIXth century...: based on items of the exhibition to the 150th anniversary of the Mecklenburg-Strelitz Dukedom in Russia "Shards of a mirror"]. St. Petersburg, NP Print, 2006. 167 p. (In Russian)
- Popova G. A. *Osobnyak grafini Karlovoi* (The Contess Karlow's Mansion). St. Petersburg, Diamond, 1996. 159 p. (In Russian)
- Russkaya vetv' Meklenburg-Strelitskogo Doma: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 16–18 oktyabrya 2001 goda: k 300-letiyu osnovaniya Meklenburg-Strelitskogo gertsogstva (Germaniya) i 150-letiyu vznikeniya "russkoi vetvi" Meklenburg-Strelitskogo Doma*. [The Ducal Family of Mecklenburg-Strelitz in Russia: Proceedings of the International Conference, 16–18 Oct. 2001: to 300th anniversary of established of the Mecklenburg-Strelitz Dukedom (Germany) and to 150th anniversary of the Russian Branch of the Dukedom]. St. Petersburg, Faces of Russia, 2005. 295 p. (In Russian)
- Skuratov K. N. *Biografiya gertsoga G. G. Meklenburg-Strelitskogo* [Biography of Duke G. G. Vtcklenburg-Strelitz]. Russian Archives, 2011. Vol. 20. pp. 678–722. (In Russian)
- Skuratov K. N. *Mirnoe i boevoe proshloe Leib-gvardii Konno-Grenaderskogo polka: v 5 t.* [Peaceful and military past of the Life Guards of the Horse Grenadier Regiment: in 5 vol.]. Paris — New York, 1938, 1940, 1941, 1951. (In Russian)

1 Герцог Георгий Мекленбург-Стрелицкий
Конец 1860-х
ГА РФ

Левецкий
на Мойке, 30 в Петербурге

2 Герцог Георгий Мекленбург-Стрелицкий
Фото С. Л. Левецкого
Нач. 1870-х
Архив семьи Голицыных, Лондон

НЕОКОНЧЕННАЯ АВТОБИОГРАФИЯ ГЕРЦОГА Г. Г. МЕКЛЕНБУРГ-СТРЕЛИЦКОГО

Перевод с немецкого языка М.А. Борисовой,
подготовка текста, предисловие и комментарии Е.В. Конюховой

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в Москве хранятся два личных фонда, связанных с именем герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого: фонд 694 — объединенный семейный фонд двух поколений герцогов Мекленбургских в России и фонд 918 — супруги герцога Г. Г. Мекленбургского графини Карловой и ее детей. Оба фонда состоят из документов личного и общественного характера целой семьи: аттестатов, дипломов, учебных материалов, переводов, газетных вырезок, тысяч писем, полученных герцогом, а также адресованных родственникам. Большая часть документов написана на русском языке, затем следует немецкий, и завершает языковой ряд французский язык. Целостный архив семьи складывался десятилетиями и хранился в их городском доме на Фонтанке, 46 — в Конторе герцогов Мекленбург-Стрелицких и принцессы Саксен-Альтенбургской. После революции большая часть семейного архива оказалась в Москве, в ГА РФ, другая — в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге.

В ГА РФ в фонде герцогов находится документ, ошибочно описанный как «Дневник (отрывки) герцога Мекленбург-Стрелицкого Георгия Георгиевича» за 1905 год, на немецком языке¹. При колоссальном объеме документов на русском языке, отражающих жизнь «русских» мекленбургских, данный материал ранее не вызывал интереса исследователей. В действительности он оказался началом незаконченной автобиографии герцога Георгия Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого. Мы не знаем, что побудило автора заняться воспоминаниями, а также не знаем, существует ли (возможно, нам еще предстоит его найти) бумажный вариант продолжения этой работы или хотя бы ее план. Но для историков России, дома Романовых, Ораниенбаума и его владельцев этот начальный фрагмент автобиографии содержит поистине бесценную информацию. Исходя из содержания, герцог Мекленбургский возвращался к написанию автобиографии на протяжении 1905 — конца 1908 (или 1909) гг., но эту работу прервала его смерть 22 ноября / 5 декабря 1909 г.

Герцог Г. Г. Мекленбург-Стрелицкий на 40 страницах чистовой машинописи пишет со слов близких о раннем детстве — о своем рождении, крестинах и первых няньках, а с 4-летнего возраста его рассказ строится на собственных воспоминаниях. Здесь речь идет об укладе детской жизни в немецких и петербургских дворцах семьи, о занятиях, первых учителях, родительском окружении. К огромному сожалению читателя, написанная прекрасным стилем биография, наполненная великолепным фактографическим материалом, обрывается. Но и предлагаемый вниманию фрагмент дает много интересных фактов и полезной информации для исследователей.

В свои 46 лет я кажусь себе настоящей аномалией: немец, воспитанный в протестантской вере, проживающий в России, пожалуй, даже прижившийся здесь и занимающий весьма солидную по нынешним меркам должность генерал-майора русской армии; к этому нужно добавить вольнодумные политические взгляды и свободное европейское образование в духе гуманизма, которое я получил, с ученой степенью окончив один известный немецкий университет; а вдобавок служба в единственной самодержавной и самой консервативной великой державе в Европе. Сплошные противоречия!

«Но как же Вы оказались в столь необычайном положении? — вероятно, спросит читатель. — Как Вам удалось попасть в него и даже не попытаться его прояснить? Как Вы можете пребывать в таком двусмысленном положении и не противиться ему?»

¹ ГА РФ. Ф. 694. Оп. 1. Д. 569. Л. 1–40.

Что ж, все эти возражения вполне оправданны. Однако, возможно, благосклонный читатель признает некоторые смягчающие мое поведение обстоятельства, если я более подробно опишу события и начну свой рассказ.

Я принадлежу к Мекленбургскому роду. Мой отец, герцог Георг², был младшим сыном в то время весьма знаменитого великого герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого³, одного из братьев Прусской королевы Луизы⁴. Отец получил превосходное образование: сначала в Витцгум-гимназии⁵ в Дрездене, позже в Боннском университете, а затем в 1844 году поступил на службу в артиллерию Прусской гвардии, где служил до 1848 года. В этот роковой для Германии год между герцогом и королем Фридрихом Вильгельмом IV произошел серьезный конфликт: мой отец, будучи командиром батареи, участвовал в штурме рагуши на Кёльнской улице в Берлине, который полностью ее разрушил. Это стало причиной ряда неприятностей для отца со стороны правительства, в то время с весьма переменчивой политикой, так что, когда все войска Прусской гвардии вынуждены были покинуть Берлин, герцог пришел в такое негодование, что разломил свою саблю и тотчас потребовал отставки. После этого он несколько лет вел уединенный образ жизни, путешествовал по Англии и Франции, завязал множество знакомств, а в 1850 году прибыл в Вену, где его отметила великая княгиня Елена Павловна и избрала в качестве будущего супруга для единственной из пятерых⁶ оставшейся в живых дочери — Екатерины Михайловны. Летом 1850 года мои родители обручились в мекленбургском городе Доберан, а уже в июле отец отправился в Россию с визитом в Царское Село к императору Николаю I.

Император принял его очень благосклонно. Должно быть, прекрасный юноша пришелся императору по душе, к тому же он одобрял поведение герцога Георга по отношению к Фридриху Вильгельму IV в 1848 году, тем более что на тот момент между Николаем I и его шурином существовали некоторые политические разногласия⁷. Кроме того, мой отец был еще и красивым кузеном императрицы Александры Федоровны. Император осыпал его милостями и знаками внимания, наградил орденом Святого апостола Андрея Первозванного, произвел в генерал-майоры, назначил командиром 23-й Конной батареи и даровал звание члена Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета. 4/16 февраля⁸ 1851 года в Петербурге состоялось торжество по случаю свадьбы моих родителей, и таким образом был заложен фундамент поистине счастливого брака; брака, о котором многие мужчины могут лишь мечтать и который длился в течение 25 лет.

Хотя мой отец покинул Германию и родной Мекленбург, переехав в Россию, он все же не собирался окончательно порывать с родиной; более того, будучи мекленбургским принцем,

- 2 Георг Август, герцог Мекленбург-Стрелицкий (1824–1876) — второй сын великого герцога Георга, супруг великой княгини Екатерины Михайловны, генерал от артиллерии, генерал-адъютант Русской армии, инициатор усовершенствования огнестрельного оружия.
- 3 Георг, великий герцог Мекленбург-Стрелицкий (1779–1860) — правил герцогством 45 лет, отменил крепостное право в 1816 г., содействовал развитию народного образования, но после революции 1848 г. стал противником либеральных процессов.
- 4 Луиза, прусская королева, урожденная принцесса Мекленбург-Стрелицкая (1779–1810) — мать императрицы Александры Федоровны, умело противостояла захватническим планам Наполеона относительно Пруссии.
- 5 Гимназия, основанная в первой трети XIX в. на средства одного из представителей семейства Витцгум. Имела крепкие гуманистические традиции, сочетала отличное преподавание естественно-научных, точных и гуманитарных дисциплин.
- 6 Великая княгиня Елена Павловна перенесла большую трагедию, пережив четырех своих дочерей — великих княжон Марию (1825–1846), Александру (1831–1832), Анну (1834–1836), и Елизавету (1826–1845), в замужестве герцогиню Нассаускую. Великая княгиня Екатерина Михайловна (1827–1894) из всех сестер прожила самую долгую жизнь.
- 7 Имеется в виду поддержка Россией Дании в прусской кампании 1848 г. и ввод в датские воды русской эскадры с целью демонстрации силы Пруссии в июле 1848 г.
- 8 С тех пор потомки герцога Георга Августа Мекленбург-Стрелицкого старались устраивать свои свадьбы в начале февраля.

он хотел сохранить свои связи и привилегии на родине; в то же время он имел честные намерения в отношении России и русского императора, которого он поистине уважал, и долгое время честно и верно служил этой стране и ее монарху. Из-за этого герцог оказался в двойственном положении: в лице императора, с одной стороны, он имел военачальника, с другой, в лице своего отца, а позже брата — главу семьи и суверена (такой вес в те времена имели Мекленбургское герцогство и семейные дела). В то время даже такие вещи были возможны!⁹

Мои родители обычно большую часть времени проводили в своей резиденции в России, но я, в отличие от брата и сестры, родился 6 июня 1859 года в Мекленбурге, в имении отца в Ремплине¹⁰. Из опасений за здоровье матери зиму и год моего рождения родители провели в Риме. Как только вспыхнула война между Италией и Францией¹¹, они скорейшим образом отправились в Мекленбург, однако по желанию императора Александра II должны были провести несколько дней в Париже, чтобы нанести визит в Тюильри¹², так как в то время отношения между Петербургом и Парижем переживали некое сближение. Моя мать была уже на большом сроке, и, как она сама позже рассказывала, для нее было поистине чудом, что я не появился на свет уже тогда в павильоне Марсан¹³ дворца Тюильри, который императрица Евгения предоставила нам для проживания. Так как Наполеон III¹⁴ к тому времени уже отправился на фронт, царствовала императрица, осыпавшая моих родителей любезностями, о которых моя мать и много лет спустя после свержения имперской власти вспоминала с благодарностью, а моя сестра¹⁵, в то время двух лет от роду, играла с тогдашним маленьким принцем империи¹⁶, одаривавшим ее игрушками.

Моей матери давно уже следовало покинуть Париж. В то время стали возможными путешествия по железной дороге, и было принято остроумное решение поставить экипаж матери на железнодорожную платформу, чтобы таким образом с комфортом преодолеть большую часть расстояния до Ремплина.

Я родился, едва мы добрались до Ремплина. Мой отец (как и мой дед), вероятно, был очень рад появлению сына на свет именно в тот момент, так как право наследования нашей семьей Мекленбург-Стрелицкого герцогства было, по-видимому, под угрозой, а у старшего брата моего отца был лишь один единственный сын¹⁷. Именно поэтому неудивительно, что следующее за рождением крещение было несколько более торжественным, чем обычно. Из Нойстрелица прибыли ближайшие родственники моего отца, прежде всего бабушка и дедушка¹⁸, дядя Фридрих Вильгельм, тетя Августа и на тот момент их 11-летний сын,

9 При обсуждении брачного договора герцога Георга Августа и великой княжны Екатерины Михайловны летом 1850 г. «найден был компромисс, удовлетворивший оба дома: родился прецедент „пребывания между Петербургом и Стрелицем“». Цит. по: *Перскевич З. А.* Брачный договор великой княгини Екатерины Михайловны и герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого в ряду брачных контрактов русской императорской фамилии // *Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома*. СПб., 2006. С. 80–81.

10 Дворцовое имение Ремплин в течение четырех веков принадлежало просвещенной семье графов Ханов, затем недолго принцу Шаумбург-Липпскому и Карлу Мальцану. В 1851 г. оно было приобретено на деньги из приданого великой княгини Екатерины Михайловны, чтобы супруг имел недвижимость на Мекленбургской земле.

11 Австро-итало-французская война 1859 года.

12 Резиденция французских королей, Наполеона I и его преемников, составляла до 1871 г. единый комплекс с Лувром.

13 Ныне павильон Марсан входит в состав Лувра.

14 Наполеон III, император французов (1808–1873) — государственный и политический деятель, первый президент Второй Французской республики.

15 Принцесса Елена Мекленбург-Стрелицкая (1857–1936), старшая сестра автора биографии.

16 Наполеон IV Эжен (1856–1879), принц Второй Французской Империи и сын Франции.

17 Герцоги Мекленбург-Стрелицкие, проживавшие в России, начиная с Георга Августа, в разные годы рассматривались в Германии как претенденты на мекленбургский трон.

18 Георг Фридрих, великий герцог Мекленбург-Стрелицкий (1779–1860) — в 1816–1860 гг. глава герцогства, как и его супруга великая герцогиня Мария (1796–1880), урожденная принцесса Гессен-Кассельская.

нынешний великий герцог Адольф Фридрих; была также и великая княгиня Елена Павловна, которая специально приехала из России на крестины первого внука. На торжество были приглашены все дворяне из окрестностей, а также арендаторы наших владений. Крестным отцом стал мой 80-летний дедушка, который за завтраком, последовавшим за обрядом, разразился искусной речью с пожеланием благополучия великой княгине Елене Павловне, родителям и крестнику. Для крестьян, поденщиков и слуг накрыли столы меж деревьев в дворцовом саду; они танцевали и угощались кушаньями под вечерние фейерверки. Дедушка был в прекрасном настроении, очень весел и оживлен, так что никто и представить себе не мог, что через год с небольшим, 6 сентября 1860 года, он будет благословлять своего внука уже на смертном одре в Охотничьем домике недалеко от Нойстрелица.

Люди, которые знали дедушку ближе, описывали его как чрезвычайно деятельного, остроумного и приятного в общении человека. По духу он принадлежал еще к XVIII веку: разумеется, был приверженцем старого порядка и потому не слишком интересовался современными, новыми идеями. Тем не менее, он был абсолютно патриархально человеколюбив, к тому же хорошо образован (в свое время вел переписку с Гете), поэтически одарен и чрезвычайно любил искусство, в особенности музыку; он умер, горько оплакиваемый родственниками и всеми, кому посчастливилось с ним познакомиться.

Маленьким ребенком я был, должно быть, крайне некрасив: с чрезвычайно большим ртом и очень длинным носом; при этом я был еще и таким болезненным, что когда моя нянька в Ремплине, Михаэльсен, впервые меня увидела, то невольно воскликнула: «Да он же долго не протянет!» Эта нянька была поистине нервной и капризной персоной и, вероятно, в этом отношении весьма дурно на меня повлияла, после чего я, будучи ребенком, и в дальнейшем легко приходил в нервное состояние. По этой причине позже в России ее должна была заменить другая няня — крепкая, сильная жена колониста по фамилии Эккерт, что было для меня удачей, так как с ней я мало-мальски набрался сил.

До сих пор я говорил лишь о тех вещах, о которых я, разумеется, не могу помнить. Отныне я буду опираться на собственные воспоминания, насколько они сохранились в моей памяти. Они берут свое начало в то время, когда мне было четыре года, а именно в период Польского восстания 1862 года¹⁹.

Как раз в это время, в конце лета мои родители отправились за границу. Тогда уже ходили поезда, но не как сейчас через Вирбалис-Эйдткунен²⁰, а через Варшаву и Бромберг²¹. Так как мои родители близко дружили с великим князем Константином Николаевичем и его супругой Александрой Иосифовной, то на несколько дней мы остановились у них в Варшаве и жили в Лазенках²², в так называемом Белом домике²³. В Варшаве уже было весьма беспокойно, и в городе мы всегда ездили в сопровождении казаков. Весь парк Лазенки был оцеплен часовыми и полевыми караулами, а кавалерийские дозоры беспрепятственно патрулировали его территорию. Но при этом каждый вечер перед дворцом играла военная музыка; их высочества принимали многих особ из варшавского общества, и весь двор производил крайне жизнерадостное впечатление. Мы, разумеется, играли вместе

19 В рукописи допущена описка: Польское восстание 1863–1864 гг. Четыре года герцогу Мекленбургскому исполнилось летом 1863 г.

20 Два соседних населенных пункта на российско-германской границе, находились на линии Петербурго-Варшавской железной дороги. Вирболис (Вержболово) находился на российской (литовской) территории, Эйдткунен — на немецкой, в Восточной Пруссии. Эти населенные пункты существуют и поныне: Вирбалис — на территории Литвы, а Эйдткунен теперь называется Чернышевское и находится в Калининградской области.

21 Бромберг — немецкое название польского города Быдгощ. Ныне польская территория, до 1917 г. принадлежала Германии.

22 Лазенки — резиденция наместника Николая I в Польше.

23 Белый домик — павильон на территории парка Лазенки в стиле раннего классицизма (ныне превращен в музей).

с детьми великого князя. Трое старших детей — Николай Константинович, юные великие княжны Ольга и Вера Константиновны — были на несколько лет старше меня и моей сестры; зато оба младших сына, Константин и Дмитрий, были с нами почти одного возраста, и я еще помню моих будущих полковых командиров трехлетними мальчиками в русских крестьянских рубашечках.

Будто это было вчера, я вижу наместника Польши, великого князя Константина Николаевича, невысокого мужчину с красивыми чертами и все же неприятным, насмешливым выражением лица, одетого в изящный зеленый гусарский мундир Гродненского полка²⁴. Также отчетливо помню я и великую княгиню, урожденную принцессу Саксен-Альтенбургскую, писаную красавицу, любезную, но задорную и веселую даму, перед чьими насмешками я, будучи ребенком, испытывал прямо-таки панический страх. Даже дети, за исключением великой княжны Веры, были необыкновенно красивы: старший сын, в семье прозванный Николаем, из которого позже абсолютно ничего не вышло, с прямо-таки классическими чертами лица; очаровательная великая княжна Ольга, черноволосая, с мягким, поистине женским выражением лица и прекрасными глазами; младшие сыновья, Константин и Дмитрий, которых иначе как красивыми детьми и не назвать.

Исключение составляла лишь великая княжна Вера, она была поистине уродлива: неприятным образом походя на отца, она имела отвратительный светлый цвет волос и в детстве была настолько вспыльчива, что ее внезапная ярость, в самом деле, переходила все границы. Думая о ней, я вспоминаю один случай в Варшаве, в парке Лазенки: у великокняжеских детей была козлиная упряжка, на которой Вера особенно любила ездить. И вот однажды гувернантка попросила ее уступить место в коляске моей сестре, ее кузине. Вера отказалась это сделать, однако гувернантка настаивала на своем требовании, правда, без желаемого результата. Тогда она попросила Николу и конюха распрячь коляску и оставить юную великую княжну в распряженной коляске одну, что они и сделали; так и сидела Вера, как сыч, в Каштановой аллее у Летнего театра²⁵ в Лазенках. От этого она пришла в такую ярость, что начала не просто плакать, а прямо-таки так выть, как я ни разу в моей жизни больше не слышал.

Когда в последующие годы родители больше не могли с ней справиться, ее отправили на дальнейшее воспитание к тете, королеве Ольге Вюртембергской²⁶, в Штутгарт, где юная великая княжна под тщательным руководством тети полностью освоилась и позже вышла замуж за герцога Евгения²⁷, внука знаменитого русского генерала в отставке.

Из Варшавы мы отправились дальше в Ремплин в Мекленбурге. Пожалуй, именно с этим разом связаны мои самые ранние воспоминания об этом месте, которому позже было суждено стать мне столь дорогим. Я отчетливо помню дворец в его первоначальном виде, с еще не перестроенным центральным корпусом времен графа Хана: частью, которую несколько лет спустя мой отец приказал снести, чтобы выстроить заново и придать ей поистине роскошный вид.

В 60-е годы прошлого столетия в деревне знатнейшие из дворян жили еще весьма зажиточно, если не сказать богато. Среди помещиков тогда царил нечто вроде англomanии, им нравилось разыгрывать из себя английских лордов. Помимо сельского хозяйства, главного занятия мекленбуржцев, занимались коневодством и парфорсной охотой²⁸. В то время зачастую выезжали на английский манер на четверке цугом, даже у моего отца был такой цуг с лошадьми серой масти, который, управляемый двумя фореяторами в голубых жакетах

24 Великий князь Константин Николаевич был шефом Гродненского гусарского полка.

25 Летний театр в Лазенках называется также Амфитеатром.

26 Ольга (1822–1892), королева Вюртембергская, урожденная великая княжна Ольга Николаевна – тета девочки с отцовской стороны.

27 Евгений Вюртембергский (1788–1857), герцог – внук генерала от инфантерии российской армии Евгения Вюртембергского, племянник императрицы Марии Федоровны.

28 Парфорсная охота (от франц. *par force* – «силой») – вид конной охоты с гончими собаками, в которой собаки загоняют дичь до полного истощения.

с золотыми пуговицами и шляпах с галунами, выглядел роскошно. Я также припоминаю парфорсную охоту под Ремплином, на которой присутствовал великий герцог Фридрих Франц II²⁹, приезжавший в Ремплин, и вижу своего отца, еще в красном охотничьем костюме, который ему так к лицу, в кожаных штанах и сапогах с отворотами. К обеду, на котором некоторые из гостей произносили изящные и пламенные застольные речи, также спускались в красных фраках. На следующий день в небольшом театре в центральной части дворца, который был устроен еще во времена на тот момент знаменитого театрала графа Хана³⁰ (отца писательницы графини Иды Хан-Хан³¹), поставили комедию; в ней приняли участие мой отец и брат великого герцога, герцог Вильгельм³². Наши родственники из Стрелица, прежде всего, моя бабушка, разумеется, также приехали в Ремплин.

Бабушка Мария, урожденная Гессен-Кассельская принцесса, дочь ландграфа Фридриха Румпенгеймского, овдовела два года назад, и так как она не особо ладила со своей невесткой, нынешней правящей великой герцогиней Августой Мекленбург-Стрелицкой³³, женщиной весьма решительного, властного характера, то она искала опоры в семье младшего сына, которого очень сильно любила, кроме того, она на редкость хорошо относилась к моей матери. С этих пор начинаются мои воспоминания о бабушке Марии, которая относилась с большой симпатией к своим маленьким внукам и к которой мы, дети, с ранних детских лет очень привязались.

Уже в 60 лет бабушка была, как говорится, «элегантной пожилой дамой»: жизнерадостной, доброжелательной, веселой, своенравной и озорной, с радушным выражением лица и редкой сердечной добротой; она прекрасно ладила с внуками, ведь она умела то, что немногим удавалось — найти подходящую игру для детей от мала до велика. Уже тогда она добилась у моих родителей, чтобы внуки каждый день пили с ней утренний кофе, обычай, который мы, даже уже будучи взрослыми, всегда соблюдали до конца ее дней. При всем этом она очень любила искусство, не раз бывала в Италии и имела живой, неподдельный интерес к живописи. Она и сама писала весьма недурно и в своей мастерской в великогерцогском дворце копировала, главным образом, классические полотна, подчас весьма крупного размера, в натуральную величину, лишь некоторые из которых до сих пор хранятся в Нойстрелице. Как часто в те времена я сидел во время ее занятий живописью в ее мастерской, развлекая ее беседой или читая ей вслух!

Осень в Ремплине прошла очень весело: мой отец по натуре был общительным человеком. К нам часто приходили дворяне, жившие по соседству; для них устраивали охоту, сервировали ужин на английский манер, на котором богемские горняки исполняли застольную музыку; я еще довольно отчетливо помню высокую фигуру и типичные черты лица старого контрабасиста с белоснежной окладистой бородой, который в рабочей одежде тех времен выглядел поистине великолепно. В то время мы не раз устраивали танцы. Почти каждый день мы гуляли в окрестностях Базедова, Бург-Шлица, Хоэн-Мисторфа, Ивенака, Киттендорфа и др.³⁴

29 Фридрих Франц II, великий герцог Мекленбург-Шверинский (1823–1883) — глава родственного дома. По женской линии приходился правнуком российскому императору Павлу I. На территории Шверинского герцогства располагался Ремплин — имение герцогов Мекленбург-Стрелицких.

30 Хан Карл Фридрих (1782–1857), граф — немецкий землевладелец, потомственный маршал Мекленбурга, театральный директор, актер и покровитель театрального искусства. Впоследствии любовь к театру разорила его.

31 Хан-Хан Ида (1805–1880), графиня — немецкая писательница, чьи романы были популярными в аристократических кругах Германии, а прижизненное собрание сочинений насчитывало 45 томов.

32 Вильгельм Мекленбургский, герцог (1827–1879) — член великогерцогской семьи Мекленбург-Шверина, прусский офицер, генерал.

33 Августа Каролина, великая герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, урожденная принцесса Кембриджская (1822–1916) — член британской королевской семьи.

34 Населенные пункты в Мекленбург-Шверинском герцогстве.

Поздней осенью, после недолгого пребывания в Нойстрелице мы отправились в Баден-Баден, где до конца зимы снимали апартаменты на вилле Штадельхофера. Это произошло, главным образом, по моей вине, так как в детстве в Петербурге я перенес дизентерию и еще не вполне оправился после нее. Родители боялись суровой петербургской зимы и связанного с ней обострения анемии. Не могу сказать, что многое помню о пребывании в Баден-Бадене, разве что несколько поездок в замок Эберштайн³⁵, дворец Фаворит³⁶ и монастырь Лихтенталь³⁷. Бабушка Мария также прибыла сюда на несколько недель из Рупенгейма³⁸ под Франкфуртом-на-Майне. Таким образом, в Баден-Бадене мы остались на всю зиму, чтобы весной вновь вернуться в Россию, а именно в Ораниенбаум, так как моя мать снова была в положении.

Сейчас в своем повествовании я достиг того момента, от которого начинаются мои собственные воспоминания о России, моей второй родине, и я бы хотел приступить к описанию своих родителей, обитателей нашей детской комнаты, окружения моих родителей, а затем к изображению бабушки Елены³⁹ и ее круга.

Отец⁴⁰ был, прежде всего, настоящим мужчиной, человеком строгих принципов и большого ума, получившим превосходное образование в университете. Он был красивым, высоким и хорошо сложенным брюнетом с не очень густыми волосами, с правильными, тонкими чертами лица и каштановой, по тогдашней моде прореженной окладистой бородой. Выражение голубых глаз зачастую было строгим, нередко даже суровым. Однако временами он также мог весьма любезно улыбаться (а он мог быть очень любезным, если ему того хотелось), шутить и находиться в прекрасном расположении духа. Несомненно, он был светским человеком: тактичным, корректным, с хорошими манерами и знанием света. Вся его внешность, руки и платье были чрезвычайно ухожены; даже форма его относительно маленьких ступней, обутых всегда в безупречно вычищенные сапоги, была очень красива. Как мундир, так и светское платье, а именно фрак, шли ему необыкновенно. Своим поведением он обычно производил впечатление спокойного и решительного человека, в деловых переговорах его практичность даже играла положительную роль. Однако в противоположность всему этому временами он мог быть сильно раздосадованным в особенности на слуг или детей, и тогда он расхохотался не на шутку, это была весьма неприятная черта его характера; в то же время в свете он не давал себя в обиду и иногда мог даже нагрубить, если его чем-то оскорбили, в эти моменты он становился крайне неудобным в общении человеком. В Дрездене он получил отличное образование, как военное, так и техническое, а по части дисциплины его военное воспитание в Берлине было, пожалуй, одним из самых строгих и справедливых.

В противоположность отцу, моя мать⁴¹ была необыкновенно мягкой натурой, кроме всего прочего, она была очень женственна в своих манерах. Несмотря на условия, царящие тогда в России, она, под чутким руководством моей бабушки Елены, получила прекрасное воспитание, которое по праву можно было назвать разносторонним: она говорила и писала на нескольких языках, обладала обширными знаниями как в области истории, так и литературы, питала любовь к искусству: она интересовалась не только живописью и архитектурой, но также музыкой, долгое время занимаясь пением и игрой на фортепиано.

35 Замок Эберштайн расположен в городе Гернсбахе, в земле Баден-Вюртемберг. Построен в XIII в., перестроен в XVIII в.

36 Дворец Фаворит – дворец в стиле барокко в городе Раштатт в немецкой федеральной земле Баден-Вюртемберг, построен для размещения коллекции шинуазри баденских маркграфов.

37 Монастырь Лихтенталь – цистерцианское аббатство, расположенное в одноименном районе города Баден-Баден (земля Баден-Вюртемберг); основан в 1245 г.

38 Рупенгейм – резиденция герцогов Гессен-Кассельских.

39 Великой княгини Елены Павловны.

40 Герцог Георг Август Мекленбург-Стрелицкий.

41 Великая княгиня Екатерина Михайловна.

По своему характеру она была, прежде всего, глубоко религиозна, любя своих близких в истинно христианском смысле, полна сострадания к тем, кто нуждался в помощи (в ней была просто природная потребность помогать людям и творить добро); она была любезна и мила, но в то же время к себе относилась строго и требовательно. Да, верность своему долгу была необыкновенно сильной чертой ее мягкого характера! Внешне она всегда держалась с большим достоинством. Невысокого роста (хотя для дамы достаточно высокая), хорошо сложенная брюнетка с мягкими, довольно правильными чертами лица и красивым, белым цветом кожи. Она шла всегда, слегка покачиваясь, что придавало ее образу сходство с лебедем с его помпезной грацией. В детстве и в юности она, должно быть, была веселым, жизнерадостным, очаровательным ребенком и всеобщей любимицей и, как писали в своих мемуарах господин Грюневальд и госпожа Кнебель-Дёбериц⁴², в большой степени была склонна к юмору; однако позже, когда всего за четыре года (1845–1849) она потеряла сначала обеих старших сестер, герцогиню Елизавету Нассаускую и великую княжну Марию Михайловну, а затем еще и отца⁴³, глубоко потрясенная этим жестоким ударом судьбы, она впала в меланхолию, которая не покидала ее до последних дней. После всего сказанного ранее, известная ревность кажется довольно странной чертой ее характера, впрочем, как и тесно связанная с ней недоверчивость к близким ей людям, в том числе к ее детям, что время от времени затрудняло общение с ней и чем она часто лишь понапрасну мучилась и терзалась. И только спокойствие моего отца и его ясный и решительный образ действия и мысли могли ее утешить.

Теперь я приступлю к описанию обитателей нашей детской комнаты, какими я их помню в раннем детстве. Наше воспитание было возложено на плечи трех женщин: прежде всего, нашей гувернантки из Англии, мисс Гарриет Хилл, имевшей превосходный характер и полностью посвятившей себя детям. Мисс Хилл была гувернанткой у моего кузена Адольфа Фридриха Мекленбург-Стрелицкого⁴⁴ и потому пользовалась полнейшим доверием у моих родителей; ей помогала другая гувернантка, Ида Крамер, довольно образованная девушка, которая могла давать уроки (в том числе игры на фортепиано), с мягким, кротким нравом и добрым выражением лица; и, наконец, для так называемой «черной» работы мы держали еще одну няню — очень занятную женщину, Амалию Борхерт, жительницу Восточной Пруссии, из Тильзита: крепкого сложения, недюжинной силы, веселая, простая, иногда даже очень грубая, здоровая баба, искренне любящая детей. Мисс Хилл ревностно следила за чистотой и, что касалось здоровья, наблюдала за детьми очень тщательно и добросовестно, однако едва ли у нее были способности к преподаванию; все, что я могу вспомнить, — первый урок в английском чтении, который не увенчался успехом. Для английской воспитательницы она делала ужасные ошибки: собственно говоря, она уже позабыла английский и говорила на смеси из английского и немецкого, которую непосвященный в этот жаргон мог понять лишь с большим трудом. Для наглядности приведу пример этой тарабарщины: «Kaiseleit, ickkannixmitPrichenmacken! He lauft alone in the Garden und I kann ihm nick fangen»⁴⁵. Педагогом мисс Хилл, определенно, не была, так как, с одной стороны, она баловала детей безмерно, с другой — напрасно досаждала им массой мелких обязанностей, которые касались уборки детской. Все это, собственно, результат необразованности у этого сорта людей. Что касается Иды Крамер, к уже сказанному ранее и добавить нечего. Вскоре она вышла замуж за Линденвальда, камердинера моей матери, и потому оставила наш дом. Даже сейчас я помню ее свадьбу:

42 Нам не известны воспоминания господина Грюневальда и госпожи Кнебель-Дёбериц. Будем благодарны за предоставление библиографической информации.

43 Михаил Павлович, великий князь (1798–1849) — младший, порфирородный сын императора Павла I.

44 Адольф Фридрих Мекленбург-Стрелицкий (1848–1914) — великий герцог Мекленбург-Стрелицкий, в 1904–1914 гг. — прусский генерал кавалерии.

45 Тарабарщина на смеси двух языков. Возможно, это исковерканная фраза: «Ваша светлость, я не могу связаться с принцем [маленьким графом Карловым]! Он бегает один по саду, и я не могу его поймать».

в спальне моей матери, по тогдашнему обычаю, невесте надели на голову свадебный венок, моя мать по такому случаю нарядила ее в свои драгоценности, а в одной из просторных комнат Михайловского дворца в парадных платьях собрались все мамы и бабушкины горничные, которые исполняли обязанности подружек невесты.

Что касается Амалии Борхерт, то ее характер представлял собой диковинную смесь хороших и дурных черт, сравнимую разве что с той же смесью у прусских унтер-офицеров. Трудолюбие, любовь к детям, приветливость и простота были определенно положительными и ценными чертами ее характера, однако она была уже порядком испорчена дворцовой атмосферой, которая всегда таила массу искушений. Она не гнушалась обмана, кражи свечей, остатков обеда и поношенной одежды, а также протекции тех немногих друзей и родственников, которые у нее были. К этому еще надо добавить то, что она прекрасно знала слабые стороны моей матери, а именно ее стойкое и легко возбуждаемое недоверие, и, окутывая ее сплетнями и россказнями, с легкостью превратилась в «милого друга», так что каждое утро по пробуждении моя мать посылала за ней, чтобы узнать от нее о нашем воспитании. Таким образом, она невольно играла роль мисс Хилл, а «мисс» (как она ее всегда называла) просто обожала ее и беспрекословно сносила от нее любое замечание. Как часто я слышал эту фразу: «Эмили, как ей удается так...!»

За обедом поочередно прислуживали лакеи моего отца, подданные Мекленбурга, и был еще один слуга, которого попросту называли «мужиком» и который чистил наши сапоги и носил из кухни наверх воду и кушанья.

После того как Ида Крамер вышла замуж, нужно было найти замену ушедшей гувернантке, и, не без рекомендации госпожи Берковской, одной из первых акушерок доктора Этлингера⁴⁶, на тот момент лучшего гинеколога Петербурга, выбор моей матери пал на Матильду Берковскую, племянницу госпожи Берковской. Этот выбор, пожалуй, нельзя назвать удачным. С годами она стала образцом деклассированности. Матильда, будучи воспитанницей Мариинского института⁴⁷, находившегося под патронатом моей бабушки, была гораздо более образованной, чем Ида Крамер. Однако, что было ей, несомненно, очень неприятно, несмотря на в общем-то законченное образование, Матильда вынуждена была подчиняться мисс Хилл, которая, в отличие от нее, имела поверхностное образование или вовсе никакого. Теперь круг общения Матильды соответственно ее положению в доме составляли одни лишь горничные; год от года она все ниже опускалась по социальной лестнице, так что, когда моя сестра превратилась в юную даму, та, в конце концов, сама стала у нее горничной и, наконец, уже в очень зрелом возрасте вступила в брак. Она и сейчас еще живет, овдовев, на Васильевском острове, и прошлой зимой я навестил ее, чтобы собрать некие сведения для этих мемуаров. У нее был не самый приятный характер: она была горда, тщеславна, суетлива и вспыльчива — качества, которые оказывали плохую службу в воспитании детей, однако обладала определенными знаниями, пригодившимися ей в преподавании основ наук, хотя как раз в этой области она мне не очень сильно помогла. И все-таки я ей кое-чем обязан и благодарен за все ее старания, которые она, несомненно, добросовестно прилагала.

Что касается условий жизни в детской, то их определенно можно назвать хорошими, хотя уютной атмосфера была не всегда. Это относится собственно к детским комнатам в Михайловском дворце, где мы жили в хорошо проветриваемых, более чем просторных комнатах, точнее сказать, залах. По вечерам эти огромные покои бывали очень скудно освещены, не более одной лампы на комнату, что производило ужасно мрачное, даже скорбное впечатление, и я отчетливо помню, что, когда после зимней поездки в Ораниенбаум

46 Этлингер Вильгельм Николаевич (1819–1890) — действительный статский советник, лейб-акушер с 1850 по 1874 г., директор Повивального института, находившегося под покровительством великой княгини Елены Павловны.

47 Мариинский институт также находился под патронатом великой княгини Елены Павловны, по завещанию императрицы Марии Федоровны.

и Ремплин мы снова возвращались в Петербург в Михайловский дворец, в первые вечера мы с моим братом часто горько плакали, прежде чем удавалось вновь привыкнуть к этой обстановке. Наши детские комнаты были частью прежних покоев моего дедушки, великого князя Михаила Павловича. Они находились справа от парадной лестницы, с восточной стороны относительно центрального корпуса и окнами, которые открывали вид на большой двор, огороженный решеткой, и Михайловскую площадь, выходили на юг⁴⁸. Итак, мы занимали четыре просторные комнаты с высокими потолками: с востока — большую угловую комнату (в которой сейчас находится Музей христианства⁴⁹), служившую нам спальней; рядом — точно такое же по размеру помещение, выполнявшее одновременно функции гостиной, комнаты для игр и столовой, которую прислуга называла «Ковровой»; к ней прилежала небольшая комната, в которой находились наши гимнастические снаряды, деревянная русская горка и большие игрушки: лошади-качалки, повозки и тому подобное; а четвертую комнату такой же величины, выходящую уже на лестничную площадку, мы уступили моей сестре. За Ковровой, которая отличалась по глубине от других комнат, находился довольно длинный коридор, служивший гардеробом и выходящий окнами во внутренний дворик. В правом углу этого коридора, за комнатой моей сестры, располагалась комната Амалии Борхерт, также выходящая в патио. К ней примыкала небольшая Кофейная с довольно большой плитой, облицованной кафелем, на которой Амалия демонстрировала свои зачастую весьма сомнительные кулинарные навыки и на которой всегда был наготове кипяток, как это было принято в России, где не экономят на топливе. Таким образом, все детские комнаты были обращены на юг, и поэтому в ясные дни они были хорошо освещены солнцем. Из окон сквозь двор, обнесенный решеткой, виднелись Михайловская площадь и Михайловская улица, которая вскоре соединялась с Невским проспектом. Наша квартира на нижнем этаже находилась совсем близко к парадному подъезду, похожему на рампу, поэтому мы видели все проезжающие мимо экипажи особ, навещавших нашу бабушку, и я помню, что часто видел, как император Александр II заезжал к ней в санях или в одной из своих столь элегантных колясок. И сейчас эта картина все еще стоит перед моими глазами!

На Каменном острове⁵⁰ в дельте Невы, который принадлежал моей бабушке, когда она еще была жива, мы занимали небольшой павильон, и для нас, детей, это жилище было несколько тесным; в Ораниенбауме же мы жили в прелестных комнатах в верхнем этаже Китайского дворца. Нам с братом больше всего нравились наши комнаты в Ремплине, там были особенно дорогие нам игрушки: например, конь, обтянутый мехом и будто бы запряженный, и повозка. Мы выучились надевать и снимать сбрую с коня, запрягать и распрягать его, стараясь точно копировать за конюхами все их действия. Кроме меня и моего брата конюхов изображали несколько кукол, которых купили на благотворительном базаре в Ставенхагене⁵¹, и я полагаю, что, вероятно, моя страсть к лошадям и повозкам, которую я сохранил до сих пор, берет начало в этот период времени в Мекленбурге.

То, что детьми мы любили играть оловянными солдатиками, пожалуй, не нужно объяснять. В Петербурге в Михайловском дворце для этого занятия у нас было даже специальное приспособление в виде деревянного ящика с песком, обитого листовым железом, примерно такой же величины, как большой четырехугольный обеденный стол. На песке мы разворачивали поле битвы; причем мы играли не только солдатиками, но также выстраивали города, деревни и особенно усадьбы, которые мы, как могли, пытались сделать похожими

48 Ныне залы №№ 18–21 Государственного Русского музея, расположенные справа от парадной лестницы, на первом этаже.

49 Речь идет об экспозиции «Музея русского искусства императора Александра III» (ныне Государственный Русский музей), открытого в Михайловском дворце в 1898 г.

50 Каменный остров в Петербурге принадлежал семье герцогов Мекленбург-Стрелицких с 1826 г.

51 Ставенхаген (Штавенхаген) — город в Мекленбург-Шверинском герцогстве.

на усадьбы в Ремплине, и мне хочется верить, что Фрѐбель⁵², искусный и талантливый теоретик дошкольного воспитания, мог бы с успехом воспользоваться этими играми среди своих воспитанников, чтобы приучить детей к целесообразному рукоделию вместо множества бесцельных занятий подобного рода, которые зачастую им вовсе непонятны и вызывают у них приступы скуки. С ним, однако, дело обстояло иначе: фрейлина Нейдгардт, воспитательница, дававшая нам уроки в наши ранние годы, которая читала моей бабушке Елене, разделяла заблуждение многих людей того времени, что учить детей по системе Фрѐбеля можно лишь с помощью определенных, предписанных принадлежностей для проведения занятий, так что нас одолевала скука от весьма обычных занятий: рисования в квадратах, вырезания резцом, плетения и лепки, и мы производили продукты, которые не нужны были ни нам, ни другим и никому не приносили радости — ровно в противоположность идеям Фрѐбеля, который хотел, чтобы во время развития детей все, что их окружает, приносило пользу. Впрочем, фрейлина Нейдгардт была прекрасной особой, желающей нам только добра, она проводила с нами много времени, и мы всегда с удовольствием слушали, когда фрейлина рассказывала нам сказки и истории.

Когда мы были совсем маленькими, у нас с братом и сестрой была часто общая спальня, как, например, в Петербурге или Ораниенбауме; лишь для умывания и одевания для моей сестры был обустроен отдельный угол, загороженный ширмой, который мы, мальчишки, называли «комната Елены». Если я не ошибаюсь, это длилось до тех пор, пока моей сестре не исполнилось девять лет и она не переехала в свою комнату у большой лестницы.

Сейчас я хочу приступить к описанию личного окружения родителей, и сначала я упомяну князя Мещерского⁵³, во времена моего раннего детства служившего гофмейстером моей матери. Для двора родителей выбор Мещерского был довольно странным: он был совсем не серьезным или солидным, а весьма беззаботным, несколько фривольным, легкомысленным и все-таки добродушным человеком с приятными манерами. Он был приятным, словоохотливым собеседником с приветливо-доброжелательной внешностью, хорошо сложенный, его определенно нельзя было назвать некрасивым с его несколько резко очерченным, худым лицом желтого цвета, которое обрамляли убеленные сединой шевелюра и бакенбарды, в то время как усы и подбородок были выбриты по моде тех лет.

Кроме князя Мещерского, у моей матери был еще секретарь, господин Алексей Нумерс⁵⁴, прикомандированный, уже пожилой, серьезный, молчаливый мужчина, работоспособный и деловитый, — молодым я его никогда не видел — человек беспримерной верности и честности, которую он выказывал по отношению к моей матери на протяжении более 50 лет, и которому она, как и все мы, обязана поддержанием нашего весьма значительного состояния. Однако свет его ничуть не интересовал, он совсем не знал общества и был ужасно неуклюж и скучен. Молчаливость господина Нумерса зашла так далеко, что фрейлина Раден⁵⁵ в одном из своих дневников писала о нем: «Господин Нумерс ничего не сказал. Господин Нумерс выказывает глубокое равнодушие ко всем странам Европы».

52 Фрѐбель Фридрих (1782–1852) — немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания, разработавший систему воспитания детей через полезные игры. Мать автора мемуаров поддерживала распространение идей немецкого педагога в России, финансировала деятельность общества, предоставила педагогическим курсам Фрѐбелевского общества помещение в своем Михайловском дворце.

53 Мещерский Николай Петрович, князь (1829–1901) — гофмейстер великой княгини Екатерины Михайловны, камергер, археолог и поэт, попечитель Московского учебного округа.

54 Нумерс Алексей Федорович (1811–1887) — выпускник Императорского лицея, тайный советник, многолетний управляющий двором великой княгини Екатерины Михайловны.

55 Раден Эдита Федоровна, баронесса (1823–1885) — фрейлина и соратница великой княгини Елены Павловны, камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны, благотворительница, корреспондентка философов, деятелей искусства и науки.

В помощниках у него был чрезвычайно дельный человек, начальник конторы моей матери, Егор Егорович Мельников⁵⁶, как и Нумерс вышедший из Министерства финансов, добросовестный, умелый чиновник с обходительным, веселым характером, который часто и значительно бывал полезен моим родителям.

Наконец, хочу упомянуть врача из Михайловского дворца, Петра Семеновича Чертороева⁵⁷, преданного и бескорыстного человека, который, по сути, относился к категории служащих моей бабушки, но настолько сблизился с нашей семьей, что я никак не могу не упомянуть его. Когда мы были маленькие, он иной раз ухаживал за нами, а то и зачастую сопровождал нас в поездках. Он был учеником знаменитого Пирогова⁵⁸, хирург по специальности. С таким талантом, как у него, Чертороев, верно, мог бы далеко пойти, тем более что Пирогов высоко ценил его, однако в нем напрочь отсутствовало какое-либо тщеславие. Чертороев был настолько бескорыстен, что ему даже в голову не приходило сменить должность придворного лекаря на более многообещающую, так как он не желал расставаться ни с нами, ни с остальными своими пациентами из дворца, испытывая к ним прямо-таки нежные чувства. Петр Семенович достиг почтенного возраста и несколько лет назад скончался в Вышнем Волочке, горько оплакиваемый знатью и народом, богатыми и бедными, которые знали его со времен службы в Михайловском дворце.

У матери были две придворные дамы: обер-гофмейстерина и фрейлина.

Первую должность занимала княгиня Куракина⁵⁹, урожденная княжна Голицына, поистине замечательная, доброжелательная, деликатная, исполненная достоинства женщина с хорошим для ее времени образованием. Мои родители очень ценили и любили ее, княгиня, несомненно, была весьма значительной персоной в светском круге. Ее муж, князь Куракин, был дипломатом и в 1848 году стал свидетелем революции в Париже. Позднее он стал гофмаршалом у сестры Александра II, великой княгини Марии Николаевны, и эту должность сохранял до конца своих дней. Обе ее дочери живы по сей день: старшая, княгиня Нарышкина⁶⁰, была фрейлиной при императрице и, будучи образованной, умной и любезной женщиной, была вполне на своем месте; младшая, княгиня Козен⁶¹, была придворной дамой при тогда еще цесаревне великой княгине, а в настоящий момент императрице Марии Федоровне и стала женой генерала Козена.

Придворной дамой у моей матери была также фрейлина Голохвастова⁶², на личности которой я должен чуть дольше остановиться. Она была очень одаренной, интеллигентной женщиной и, когда в 1862 году сблизилась с моей матерью, была сказочно красивым, грациозным существом. Так как фрейлина была по-настоящему образованна и начитанна, она наверняка как нельзя лучше подходила бы для этого места, если бы не ее настолько

- 56 Мельников Егор Егорович – управляющий конторой великой княгини Екатерины Михайловны, с 1890 г. – действительный статский советник.
- 57 Чертороев Петр Семенович (1824–?) – выпускник Медико-хирургической академии, ассистент клиники Пирогова, придворный врач великой княгини Елены Павловны, участвовал в подготовке группы сестер милосердия Крестовоздвиженской общины в Крымскую войну, действительный статский советник.
- 58 Пирогов Николай Иванович (1810–1881) – прославленный хирург, соратник великой княгини Елены Павловны по организации Крестовоздвиженской общины сестер милосердия в Крымскую войну, врач Общины.
- 59 Куракина Юлия Федоровна, княгиня, урожденная княжна Голицына (1814–1881) – статс-дама, обер-гофмейстерина великой княгини Екатерины Михайловны, затем императрицы Марии Федоровны, супруга дипломата, гофмейстера, действительного статского советника князя Алексея Борисовича Куракина.
- 60 Нарышкина Елизавета Алексеевна, урожденная княжна Куракина (1838–1928) – гофмейстерина высочайшего двора, статс-дама, автор мемуаров «Мои воспоминания. Под властью трех царей» (М., 2014). Супруг – А. Д. Нарышкин.
- 61 Козен Александра Алексеевна, урожденная княжна Куракина (1840–1918) – свитская фрейлина цесаревны Марии Федоровны, статс-дама; в браке с генералом А. Ф. Козеном.
- 62 Голохвастова Екатерина Петровна (1838–1903) – фрейлина великой княгини Екатерины Михайловны, дочь директора Демидовского лицея и Гатчинского Николаевского сиротского института цензора Голохвастова.

сложный, вернее плохой характер. Прежде всего, она была безмерно горда, властолюбива, тщеславна, ей было необходимо всегда играть некую роль, она часто вмешивалась в то, что ее не касалось, питала склонность к критике и обожала делать людям выговоры и считать их чуть ли не преступниками, при этом бывала вспыльчивой, ожесточенной и коварной, хотя все это было не лишено определенной грации и остроумия. Она происходила из московского дворянского рода, была очень хорошо воспитана, деликатна и хорошо знала свет. До тех пор пока ее страсти оставались в стороне, в ее нравственности едва ли можно было усомниться.

Мой отец находил удовольствие в общении с ней, с ее, вероятно, весьма увлекательной, элегантной манерой вести беседу, а моя мать ценила ее деловитость и практический ум как в светской жизни, так и в делах благотворительности. Таким образом, фрейлина Голохвастова могла быть очень полезна и, определенно, была вовсе неординарной личностью. В качестве оправдания некоторых ее недостатков я бы хотел упомянуть о большом горе, которое свалилось на плечи ее семьи: за довольно короткий промежуток времени она потеряла мать и двух горячо любимых братьев, один из которых был укушен бешеной собакой и умер в ужасных мучениях и припадках бешенства.

Что касается господ, которые собирались у нас, то вовсе не удивительно, что все они в большей или меньшей степени оказывали фрейлине знаки внимания и ей нравилось играть со многими из них, даже если это ни в коем случае не должно было происходить. Так продолжалось довольно долго. Позже, когда фрейлина Голохвастова стала старше, она была бы не прочь вступить в брак по расчету с одним уже постаревшим господином, но из-за внешних обстоятельств ничего не вышло, так как жених не смог договориться с ее отцом по некоторым вопросам.

Пока был жив мой отец, с фрейлиной Голохвастовой еще более или менее можно было уживаться, так как она чувствовала себя весьма вольготно, пока могла себе кое-что позволить, а мой отец, деликатно посредничая, умел в большей или меньшей степени сгладить противоречия среди людей, которые его окружали. После смерти отца все стало сложнее. С одной стороны, некоторые вещи стали вызывать недовольство моей матери, с другой — я настолько обострил противоречия, давно существовавшие между фрейлиной и нами, детьми, что, в конце концов, осенью 1888 года это привело к настоящему разрыву отношений между ней и мной, так что она больше не могла оставаться в нашем доме. Лишь спустя несколько лет, после того как в 1894 году умерла моя мать, между нами произошло примирение, и позже, в последние годы жизни фрейлины Голохвастовой, я несколько раз навещал ее и провел с ней не одну интересную беседу.

К особому окружению моего отца относились два адъютанта: господин Жорри и господин Рейц.

Первый был мекленбургским офицером, вероятно, восходившим к древнему роду гугенотов, так как его имя произносилось на французский манер, и в 1851 году, когда мой отец женился, приехал с ним в Россию, где он и жил с нами до 1866 года, до тех пор пока не женился и прочно устроился в Нойстрелице. Господин Жорри был поистине занятым экземпляром, типичным офицером малого немецкого государства того времени: балагур, не щадящий свое здоровье, однако верный своему государю, скромный, хорошо воспитанный и добродушный человек. Внешне он, круглолицый мужчина с курчавыми бакенбардами и усами, вьющимися светлыми волосами с проседью, причесанными по прусской моде, и парой серых кошачьих глаз, очень походил на аффенпинчера⁶³. С такой прической он вовсе не производил впечатления человека, входящего в изящное петербургское общество, и приходит в голову, что, должно быть, над ним очень часто подтрунивали. Даже его манера говорить была абсолютно ужасная: господин Жорри всегда говорил высоким тенором и при этом столь непонятно и неотчетливо, как будто он постоянно что-то жевал,

63 Карликовая разновидность пинчеров (порода собак).

что порою могло привести мою мать в отчаяние, особенно когда он должен был представить ей неких персон и она из-за этой его манеры не могла отчетливо услышать их имена. Так как господин Жорри был высок и худощав, один петербургский шутник прозвал его «Аист Костлявый». Необычным в положении Жорри в Петербурге было то, что двор считал его адъютантом отца, хотя мой отец уже состоял на русской службе; на официальные приемы или по торжественным случаям Жорри по-прежнему надевал стрелицкую униформу⁶⁴, а на парады и смотры порою выходил из императорской штаб-квартиры. Если бы сейчас нечто подобное было возможным!

Настоящим адъютантом моего отца, внесенным в список командного состава, был господин Рейц⁶⁵, на тот момент еще лишь капитан; поистине славный, очень преданный нам человек. Уроженец Прибалтики, он, хотя и происходил из дерптской семьи⁶⁶, но был православным христианином, так как его отец вступил в межконфессиональный брак с некой Сарычевой⁶⁷. Какое-то время Рейц учился в Дерпте, был довольно образован и начитан, писал и бегло говорил не только на безупречном русском, но также на немецком и французском языках. Кроме того, за ним наблюдалось несколько приятных талантов и качеств, которые ценят в обществе: весьма недурно рисовал, был хорошим охотником и стрелком, хорошим распорядителем танцев и игроком в вист, а также питал пристрастие к музыке и изобразительному искусству. По характеру он был очень честен и благороден, и одновременно энергичен, иногда даже вспыльчив; последняя из этих черт порою даже делала его склочным и просто невыносимым. Однако хорошие черты сохраняли перевес, и мы, дети, необыкновенно любили его, тем более что он часто и подолгу возился с нами. Несколько раз я даже получил от Рейца замечания, однако я никогда не воспринимал их как нечто обидное. Он будто был создан для своей должности, и, так как Рейц просто боготворил моего отца, его охотно принимали в Стрелице, а он умел установить хорошие отношения. Как при дворе (я думаю, из-за охоты), так и всем в Мекленбурге Рейц приходился по вкусу. Когда он позже стал генералом, он оставался прикомандированным к стрелковой инспекции отца вплоть до его (отца) смерти. После отставки Рейц переехал жить в деревню в районе Гдова в Санкт-Петербургской губернии⁶⁸, где прожил свои последние годы одиноким холостяком.

Теперь я заканчиваю описание людей, входящих в ближайшее окружение моих родителей, и перейду к близким друзьям и хорошим знакомым, завсегдагатам нашего дома, среди которых первым делом я хочу упомянуть господина Оттона Эверса⁶⁹.

Он был служащим, тайным советником и главой департамента в Министерстве иностранных дел, и в молодости был послом: сначала в Бразилии, а затем в Лиссабоне. Мой отец очень ценил и любил Оттона из-за его прямого, чистого нрава и, как и мать, получал удовольствие от его высокой образованности и начитанности. Речь Георга была увлекательна, при этом сам он всегда был тактичен и сведущ, а его политические суждения — разумны и сдержанны. Невысокий, уже немолодой мужчина с до мелочей продуманным туалетом был несколько суховат и даже вызывал насмешки, с которыми он, особенно от дам, добродушно и с улыбкой мирился. Лишь одного Оттону совершенно не доставало, а именно: ему не хватало какого бы то ни было эстетизма. Ни к живописи и скульптуре, ни к архитектуре и музыке у него не было ни стремления, ни вкуса, зато он тонко чувствовал литературу.

64 Красно-сине-желтую.

65 Рейц — вероятно, родственник профессора славянского права в Дерптском университете, в семье которого часто бывали Языков и Жуковский, а граф В. Соллогуб жил пансионером.

66 Преимущественно лютеранского вероисповедания.

67 Дворянская семья, жившая в Дерпте, родственники адмирала Г.А. Сарычева (1763–1831).

68 Ныне Псковская область.

69 Эверс Оттон Иванович (1812–1873) — тайный советник, выпускник Дерптского и Берлинского (1832–1833) университетов, работал дипломатом — первым секретарем миссий в Копенгагене (1846–1850) и в Рио-де-Жанейро (1850–1854), поверенным в делах в Бразилии (1854–1857). В рукописи Оттон называется Георгом.

Со своим начальником, канцлером и министром иностранных дел князем Горчаковым, Отгон ладил плохо и считал его абсолютно лишенным способностей, за что Горчаков, в свою очередь, терпеть его не мог и не позволил продвинуться дальше по дипломатической линии. Когда из-за этих отношений карьера Эверса пришла к концу, он возвратился обратно и, так как он по происхождению был прибалтийцем, переехал жить в Дерпт. Лишь после переезда в Дерпт Отгон вновь женился после долгих лет вдовства. Он умер в начале 1870-х в Виши во время своей ежегодной поездки на воды от болезни сердца.

Совсем иного склада был еще один друг нашего дома — господин Георг (Егор) Бреверн⁷⁰. сенатор и член Государственного совета, брат генерал-адъютанта графа Бреверн-де-Лагарди. В противоположность Эверсу, Георг Бреверн слыл большим эстетом, наслаждался изящными искусствами в любых их проявлениях, был очень умен, хорошо образован и необычайно начитан. Он был слабого здоровья, мягкого нрава, порой был даже сентиментальным, находил большое удовольствие в вечно женственном начале, так что во всем его поведении было очень мало мужского, и лично меня в детстве это отталкивало от него. Долговязый и при этом неуверенно стоящий на ногах, со слегка сутулой спиной — вся внешность Бреверна соответствовала основным свойствам его характера. Он много путешествовал, хорошо знал Италию, Францию, Германию и Австрию и состоял в переписке со многими высокопоставленными лицами Центральной Европы.

Кроме обоих уже упомянутых господ, у нас также часто бывал в свое время весьма знаменитый художник Тимофей Андреевич Нефф, который к тому же давал уроки живописи моей матери. Созидательным талантом он, пожалуй, не был, скорее великолепным копировщиком, кисти которого принадлежат многие прекрасные репродукции старых мастеров. Во фраке, похожий на вульгарного эстета, бесталанный, заносчивый, мелочный и завистливый, зачастую не признающий молодых талантов и недоброжелательный, Тимофей Андреевич определенно не был привлекательным персонажем; однако он часто бывал в Италии, знал все выдающиеся произведения искусства Европы и обладал поистине тонким вкусом.

Сейчас я упомяну лишь имя Генриха Стендера⁷¹, ибо позже, при описании моих первых учебных дней, остановлюсь на его фигуре более подробно. Скажу лишь заранее, что он был библиотекарем моего дедушки и преподавал матери и тетке некоторые предметы.

А теперь я перейду к описанию семьи, которая нам всем была особенно близка: я имею в виду семью генерал-адъютанта Александра Веймарна (позднее князя Баркляя де Толли)⁷² и его блестящей супруги, урожденной Марии Зедделер⁷³.

В молодости Александр Веймарн был гвардейским офицером в Преображенском полку. Некоторое время спустя мой дедушка Михаил назначил его своим адъютантом, на службе у которого Веймарн оставался вплоть до смерти Михаила Павловича в 1849 году; тогда Веймарн успел подхватить и снять с лошади великого князя, разбитого параличом во время посещения Варшавы. В дальнейшем он сделал блестящую карьеру: император Николай I пригласил Веймарна в свою Штаб-квартиру и назначил флигель-адъютантом, затем произвел его в коменданты императорской Главной квартиры, а Александр II пожаловал ему

70 Бреверн Егор (Георг) Иванович (1807–1892) — российский государственный деятель, сенатор, действительный статский советник, член Государственного совета, выпускник Дерптского университета, член Комиссии по проекту подготовки судебной реформы (1862). Был награжден всеми российскими орденами вплоть до ордена Святого Александра Невского с бриллиантовыми знаками.

71 Стендер (или Стендерс) Генрих — библиотекарь великого князя Михаила Павловича, затем секретарь великой княгини Елены Павловны.

72 Веймарн Александр Петрович (1824–1905), с 1859 года князь Барклай-де-Толли-Веймарн — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, с 1846 г. назначен адъютантом к великому князю Михаилу Павловичу.

73 Веймарн Мария Логгиновна, баронесса, урожденная Зедделер (1825–1868) — дочь Логгина (Людвига) Ивановича Зедделера, генерал-лейтенанта и военного историка австрийского происхождения; составителя 14-томного «Военного энциклопедического лексикона» (1837–1850); фрейлина великой княгини Елены Павловны.

командование лейб-гвардии Павловским полком, с чем Веймарн блестяще справлялся, а также назначил своим генерал-адъютантом. Затем Веймарн стал начальником дивизии и, наконец, командиром 1-го армейского корпуса; в этой должности, уже при Александре III, он и оставил военную службу из-за многочисленных неприятностей, которые он навлек на себя тем, что настоял на крещении детей своего сына, который вступил в смешанный брак с православной христианкой, не в православии, а в протестантизме.

Жена Александра Веймарна была придворной дамой при дворе моей бабушки Елены Павловны и вышла замуж, когда Веймарн уже был назначен в императорскую Главную квартиру. С моей матерью и тетками Марией и Елизаветой она была особенно близка, так что мама называла ее не иначе как «Машенька».

Приступая к описанию этой замечательной пары, я, прежде всего, хотел бы отметить, что господин Веймарн вовсе не был гением — напротив, он был весьма ординарным человеком, типичным гвардейским офицером и скорее петербургским русским немцем, нежели прибалтийцем. По характеру он был честным, искренним и благородным человеком, он часто бывал оживлен и держался дружелюбно и благожелательно, особенно по отношению к молодым людям, с которыми он весьма охотно общался. Вся его семья была глубоко религиозна, и в его строго протестантском доме было, пожалуй, что-то пиетическое, что меня, однако, никогда не отталкивало от Веймарнов (хотя лично я совсем не был преисполнен благоговения), потому что чувствовалось, что это исходило из души. Несмотря на то что Веймарн был воспитан в Пажеском корпусе, родители привили ему значительную долю немецкой культуры, которая дала ему возможность расширить свой кругозор с помощью чтения, в чем супруга, должно быть, весьма его поддерживала. Для тех времен Веймарн получил хорошее военное образование и был довольно начитан, кроме того, получил значительный опыт в боевых действиях. В истории Павловского гвардейского полка период командования Александра Веймарна однозначно значится одним из лучших за все время существования полка.

Госпожа Веймарн была более одаренной, чем ее супруг. Она получила отличное образование, по характеру была кротка и полна сострадания и искренней любви к ближним; ее дружелюбие, любезность, внимательность в сочетании с мягкими чертами и всегда будто страдающим выражением лица не оставляли, пожалуй, никого равнодушным. Хотя Веймарны были глубоко религиозны, ни она, ни ее супруг, никоим образом не пренебрегали общественным долгом и во многих петербургских кругах были всегда желанными гостями. Как и моя мать, бабушка Елена также высоко ценила госпожу Веймарн, в то время как самого Веймарна, которого она не воспринимала всерьез, не желала оценить по достоинству.

В детстве мы тесно дружили с детьми Веймарнов, особенно с двумя старшими: сыном Николаем (Ниси)⁷⁴ и дочерью Александрой (Адой)⁷⁵, которая долгие годы поддерживала с моей сестрой⁷⁶ очень близкие отношения, до тех пор пока чужое влияние не вытеснило ее из окружения сестры. В более поздние годы мы также тесно сдружились с младшей дочерью Марией (Мирой)⁷⁷, в то время как с младшим сыном Луисом⁷⁸ у нас было лишь шапочное знакомство.

В очень счастливой семейной жизни бедного Веймарна поразил не один удар судьбы. Едва достигнув юношеского возраста, от скарлатины умер его старший сын, мальчик,

74 Веймарн Николай Александрович — сведения не найдены.

75 Веймарн (Барклай де Толли) Александра Александровна, в замужестве Крузенштерн (1854–1945).

76 Елена Георгиевна, герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, в замужестве принцесса Саксен-Альтенбургская (1857–1936).

77 Веймарн (Барклай де Толли) Мария (Мира) Александровна, в замужестве баронесса Тюмлер (1863–1939).

78 Веймарн (Барклай де Толли) Людвиг (Луи) Александрович (1854–1903) — петергофский уездный предводитель дворянства и деятель петербургского земства; женат на Екатерине Федоровне Чернышевой.

подающий большие надежды; год спустя вслед за ребенком ушла и жена сына Луиса. Однако даже эти жестокие удары судьбы не сломили дух поистине богобоязненного отца семейства. Он сильно горевал, однако считал своим долгом не терять мужества и отныне жил лишь ради своей семьи, с которой он, даже после вступления в брак обеих дочерей, до конца своих дней был очень близок.

Лично я храню о семье Веймарнов добрую память, и даже после смерти старого князя Барклая-де-Толли-Веймарна, случившейся несколько лет назад, каждый раз, приезжая в Дрезден, я непременно навещаю его дочерей — госпожу Крузенштерн и госпожу Тюмлер.

Еще одной близкой подругой моих родителей была поистине знаменитая графиня Элиза Ферзен, урожденная Раух⁷⁹, бывшая фрейлина императрицы Александры Федоровны. Эта поразительная женщина была чистых прусских кровей, дочь хорошо известного в настоящее время генерал-адъютанта Фридриха Вильгельма IV Рауха: прямо-таки типичная дама для старого Берлина ее молодости, с грубыми и все же веселыми и крепкими жестами и простой, бесхитростной манерой вести беседу. Элиза Ферзен была поистине забавной с ее просто неиссякаемыми историями и пассажами из прошлого, которыми она так и сыпала! Кроме того, она умела говорить правду, что я испытал на собственном опыте, однако ни разу не воспринял ее слова как обиду. У Элизы был просто талант находить язык и тон как с простыми людьми, так и с благородными особами.

Около 1850 года, после смерти ее отца, молодой девушкой она окончательно примкнула ко двору, так как императрице Александре Федоровне, урожденной прусской принцессе, требовалась немецкая придворная дама для ведения ее весьма обширной переписки. И, хотя вплоть до кончины императрицы в 1860 году Элиза постоянно оставалась при ней, она вышла замуж за ливонского дворянина и бывшего гвардейского офицера графа Павла Ферзена⁸⁰, назначенного императорским обер-егермейстером, — поистине грубого, некультурного человека не самых честных помыслов. Нужны были сила характера и неустрашимость графини, чтобы в интересах детей и дома поддерживать этого грубияна.

В начале 1871 года произошел случай, в результате которого графиня Ферзен должна была покинуть Петербург. На одной из придворных охот граф Ферзен (одни говорят, что по ошибке, другие утверждают, что намеренно, из ревности) застрелил своего помощника, егермейстера Скарятин⁸¹. Вместо того чтобы просто признать этот факт и изобразить раскаяние, он сначала на месте происшествия попытался сделать вид, что Скарятин сам себя случайно застрелил, а затем подкупил лейб-егеря, служившего под его началом, чтобы тот подтвердил это перед следователем. Но егеря стали мучить угрызения совести, и во время предварительного следствия он рассказал, как на самом деле произошел этот инцидент: граф, желая, как тогда было принято, выстрелом сбить золу, выстрелил в ту сторону, где Скарятин искал медвежий след, и, по-видимому, попал в него.

Пожалуй, было логично, что после этого печального и поистине некрасивого эпизода граф Ферзен более не мог оставаться при дворе. Император Александр II, хотя и не считал его убийцей, все же удалил его из своего окружения и запретил появляться в какой-либо из резиденций, в то время как по отношению к графине как император, так и императрица по-прежнему всегда оставались милостивы и благосклонны. Ферзен с семьей переехал в Дрезден на постоянное место жительства, главным образом в зимние месяцы, лето же они всегда проводили в Ливонии, в их поместье Оллушфер⁸².

79 Ферзен Елизавета (Элиза) Федоровна, графиня, урожденная Раух (1820–1908) — вторая супруга графа Павла Ферзена.

80 Ферзен Павел Карлович, граф (1800–1884) — первым браком женат на графине Ольге Павловне Строгановой (1808–1837), они венчались тайно, и за этот проступок жених был переведен из Петербурга в Свеаборгский крепостной пехотный батальон; его свидетели на свадьбе также были преданы военному суду.

81 Скарятин Владимир Яковлевич (1812–1871) — русский государственный деятель, новгородский губернатор, петербургский гражданский губернатор, тайный советник.

82 Ныне рыцарская мыза в поселке Олуштере, уезд Вильяндимаа, Эстония.

Как в студенческие годы, так и позже я иногда навещал в Дрездене прекрасную графиню; там же я несколько раз видел и графа в его последние годы жизни, правда, его здоровье было уже порядком расшатано. Недавно, осенью 1908 года в Дрездене скончалась и графиня, и с ней навсегда ушла часть интересного прошлого.

Другими желанными гостями в нашем доме были барон Андрей Розен⁸³, к фигуре которого я вынужден буду вернуться при описании окружения моей бабушки Елены; генерал-адъютант барон Ливен⁸⁴; генерал-адъютант (впоследствии граф) Тотлебен⁸⁵, герой Севастополя и Плевны; генерал-адъютант Глинка-Маврин⁸⁶, помощник моего отца в должности инспектора стрелковых батальонов, а также его очень полная, но остроумная жена; граф Константин Иванович Пален⁸⁷, на тот момент министр юстиции, с его любезной женой, и граф Александр Кейзерлинг⁸⁸, попечитель университета и учебного округа Дерпта.

Из этой группы две фигуры имеют европейскую славу. Генерал Тотлебен весьма знаменит как инженер-генерал, участвовавший в обороне Севастополя и взятии Плевны, а его биография довольно подробно описана его адъютантом Шильдером. Однако я все же хочу сейчас упомянуть о том, что его личность уже в мои детские годы производила на меня большое впечатление; и я, когда Тотлебена приглашали к моим родителям, всегда с огромным интересом слушал его рассказы о Крымской войне, так же как и всегда относился с глубоким почтением к его более поздним военным суждениям. Позднее он по-дружески откликнулся на просьбу моей матери о высшем руководстве моим военным обучением, и я и по сей день вспоминаю о нем с благодарностью и уважением.

Другая фигура, граф Александр Кейзерлинг, был крупным натуралистом. Сейчас, оценивая его дарование, он кажется мне настоящим философом в области природы, что проявляется во всех его исследованиях и мыслях, особенно если прочесть мемуары, изданные его дочерью баронессой Еленой Таубе⁸⁹. Он был добрым другом моей бабушки Елены, с которым в трудные времена она поддерживала тесную связь, а моя мать еще с юности знала его и, как и отец, любила и ценила. Даже несмотря на то что я никогда с ним не был близко знаком, все же хорошо помню этого удивительного, знаменитого господина, с его умным, гладко выбритым, круглым лицом, седыми волосами и невысокой, поджарой, слегка согбенной фигурой. Все его существо сейчас мне представляется чем-то исследующим

- 83 Розен Андрей Федорович, барон (1803–1879) – действительный статский советник, в 1847 г. пожалован в звание камергера высочайшего двора с повелением состоять при великой княгине Елене Павловне, обер-гофмейстер.
- 84 Ливен Вильгельм Карлович, барон (1800–1880) – русский государственный деятель, генерал от инфантерии, генерал-адъютант.
- 85 Тотлебен Эдуард Иванович, граф (1818–1884) – русский военачальник, знаменитый военный инженер, генерал-адъютант, инженер-генерал.
- 86 Глинка-Маврин Борис Григорьевич (1810–1895) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии, командующий войсками Казанского военного округа, начальник штаба инспектора стрелковых батальонов герцога Георга Августа Мекленбург-Стрелицкого, автор книги о своем шефе, отце герцога Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого: «Служебная деятельность в России Его Великогерцогского Высочества герцога Георгия Мекленбург-Стрелицкого» (СПб., 1877).
- 87 Пален Константин Иванович, граф (1830–1912) – действительный тайный советник, русский государственный деятель, псковский губернатор, активный проводник Александровских реформ, министр юстиции, член Госсовета.
- 88 Кейзерлинг Александр Андреевич, граф (1815–1891) – российский естествоиспытатель, член-корреспондент Российской Академии наук, чиновник и общественный деятель, гофмейстер, Эстляндский губернский предводитель дворянства, попечитель Дерптского университета.
- 89 Таубе Елена Александровна, баронесса (1845 – после 1902) – дочь графа Кейзерлинга, замужем за бароном Отто фон Таубе, крестница великой княгини Елены Павловны, фрейлина императорского двора, часто сопровождала отца в его поездках за границу. Издала дневники отца в двух томах, дополнив их собственными воспоминаниями: «Graf Alexander Keyserling: ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern» (1902).

и наблюдающим, но в то же время он был доброжелательным и снисходительно умным человеком. Обо мне он пишет в своем письме из Ораниенбаума к своей дочери несколько саркастичным, но все-таки доброжелательным тоном: «старший принц говорит так медленно и отчетливо, как будто останавливается некий диковинный часовой механизм; он бледен, хил и красен лицом».

В ряду прибалтийцев и русских немцев следует упомянуть еще двоих врачей: доктора Шмидта⁹⁰ и доктора Раухфуса⁹¹.

Доктор Шмидт был профессиональным гинекологом, но также какое-то время лечил и детей. В Петербурге он был очень авторитетной и уважаемой фигурой и заведовал одной из крупнейших императорских гинекологических клиник. Это был пожилой приветливый мужчина с белоснежными волосами и гладко выбритым лицом, его лучистое улыбающееся выражение лица придавало ему нечто детское, даже младенческое, так что на тот момент великая княгиня Александра Иосифовна, которая, как и большинство великокняжеских дам, была его пациенткой, дала ему прозвище «Пипсмими».

Другой врач, доктор Карл Раухфус, всегда был необычайно и многосторонне одаренным человеком, который, будучи частным детским врачом, приобрел европейскую славу. Зимой 1864–1865 годов он, молодой врач, был приглашен к постели моего больного, тогда еще годовалого брата⁹² и с тех пор стал для всех нас настоящим другом семьи, который, слава Богу, и сейчас является частью нашего круга. Многосторонность его интересов и его по-юношески живое увлечение всем, что его на данный момент интересовало, делали его приятным собеседником. Этому также способствовали его отличное образование и высокий уровень культуры, который позволил ему прославиться и в Европе. Он знал большинство европейских знаменитостей в области медицины, бывал на многочисленных медицинских и естественно-научных конгрессах и таким образом всегда был в курсе как научных дел, так и личных отношений между деятелями науки. Внешне и по характеру Раухфус был любезным и доброжелательным человеком, что очень скоро как сыграло свою роль во врачебной практике, так и поспособствовало приятности общения в отношениях с пациентами и коллегами по медицине. Ко всему этому он чрезвычайно любил изящные искусства, музыку и литературу, в особенности последние, так что он не мог пропустить ни одной драматической постановки, литературного чтения или музыкального вечера в нашем доме. В молодости в его внешности проглядывали еврейские черты: невысокого роста, круглая смышленная голова с умным лбом; круглое, чисто выбритое лицо; дружелюбный, но несколько сверлящий взгляд; черные курчавые, не очень густые волосы — он, конечно, тогда немного походил на еврейского юношу, однако позже от этого не осталось и следа.

Когда в 1869 году к юбилею принца Петра Ольденбургского⁹³ должны были построить новую детскую больницу, Раухфус был избран ее директором и с удовлетворением возглавил один из современнейших детских госпиталей того периода. И лишь в прошлом году, отпраздновав 50-й юбилей своей трудовой деятельности, он оставил эту должность (1908).

Засим закончу описание ранее упомянутой группы особ и обращу свое внимание к другой личности, лучшей подруге моей матери, а также назову еще четырех почтенных дам,

90 Шмидт Яков Яковлевич (1809–1891) — тайный советник, ведущий гинеколог второй половины XIX в., доктор медицины, лейб-акушер, тайный советник, директор родовспомогательного заведения Петербургского воспитательного дома.

91 Раухфус Карл Андреевич (1835–1915) — один из первых педиатров России, доктор медицины, действительный статский советник, лейб-педиатр императорского двора, главный врач детских учреждений, основанных великой княгиней Екатериной Михайловной (матерью автора) в Ораниенбауме.

92 Михаил Георгиевич, герцог Мекленбург-Стрелицкий (1863–1934).

93 Петр Георгиевич, принц Ольденбургский (1812–1881) — член младшей ветви династии Романовых, российский военный и государственный деятель, благотворитель. Речь идет о детской больнице принца Петра Ольденбургского на Лиговском проспекте, переименованной в 1919 г. в Больницу имени Раухфуса.

с которыми моя мать с юности была особенно близка: княжну Екатерину Владимировну Львову, генеральшу Елизавету Александровну Яфимович, Анну Давидовну Баратынскую и мадемуазель Труба.

Первая из них, княжна Львова⁹⁴, была радушной, пускай и не самой образованной, но благовоспитанной пожилой дамой, убеленной сединами и покрытой россыпью морщин; невысокая, с пергаментной кожей и несколько застывшим выражением лица, с неизменным чепцом на голове и белоснежными локонами на висках, она была очень похожа на фарфоровую куклу. Родом она была из Москвы — бабушка обычно предпочитала составлять свое ближайшее окружение из москвичей — и появилась при дворе моей бабушки уже зрелой девушкой (если не сказать старой девой). Так как она была не замужем, но все же была у моей бабушки обер-гофмейстершей, то носила звание камер-фрейлины (придворной дамы). Хотя я не думаю, что бабушка находила большое удовольствие и интерес в общении с ней (так как я редко или вовсе никогда не видел ее у своей госпожи по личным делам), однако бабушка весьма высоко ее ценила: княжна была ей предана, надежна, скромна, безропотно послушна и услужлива. Моя мать, напротив, была с ней очень дружна, она относилась к ней, пожалуй, как дочь к матери, что, вероятно, не очень нравилось моей бабушке. В целом княжна Львова была очень приветливой ко всем, доброжелательной женщиной, которая редко причиняла кому-то зло, но и выдающейся личностью ее никак не назовешь.

О другой близкой подруге моей матери, госпоже Яфимович⁹⁵, пожалуй, нечего и сказать. Она, вероятно, обладала теми же чертами характера, что и княжна Львова, однако была проворней и завистливей (главным образом, по отношению к высокопоставленным и могущественным особам); кроме того, ее французский отличался необыкновенно торопливым и вульгарным выговором, над которым время от времени очень потешались. В девичестве Мамонова, она была родом из Москвы и вместе со своей сестрой прибыла ко двору моей бабушки, где позже, в 40-х годах прошлого столетия, вышла замуж за полковника артиллерии и спустя год пребывания в российской глубинке и на Кавказе вернулась в Петербург, где ее муж стал генерал-адъютантом. Она страстно любила бабушку, маму и нас, детей, а мы отвечали ей взаимностью.

Большой интерес представляет третья из дам, упомянутых выше, а именно госпожа Баратынская, урожденная княгиня Абамелек⁹⁶, армянка по национальности. Несмотря на забавные черты ее характера, коих было немало, она обладала высоким уровнем культуры, ибо была очень начитанна, кроме русского, говорила на нескольких языках, в том числе французском, английском и даже немецком, была вовсе не лишена талантов: неплохо переводила стихотворения русских классиков на английский язык, а также немецкие произведения на русский. Кроме того, она была довольно приятной собеседницей, ибо всегда была открыта для общения. Правда, кроме истинной страсти быть всегда в лучах милости высочайших особ, ее маленькие слабости заключались по большей части в показном поведении, в особенности когда она говорила по-русски и по-французски, в манере говорить тягуче и нараспев. Наверное, многие в Петербурге до сих пор вспоминают ее «qu-ellebê-tise!» («какая глупость») или «so-mmeçestbê-te!» («каак глупо!»). Однако к императорскому двору она была ближе, чем остальные три дамы, вдобавок у нее имелись связи и с чужеземными дворами, с которыми она всячески поддерживала отношения — например, с баденскими

94 Львова Екатерина Владимировна, княжна (1807–1880) — камер-фрейлина великой княгини Елены Павловны, старшая сестра цензора Владимира Владимировича Львова.

95 Яфимович Елизавета Александровна, урожденная Дмитриева-Мамонова (1818–1907) — фрейлина великой княгини Елены Павловны, супруга генерала от артиллерии Владимира Матвеевича Яфимовича, двоюродная бабушка со стороны матери Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой, оставившей воспоминания о почитании бабушкой памяти великой княгини.

96 Баратынская Анна Давидовна, княгиня, урожденная Абамелек (1814–1889) — образованнейшая дама своего времени, знала шесть иностранных языков, талантливая поэтесса-переводчица, фрейлина великой княгини Елены Павловны.

знатными особами, а также с немецкой императрицей Августой⁹⁷, которой она часто носила визиты в Баден-Бадене. Мы, дети, не испытывали особой симпатии по отношению к этой пожилой даме и подмечали лишь забавные стороны ее характера. Поскольку ее муж-генерал был губернатором Казани и она несколько лет прожила там, в обществе, намекая на икону, ее порой в шутку называли «Казанская Богоматерь».

А теперь я хочу упомянуть «last not least» (последнюю по счету, но не по важности) из дам — мадам Анжелику Труба⁹⁸, воспитательницу матери и ее сестер, несомненно, наиболее значительную и образованную из уже названных мною дам. Она была, как правильно отметил в своих мемуарах господин Грюневальд, «настоящей француженкой в хорошем смысле слова», типичной женщиной 1830-х и 1840-х годов прошлого столетия. «Очень умна, изысканна, степенна, оживлена в беседе, приобрела влияние над всеми императорскими высочествами, высказывала суждения, которые действительно заслуживали внимания». К этой верной характеристике я бы еще хотел добавить, что она была очень небольшого роста и в ином случае могла бы иметь довольно комичную наружность, если бы не ее умное, четко очерченное лицо с глубоко посаженными, темными, интеллигентными и в то же время доброжелательными глазами, которое придавало ей крайне любопытную особенность, ибо выражением лица она очень походила на интеллигентного католического священника. В ее волосах уже появилась седина, однако все еще проглядывали каштановые пряди, когда-то полностью покрывавшие ее голову, которые теперь, зачесанные на пробор, как у княжны Львовой, на висках локонами выбивались из-под чепца. Она получила хорошее воспитание, была превосходно образована, очень начитанна и умственно развита. В отличие от большинства француженок ее времени, кроме французского, она владела и другими языками: немецким, английским, итальянским, а также читала литературу соответствующих стран на языке оригинала. Несмотря на ее тугоухость, которая немного затрудняла общение с ней, она всегда держалась изящно, любезно и доброжелательно.

Когда она завершила воспитание моей матери и ее сестер, ей пришла в голову довольно странная мысль основать в Петербурге пансион для девочек по французскому образцу того времени, в пользу которого ей удалось заинтересовать великую княгиню Елену Павловну, и та каждый год направляла ей субсидии. В этом пансионе, который она назвала Атенеумом, были не классы, а отдельные курсы: они вовсе не были обязательными для всех учениц и, как и в университете, могли выбираться по желанию. Конечно, в таком способе обучения, пожалуй, не было строгой системы по отношению к общему образованию, все это было лишь сырым проектом, к тому же занятиям, которые по многим предметам велись на французском языке, не хватало хороших преподавателей (например, по математике, естествознанию, общей истории, географии). Министерство образования было прекрасно осведомлено об этом недостатке и не признавало прав за пансионом, этот Атенеум был бы давно уже закрыт, если бы не высокая протекция моей бабушки, которая помогла закрыть глаза министерства на это упущение, и так со временем Атенеум стал приютом и учебным заведением для юных, особенно знатных юных особ, которые не слишком преуспевали в других школах. Всему обучению была присуща некоторая поверхностность; если взглянуть на предметы, которые значатся в учебном плане, то, среди прочих, можно увидеть историю развития народов, эстетику, историю искусств и тому подобные дисциплины, то есть предметы, которые обычно изучаются лишь в университете, а в пансионе должны были быть приспособлены для юных дам. Моя сестра нередко посещала пансион и среди его воспитанниц завела несколько подруг детства; меня тоже нередко брали в пансион, где я вместе с сестрой какое-то время ходил на занятия по сольфеджио, которое, тоже на французском

97 Августа, германская императрица и королева Пруссии (1811–1890) — супруга Вильгельма I, внучка российского императора Павла I по материнской линии.

98 Анжелика Осиповна Труба (1808–1886) — воспитательница детей великой княгини Елены Павловны, по ее приглашению приехавшая в Россию из Франции, основательница высших курсов, а затем — частного пансиона для девочек в Петербурге, который находился под патронатом великой княгини.

языке, преподавала французенка мадам Дешайе⁹⁹. С этим пансионом позже будет связан мой первый урок музыки, к которому я еще позднее вернусь.

Теперь я перейду к следующей группе друзей и знакомых нашей семьи — русских по происхождению — в первую очередь я назову князя Сергея Николаевича Урусова¹⁰⁰. Это выдающийся и необычайный человек на тот момент был главой II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, отдела по законопроектам. Он частенько бывал у моих родителей, очень часто обедал у нас и, несомненно, был одним из любезнейших и интереснейших собеседников, которых только можно пожелать. Он получил превосходное образование, прочел множество книг, был хорошим юристом, весьма полезным в делах. Невысокого роста, с маленькой, черноволосой, круглой головкой, чисто выбритым лицом и умными, колючими и в то же время доброжелательными глазами, с очками на длинном, остром носу — он походил на умного католического священника. Он был очень живым и любезным человеком, прекрасно знал свет, в диалоге его речь пестрила приятными провокациями, а его рассказы были поистине неисчерпаемыми. Он был женат на даме¹⁰¹, с которой он жил в бездетном браке; однако княгиня редко или вовсе не выходила в свет, и я с трудом припоминаю, видел ли ее в нашем доме. Моя бабушка также высоко ценила князя и, как несложно догадаться, он, несомненно, входил в ее круг. Частым и желанным гостем был также породнившийся с князем Урусовым князь Дмитрий Александрович Оболенский¹⁰².

99 Дешайе — первая учительница герцога по игре на фортепиано. Она обучала девочек в пансионе мадам Труба, находившемся под покровительством великой княгини Елены Павловны. Одновременно мадам Дешайе давала уроки игры на фортепиано и сольфеджио Георгу и сумела привить ребенку любовь к музыке на всю жизнь, развить его музыкальный слух и память. Преподавала мадам Дешайе на французском языке.

100 Урусов Сергей Николаевич, князь (1816–1883) — действительный тайный советник, сенатор, статс-секретарь, последний главноуправляющий Вторым отделением, министр юстиции, член Госсовета.

101 Урусова Елизавета Петровна, княгиня, урожденная княжна Трубецкая (1825–1905).

102 Оболенский Дмитрий Александрович, князь (1822–1881) — государственный деятель эпохи «великих реформ», входил в круг реформаторов великой княгини Елены Павловны, действительный тайный советник, статс-секретарь. Женат на родной сестре княгини Е. П. Урусовой — Дарье Петровне, урожденной княжне Трубецкой (1823–1906).

► КОГДА МЫ ЖИЛИ ВО ДВОРЦЕ

ЧЕЧОТ ИРИНА ОЛЕГОВНА

Директор, Муниципальное казенное учреждение муниципального образования города Ломоносов «Информационный центр»

198412, Россия, Санкт-Петербург, Ломоносов,
Дворцовый пр, д.40

lomonosov-info@yandex.ru

В автобиографическом материале, написанном на основе воспоминаний детства, собраны ценные факты повседневной жизни сотрудников ФЦНИИ «Гидроприбор» и их семей, проживавших в служебных флигелях («галереях») Большого Меншиковского дворца в г. Ломоносове (Ораниенбауме) в 1950-х – начале 1970-х гг. Приводится описание квартир, топография Большого дворца, ставшего местом размещения научно-исследовательского института. Особый акцент сделан на специфике детской повседневности советской эпохи: быт детей, игры, прогулки, летний отдых, спортивные увлечения, учеба, отношения с родителями и друзьями. Подробно рассказывается о городке аттракционов в Верхнем парке Ораниенбаума. Упомянуты ценные подробности из истории советской повседневности и быта, а также утраченные и ныне существующие на территории города Ломоносова культурные объекты (памятник Ленину, собор и др.).

Когда мы собираемся с друзьями и начинаем вспоминать детство, то всегда начинаем наши воспоминания с фразы: «Когда мы жили во дворце...» К этому уже привыкли все наши родные, а маленькие дети всегда спрашивали: «Ты была принцесса, раз жила во дворце?»

Действительно, мы все родились во второй половине XX века во Большом Ораниенбаумском (Меншиковском) дворце — вернее, родились мы в Ломоносовском роддоме, который располагался недалеко, но с самого рождения жили в самом Большом дворце, по адресу: г. Ломоносов, ул. Верхний парк, д. 1, и меня с самого рождения возили по дорожкам нашего парка.

Мой отец Олег Константинович Чечот в 1952 году после окончания Ленинградского Политехнического института был направлен по распределению в закрытый Филиал НИИ-400, (в дальнейшем — Филиал ЦНИИ «Гидроприбор», позднее переименованный в НИИ «Мортеплотехника»), располагавшийся тогда во Большом Меншиковском дворце. А в 1956 году к нему переехали его мать и жена, в будущем моя мама. Им дали две смежных комнаты в квартире в центре западной галереи, в той же квартире находилась еще одна семья.

В начале 1960-х годов в Ломоносовском филиале работали высококвалифицированные специалисты, создававшие специальные изделия — торпеды. «Но сотрудники института занимались не только наукой, они жили активно, дружно и счастливо, потому что были молоды и жили в одном Парадном дворе — во Фрейлинском и Кухонном флигелях. Юмор, молодость, общность интересов царили и во дворе, и в рабочих кабинетах», — так описывается это время в книгах «60 лет разработок торпедного оружия», изданных НИИ «Мортеплотехника».

Молодые инженеры обзаводились семьями, дружили, и дети продолжили эту прекрасную традицию. Семейным предоставляли комнаты в квартирах во Фрейлинском и Кухонном флигелях, а одинокие жили в общежитиях — там же, на галереях. Родители, в основном,

► WHEN WE LIVED IN THE PALACE

CHECHOT IRINA OLEGOVNA

Director, the Municipal State Institution of the Municipality of Lomonosov "Information Center"

40, Dvorcoviy pr, Lomonosov, St. Petersburg,
198412, Russia

lomonosov-info@yandex.ru

The autobiographical material, written on the basis of childhood memories, contains valuable facts of the daily life of employees of the Federal Research Institute "Gidropribor" and their families who lived in office wings ("galleries") The Great Menshikov Palace in Lomonosov (Oranienbaum) in the 1950s – early 1970s. The description of the apartments and the topography of the Grand Palace, which became the location of the research Institute, are given. Special emphasis is placed on the specifics of children's everyday life of the Soviet era: children's life, games, walks, summer vacations, sports hobbies, studies, relationships with parents and friends. It tells in detail about the amusement park in the Upper Park of Oranienbaum. Valuable details from the history of Soviet everyday life and everyday life are mentioned, as well as cultural objects that have been lost and now exist on the territory of the city of Lomonosov (Lenin monument, cathedral, etc.).

отцы, работали как мы называли, в башнях — Японском и Церковном павильонах, тогда еще разделенных на два этажа, и на обед приходили домой, часто даже не надевая пальто! За нашей западной галереей находился хозяйственный двор с котельной и специальными постройками.

Мы жили в парке, а магазины и рынок тогда располагались в нижней части города. Сравнивая с сегодняшним временем, можно сказать, что это был прекрасный летний дачный отдых. Дач тогда еще ни у кого не было, поэтому многие вдоль галерей устраивали клумбы с цветами, на восточной галерее кто-то даже сажал клубнику. В выходные у дверей стояли шезлонги, и там отдыхали и дети, и взрослые.

Чтобы пригласить приезжих гостей или родственников (даже из Ленинграда), приходилось писать заявку и относить ее на вахту. Родители могли не беспокоиться, отпуская детей во двор. Дворец был закрытой охраняемой территорией, поэтому дети гуляли совершенно свободно во дворе — их же охраняла военизированная охрана.

Мы ходили гулять в парк, на аттракционы, которые располагались на высоком берегу Карасты, недалеко от Большого Меншиковского дворца. Там было очень много разных аттракционов: карусели, качели-лодки, «Ромашка», «Самолеты» и другие. Нам нравилась детская карусель, нужно было быстрее всех забежать и занять место верхом на коне или олене, в крайнем случае на слоне или верблюде, а совсем опоздавшие садились в телеги или сани. Очень нравились павильоны «Кривое зеркало» и «Чертовое колесо». В «Кривом зеркале» все хохотали, увидев себя толстыми, тонкими или кривыми, а на «Чертовом колесе» все садились в центр круга плотно, кружком, одетые в рабочие взрослые синие халаты, на паркетном или линолеумном, очень скользком полу, «круг» раскручивался, дети и взрослые начинали «отлетать» по краям — бортики были обиты бархатом. Кто остался сидеть в центре последний — тот и победил. Позже, когда аттракцион «Чертовое колесо» закрылся, в этом павильоне выдавали инвентарь — финские сани и лыжи. Позднее зимний прокат переместился в Каталную горку.

Главными праздниками тогда были 1 мая, 7 ноября и Новый год. Встретив Новый год дома, отправлялись в гости к соседям, иногда и на другую галерею. Многие события праздновались коллективно. Демонстрации, дни рождения взрослых и детей, удачные завершения испытаний в командировках собирали большие компании. Ежегодно 2 мая мы ходили на так называемые «маевки» — походы на речку Карасту. Дети играли в подвижные игры, футбол, устраивали «полосу препятствий»: переходили по бревну через речку, прыгали на скакалках, а потом с удовольствием ели вместе со взрослыми, сидя у костра. Мои родители устраивали нам прекрасные дни рождения: это были веселые детские праздники с совместными играми, викторинами и призами, которые сами дети срезали с веревочки. Приходили на дни рождения и те, кого приглашали, и их разновозрастные друзья и соседи из соседних квартир — без приглашения.

Кстати, и в командировки летом мы ездили вместе с родителями на Черное море, в пос. Орджоникидзе под Феодосией, где испытывались изделия (теперь уже можно сказать, что это были торпеды), которые инженеры проектировали в Ломоносове. И наша детская дружба продолжалась летом, на море!

Мой папа занимал должность начальника сектора гидроаэродинамики, был кандидатом технических наук, и в 1964 году мои родители купили в кредит автомобиль «Волгу». Собственная машина была редкостью по тем временам. Наша «Волга» гордо стояла во дворе. В первые дни папа катал по двору всех желающих. Однажды зимой, когда родители были на работе, мы с друзьями чистили с нее снег лопатами, забравшись на крышу. Помню, нам потом за это сильно попало! Мы часто ездили на машине с соседями в лес — на рыбалку, за грибами, а потом и в путешествия по стране.

На нашей западной галерее играли в классики — скакали прямо на плитах галереи, рисовали только цифры на «классах» и «котел» (на восточной галерее плиты располагались под углом и скакать было неудобно), а битой была баночка из-под гуталина или фотопленки.

Все родители были заядлые фотолюбители, а мой папа — и кинолюбитель, поэтому у нас в семье сохранилось много фотографий и кинопленок того периода.

В первый класс нас провожали друзья-соседи. Цветы в букет — ромашки, георгины, флоксы — собирали прямо с клумбы.

В центре двора тогда располагалась, как мы ее называли, клумба, но это была просто большая круглая полянка, на которой, как и везде во дворе, росла трава, а от нее шли радиальные дорожки, по которым мы и учились кататься на велосипедах. Причем сначала были трехколесные детские, а потом сразу взрослые, мы так и катались, стоя, чтобы доставать до педалей или располагаясь под рамой.

На галереях у каждой квартиры стояли сундуки — большие ящики, где семьи хранили какие-то вещи. Помню, у начальника охраны, который жил в конце восточной галереи, под окнами стояли клетки для кроликов, и летом он косил траву для них; мы, дети, прыгали в эти стога сена и прятались от него, а он все время нас гонял. Кстати, холодильники, наверно, появились позже или были маленькие — помню, что продукты зимой висели в сетках-авоськах за окном и часто становились добычей котов. По выходным все ходили в баню. Ванна была только у одних наших соседей, но в ней почему-то не мылись — то ли титанов не было, то ли дров для них — и в их ванне помню замоченные грибы. И кухни у нашей семьи как таковой не было: было пространство, отгороженное в коридоре шкафом, и там стоял стол и на нем керогаз, а позже маленькая газовая плитка, на которых готовили еду. За керосином ходили на рынок в сохранившееся и сейчас здание керосиновой лавки, а за газом с маленькими пятилитровыми баллонами мы, уже подростки, ходили сами. Обмен газовыми баллонами располагался в маленьком домике-караулке рядом с памятником Ленину, напротив церкви, в которой тогда был склад. Помню, зимой с подружкой пошли с санками, на которых стоял пустой газовый баллон и бидон для молока — молочный магазин располагался через дорогу. Мы так и поехали обратно — бидон и баллон на санках — и, конечно же, молоко разлилось!

Зимой мы выходили из ворот дворца и спускались по склону сразу на Нижний пруд кататься на коньках. Дети во дворе катались на лыжах, сами строили ледяную горку и катались на ней. Во дворе было много построек: гараж, склад горюче-смазочных материалов, с крыши которого мы любили прыгать, играя в «двенадцать палочек». В отдельно стоящем двухэтажном здании недалеко от центрального входа находился медпункт, где оказывали медицинскую помощь сотрудникам и их семьям. Однажды и мне там оказали медицинскую помощь, когда я в детстве обожгла руку кипятком. В 1980-е годы в этом сооружении располагалась научно-техническая библиотека.

Для маленьких детей во дворе была детская песочница, для взрослых — волейбольная площадка, на которой зимой заливали каток и катались на коньках.

Во дворе росло много деревьев и кустарников — помню огромные кусты сирени и черемухи, что позволяло отлично прятаться во время игр во дворе. Мы росли здоровыми и физически развитыми, учились лазить во дворе по деревьям, бегали и играли, громко кричали — это никому не мешало! — далеко бросали палки и мячи, не боясь разбить окно, стреляли из лука.

Детей было очень много, часто играли «галерея» на «галерею», и в каждой команде было по 10–15 человек. Детство запомнилось коллективными играми в штандер, казаки-разбойники, прятки, «двенадцать палочек». В дочки-матери играли в основном девочки, и единственный мальчик, который с нами играл, у нас был не «папа» (они подолгу были в командировках), а играл роль кошечки или собачки.

Вообще дети были самостоятельными. С южной стороны у дворца была ограда, через нее невозможно было пролезть взрослому, но дети... Как говорил наш старший товарищ Саша Попов, главное — чтобы пролезла голова. Зимой он командовал: «Снимайте шубы и шапки», — мы снимали, пролезали через прутья ограды, одевались снова и шли гулять в парк — кататься на коньках или просто на ногах по льду Карпиева пруда. А под воротами

легко было пролезть, что мы и сделали с подружкой в четыре года и ушли на карусели, которые располагались тут же недалеко в парке. Пришлось родителям поволноваться!

В 1969 году в нашем в парке снимали кино «Белый флюгер», и какое-то время во дворе стояла карета, в которой все фотографировались и играли после школы.

В конце 1960-х годов, когда нам было по девять-десять лет, во многих семьях появились младшие братья и сестры, и мы, старшие, ходили на молочную кухню за смесями, гуляли кругами по двору сначала с колясками своих сестер и братьев, а потом брали их в свои игры.

В школу мы ходили одни и часто учились во вторую смену, и это было совершенно нормально, что дети вторых-третьих классов шли осенью и зимой вечером одни через парк в школу и их никто не провожал.

В 1970-х годах сотрудиникам стали предоставлять новые квартиры в отстроенных филиальских домах, в 1971 году жильцы с нашей западной галереи переехали в новый дом, а в 1974 году переехали и жильцы с восточной галереи. Дворец полностью отдали ФЦНИИ «Гидроприбор».

Я, как и многие из «филиальских» детей, закончила Ленинградский кораблестроительный институт и в 1981 году по распределению пришла работать сюда инженером, и проработала 15 лет, в разных отделах на обеих галереях. Была и в конструкторских бюро в Японском и Церковном павильонах (на втором этаже ныне Церковного павильона тогда был актовый зал, где у нас проходили собрания), а позже работала в секторе вычислительной техники, в своей «бывшей квартире» № 30 в середине нашей западной галереи. Поэтому так дорог мне наш дворец! И моим начальником сектора был доктор технических наук Юрий Максимович Красных, который в детстве фотографировался со мной в карете на месте кучера. И директор, и главный инженер, и главный конструктор, и все начальники отделов, с которыми я работала потом, были отцами моих подруг и друзей детства. И многие, как и мой отец, проработали более 50 лет и всю свою жизнь отдали нашему Филиалу!

Я обожаю наш парк, могу ходить туда бесконечно. У нас дома сохранилось очень много фотографий парка тех времен.

Мои друзья — как нас называли взрослые, «дворцовские» дети. Мы вместе ходили в детский сад, в школу, с некоторыми в институт. Наша детская дружба продолжается и сейчас. Мы каждый год вместе ходим гулять в парк, в «наш» дворец, вместе вспоминаем смешные истории, кто где жил, в какие игры мы играли... У нас было поистине счастливое детство. Детство во Дворце.

1 Олег Константинович Чечот
возле Западной галереи
Большого Меншиковского дворца
1957
Личный архив И. О. Чечот

2 Лидия Иосифовна
и Зинаида Михайловна Чечот
возле Западной галереи
Большого Меншиковского дворца
1957
Личный архив И. О. Чечот

3 Зинаида Михайловна Чечот чистит ковер
во дворе Большого Меншиковского дворца
1957
Личный архив И. О. Чечот

4 Прогулка Ирины Олеговны
и Зинаиды Михайловны
с соседями Поповыми
1959
Личный архив И. О. Чечот

5 Ирина Олеговна Чечот
1960
Личный архив И. О. Чечот

6 Дети в карете
у Большого Меншиковского дворца
1969
Личный архив И. О. Чечот

XIII

СБОРНИК СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**ДЕТСТВО
ВО ДВОРЦЕ**

Издания ГМЗ «Петергоф»

Сборники статей научно-практических конференций и другие издания
ГМЗ «Петергоф» доступны на официальном сайте www.peterhofmuseum.ru

Редакционно-издательский отдел ГМЗ «Петергоф»:
publish@peterhofmuseum.ru

В своей редакционной политике ГМЗ «Петергоф»
придерживается признанных стандартов издательской этики и следует рекомендациям
международного Комитета публикационной этики (COPE).

Авторы статей несут ответственность за новизну и достоверность результатов научного
исследования, перевод, точность приведенных фактов, цитат и собственных имен.

Точка зрения ГМЗ «Петергоф» может не совпадать с мнением авторов статей.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ПЕТЕРГОФ»
198516, Санкт-Петербург, Петергоф, ул. Разводная, д.2
Телефон: +7 (812) 450–52–87
E-mail: samson@peterhofmuseum.ru
www.peterhofmuseum.ru

Издания ГМЗ «Петергоф»

9 785915 980708